истинная сущность любви

Английская поэзия эпохи
королевы Виктории

перевод Александра Лукьянова

Истинная сущность любви: Английская поэзия эпохи королевы Виктории

Уильям Блейк, Уильям Вордсворт, Сэмюэль Кольридж, Роберт Саути, Перси Биши Шелли, Джордж Гордон Байрон, Джон Китс, Вальтер Скотт, Томас Джозеф Мур, Уолтер Сэвидж Лэндор, Ли Хант, Томас Лав Пикок, Фелиция Доротея Хеманс, Джон Клэр, Хартли Кольридж, Джозайя Кондер, Томас Гуд, Шарлотта Бронте, Эмилия Бронте, Энн Бронте, Эдвард Джордж Бульвер-Литтон, Эдвард Фитцджеральд, Роберт Браунинг, Элизабет Баррет Браунинг, Альфред Теннисон, Мэтью Арнольд, Аделаида Энн Проктер, Артур Хью Клаф, Чарльз Кингсли, Данте Габриэль Россетти, Уильям художник Моррис, Джордж Мере-

дит, Алджернон Чарлз Суинберн, Кристина Джорджина Россетти, Ричард Уотсон Диксон, Ковентри Патмор, Джерард Мэнли Хопкинс, Остин Добсон, Эдмунд Уильям Госс, Эндрю Лэнг, Роберт Бриджес, Эрнест Майерс, Майкл Филд, Элис Мейнелл, Мэри Элизабет Кольридж, Оскар Уайльд, Альфред Дуглас, Эрнест Даусон, Томас Гарди, Редьярд Джозеф Киплинг, Артур Конан Дойл, Фрэнсис Уильям Бурдийон, Альфред Эдуард Хаусмен, Уильям Батлер Йейтс, Ричард Миддлтон, Альфред Нойес

Аннотация
Истинная сущность любви: Английская поэзия эпохи королевы Виктории
Золотой век поэзии Англии: от романтизма к декадансу
Романтизм
Викторианский период
Уильям Блейк. (1757–1827)

Из сборника «Песни опыта» (1794). Тигр
Уильям Вордсворт. (1770–1850)
Из сборника «Лирические баллады» (1798). Каторжник
Из сборника «Лирические баллады» (1800). Родник «Прыжок оленя»
Из «Стихотворений» в двух томах (1807)
Сонет, сочинённый на Вестминстерском мосту 3 сентября 1802 года
Жёлтые нарциссы
Восторга Призрак неземной
Когда я вспомнил то, что покорило…
Из «Стихотворений в 2-х томах» (1815)
Март
Сэмюэль Тейлор Кольридж. (1772–1834)
Строки о прекрасной весне в деревне
Из сборника «Лирические баллады» (1798)
Темница
Любовь
Первое появление любви
К молодой леди
Воспоминания о любви
Страсть
Роберт Саути. (1774–1843)
Ариста
О, Валентин

Порлок
VI. Распятый раб
Король Генрих V и отшельник из Дрё
Мои книги
Перси Биши Шелли. (1792–1822)
Философия любви
Странники мира
Доброй ночи
«Бежать от шумных городов…»
Из сборника «Посмертные стихотворения» (1824)
Воспоминание
Джордж Гордон лорд Байрон. (1788–1824)
Из сборника «Еврейские мелодии» (1815)
Идёт прекрасная, как ночь…
Душа мрачна моя!
Из сборника ««Шильонский узник» и другие стихотворения» (1816)
Сонет к Шильону
Из книги «Письма и дневники лорда Байрона» (1830)
«Не бродить тропою ровной…»
Послание к Августе
Из поэмы «Паризина» (1816)
1. Сумерки
Джон Китс. (1795–1823)

К ***
Сонет
К Фанни
Кузнечик и сверчок
Сэр Вальтер Скотт. (1771–1832)
Из журнала «The Edinburgh annual register» за 1808 год
Даме, преподнося ей цветы с римской стены
Из романа «Пертская красавица, или Валентинов день» (1828)
Песня весёлой девушки
Томас Мур. (1779–1852)
Из сборника «Поэтические произведения» (1840–1841)
Когда среди забавы
Уолтер Сэвидж Лэндор. (1775–1864)
Из сборника «Simonidea» (1806)
Роза Эймер
Из книги «Цитирование и изучение Уильяма Шекспира» (1834)
Плач девушки
Из «Произведений» У. С. Лэндора (1846)
«Твои слова, твои улыбки…»
«Ты помнишь ли меня? Или горда?…»
«Пусть рядом смерть шептаньем злобным…»
Ли Хант. (1784–1859)

Рондо
Томас Лав Пикок. (1785–1866)
Из сборника «Пальмира и другие стихотворения» (1806)
Прощание с Матильдой
Из журнала «La Belle assemblee: или привлекательное и модное собрание Белла» (Лондон, 1817)
Цветок Любви
Фелиция Доротея Хеманс. (1793–1835)
Из сборника «Национальная лирика и песни для музыки» (1834)
Последняя песнь Сапфо
Джон Клэр. (1793–1864)
Из книги Фредерика Мартина «Жизнь Джона Клэра» (Лондон, 1865)
Я скрыл свою любовь
Из сборника «Стихотворения, взятые, главным образом, из рукописей» (1820)
Первая любовь
Любовь не может умереть
Хартли Кольридж. (1796–1849)
Из литературного ежегодника Томаса Гуда «Гемма» (1829)
Песня
Из сборника «Стихотворения, песни и сонеты» (1833)

Сонет VII
Джозайя Кондер. (1789–1855)
Из «Лондонского журнала», т. 8 (1823)
Времена года
Томас Гуд. (1799–1845)
Из сборника «Призыв фей в середине лета, Геро и Леандр, Лик и кентавр и другие стихотворения» (1827)
Тишина
Сонет
Из книги «Произведения Томаса Гуда, комические и серьёзные, в прозе и стихах», т. 3, (Лондон 1862)
Нет!
Эмили Бронтё. (1818–1848)
Из сборника «Стихотворения Каррера, Эллиса и Эктона Беллов» (1846)
«Листопад; цветы – как тень…»
Из рукописи (ноябрь 1837 года)
«Сгущается сумрак ночи…»
Любовь и дружба
Защити меня
Шарлотта Бронтё. (1816–1855)
Вечернее утешение
На смерть сестры Энн Бронтё
Энн Бронтё. (1820–1849)

Из книги «Стихотворения Бронтё» (1915)
Ночь
Призыв
Воспоминание
Эдвард Бульвер-Литтон. (1803–1873)
Север и Юг
Знание и мудрость
Некромантия
Вздох
Эдвард Фитцджеральд. (1809–1883)
Конец рыцарства
Роберт Браунинг. (1812–1889)
Из январского номера журнала «Monthly Repository» (1836)
Любовник Порфирии
Из сборника «Драматические романсы и лирика» (1845)
Ночная встреча
В гондоле
Потерянная возлюбленная
Из сборника Мужчина и женщина» (1855)
Жизнь в Любви
Любовь в Жизни
Милашка
Последние слова женщины
Из сборника «Драматические персоны» (1864)

Среди скал
Лик
Элизабет Баррет Браунинг. (1806–1861)
Из сборника «Стихотворения» (1844)
К Флэшу, моей собаке
Из сборника «Сонеты с португальского» (1850)
Сонет 43
Из сборника «Стихотворения» (1850)
Любовь
Альфред, лорд Теннисон. (1809–1892)
Из сборника «Стихотворения» (1842)
Прощание
Леди из Шалота
Из сборника «Стихотворения Альфреда Теннисона» (1851)
Орёл
Мэтью Арнольд. (1822–1888)
Из сборника «Стихотворения Мэтью Арнольда: новое издание» (1853)
Requiescat
Сильное желание
Из сборника «Стихотворения Мэтью Арнольда: третье издание» (1857)
Одиночество: к Маргарите
Из сборника «Стихотворения Мэтью Арнольда: третье издание» (1857)

К Маргарите: продолжение
Аделаида Энн Проктер. (1825–1864)
Из сборника «Легенды и лирика: книга стихотворений» (1858)
Вопрос женщины
Символ любви
Артур Хью Клаф. (1819–1861)
Из сборника «Амбареалиа» (1849)
Любовь, не обязанность
Чарльз Кингели. (1819–1875)
Из сборника «Андромеда и другие стихотворения» (1858)
Сапфо
Прощай
Из книги «Дети воды, волшебная сказка для земных детей» (1863)
Юность и старость
Данте Габриэль Россетти. (1828–1882)
Из сборника «Стихотворения» (1870)
Лесной молочай
Из цикла «Дом жизни» (1881)
Сонет 19 – Тихий полдень
Сонет 22 – Приют сердца
Уильям Моррис. (1834–1896)
Из сборника «Защита Гвиневеры и другие стихотворения» (1858)

Золотые крылья
Старая любовь
Из поэмы «Жизнь и смерть Ясона» (1867)
Песня Нимфы, обращенная к Гиласу
Из сборника «Стихи в своё время» (1891)
Время сбора колосьев Любви
Джордж Мередит. (1828–1909)
Из сборника «Стихотворения» (1851)
Песня
Из книги «Современная любовь» (1862)
Современная любовь: 1
Ветер на лире
Лесная панихида
Их сборника «Собрание стихотворений» (1912)
«Да, Любовь – богиня…»
Радость мгновенна
Алджернон Чарльз Суинбёрн. (1837–1909)
Из сборника «Стихотворения и баллады» (1866)
Laus Veneris
Анактория
Гермафродит
Фраголетта
Anima anceps
Камея
В стиле рококо
Перед зеркалом. (стихи, написанные рядом с

картиной)
Эротия
Долорес. (Notre-Dame des Sept Douleurs)
Сад Прозерпины
Мэй Джанет. (бретонская баллада)
Клеопатра
Кристина Россетти. (1830–1894)
Из сборника «Рынок Гоблинов и другие стихотворения» (1862)
Фата Моргана
Помни
Когда умру, любимый
День рождения
После смерти
Из сборника «Развитие принца и другие стихотворения» (1866)
Тщетность красоты
Осенние фиалки
Из сборника «Заповедник Гоблинов, развитие Принца и другие стихотворения» (1875)
Дочь Евы
Из сборника «Пышное зрелище и другие стихотворения» (1881)
De Profundis
Ричард Уотсон Диксон. (1833–1900)
Из сборника «Лирические стихотворения»

(1887)
Песня
Песня
Ковентри Патмор. (1823–1896)
Из поэмы «Ангел в доме» (1854)
Истинная сущность любви. (Книга I, I, 2)
Образец. (Книга I, II, 1)
Влюблённый. (Книга I, III, 1)
Из поэмы «Ангел в доме» (Книга I, III, 2)
Из сборника «Florilegium Amantis» (1879)
Ночь и сон
Буря
Сон
Времена года
Ма Belle
Семела
Из сборника «Неизвестный Эрос. Амелия и другие стихотворения» (1887)
Венера и Смерть
Пустой берег
Взгляд назад
Джеральд Мэнли Хопкинс. (1844–1889)
Из сборника «Стихотворения» (1918)
Андромеда
На образ Св. Доротеи
Горняя гавань

Свадебный Марш
Яркозвёздная ночь
Остин Добсон. (1840–1921)
Из сборника «Carmina Votiva и другие стихотворения по случаю» (1901)
1-я Баллада антикваров
2-я Баллада антикваров
Баллада о зануде
Вилланель
К Ричарду Уотсону Гилдеру
Из сборника «Собрание стихотворений» т. 1 (1895)
Веер маркизы Помпадур
Из сборника «Собрание стихотворений» т. 1 (1895)
Парадокс Времени
Из сборника «Собрание стихотворений» т. 1 (1895)
Четыре времени года
Из сборника «Собрание стихотворений» т. 1 (1895)
Феокрит (вилланель)
Из сборника «Собрание стихотворений» т. 1 (1895)
О, Fons Bandusae
Из сборника «Собрание стихотворений» т. 1

(1895)
Ars Victrix
Из сборника «Собрание стихотворений» т. 1 (1895)
Urceus Exit
Из сборника «Собрание стихотворений» т. 1 (1895)
Забытая Могила
Из сборника «Собрание стихотворений» т. 1 (1895)
Рондо к Этель
Из сборника «Собрание стихотворений» т.2 (1895)
В том вечном сне
Из сборника «Собрание стихотворений» т.2 (1895)
Песня Сада
Эдмунд Уильям Госс. (1849–1928)
Из сборника «Мадригалы, песни и сонеты» (1870)
Воспоминания
Живая картина
Песня кавалера
Из сборника «На виоле и флейте» (1873)
Счастливая любовь. Сонеты
II. Ликование

IV. Печаль и промедление
VII. Замечание
X.Сомнение
XI. Подслушивание
XIII. Самонадеянная любовь
XV. Примирение
XVI. Страх Смерти
XX. Эпиталама
Прощание
Рай
Гвиневра
Из сборника «Новые стихотворения» (1879)
У реки
Могила менады
Купание
Аконит
Из сборника «Осенний сад» (1909)
Сон-тиран
У казино
Эндрю Лэнг. (1844–1912)
Из сборника «Стихотворения в модном стиле» (1885)
Баллада об ученице Гертона
Роберт Бриджес. (1844–1930)
Из сборника «Более короткие стихотворения в 5-ти книгах» (1890)

Книга 1.3
Книга 1.5
Книга 1.6
Книга 1.8
Книга 1.9
Книга 1.10
Книга 1.12
Книга 1.13
Книга 1.15. Рондо
Книга 1.16. Триолет
Книга 1.17. Триолет
Книга 2.3. Весенний вечер
Книга 2.4. Ухаживание
Книга 2.6. Отдых на воде
Книга 2.11. Уныние
Книга 2.12
Книга 2.13
Книга 3.5. Философ к своей возлюбленной
Книга 3.6
Книга 3.8
Книга 3.9
Книга 3.10
Книга 3.11
Книга 3.12
Книга 3.16. Песня
Книга 3.17

Книга 3.18
Книга 3.19
Книга 4.1
Книга 4.3
Книга 4.4
Книга 4.8
Книга 4.9
Книга 4.10
Книга 4.11
Книга 4.12
Книга 4.14
Книга 4.17
Книга 4.20
Книга 4.22
Книга 5.3
Эрнест Майерс. (1844–1921)
Из сборника «Избранные стихотворения» (1904)
Глаза младенца
Майкл Филд. (Кэтрин Харрис Брэдли и Эдит Эмма Купер)
Из сборника «Под ветвями» (1893)
Девушка
Влюблённый
Элис Мейнелл. (1847–1922)
Из сборника «Прелюдии» (1875)

Возлюбленный (ая) предлагает лучшее продолжение
Из сборника «Стихотворения» (1893)
Отречение
Мэри Элизабет Кольридж. (1861–1907)
Из сборника «Поклонники фантазии» (1896)
Ведьма
Из сборника «Награда фантазии» (1897)
Мгновение
Из сборника «Стихотворения» (1908)
Замужество
«Мой милый взял моё сердце, я – его»
В этот день
Оскар Уайльд. (1854–1900)
Из сборника «Стихотворения» (1881)
Requiescat
La Bella Donna della mia Mente
Quia multum amavi
Silentium amoris
Эндимион. (для музыки)
В золотых покоях. Гармония
Impression du Matin
Impressions
1. Les Silhouettes
2. La Fuite de la Lune
Стихотворения, не вошедшие в сборник

Дом шлюхи
Новое раскаянье
Альфред Дуглас. (1870–1945)
Две любви
Хвала Стыду
Нет, не смогли певцы за все столетья…
Из сборника «Град души» (1899)
Amoris Vincula
Harmonie Du Soir
Скрыться в Саруме
К Л….
Из сборника «Сонеты» (1909)
Мёртвый поэт
К Оливии
Забвение
Эрнест Даусон. (1867–1900)
Что есть любовь?
Из сборника «Стихотворения» (1896)
Non sum qualis eram bonae sub regno Cynarae
Ad Domnulam Suam
Amantium Irae
Из сборника «Праздничные украшения» (1900)
К потерянной любви
Томас Гарди. (1840–1928)
Из сборника «Стихотворения прошлые и настоящие» (1903)

In Tenebris
Из сборника «Зримые мгновения» (1917)
После её первого взгляда
Из сборника «Поздняя лирика и более ранняя» (1922)
Ночь в ноябре
Роберт Льюис Стивенсон. (1850–1894)
Из сборника «Детский сад стихотворений» (1885)
Качели
Из сборника «Песни путешественника» (1896)
Спой мне о парне, который пропал
Краса, проснись
Редьярд Киплинг. (1865–1936)
Из сборника «Ведомственные песенки и другие стихотворения» (1886)
Нравоучительный код (или моральный кодекс)
Из сборника «Стихотворения» (1939)
Мольба
Артур Конан Доил. (1859–1930)
Из сборника «Собрание стихотворений» (1922)
Взгляд в прошлое
Фрэнсис Уильям Бурдийон. (1852–1921)
Из сборника «Ailes d'alouette» (1890)
Сферы любви

Альфред Эдвард Хаусмен. (1859–1936)
Из сборника «Шропширский парень» (1896)
Из сборника «Последние стихотворения» (1922)
Слова излишни, чародейки…
Из сборника «Последние стихотворения» (1922)
Уильям Батлер Йейтс. (1865–1939)
Из сборника «Винтовая лестница и другие стихотворения» (1933)
Посвящается Энн Грегори
Из сборника «Графиня Кэтлин и различные легенды и лирика» (1892)
Когда, состарясь, медленно прочтёшь
Ричард Миддлтон. (1882–1911)
Из сборника «Стихотворения и песни» (1912)
Некая возлюбленная, некая девушка
Альфред Нойес. (1880–1958)
Из сборника «Ткацкий станок годов» (1902)
Триолет
Из сборника «Четыре поющих матроса и другие стихотворения» (1907)
Разбойник («The Highwayman»)
Часть I
Часть II
Из «Собрания стихотворений», т. 2 (1913)
Туман в низине
Японская серенада

Александр Лукьянов

Аннотация

В книгу вошли стихотворения английских поэтов эпохи королевы Виктории (XIX век). Всего 57 поэтов, разных по стилю, школам, мировоззрению, таланту и, наконец, по их значению в истории английской литературы. Их творчество представляет собой непрерывный процесс развития английской поэзии, начиная с эпохи Возрождения, и особенно заметный в исключительно важной для всех поэтических душ теме – теме любви. В этой книге читатель встретит и знакомые имена: Уильям Блейк, Джордж Байрон, Перси Биши Шелли, Уильям Вордсворт, Джон Китс, Роберт Браунинг, Альфред Теннисон, Алджернон Чарльз Суинбёрн, Данте Габриэль Россетти, Редьярд Киплинг, Оскар Уайльд, а также поэтов малознакомых или незнакомых совсем. Многие произведения переведены на русский язык впервые. Издание сопровождается статьёй, комментариями и короткими вводными биографиями каждого поэта.

Истинная сущность любви: Английская поэзия эпохи королевы Виктории

Золотой век поэзии Англии: от романтизма к декадансу

Как и предыдущая моя книга «Английская поэзия эпохи Тюдоров и Стюартов» — этот сборник не является в полном смысле антологией английской поэзии XIX века. В нём я собрал стихотворения, которые переводил в течение более 50-ти лет, начиная с творчества Уильяма Блейка и заканчивая поэзией Альфреда Нойеса. Всего 57 поэтов, разных по таланту, стилю, темам, направлениям, взглядам, жизненному укладу и, наконец, по их значению в истории английской литературы.

Английская поэзия прошла долгий путь развития: менялись стили, формы, темы, направления. Для этого сборника я отобрал, в основном, переводы стихотворений лирического, любовного характера, хотя их авторы писали также поэмы, посвящения, пьесы, романы, эссе и даже трактаты. Произведениям каждого поэта сопутствует его краткая биография, расположенная в примечаниях. Все вместе они разворачивают перед читателем как бы краткую историю Англии эпо-

хи королевы Виктории в лицах, писавших стихи.

Конечно, очень сложно привязать все направления в поэзии Англии ко времени правления того или иного монарха. Да и жизнь самих поэтов была разной длины, и творчество их иногда меняло свою направленность и стиль. Обычно период правления королевы Виктории (1837–1901) называют *викторианской* эпохой или коротко — *викторианством* и связывают его с политическими, религиозными, литературными и даже моральными концепциями, возникшими в Англии примерно в 1830-1840-х годах.

Представляя в этом сборнике поэтов крупных, известных, часто упоминаемых и переводимых на русский язык, я отобрал стихотворения и поэтов малоизвестных, но которых, всё же, нельзя назвать незначительными. Как известно, вокруг больших планет вращаются не менее интересные спутники. Творчество всех этих поэтов, и больших, и малых, может очаровывать, удивлять и вдохновлять. На протяжении всей викторианской эпохи поэзия поднимала такие вопросы, как патриотизм, религиозная вера, наука, сексуальность, экономика и социальные реформы, которые часто вызывали полемику в английском обществе. В то же время поэты,

которых мы считаем викторианскими, часто экспериментировали, расширяя возможности жанра, создавая инновационные формы и типы просодии, которая позволила появиться в печати новым поэтическим голосам. Они до сих пор поражают читателей своей оригинальностью, а также эстетической и идейной мощью. Но в настоящем сборнике мы остановимся только на поэзии любовной, или близкой к любовной, хотя любовь может проявляться в разных формах и разных ипостасях.

Можно смело утверждать, что поэзия, которую мы называем викторианской, развивалась в контексте романтизма. Например, многие поэты, родившиеся ещё в конце XVIII века и являющиеся яркими представителями романтизма в поэзии, закончили свою жизнь в самый расцвет викторианства. Так, Уильям Вордсворт, один из корифеев романтического движения 1790-х годов, в 1843 г. стал поэтом-лауреатом по личной просьбе королевы Виктории, которая была восхищена его поэзией. Даты рождения авторов, которых мы называем викторианскими, разделяют не так много лет от годов творчества второго поколения романтиков. Влияние романтиков на поэзию молодых Теннисона и Браунинга очень заметно.

Когда Браунинг в возрасте четырнадцати или пятнадцати лет впервые прочитал Шелли, великий поэт и атеист быстро стал его богом. Хотя викторианская поэтика в дальнейшем отошла от романтизма, первое поколение викторианских поэтов изначально творило именно в этой традиции. По этой причине я включаю эпоху романтизма в данную книгу «Английская поэзия эпохи королевы Виктории». Ведь даже скончавшиеся молодыми поэты-романтики: Байрон, Шелли и Китс — ещё были живы, когда 24 мая 1819 г. родилась будущая королева Британской империи.

Романтизм

Быстрые социальные и политические перемены в Европе конца **XVIII** столетия сопровождаются переходом от веры в разум к акценту на чувства и воображение, а также на интерес к дикой природе. В Англии романтические поэты находились в самом сердце этого движения. Они были вдохновлены стремлением к свободе, был сделан акцент на важности личности; убеждение в том, что люди должны следовать идеалам, а не навязывать конвенции и правила. Первое поколение поэтов-романтиков: Блейк, Вордсворт, Кольридж, Саути, — вдохновленные революционным свержением старых режимов в Америке и Франции, пытались сформулировать новый поэтический язык, выражающий основные человеческие чувства, которые можно найти в «языке средних и низших классов общества». При этом они выстраивали собственные революционные теории, отчасти в ответ на неоклассицизм «августианской» литературы конца **XVII–XVIII** веков (Батлер, Драйден, Поуп, Аддисон). За первой волной английского романтизма последовала вторая волна, принёсшая миру такие имена как Скотт,

Мур, Байрон, Шелли, Китс, Лэндор, Пикок и др.

Поэзия **Уильяма Блейка** представляет собой некоторое видение всей человеческой жизни, в которой энергия и воображение борются с силами притеснения, как физическими, так и умственными. Блейк возвеличивал любовь и подлинную свободу, он ненавидел рационализм, который служил оправданию политической и экономической несправедливости, возникшей после индустриальной революции. В его стихах бушуют страсти и гнев, но также рассыпаны и глубокие мысли в образах созданной самим Блейком мифологии и мистики. В 1795 г. Блейк выпустил «Песни опыта», исследуя в них тему разделенной природы человека и природы. Этот сборник включает в себя знаменитое стихотворение *«Тигр».*

Центральной темой этого стихотворения является философская проблема существования зла. Блейк задаёт вопрос: почему Бог позволил злу существовать в мире, если он полностью контролирует мир и заботится о нашем благополучии. *«Тигр»* — стихотворение о божественности и таинственной красоте всего творения и о трансцендентной ограниченности человеческого восприятия добра и зла, которое люди испы-

тывают в страданиях человеческого опыта. Божественное творение происходит вне времени и места, оно, по определению, непостижимо. Люди видят противоположности и находят зло ужасным; Бог создал противоположности и объявил их прекрасными.

Господь создал Агнца, как символ невинности, нежности и любви, но он также наполнил мир существами свирепыми. Но внешне прекрасными и гармоничными. Блейк объединяет противоположности тьмы и света, свирепости и нежности. Блейк, вместо того, чтобы верить в войну между добром и злом или небом и адом, как это показано у Мильтона в «Потерянном рае», считает, что каждый человек должен сам увидеть, понять, а затем разрешить эти противоположности бытия и жизни, созданные Единым Творцом.

Поэты «озёрной школы»

Романтическая эпоха была периодом революции и радикальных идей. Но любовь также занимала довольно большое место в их творчестве, хотя свобода сексуальных отношений отдельных романтиков мало отражалась в их поэзии. Наоборот, их любовные стихотворения полны нежности, очарования, красоты и вос-

хищения женщиной. Эти молодые поэты были бунтарями своего времени, и многие из них вызывали возмущение общества своей нравственно скандальной жизнью. Некоторые из них считались изгнанниками и поселились за границей; лорд Байрон, Джон Китс и Перси Шелли в своё время уехали в Италию, чтобы никогда не вернуться.

Однако три поэта: Уильям Вордсворт, Сэмюэль Тейлор Кольридж и Роберт Саути, — встретившиеся благодаря судьбе, сошлись в одном дружеском порыве, и, вдохновлённые общими поэтическими стремлениями, остались в Англии и поселились в т. н. «Озёрном крае», в долине графств Уэстморленд и Камберленд. Френсис Джеффри в «Эдинбургском обозрении» 1817 г. впервые назвал Вордсворта, Кольриджа и Саути *«озёрной школой»,* и это название укрепилось за ними, несмотря на их совершенно разные поэтические стили и философию творчества.

В 1798 г. был впервые опубликован сборник «Лирические баллады» со стихотворениями **Уильяма Вордсворта и Сэмюэля Тейлора Кольриджа,** который считается началом английского романтического движения в литературе. Большинство стихотворений в издании 1798 г.

были написаны Вордсвортом, Кольриджу принадлежат только четыре произведения, в том числе одно из самых известных — поэма «Легенда о старом мореходе».

Во второе издание Лирических баллад (1800) Вордсворт включил дополнительные стихотворения и написал предисловие, в котором подробно излагались поэтические принципы авторов, и которое стало манифестом английского романтизма. В своих балладах Вордсворт смог передать многообразие состояний природы, эмоциональное отношение к её красоте. Первым стихотворением во 2-ом томе этого издания стала баллада *«Родник «Прыжок оленя».* Известно, что тему жестокой охоты Вордсворт заимствовал из баллады «Жестокий охотник» немецкого поэта-романтика Готфрида Августа Бюргера. Вордсворт, скорее всего, был заинтригован попыткой Бюргера написать стихотворение об охоте, но при создании своей версии немецкой баллады Вордсворт стремился немного сместить акцент, чтобы более четко сосредоточиться на том, что, по его мнению, является главной проблемой: жестокое обращение с животными.

Таким образом, Вордсворт, переосмысливая стихотворение Бюргера, открывает новую стра-

ницу в романтизации природы, которая выводит животных на передний план и серьезно относится к их страданиям. Один из критиков называл это «анимизмом Вордсворта». Вордсворт показывает охоту не как необходимость добывания пищи, а как жестокую забаву, гон оленя ради удовольствия. Сэр Уолтер преследует оленя, наблюдает за его смертной агонией, восхищается его прыжком, а затем на радостях строит беседку рядом с родником, где олень умер. Эта беседка с колоннами, несомненно, должны быть памятниками для самого Рыцаря, его Прекрасной Дамы и его стремления к удовольствию.

Во второй части баллады путник, проезжавший по эти местам, удивился столь печальной местности, где «Унылые деревья без ветвей» и «Квадратный холмик с жухлою травою». А местный пастух рассказал ему всю историю об этой удивительной охоте. И добавил, что «…нынче здесь на всём лежит проклятье». Однако, как считает путник, Дух природы скоро оживит это место, и всё здесь вновь зацветёт и проявит свою прелесть.

Созданный, скорее всего, около 1797 г., *«Каторжник»* Вордсворта появился в лондонском издании «Лирических баллад» в 1798 г. В нём поэт

хотел использовать тюремное заключение преступника, чтобы выразить более глубокие и более сложные, даже в чём-то революционные идеи политической свободы и сочувствия к собрату.

Но именно из-за непопулярности политических стихов «Каторжник», скорее всего, не был включён в переиздание баллад 1800-го года и последующих годов, да и вообще никогда не был переиздан Вордсвортом. Хотя *«Темница»* Кольриджа была сохранена в последующих изданиях «Лирических баллад» и не вызывала столь обильную критику, как «Каторжник».

«Жёлтые нарциссы» являются самым известным лирическим стихотворением Вордсворта. Стихотворение было вдохновлено событием 15 апреля 1802 г., когда Вордсворт и его сестра Дороти встретили на прогулке «длинный ряд» нарциссов. После смерти Вордсворта в 1850 г. журнал «Вестминстерский обзор» назвал это стихотворение «очень изысканным».

Когда Вордсворт получил, наконец-то, отцовское наследство, он решил жениться на Мэри Хатчинсон, но прежде надо было уладить все проблемы, связанные с его «французской связью». Поэтому в 1802 г. он отправился во Францию в сопровождении своей сестры, чтобы встретиться

с прежней своей возлюбленной Аннет, которая считала себя миссис Вордсворт, и его, теперь девятилетней, дочерью Каролиной. Именно в этой поездке было написан знаменитый *«Сонет, сочинённый на Вестминстерском мосту 3 сентября 1802 года»,* созданный в петраркианской форме. Иногда поэта критикуют за то, что он изобразил Лондон как своего рода возвышенную идиллию, когда истинная природа жизни в столице была гораздо более жестокой и приземлённой. Это было в то время, когда брошенные нищие дети добывали себе средства к существованию, просеивая грязь Темзы за гроши, когда сама река была вонючим месивом, и многие умирали от таких болезней, как холера.

В 1802 г., Вордсворт взял в жёны подругу своей сестры Дороти — Мэри Хатчинсон. После этого они вместе с Дороти поселились в коттедже «Голубь» в Грасмире. Все друзья Вордсворта восхищались его женой. Кольридж обожал Мэри — его «прекрасную зеленую иву». Китс назвал её «прекрасной женой Вордсворта». Де Куинси охарактеризовал Мэри Вордсворт как обладающую «солнечной благодатью — сияющей благодатью, которую в этом мире я никогда не видел кем-либо превзойденной». Именно Мэри Хатчинсон Ворд-

сворт посвятил своё стихотворение *«Восторга Призрак неземной».* Сначала Вордсворт сравнивает свою жену с «Призраком восторга», чтобы показать, насколько он был влюблен в неё в юности. Но к концу стихотворения она превращается из призрака в ангела, в реальную женщину.

Сонет *«Когда я вспомнил то, что покорило…»,* можно сказать, ярко характеризует изменение политических идей Вордсворта. Сторонник Французской Революции, идеи свободы и равенства, Вордсворт спустя 10 лет стал более консервативен в своих взглядах, на что, скорее, повлияла женитьба, улучшение материального положения и приобретение собственного дома. Озёрный край, спокойствие, философская меланхоличность поэта в дальнейшем привели его к компромиссу с английским истеблишментом, в том числе и с королевской властью. «Как был обманут я в любви своей» — это слова полностью характеризуют политические взгляды Вордсворта в этот период его жизни. Он постепенно отвернулся от революционных идеалов и превратился в крепкого, патриотично настроенного английского тори начала века.

Жизнь и творчество **Сэмюэля Тейлора Кольриджа** было вначале тесно связано с Вордсвортом.

Его четыре произведения в сборнике «Лирические баллады» принесли Кольриджу славу, которая не утихает до сих пор. Но в дальнейшем неудачи в его личной жизни, особенно в интимной сфере, снизили романтический накал его поэзии. Любовная тема была, если не главной, но очень важной как в жизни Кольриджа, так и в его дальнейшем творчестве его мятущейся души. Суть любовного идеала Кольриджа не в поэзии страсти (он был неспособен к страстной любви); не в платонической любви, которая возвышает её саму и становится вероисповеданием идеальной красоты; но в любви «как привязанности, являющейся тоской по самому нежному чувству, которое возможно между людьми, признающими совершенства друг друга». Именно такой любви посвящена баллада Кольриджа *«Любовь»,* вошедшая в первый том «Лирических баллад» 1800 г. В ней поэт показывает, как печальная средневековая история о Рыцаре, которого отвергла Дама, помогла другому, уже современному герою баллады, завоевать сердце девушки с именем Женевьева.

И если Вордсворт был человеком твердых убеждений, высокой нравственности, опорой для своей семьи, счастливым семьянином и ува-

жаемым соседом, то Кольридж в течение всей жизни увлекался многими женщинами. Главные из них: его жена, Сара Фрикер; его литературный друг и помощница, Дороти Вордсворт; и его литературная поклонница и вечная любовь — Сара Хатчинсон. Из писем Кольриджа, которыми он обменивался с женой, из писем, написанных Саре Хатчинсон, из писем к Дороти Вордсворт и возникает перед нами интимный мир поэта и его внутренние конфликты.

В октябре 1795 г. Кольридж выбрал Сару Фрикер в жены, скорее, по рекомендации Саути, который ухаживал за сестрой Сары — Эдит.

Кольридж хотел видеть в своей жене интеллектуальную подругу, был даже несколько влюблён в Сару, написав после свадьбы: *«…госпожа КОЛЬРИДЖ — мне нравится писать это имя»*. Но первые годы их совместной жизни были крайне тяжёлыми. Дом, расположенный около главной сточной канавы, был крохотный, отопление — только открытые камины, требующие дорогого угля. Саре приходилось готовить еду в тяжёлых железных горшках, воду она качала насосом, её нужно было греть постоянно, особенно когда родился сын Хартли. Много было и других забот в домашнем хозяйстве. Кольридж вёл себя не

лучшим образом. В течение сорока лет их брака он никогда не заработал достаточно средств для поддержки семьи, не имел своего дома и жил со своей женой (как с женой) меньше шести лет. Большую часть времени Кольридж лежал на кровати, жалуясь на разные боли, из-за чего постоянно увеличивал количество потребляемого опиума.

Семейная драма Кольриджа была основана на некоторой его зависти к счастью Уильяма Вордсворта за то, что в лице Мэри тот имеет счастливую супругу, а в лице Дороти — литературного компаньона. Для Кольриджа образ романтической жены превращался в идеальную любовь, которая олицетворяла близость отношений брата и сестры, привлекательную, целомудренную и чистую, связывающую чувства с необходимой для каждого человека дружбой. С 1799 г. Кольридж не стал скрывать свои чувства к Саре Хатчинсон. Он хотел видеть в жене романтический идеал женщины, которая объединяет жену, друга и литературного спутника жизни. Сара Хатчинсон не ответила Кольриджу взаимностью, а брак стал ему невыносим. После возвращения с Мальты в 1806 г. Кольридж решил расстаться с нелюбимой женой, которая поселилась с детьми в семье сво-

ей сестры Эдит в доме Саути, а Кольридж подолгу жил у Вордсвортов.

Как отмечала Аня Тейлор («Кольридж и женская психология», 2005), «влюбленность в Сару Хатчинсон рано породила в Кольридже чувствительность к женским телам, женскому теплу и женским голосам». С 1811 по 1816 г. Кольридж жил в Бристоле, частично в семье Д. Моргана, где влюбился в Мэри Морган и её младшую незамужнюю сестру Шарлотту Брент, бурно проявляя свои чувства и пугая женщин своими страстями. Им он посвятил стихотворение «Две сестры». Любовные увлечения Кольриджа среди женского цветника у Морганов напоминает такие же любовные ухаживания Пушкина при посещении Тригорского: та же хозяйка дома (Осипова), те же незамужние девушки (Вульф). Влюблённость, поиск своего романтического идеала не покидала Кольриджа. В 1816 г. у него была связь с Энн Гиллман, сыновей которой он наставлял в литературе. В имении Гиллманов — Хайгейт — Кольридж был окружён многими девушками: Люси — сестрой Энн, её соседками, дочками её соседок, и Сьюзен Стил, и Элизой Никсон. Писал стихи, обращенные к Элизабет Адерс, «красивой и опытной леди», и к Мэри Шеферд.

В любовных стихотворениях Кольриджа мы можем увидеть психологию любви, которую можно встретить в ранней итальянской поэзии среди поэтов *dolce stil nuovo.* Это мы видим в прекрасном небольшом стихотворении *«Первое появление любви»,* которое начинается со строки: *Для нежных душ страсть первая сладка!* Эта строка, как было замечено, представляет собой фактически перевод первой строки канцоны Гвидо Гвиничелли «Al cor gentil ripara semper Amore» (В нежном сердце любовь всегда найдёт убежище).

«Воспоминания о любви», сочинённые в 1807 г. и опубликованные 10 лет спустя в «Сивиллиных строках», не являются лучшим стихотворением Кольриджа, но остаются красивой, мадригалообразной лирикой, демонстрирующей некоторые из его самых привлекательных качеств, не в последнюю очередь его музыкальность. Эмоциональная откровенность Кольриджа является одним из прелестных достоинств его как поэта, ибо Кольридж представлял «сексуальную любовь как особенно сильную форму братства».

Роберта Саути относят к «поэтам-озёрникам», хотя он отрицал свою творческую связь с Вордсвортом и Кольриджем, не видя причин объ-

единять его ними только на основании соседства. Но познакомился Саути с Кольриджем раньше Вордсворта, сразу после окончания Оксфорда. Молодой Кольридж оказал большое влияние на формирование Саути как творческой личности. Они женились на сестрах и стали близки друг другу и в родственном отношении. В конце 1790-х годов Саути, по примеру Кольриджа и Вордсворта, пишет баллады на средневековые темы, в которых выражает свои христианские идеи, изображает различные сверхъестественные явления и события. Саути пишет также драму «Жанна д'Арк», изучает период Столетней войны между Францией и Англией. Этой теме посвящена и его баллада *«Король Генрих V и отшельник из Дрё»*, напечатанная в 1798 г., как и «Лирические баллады».

Перу Саути принадлежат произведения разных форм: гимны, оды, эклоги, надписи, посвящения, а также сонеты, хотя в меньшем количестве, чем Вордсворту. В своих ранних сонетах, таких как *«Ариста» и «О, Валентин»*, Саути обращается к изображению красоты и любовных чувств (1794 г.). Темы этих сонетов подсказало ухаживание юного Роберта за Эдит Фрикер. В письме Саути к Чарльзу Уинну 3–9 сентября 1794 г. есть

такая фраза: «Вы можете представить меня, беседующего вечером с Аристой [Эдит Фрикер], и с наслаждением приветствующего завершение дня, и благосклонно принимающего то, что может принести мне утешение?» Революционный настрой Саути подтолкнул его сочинить в том же году цикл из 6 сонетов, посвященных проблеме работорговли. В предисловии ко 2-му тому своих «Стихотворений» (1797) Саути писал, что работорговля может быть отменена «либо мстительным правосудием африканцев, либо цивилизованными христианами, которые видят своё преимущество в том, чтобы быть гуманистами».

Несмотря на успех своих баллад и звание поэта-лауреата, Саути никогда не считался великим поэтом и был более известен как прозаик и биограф. Большую часть своих стихотворений он писал ради заработка, ещё с юности часто оставаясь без ужина, не имея даже 18-ти пенсов для покупки обычного хлеба и сыра. В двадцать один год Саути должен был содержать семью. В таких обстоятельствах желание писать по вдохновению и стремлению стихало, необходимо было зарабатывать деньги. В его ранние годы большая часть баллад и стихотворный повествований

Саути была написана для «Морнинг Пост» за гинею в неделю; затем переиздана в книгах. Всё это писалось за деньги с девизом: *«Nos haec novimus esse nihil» (Мы знаем: это никуда не годится).*

Саути был самым образованным из всех «лейкистов» (живущих в Озёрах), был настоящим библиофилом. Его библиотека была великолепна, которой пользовался не только он, но и его друзья. Только настоящий книголюб мог написать такое стихотворение как *«Мои книги».* Читая его, вспоминаешь слова нашего великого поэта, современника Саути, обращенные на смертном ложе к своим книгам: «Прощайте, друзья!». Среди романтиков были и более великие поэты, и были люди с более глубокими философскими идеями; но Саути ценим потомками за своё пылкое благочестие, нравственную силу, масштабность и разнообразие тем, которые он освещал в литературе, за красоту своей жизни.

Революционные романтики

Три поэта: Байрон, Шелли и Китс — составляют славу английской романтической школы. **Перси Биши Шелли,** чья короткая и драматическая жизнь является символом революционных идей и необыкновенно яростных эмоций роман-

тического периода, в отличие от спокойного и меланхоличного Вордсворта или верноподданнического педанта и книжника Саути, олицетворял романтизме самых крайних проявлениях экстатического состояния души как в радости, так и в отчаянии. Основными лейтмотивами драматической, хотя и короткой жизни Шелли и всех его произведений, загадочных, вдохновенных и объёмных, являются беспокойство и задумчивость, восстание против власти, общение с природой, сила воображения, поиск идеальной любви и яростного духа свободы.

Здесь мы говорим, в основном, о любовной поэзии, и вообще о любви. И Шелли был по преимуществу поэтом лирическим, хотя создал великолепные эпические поэмы. Именно в Италии написал он основные шедевры своей великолепной лирики, в которой искренность чувств сочетается необыкновенной ритмикой, оригинальной образностью, звучностью аллитераций. Он даже сочинил небольшое эссе, назвав его «О любви», в котором писал, что любовь — это «узы и таинство, соединяющее человека не только с человеком, но и со всем живым».

Эти рассуждения Шелли замечательно выразил в своём гениальном стихотворении *«Философия*

любви». Шелли также считал, что именно любовь является той великой и могущественной силой, что подвигает людей на борьбу против тирании, за свободу и равноправие, за лучшую жизнь. Как и все молодые поэты-романтики, как Вордсворт и Кольридж, Шелли по окончании Оксфорда стал влюбляться. Поначалу его сердце, но больше ум, покорила Элизабет Хитченер, которая была старше его на 10 лет, но вскоре возраст взял своё, и Шелли познакомился с прелестной 16-летней девушкой Хэрриет Уэстбрук, дочерью лондонского торговца и школьной подруги его сестры Хелен. Шелли не признавал институт брака, заявляя, что в нём нет необходимости, если два человека любят друг друга. Потому Шелли и Харриет сбежали в Шотландию, в Эдинбург, но под давлением родителей его девушки изменил своему принципу свободной любви в пользу счастья и репутации Хэрриет, и они поженились 28 или 29 августа 1811 г.

В 1812 г. Шелли встретился и подружился с Уильямом Годвином, публицистом, мыслителем и романистом, одним из основателей анархизма, и его семьей. Как только Шелли стал частым гостем дома Годвина, он неизбежно встретился с тремя молодыми девушками, тремя сводными

сёстрами, живущими там: Мэри Годвин, Джейн (позже Клэр) Клермонт и Фанни Имлей. В равной степени было неизбежно, что все три женщины в разной степени влюбятся в Шелли.

Устав от своей жены Хэрриет, Шелли искал более интеллектуальную женскую компаньонку. 16-летняя Мэри Годвин обладала огромной страстью к знаниям, перенятой от родителей. Увидев в девушке свой идеал любви, Шелли все больше убеждался в том, что «божество обрело материальную форму». Он полагал, что, следуя принципам Годвина о свободной любви, можно заменить Хэрриет на Марию, как на объект его наивысшей любви, и предложить Хэрриет жить с ним, как с его сестрой, а не с женой. Годвин выступал против таких отношений, Хэрриет стала отчужденной, и брак Шелли оказался полностью разрушен. Перси был захвачен новым приключением и страстной любовью, которую Мэри так с нетерпением ожидала. Однако со своей женой Шелли поступил, как и Кольридж с Сарой Фрикер. Он бросил Хэрриет с ребёнком и вместе с Мэри Годвин, в сопровождении Джейн Клермонт, её сводной сестры, сбежал в ночь на 27 июля 1814 г. сначала в Кале, затем в Париж и в Швейцарию. После шести недель отсутствия трое, оказавшись

без денег, были вынуждены вернуться в Англию.

В ноябре 1814 г. Хэрриет родила сына Чарльза, а в феврале 1815 г. у Мэри случились преждевременные роды, и через две недели ребёнок умер. Следующий год оказался довольно бурным как для Шелли и Мэри, так и для Джейн (принявшей имя Клэр) Клермонт. В январе Мэри родила сына Уильяма, а весной Клэр стала любовницей лорда Байрона, недавно разведённого со своей женой, леди Байрон.

После их возвращения в Англию Шелли и Мэри столкнулись с двумя бедами: Фанни Имлей, сводная сестра Мэри и поклонница Шелли, и Хэрриет, жена Шелли, покончили жизнь самоубийством. Поскольку обе женщины были, по крайней мере, в свое время, влюблены в Шелли, то Шелли и Мэри, скорее всего, чувствовали в какой-то степени свою ответственность. Что не помешало Шелли и Мэри заключить брак 30 декабря 1816 г. Несмотря на свою любовь к Мэри, Шелли возобновил свою связь с Клэр, которая родила от Шелли ребёнка в Неаполе — девочку Хелен Аделаиду. Мятущаяся душа поэта ищет новых связей. Осенью 1820 — зимой 1821 гг. в душе Шелли рождается «платоническая любовь» к 19-летней красивой и нежной итальянке Эмилии Вивиани, которую

её родители аристократы сначала держали дома практически в заключении, а после заточили в монастырь.

Отказавшись от любви к Эмилии, Шелли не вернулся к жене. Вскоре его новым идеалом стала юная супруга молодого драгунского лейтенанта Эдуарда Уильямса, Джейн. В январе 1822 г. Уильямсы даже переехали жить к Шелли, стали их лучшими друзьями. Новая «платоническая» любовь к Джейн постепенно превращается в телесную страсть к живой и веселой молодой женщине, к тому же прекрасно играющей на гитаре. «Мне очень нравится Джейн… — писал Шелли в письме к Джону Гисборну. — У неё есть вкус к музыке и элегантность форм и движений, которые в некоторой степени компенсируют отсутствие литературной изысканности».

Благодаря своим чувствам уныния и восхищения Шелли создал одиннадцать прекрасных стихотворений, посвящённых Джейн Уильямс. Она послужила основным источником вдохновения для последних стихов, которые поэт написал до своей неожиданной смерти. Мэри и Эдвард не препятствовали увлечению своих половинок. Уильямс даже гордился тем, что его жена стала вдохновительницей прекрасной поэзии. Самое

трепетное и печальное стихотворение, обращенное к Джейн, в котором с необыкновенной силой выражены чувства влюблённого перед расставанием, называется *«Воспоминание».* Шелли подарил его своей любимой женщине в надежде, что она положит его на музыку и, возможно, споёт. О чём он сказал в приложенной к этому стихотворению записке.

В поэзии Шелли заключена вся его жизненная философия, сочетание веры в мощь человеческой любви и веры в совершенствование и прогресс человека. Его поэмы и лирика превосходны по своей красоте, великолепию и мастерству языка.

Ещё одним ангелом, но ангелом, скорее падшим, в каком-то люциферовском обличии, был Байрон. **Джордж Гордон, лорд Байрон** был не только самым ярким и знаменитым поэтом-романтиком, он также был самым модным поэтом того времени. Значение и влияние Байрона не только на английскую, но и европейскую поэзию состоит в том, что он создал образ чрезвычайно популярного романтического героя, дерзостного, меланхоличного, преследуемого некоей тайной виной, и который многим казался образцом жизненного поведения. Бескомпромиссная приверженность Байрона свободе мысли, слова и

поступка сделала его героической фигурой для тех, кто выступал против роста власти государства, не в последнюю очередь среди чартистов в 1830-х и 1840-х годах. Своей энергией, эротизмом, самооткровением и требованием свободы для угнетенных Байрон очаровывал умы и сердца людей. Немного есть поэтов или писателей, чьи идеи, произведения, искусство, политические взгляды даже стиль одежды, внешность и само имя считалось воплощением романтизма.

В основе любовной лирики Байрона — право влюблённого на всю полноту земного счастья. Неверность, измена, разочарование, страсть, желание: все эти сложные чувства превращаются под пером великого поэта в необыкновенно красивые и мощные строки. И скорбные, и радостные мотивы любовной лирики Байрона настолько выпуклы и эмоциональны, что поражают всех читателей его необыкновенных строк. Любовную лирику Байрон начал писать еще в школе в 14-летнем возрасте. Довольно сильный природный эротизм поэта явился тем фундаментом, на котором выросла его любовная поэзия.

Дэвид Гросс в книге «Байрон: эротический либерал» (2001), рассматривая отношения между «сексуальной жизнью и политическими идеями»

Байрона, отмечает, что поэт не был распутником, в чём его обвинял даже Шелли, сторонник свободной любви. Он был, скорее, космополитом, как в страсти своей, так и в политике, в своей борьбе за свободу личности. На протяжении всей своей жизни Байрон искал идеальный объект своих чувств, что парадоксально сделало его непостоянным и склонным к измене любовником для многих женщин. Причиной здесь могло стать сексуальное насилие, которому он подвергся от своей няни Мэй Грей. Она была уволена, но её отношение к Байрону в сочетании с её кальвинистскими убеждениями привело к тем его сложным, и порой неджентльменским, отношениям со своими возлюбленными. Может быть, это повлияло и на бисексуальность поэта, на его влечение к юношам (к примеру, юный красавец Роберт Раштон, который «был у Байрона пажом, как Гиацинт — у Аполлона»), хотя отношения с женщинами больше удовлетворяли его эмоциональные потребности.

В июле 1799 г., находясь в Лондоне, Байрон встретил там свою кузину, прекрасную Маргарет Паркер, и его страсть к 13-летней девушке вызвала его «первые поэтические строки» в 1800 г. Летом 1803 г. он глубоко влюбился в свою кузину,

красивую Мэри Чаворт, которая была старше его на два года и должна была выйти замуж. Но Мэри отвергла ухаживания Байрона. В начале 1804 г. он начал близкую переписку со своей сводной сестрой Августой, бывшей на пять лет старше него. Он попросил, чтобы она относилась к нему «не только как к брату», но и как к «самому сердечному и любимому Другу, которому я могу доверять». Во время каникул (Байрон учился в Кембридже) он нашёл отдохновение в новой дружбе с Элизабет Пигот и ее братом Джоном.

Окончив Кембридж, Байрон в начале 1808 г. поселился в Лондоне в отеле Дорант. Затем его видели в Брайтоне в сопровождении молодой девушки в мужской одежде, которую он представил в обществе как своего младшего брата. Молодой поэт утешал себя различными «нимфами» и другими «мерзкими связями» за деньги. А затем, скучая в своём имении Ньюстед, обеспечил молоденькую служанку Люси, беременную его ребёнком. В следующем году Байрон отправился в большой Гранд-тур по Пиренейскому полуострову и турецким владениям в Леванте, взяв с собой красавца Роберта Раштона.

Возвратившись в Лондон, Байрон, ставший популярным и модным поэтом после издания

первых песен «Чайльд-Гарольда», стал увлечённо ухаживать за светскими дамами. В течение следующих нескольких лет Байрон вступил в несколько более или менее серьёзные, а иногда и безрассудные связи, самой известной из которых была связь с леди Каролиной Лэм, женой Уильяма Лэма (будущего премьер-министра Англии). Но смелость её поведения и безрассудное пренебрежение социальными условностями, в конце концов встревожила, а затем надоела Байрону. В сентябре Байрон предложил руку и сердце племяннице леди Мельбурн Анне Изабелле (Аннабелл) в качестве возможного средства избежать настойчивой леди Каролины Лэм. Двадцатилетняя педантка Аннабелл, склонная к изучению литературы, философии и математики, отклонила это предложение, и тогда Байрон обратил своё внимание на более спокойные «зрелые прелести» леди Оксфорд.

Со своей сводной сестрой Августой Ли Байрон был дружен ещё с юности, хотя с момента её брака с полковником Джорджем Ли в 1807 г. Августа не имела никаких контактов с Байроном. Но, встретившись снова, они быстро стали близкими друзьями, часто виделись и однажды провели вдвоём много времени. Лишь косвенные дока-

зательства в письмах Байрона к леди Мельбурн, датируемые августом 1813 г. с большой вероятностью указывают на кровосмесительную связь с Августой. В поэзии Байрон искал облегчение от своей нежности к Августе и от кратковременного флирта осенью 1813 г. с леди Фрэнсис Уебстер. В январе 1814 г. Байрон заявляет, что «жена будет моим спасением», о чём просила его сама Августа.

В это время Байрон начал работу над сочинением текстов песен для еврейского композитора Исаака Натана, который хотел приспособить их к музыке синагоги. Проект очень понравился поэту. На протяжении всей своей жизни Байрон был горячим почитателем Библии и любителем народных песен и легенд. Так появились его знаменитые «Еврейские мелодии», которые открываются чудным стихотворением *«Идёт, прекрасная, как ночь»*, написанным 12 июня 1814 г. после того, как Байрон увидел на балу жену своего кузена Уилмота Хортона в платье с блестками на нём. Хотя сам Натан думал, что в этом стихотворении Байрон изобразил Августу Ли.

В январе 1815 г. поэт совершил огромнейшую ошибку, женившись на Анабелле. Отношения

супругов желали оставаться лучшими. С самого начала Байрон капризничал и вел себя развязно, иногда просто дико. Байрон много пил, его мучили кошмары. Вот в такие моменты душевных переживаний и было создано другое замечательное стихотворение, входящее в цикл «Еврейские мелодии» — *«Душа мрачна»*. В начале января 1816 г. Аннабелла решила, что её муж обезумел. Она просмотрела его личные бумаги, чтобы найти доказательства, и начала планировать процедуру развода. Во время этого кризиса развода и разделения имущества Байрон вступил в случайную связь с Джейн (Клэр) Клермонт, сводной сестрой Мэри Шелли и знакомой его жены Аннабеллы.

В апреле 1816 г. Байрон решил навсегда покинуть Англию. Из-за слухов о его гомосексуализме и его инцесте от него отвернулось ханжеское (но, не менее распутное) светское общество. Лишь со своей сестрой поэт чувствовал себя более непринужденно, более способным жить, как он выразился в своем *Послании к Августе* (1816), «без маски». Два других стихотворения Байрона: «Стансы к Августе» — являются, по словам профессора МакГанна, «неискренними и лицемерными работами, и тем более неприят-

ными из-за привлечения своей сестры к своим интригам» *(Jerome McGann. Byron and Romanticism. Cambridge University Press,2002. P. 151).* Поэт написал их, фактически, в пылу борьбы со своей женой и её сторонниками. И они были опубликованы, чтобы изобразить «нежную» Августу в противопоставление «жестокой» жене Байрона. Но «Послание к Августе», напротив, является интимным стихотворением, адресованным непосредственно в сестре поэта и написанным, чтобы остаться в рукописи. Это не притворная поэзия, а глубоко правдивые размышления об условиях, создающих поэзию притворства.

С Тщеславьем ложным что же делать мне,

С Любовью, ну и, может быть, со Славой?

Они пришли непрошенны извне

И сделали мне только имя, право…

Это великолепное стихотворение, в котором человек, полностью заблудившийся, потерянный, не стремится что-либо сделать из этой потери. Откровенность и самопознание появляются и исчезают как неизменённые и не меняющие ничего условия.

Когда Байрон достиг Швейцарии, то на Женевском озере встретил Перси Шелли, Мэри Шелли и Клэр Клермонт. Байрон и Шелли подружились. Непосредственный результат их общения в Женеве проявился в стихах, написанных Байроном в 1816 и 1817 гг. Однажды в июне Байрон и Шелли отплыли на лодке в укрепленный замок Шильон. После посещения подземелья, в котором несколько лет томился Бонивар, Байрон сочинил свой *«Сонет к Шильону».*

О, вечный Дух нескованных Умов!
Свобода! Ты всех ярче в подземелье…

История Франсуа Бонивара, швейцарского патриота XVI в., заключенного в подземелье этого замка, вдохновила Байрона продолжить работу, и он сочинил одну из самых известных своих поэм — «Шильонский узник». В Бониваре Байрон создал главного героя, свободного от черт типичного «байронического героя», который обладал большей достоверностью и зрелостью, чем его предшественники.

В октябре 1816 г. Байрон отправился в Италию, посетил Милан, затем перебрался в Венецию, где не замедлил влюбиться в Марианну, жену хозяина гостиницы. Почти сразу же он завел вторую

любовницу, красавицу Маргариту Коньи, жену пекаря, которую звал по имени возлюбленной Рафаэля — «Форнариной». 28 февраля 1817 г. Байрон послал письмо Томасу Муру, своему хорошему другу, в котором сообщал: «В настоящее время я болею. Карнавал, то есть последняя его часть и поздние ночи, немного утомили меня, но всё закончилось, и теперь — Великий пост, со всем его воздержанием и священной музыкой… Хотя я и не развлекался слишком сильно, по-прежнему нахожу «меч, износивший ножны», а ведь не так давно я только приблизился к двадцати девяти (годам. — *А.Л.)».* В этом письме Байрон также разместил своё новое, удивительное по силе чувств стихотворение *«Не бродить тропою ровной…»*, отразившее его ощущения новой жизни вне Англии, без Августы, его жены и злобного света.

В начале апреля 1819 г. у графини Бенцони он встретил 19-летнюю графиню Терезу Гвиччиоли, которая была замужем за богатым графом 58-ми лет. Сильное взаимное притяжение сразу возникло между Байроном и Терезой. «Что мне делать? — писал в своих письмах Байрон. — Я влюблен и устал от беспорядочного сожительства». Отказавшись от «разных блудниц», он принял на себя роль кавалера-слуги (чичисбея)

Терезы, его «последней привязанности».

Философски и стилистически Байрон стоит отдельно от других крупных романтиков. Он был наименее островным, самым космополитическим из них. Поэтическое воображение не было для него, как для них, средством откровения истины. Байрон стал легендой после своей смерти. Его влияние на искусство, музыку и литературу XIX века вряд ли можно исчислить. Хотя в викторианской Англии Байрон подвергался мощной критике и как поэт, и как человек.

Джон Китс был прямой противоположностью Байрону, и в творчестве, и в любви. Байрон называл поэзию Китса «великой, но непонятной», а проницательный Китс, с другой стороны, охарактеризовал творчество своего великого современника как «прекрасную вещь» в сфере «земной, театральной и пантомимической». Джон Ките считается самым романтичным поэтом из всех романтиков, ибо целью его творчества было желание освободиться от суровой действительности в поисках Красоты в воображаемом мире. «То, что Воображение схватывает как Красоту, должно быть Истиной», — утверждает Китс в прозе; и в «Оде греческой вазе» он говорит то же самое:

В прекрасном – правда, в правде – кра-

сота:

Вот всё, что знать нам надо на Земле.

Хотя Китса соотносят с романтической поэзией в Англии, его творчество не было связано с другими поэтами-романтиками, и сам он считался среди них «белой вороной». На него набрасывались все: и борзописцы-критики из газет, и поэты его круга, как Ли Хант, и вообще все консервативные рецензенты, называвшие его стихи слащавыми и вычурными, уподобляли работам «вульгарного рифмоплета Кокни». Только потом прекрасную поэзию Китса назвали одним из самых больших достижений романтического периода.

Одна из наиболее интригующих тем в жизни Китса — его сексуальность, отношение к любви. Нет никаких свидетельств о том, что у Китса были интимные отношения с его невестой Фанни Брон или любой другой женщиной, к которой он проявлял интерес. Его эротическая жизнь спрятана под завесой молчания, если вообще Китс жил такой жизнью, а не проявлял её только через сублимирование в своё творчество, которое показывает чувственную тоску поэта.

Одни исследователи считают, что в Оксфорде

у Китса были беспорядочные сексуальные связи, которые привели к заболеванию сифилисом или гонореей, и это оттолкнуло его от дальнейших связей с женщинами. Другие считают, что Китс был девственником. Поэтическая муза и поиски идеала у него все связаны с женским образом. Однако женщины кажутся Китсу детьми, которым он лучше бы отдал леденец, чем своё время. Даже своей любимой Фанни Брон Китс пишет о своей поэзии: «Я знаю, что женщины ненавидят меня за это; я должен был быть настолько молчаливым и умным, чтобы забыть о них; забыть самую яркую действительность ради скучных фантазий моего собственного ума».

Отношения Китса с Фанни Брон волновали несколько поколений любителей его поэзии. В ноябре 1818 г. они впервые встретились в Уэнсворте (там ныне дом Китса), а 25 декабря, вероятно, объяснились в любви. В октябре 1819 г. совершилась помолвка Китса и Фанни. Но Китс чувствовал, что они не смогут пожениться, пока он не утвердится как поэт. О чувствах Фанни трудно судить, Китс сжёг почти все её письма.

Китс написал Фанни 39 любовных писем и посвятил ей несколько стихотворений. Все читатели этих писем потрясены их откровенной

страстью, их постоянными требованиями, обращёнными к общительной молодой девушке, серьезности и внимания к страданию, смерти, одиночеству человека, неуверенного в своём признании как поэта. В одном из писем к Фанни Китс писал: «Любовь — это моя религия. И я могу умереть за неё. И умер бы ради тебя. Мой Символ веры — Любовь, и ты — единственный догмат».

Китс любит Фанни ещё и потому, что он считает, что она любит его ради него самого и ни ради чего-то другого. Парадокс его неосуществлённой бурной страсти к этой женщине состоит в том, что она обогатила его эстетическое, философское и духовное отношение к жизни и опыту. В 1819 и 1820 годах Китс показал большую зрелость в эстетическом и духовном развитии. Он написал в этот период все свои любовные письма, так же как и сонет, который был непосредственно посвящён Фанни:

День отошёл, ушли очарованья!
Приятный голос, нежная рука,
Легчайший шёпот, тёплое дыханье,
И томный стан, и локон у виска.
Исчез цветок, вся прелесть отлетела,
Вид красоты сокрыла пелена,

Из рук ушло прекраснейшее тело,
Исчезли рай, сердечность, белизна —

Хотя эти стихи служат доказательством сильнейших проявлений любовного и даже сексуального желания, они не подрывают его жажду Красоты и Правды, и не вызывают непонимание его духовных поисков. Многие его стихотворения являются несравнимыми по достоинству, мелодичности и богатству чувственных образов. Вся поэзия Китса заполнена таинственным и возвышенным пониманием красоты и радости.

Другие поэты романтической школы

В России знают и любят **Вальтера Скотта** как автора исторических романов. В Англии он также больше известен как писатель. Между тем великий романист начал свой творческий путь именно как поэт, продолжая писать стихи до самой смерти. Его перу принадлежат прекрасные баллады, поэмы, стихотворения и песни. Скотт с юности заинтересовался народной шотландской и английской поэзией, он был их знатоком и стилизатором и первым великим британским писателем романтической школы, который повернул мысли и сердца своих соотечественников

к средним векам.

Поэзия Скотта родилась из его натуры, в которой сила, высокий дух и активная энергия были объединены с нежной чувствительностью и фантастически оживленным, ориентированным на историю и окружающий его антиквариат, влечением к феодальному прошлому страны. В стихах Скотта нет той философии, которую мы находим у Вордсворта, Байрона и Шелли, и той тени меланхолии, которую демонстрировали последние двое. Его лирика проста, но дышит определённой свежестью восприятия окружающего мира. Перейдя к написанию романов, Скотт не забывал о поэзии, и в них появлялись лирические песни, говорящие о неувядаемом мастерстве поэта.

Томас Мур был прирожденным лириком и музыкантом, обладал сатирическим талантом и находился в первых рядах борцов за свободу Ирландии. С лордом Байроном и Вальтером Скоттом он воплотил в себе британский романтизм не только для англичан и ирландцев, но и для американцев и европейцев. Он был настолько популярен в свое время, что издатели платили ему огромные по тем временам суммы за обещанные произведения его вечно активного пера. Мур написал много, даже очень много, чтобы

достичь высот Парнаса в образе главного поэта-романтика. Уильям Хэзлитт, литературный критик, обладающий умением точной оценки литературных стилей и форм, описал стихи Мура в «Духе эпохи» (1825), как «ливень красоты; танец образов: струи музыки, этот непрерывный и непрекращающийся поток… чувственных мыслей и сияющих аллюзий». Но он также несколько уточнил свою похвалу, отметив, что Мур «бывает безвкусным, порой искусственным, или использует общие места… [его поэзия] совращает вкус и расслабляет воображение… игрой фантазии, блеском слов, поверхностностью мышления и желанием правды и основательности».

«Ирландские мелодии» Мура дали ему возможность познать любовь, о которой он столь чувственно писал, и в 32 года он женился на ирландской актрисе Элизабет Дайк, красавице, любезной и с отменными манерами. Герцогиня Кентская и маленькая принцесса Виктория пели ему свои песни, а потом, в 1830 г., он пел перед будущей королевой Викторией в дуэте с её матерью, а позже сочинил в её честь песню «Повелительница».

Уолтер Сэвидж Лэндор является одним из главных литераторов как романтической, так и

викторианской эпох. Он сочинял и многократно издавался на протяжении своей долгой жизни (умер на 90-ом году жизни). Его долгая жизнь дала ему возможность принимать и понимать различные литературные периоды, восхищая знакомых в каждом новом литературном поколении, включая Роберта Браунинга и Элизабет Барретт. Однако поэзия Лэндора не блещет воображением или изобретательностью, и некоторая холодность чувствуется даже в его стихотворениях, посвящённых женщинам. Его английские стихотворения интересны, но, скорее, литературны, чем обладают романтическим напором чувств. Томас Элиот подытожил достижения Лэндора как «только великолепную вторичную литературу», ограниченную постоянной приверженностью к классической гуманистической традиции. Однако поэт-модернист Эзра Паунд считал Лэндора самым важным английским писателем между Александром Поупом (XVIII в.) и Робертом Браунингом.

В молодости Лэндор разделял идеи свободы, но потом немного охладел, и в 1808 г., встретившись с Робертом Саути, до конца жизни последнего был его верным другом и литературным союзником. Не избежал Лэндор и тесного общения с девуш-

ками, сожительствуя с Нэнси Джонс *(«Иона»* его ранних эпиграмм), местной девицей, с которой он завязал отношения в 1793 г. на студенческом празднике в Южном Уэльсе. У них родился ребенок, умерший, как и сама Нэнси, вероятно, от туберкулеза. В 1796 г. Лэндор встретил *Розу Эймер,* чья трагическая ранняя смерть связана с одним из его самых известных стихотворений, и которая умерла от холеры в Индии в возрасте двадцати лет. Через несколько лет, весной 1802 г., проживая в Бате (курортный городок в Англии), он встретил и полюбил Джейн Софию Свифт, *«Янту»* его стихотворений.

24 мая 1811 г. Лэндор по совету Саути женился на Джулии Туйлье, молоденькой девушке, не достигшей 17-летнего возраста, по словам самого Лэндора, «девушке без шести пенсов и с очень скромными достоинствами». Но его брак полностью потерпел крушение в 1835 г. Лэндор весь свой доход оставил семье (в моральном отношении он был выше Кольриджа и Шелли), довольствуясь небольшим ежедневным пособием, поселил жену и детей во Фьезоле (Италия) и вернулся в Англию. Будучи уже в возрасте, в 1856 г., Лэндор был вовлечён в скандальную историю с 16-летней девицей, к которой он был

слишком щедр, и пожилой женщиной, которая обманывала его и дурно влияла на девушку. В сборник своих латинских стихотворений «Сухие ветви» (1858), Лэндор включил и те, что были с любовью обращены к этой юнице. Знаменитый *«Плач девицы»* Лэндора справедливо занимает свое место в «Оксфордской книге стихотворений».

Ли Хант являлся центральной фигурой романтического движения в Англии, но он не был, как ему хотелось, одним из великих поэтов-романтиков. Его яркие описания и лирическое чувство заслуживают внимания, но Ханту не хватало философских идей и размышлений, какие мы видим у других романтических поэтов. Вместо глубины и страстности, его поэзия проникнута жизнерадостностью, что делает её приятной, но не более. Однако Хант обладал самыми разными талантами. Будучи поэтом, он сыграл важную роль в освобождении двустишия от жесткого неоклассического правила.

У него были замечательные идеи как литературного критика, он открыл и представил общественности творчество многих поэтов, среди которых Джон Китс, Перси Биши Шелли, Роберт Браунинг и Альфред Теннисон.

В середине 1830-х годов Хант написал большую часть своих приятных песен, которые до сих пор в памяти поколений включая замечательную миниатюру *«Дженни чмокнула меня».* В начале 1840-х годов Хант написал и свою известную драму в стихах «Флорентийская легенда», постановку которой к дикому восторгу автора дважды посетила королева Виктория.

Во главе тех, кто в первые десятилетия XIX столетия развивал сентиментальную музу, стоит **Фелиция Хеманс.** Мало того, что её собственные стихи завоевали огромную популярность, её влияние на менее выдающихся поэтов её эпохи было сопоставимо с влиянием самого Байрона. Стих Хеманс был спонтанным, простым и непосредственным. Вордсворт называл Хеманс:

Этот святой дух,
Сладкий, как весна, как океан.

Такой эпитет вполне заслужен и достоин особого упоминания, поскольку исходит от того, кто был не склонен восхвалять своих современников. Однако простая сентиментальность и сладость всё же не является сутью и смыслом, наконец, главной миссией поэзии. В письме к Джоанн Бейли от 11 июля 1823 г. Вальтер Скотт удачно

определил главный недостаток поэзии Хеманс: «На мой вкус, миссис Хеманс слишком поэтична — я имею в виду слишком много цветов и слишком мало фруктов…»

Хеманс производила поэзию с большой скоростью, именно производила. Такая скорость письма не могла не привести к расплывчатости и слабости не только в мышлении, но и в технике самого стиха. Тем не менее, как отметил критик Макензи Белл в своих критических и биографических очерках о поэтессах девятнадцатого века (1907), творчество Хеманс «полно фантазии, мелодичности, а её сентиментальные образы, часто искренние, выражены часто трогательными и красивыми стихами. Произведения Хеманс лиричны, живописны, хотя талант её был вторичным, а не творческим, ибо на неё оказали сильное влияние великие поэты-романтики того времени.

В викторианской Англии женщины-поэты сравнивали себя с Сапфо, великой древнегреческой поэтессой, автором песенной лирики и многих любовных стихотворений. Её образ, жизнь и смерть служили источником вдохновения и отчаяния для многих поэтесс на протяжении всего XIX века. Все они обращались к Сапфо, сле-

дуя биографической традиции, изображённой в «Героидах» Овидия, где подчеркивается её самоубийство (поэтесса бросилась в море с Левкадской скалы в Акарнании из-за безответной любви к красавцу Фаону). При этом лесбийские отношения Сапфо не играли здесь существенной роли и были откровенно изображены Суинбёрном лишь в его «Анактории» в 1866 г. Жизнь Сапфо связывали с вторичным и достаточно бедственным положением женщин в викторианское время. Женщины-поэты были не одиноки, видя соответствия между Сапфо и собой.

В стихотворении *«Последняя песнь Сапфо»* (1834) Хеманс изображает момент перед самоубийством древнегреческой поэтессы, её муки, переживания, призывы к морю, которое поглотит её потом и даст ей долгожданный покой. Гибель Сапфо служит поводом для поэтического творчества Хеманс. Прыжок Сафо — это еще и стремление к самовыражению, физической страсти и поэтической силе:

Крылатым чувством я полна,
Вольны мои виденья,
Любовь бескрайна, мысль ясна —
О, дай мне, океан, успокоенье!

Хронологически Хеманс — поэтесса-романтик, но, поскольку большая часть её сочинений относится к пост-романтическому периоду 1820-х и 1830-х годов, в её позднем творчестве мы видим переход к характерным чертам викторианского стихосложения, как драматический монолог. Несмотря на сильное влияние поэтов-романтиков: Вордсворта, Байрона и Скотта — стих Фелиции Хеманс, по словам Анжелы Лейтон в книге «Женщины поэты эпохи королевы Виктории» (1992), всё же приобретает оригинальность «в упорной и показной женственности своего голоса».

Томас Лав Пикок, смеющийся философ, писал стихи и прозу, прежде всего для того, чтобы доставить себе удовольствие. Пикок не воспринимал новые идеи своего времени, потому что чувствовал их уход за рамки разумности, а именно, что они были для него необоснованно романтичными. Используя метод иронии, он сатирически изображал радикализм, средневековье и трансцендентализм, а также некоторых романтиков, таких как Вордсворт, Кольридж, лорд Байрон и Шелли. В то же время, не будучи романтиком в поэзии, он оказался романтиком в супружестве.

В возрасте двадцати шести лет он с другом посетил графство Марионшир в Уэльсе, «место с

красивейшей природой и прелестнейшими девушками». Там он познакомился Джейн Гриффит, дочерью валлийского пастора, «самой невинный, самый ласковой, самой прекрасной девушкой, которая только существует на земле». Однако вернувшись домой, он восемь лет не виделся с ней, пока не получил назначение на государственную службу, которая предоставила ему финансовую возможность для женитьбы. И тогда Пикок написал удивительное письмо Джейн, предлагая в нём выйти за него замуж. Была ли мисс Гриффит удивлена или тронута остроумной прямотой этого письма, но она приняла предложение Пикока и стала ему превосходной и преданной женой.

Пикок обладал прекрасным лирическим даром, и грустным, и радостным одновременно. Но в его лирике больше слышны нотки классической размеренности и изящества, нежели страстности чувств и идеалов романтиков.

В 1820 г. в Лондоне появился **Джон Клэр** из деревни. Ошеломлённый, неловкий и смущенный, в грубой деревенской одежде. Он не понимал, почему столь изящно одетые дамы, казалось, гуляли по улицам в одиночку, пока ему не объяснили, что это проститутки. Простой деревенский парень, Джон Клэр начал писать стихи о сельской

жизни и деревенской природе, вероятно, под влиянием «Времён года» английского поэта XVIII века Джеймса Томсона. В противовес пасторали Клэр выражает в своих стихах умиротворённый восторг от реальной природы, где появляются один за другим различные цветы, жуки, деревья или крупный рогатый скот и люди, традиционно «значимые» элементы пейзажа. Кельвин Эверест заметил в своей «Поэзии английского романтизма» (1990), что «Клэр по-прежнему остается недооцененной и относительно забытой фигурой». Хотя многие считают его одним из великих поэтов-романтиков.

Стихи Клэра великолепно изображают простую и естественную сельскую жизнь, в них мы ясно видим и его любовь к своей жене Пэтти, и чувства к Мэри Джойс, дочь фермера в Глинтоне, которую Клэр встретил, обучаясь в школе, и которая стала объектом его первой и самой чистой любви. В 16 лет Клэр встретил девушку, которая будет преследовать его потом всю жизнь. Мало что известно об этом эпизоде, за исключением того, что 16-летняя Мэри Джойс была очень красива, и что после нескольких месяцев блаженного общения и частых свиданий отец Мэри запретил их дальнейшие встречи.

Через восемь лет, в 1817 г., Клэр влюбился в Марту Тёрнер, дочь крестьянина, прозванную «Пэтти», которая после трех или четырех лет стала его женой и матерью его девятерых детей. Она была красивой девушкой 18-ти лет, стройной, с правильными чертами лица и симпатичными голубыми глазами. На мгновение Клэр забыл Мэри Джойс и со страстным рвением осуществил свою помолвку, но дальнейшее ухаживание, в конечном счёте, приняло более прозаический поворот: в добродетельной, но неграмотной «Пэтти» было немного того, что могло бы вызвать поэтическое вдохновение. Большую часть своих поздних стихотворений Клэр посвятил именно Мэри Джойс.

Любовь к ней стала неотъемлемой частью его жизни и творчества. Клэр сочинял стихи в состоянии любви, отчаяния, гнева, агонии, мук, разочарования, надежды и радости. В некоторых своих стихах он восхвалял Мэри, в других он жаловался в отчаянии на обманутую любовь. Поэт так и не встретился со своей первой и подлинной любовью, ибо Мэри Джойс погибла при пожаре в 1838 г., будучи незамужней.

Когда Клэра охватило психическое расстройство, он думал, что сможет вернуться к своей

первой истинной любви, Мэри Джойс. Он твердо верил, что женат не только на Пэтти, но и на ней, и имел детей от обеих женщин. Он также отказался верить семье Мэри, что она случайно погибла при пожаре в доме, и бродил в окрестностях в поисках своей возлюбленной. Стихотворение *«Первая любовь»* показывает нам такое неожиданно вспыхнувшее чувство, когда влюблённый не может ясно рассказать о своих переживаниях, находясь в некоем состоянии прострации. Опубликовано оно было после смерти Клэра, но сочинено, скорее, раньше, когда воспоминания о первой встречи с Мэри так сильно волновали поэта.

Хартли Кольриджа, старшего сына Сэмюэля Тейлора Кольриджа, считали гением с ранних лет, но сам Хартли прекрасно понимал, что ему не хватает для ожидаемого от него литературного величия и признавал свои недостатки. Однажды он заметил в письме, что «если я избегну забвения, это будет связано с моим именем Кольриджа и тем, что наслаждался… знакомством с Саути и Вордсвортом». В основном Кольридж писал короткие стихотворения и эссе. Его стихи, хотя и полные красоты, часто называются «разрозненными драгоценностями» из-за их краткости и

стилистического мастерства. Краткость сонета привлекла к себе юного Хартли, для которого эта поэтическая форма стала самой любимой. Критик С. Уоддингтон назвал Хартли Кольриджа «нашим самым сладостным сонетистом после Шекспира». Таков, например, *«Сонет VII»*, посвящённый любовному чувству.

Хартли был, преимущественно, лирическим поэтом, в его стихотворениях много радостей и печалей, надежд и разочарований в жизни, которую он знал; все они достаточно субъективны, и многие из них автобиографичны, представляя некий лирический портрет автора. Родившийся на пике романтического движения, воспитанный и обученный его мастерами, младший Кольридж стал сочинять стихи уже с приближением викторианской эпохи. Однако новые политические и экономические отношения в Англии, которые дали толчок новым формам и новым идеям в поэзии и прозе, не затронули творчество Хартли. И хотя настроения поэта отображались в его стихах и песнях, он, по мнению многих критиков, не создал ни одного произведения высокой поэзии.

Как автор религиозных гимнов **Джозайя Кондер** занимает первое место в первой половине XIX века. Его лучшие поэтические гимны отмече-

ны оригинальными мыслями, выраженными на языке, сочетающем в себе силу и красоту. Являясь результатом глубокой духовности их автора, они стали прочной и постоянной частью протестантского богослужения. Метрическое разнообразие гимнов Кондера избавляет их от монотонной манерности большинства гимнистов. Но у Кондера есть и несколько светских сонетов, посвящённых природе *(«Времена года»),* созданной божественным провидением.

Викторианский период

Теоретики литературы заканчивают период романтизма в английской поэзии началом 1830-х годов. Далее начинается т. н. «викторианский период», наверное, «один из самых продолжительных в литературной истории Англии; возможно, самый длинный». Именно этот период и связывают, в основном, с царствованием королевы Виктории. Хотя сам этот период неоднороден, и в конце XIX века появились поэты-символисты, поэты-декаденты и даже поэты-модернисты. Творчество большинства поэтов викторианского периода разнообразно, и потому не будем их здесь классифицировать как птиц или насекомых, вводя всякие роды, отряды, виды и т. д. Их даже сложно представить в хронологическом порядке, ибо некоторые поэты, рождённые в один литературный период, проявляли себя в конце жизни, пережив молодых поэтов. И, таким образом, их творчество принадлежит уже другому, более позднему периоду.

Викторианская литература обращена непосредственно к нуждам эпохи, к определенному развитию разума, который сформировался в

обществе, стремившемся приспособиться к условиям современной жизни. Она была преимущественно литературой идей и размышления: кроме того, была напрямую связана с ежедневными интересами читающей публики. Можно сказать, что викторианская поэзия соединяла в себе как романтические, так и классицистические традиции. Викторианские авторы не представляли собой одиноких и внеобщественных фигур, вроде Байрона или Шелли, в течение своего столетия, поскольку они участвовали в жизни своего времени, откликаясь на его проблемы и призывы. Викторианская поэзия была очень важным периодом, который связывал романтизм с модернизмом XX века.

Критики обычно делят весь викторианский период на три части: 1) первые годы царствования 2) середина викторианской эпохи, 3) позднее викторианство. Однако представлять поэтов лучше не по временным периодам, а по основным темам и идеологии их творчества.

Поэты раннего викторианства

Из поэтов, которые творили после 1830 г. и до смерти Вордсворта, едва ли можно назвать тех, которые по своим художественным особенно-

стям являются викторианскими. Хотя некоторые из них повлияли на Теннисона, чей поэтический стиль долгое время оставался доминирующим. Их творчество — это переходная эпоха, которая длилась недолгое время с началом царствования новой королевы.

Томас Гуд жил, чтобы писать и писал, чтобы жить. Он сумел опубликовать потрясающее количество стихотворений за относительно короткое время. К сожалению, желание держать кредиторов в страхе и бекон на своём столе, рождало в нём торопливость и большая часть его поэзии слаба; он часто не редактировал стихотворения, уделяя для их написания очень мало времени. Тем не менее, литература была, как он сам выразился, его «утешением в крайностях мирских бед и болезней», поддерживая его «в веселье, идеальном солнечном свете».

Большая часть его произведений написана в юмористическом и сатирическом стиле, в них Гуд использовал различные языковые приёмы вроде каламбуров и игры слов. Одним из таких сатирических стихотворений Гуда является — *«Нет!»*, в котором речь идёт о ноябре. Этот осенний месяц ассоциируется у него с отсутствием чего-то положительного. Не явно, но подразумевается,

что в ноябре отсутствует то, что обычно интересует человека. Стихотворение выражает идею оторванности от человечества и от природы. Этот тоскливый месяц ничем не наполнен, лишь всяческими *«нет».* В ноябре, как утверждает Гуд, даже погода скучна: так скучно, что нет «рассвета» и «сумерек», «солнца» и «луны»; нет веселых жужжащих пчел, нет цветов, нет сердечности. Кроме того, не существует никакой социализации или забавных вечеринок. Нет никаких поездок, почты, новостей. Ноябрь — это самый жалкий, самый пустой месяц года.

Важные стихи Гуда этого периода включают в себя ряд сонетов, многие из них заслуживают большего внимания, чем они получили у современников. В этих произведениях Гуд показал себя достойным последователем Китса. Сонет *«Тишина»* замечателен своей философской мыслью и необычным взглядом на вроде как понятное всем слово — тишина. Существует два виды тишины, одна — где нет никаких звуков, другая — где нет человека, хотя в древних руинах «слышен вой гиен и совы машут крыльями устало». Исчезновение людей из среды их жизни создаёт зловещую «тишину» — наполненную звуками природы, но также полную молчанием человека.

К 1830-м годам романтическое движение достигло своего пика и уже начало впадать в обыденную сентиментальность и мелодраму, от которых Роберту Браунингу и Альфреду Теннисону суждено было спасти английскую поэзию. Но постромантический сентиментализм, который проявился в поэзии сестёр Бронтё, занимает в ней вполне достойное место.

Сёстры Бронтё, получившие известность своими романами, начинали, как и многие писатели, с поэзии. Стихотворения **Эмили Бронтё** заслуживают большого внимания и высоко оцениваются критикой и читателями. В оригинале они изумительно звучат, простые слова в каком-то необыкновенно идеальном порядке. Её поэзия не создавалась ради себя самой и не заявляла о каких-то своих принципах, формах, идеях. В своих стихах Эмили не используют какие-то особые поэтические средства, чтобы утешить и успокоить читателя, в них замечательно некое языческое ощущение природы, восхищает глубокая меланхолия, отсутствие жалобных интонаций и сентиментальных пассажей. Произведения Эмили обращены больше к уму человека и, что особенно важно, музыкальны. Её яркие, подчас пылающие мысли заключены в простых и нето-

ропливых строфах. Эти красивые и благородные стихи полны гармонии, какой-то тревожности духа, стойкости и, конечно же, безупречно искренни.

Эмили Бронтё считали мистиком, христианским поэтом, называли еретичкой, язычницей, даже психическим гермафродитом и лесбиянкой. Однако, как отмечала Мюриэл Спарк, «акцент на любом из этих аспектов её разума или природных качеств… может оказаться ошибочным, поскольку никто не представляет её как творческую личность в её целостности» *(Muriel Spark. The Informed Air: Essays.2014.P.109).*

Викторианец Суинбёрн наиболее точно определил суть Эмили Бронтё, и, как ни странно, именно он выразил её в самых сжатых выражениях: «В страстном великом гении Эмили Бронтё был темный бессознательный инстинкт примитивного поклонения природе». Суинбёрн здесь отметил три наиболее важных фактора в её творчестве: инстинктивность и «темный бессознательный» порядок Эмили; её пантеизм и её страсть.

В стихотворении *«Защити меня»* её пантеистическая концепция жизни тесно связана с инстинктивным свойством её мысли и выражения. Эмили создаёт образ «Бога видений», — в

основе которого лежит внутреннее желание постоянного бегства из реального мира. Эмили призывает своего «Бога видений» как образ природы, который даёт ей единство самоощущения; она вопрошает его с помощью Разума о своей сущности, но единственный ответ заключается в её собственном определении одержимого духа, которого она готова почитать:

Тебя, чей вездесущ алтарь:
Фантом, мой раб, мой друг, мой царь.

Эмили не находит в природе, как «вордсвортианцы», источник духовного утешения или философскую опору. она не ищет урока этики от своего бога, поскольку её «Бог Видения» представляет собой силу, которая ни поучает её, ни потакает ей.

Конечно, увлечение Эмили Бронтё миром, существующим в трансцендентном измерении, может привести к выводу, что она была мистиком, но мистицизм её был страстным, ибо страсть сообщала ритм и эмоции всему её творчеству. В ней можно увидеть, как это отметил Артур Саймонс, «парадокс страсти без чувственности». замкнутые в себе стихи Эмили с их метрическим дёрганием, безличными персонажами,

незавершёнными желаниями и необоснованными метафорами изображают то место, которое преследовало детские фантазии всех Бронтё. эта связь становится понятной в последнем, минималистском стихе, который воплощает в себе большую часть гения Эмили: *«Сгущается сумрак ночи».* этот фрагмент без знаков пунктуации (в рукописи), возможно, является частью более продолжительного диалога, полностью «абстрактен». подобно «ночному ветру», это стихотворение с интенсивным желанием, которое, однако, не превращается в человеческую драму. лирический герой может быть живым или мертвым, находится внутри или снаружи, в вышине или внизу. однако последняя строка постоянно держит в напряжении наши ожидания: «но не могу идти я». но вопросы: куда мы идем, или по какой причине, по-прежнему теряются в столкновении с непогодой в этом стихотворении. «В конце концов, — говорит Анжела Лейтон по поводу этого стихотворения *(The Cambridge Companion to the Brontës. 2002. P.69)*, — есть только грубая, иррациональная сила и стихотворная форма, которая проталкивается и пробирается сквозь невидимые препятствия».

Слова Шарлотты Бронтё о характере Эмили точ-

но характеризуют обе крайности: силу и простоту последней. «под незамысловатой интеллектуальностью, необычными вкусами и внешней непринужденностью скрывалась тайная сила и огонь, которые могли бы насытить знаниями её разум и разжечь воображение героя; но у неё не было житейской мудрости; её возможности не были приспособлены к практическим делам».

Стихотворения Эмили Бронтё, если можно так выразиться, близки к величию. Но так нельзя сказать о поэзии обеих её сестёр. Искренняя нежность чувств часто проявляется в стихотворениях **Шарлотты Бронтё,** но, в основном, они мало поэтичны. Шарлотта, хотя она никогда не заботилась о своих романах, достигает результатов как прозаик рядом стилистических эффектов, но для коротких стихотворений её метод не очень подходит. В них теряется всё наиболее существенное, что свойственно именно поэзии, а не прозе. И всё же многие её стихотворения изображают женскую верность и тоску, упрёки и мечтания. Свойственное всем сёстрам обращение к внутренним движениям души и переживаниям, проявляется в стихотворении *«Вечернее утешение»,* где наступление сумерек успокаивает напряжённые эмоции дня, даёт

возможность забыть дневные печали и беды. И этот «час одиночества во мраке» позволяет ей «обрести и жизнь, и мир».

В поэзии кроткой **Энн Бронтё,** как и в её прозе, есть нечто привлекательное, и её религиозные мотивы в некоторых произведениях напоминают святые песни. В лучших её стихотворениях больше искренности и меньше сентиментализма, чем в большинстве гимнов других поэтов. В них прекрасная простота лирики Энн превращается в скорбь и страдание, как например, в стихотворении *«Призыв».* В стихах Энн проявляется её суть, которую выразил У. Т. Хейл в своей монографии «Энн Бронтё: её жизнь и творения» (1929): «Истина о ней заключается в том, что её кротость была не слабостью. Она была по-детски бесхитростна во многом, но у неё была сила воли и сила характера, которые всегда исполняли диктат её чувства долга». Стихи Энн часто отвечают более мучительным видениям Эмили с призывом к вере и жизнерадостности. С другой стороны, Эдвард Читэм во введении к «Стихотворениям Энн Бронтё» (1979) отметил, что Энн «является самой интеллектуальной и логичной из всех Бронтё».

Несмотря на «приятный внешний вид», у Энн не было серьезных женихов в течение всей её

короткой жизни. Но есть предположения, что она была влюблена в Уильяма Уейтмана, привлекательного, цветущего молодого человека, который служил викарием у преподобного Патрика Бронтё с августа 1839 г. до его смерти от холеры в сентябре 1842 г. Свои чувства и переживания после его смерти Энн выразила в двух стихотворениях: *«Воспоминание»* (1844) и *«Ночь»* (1845). Никаких других романтических связей у Энн не было до её смерти от чахотки в возрасте двадцати девяти лет. Стихотворение «Ночь», которое отмечено стремлением к жизни, какой бы трудной она ни была, всё же вызвано голосом прошлого, рождающим счастливые видения в ночные часы. Элегический настрой этого стихотворения подобен многим стихотворениям Эмили Бронтё, но он скорее восторженный, чем скорбный.

Эдвард Бульвер-Литтон не считался большим поэтом, он более известен своими романами. Но в юности писал романтические стихи под влиянием Байрона и влюблённости в некую девушку по имени Люси. Прежде чем их отношения могли развиться на платонической стадии, таинственная девушка один прекрасный день внезапно исчезла, мучаясь по настоянию отца в губительном для неё браке и вгоняя молодого Эд-

варда в «байроническую» меланхолию. Три года спустя девушка написала Бульверу, что все еще влюблена в него — и умирает. Она действительно умерла. Лишь в 1833 г., Бульвер, путешествуя по Англии, совершил паломничество к её могиле в Улсуотере.

До поступления в университет Бульвер сочинил поэму «Измаил: Восточная сказка» в подражание Байрону и вместе с другими своими юношескими стихами издал её на средства матери. Несмотря на плохие продажи, молодой Эдвард получил признание у сэра Вальтера Скотта. В 1823 г., находясь на втором курсе Кембриджского университета, Бульвер издал новый сборник стихов «Сорняки и полевые цветы», а в 1825 г. получил университетскую награду за стихотворение «Скульптура». Будучи денди, и следуя во всём своему образцу, лорду Байрону, он завёл короткий роман с бывшей любовницей великого поэта леди Каролиной Лэм, которая, по словам известного биографа Эдварда Бульвера-Литтона — Аллана Кристенсена (1976), «косвенно привела его к пожизненным мукам неудачного брака с её протеже Розиной Уиллер».

Эдварда Фицджеральда знают больше как переводчика на английский язык знаменитых

Рубаи Омара Хайяма. Мелодичный стих Фицджеральда настолько восхитителен, что глубина и ясность хайямовских мыслей создаёт неповторимую и удивительную поэтическую атмосферу. Отсутствие литературных амбиций Фицджеральда в течение многих лет являлось предметом общих разговоров среди его друзей; на самом деле ему было почти 50 лет, прежде чем он начал работу, которая сделала его знаменитым. но Фитцджеральд писал и оригинальные стихи, мастерски выполненные и подчас ироничные. очаровательные стихи, написанные весной 1831 г. под влиянием «веселых старых писателей более мужественных времен» и напечатанные в *Ежегоднике Хона* под заголовком «луга весной», привлекли читателей. одним из таких является стихотворение *«Конец рыцарства»*, замечательное своим ритмом, игрой слов и постоянной улыбкой.

Три «кита» викторианской поэзии: Браунинг, Теннисон, Арнольд

История английской поэзии XIX века отмечает постепенный, но радикальный сдвиг в отношениях художника с его читателями. Романтики находились в оппозиции обществу, и это раз-

общение ярко бросалось в глаза. но даже при том, что романтическим поэтам приходилось терпеть злоупотребления или пренебрежение, они ни в коем случае не думали о том, чтобы отречься от традиционного права поэта говорить за его век. однако к концу века конфликт, столь решительно начатый, был утрачен, и художник пришел к согласию со своими современниками. В качестве компенсации поэты начертали на своих знамёнах вероучение эстетизма, которое носит название «искусство ради искусства». сначала Россетти и Суинбёрн, затем Уолтер патер, Уильям Моррис и Оскар Уайльд, будучи апологетами этих идей, показали в своём творчестве это отчуждение творца от всех остальных, кроме некоторых посвященных, убежденных в истинности этих форм искусства.

Между романтиками и прерафаэлитами находились Браунинг, Арнольд и Теннисон, возглавлявшие поэтический хор «великого викторианского полудня». эти викторианские поэты, неспособные или не желающие поддерживать дух воинственной самодостаточности, который поддерживал романтиков, достигли сближения со своей аудиторией, найдя компромисс с этическими принципами среднего

класса того времени, сознательно жертвуя при этом художественной достоверностью. В то же время отличительной чертой Браунинга, Арнольда и Теннисона как литераторов является некая аристократическая отчужденность, упрямая несговорчивость, которая, проявилась там, где современный общественный порядок предполагает непроизвольное соответствие своим требованиям.

Роберт Браунинг. В юности находясь под влиянием Байрона и Шелли (Браунинг случайно наткнулся на «Королеву Мэб» Шелли в книжном киоске и в результате усвоения её идей стал атеистом), Роберт постепенно обратился к религии. По этой причине в нём соединился романтизм и пуританизм, позволивший ему сосредоточиться на изучении человеческой души. Браунинг был, скорее, одним из викторианских романтиков, чем классическим викторианским поэтом. Давайте посмотрим на Браунинга, который использовал радикально новую поэтическую форму — по существу новый жанр со своими собственными правилами — и читатели просто не знали, что делать. Вместе с Теннисоном и Данте Габриэлем Россетти Браунинг изобрел драматический монолог, включающий в себя цепь философских

размышлений, воспоминаний, исповеди, особенно ту его форму, в которой главный герой не представлял собой поэта, и поэтому идеи и суть его высказываний отличалось от тех, в которые верил сам поэт. Он использовал сложные, часто тайные слова, он делал сложные, часто неясные намеки. Другими словами, он не писал привычным для читательской аудитории поэтическим стилем, и потому его ценили особо подготовленные, образованные читатели.

В предисловии к «Лирическим балладам» 1815 г. Вордсворт заявил, что великим поэтам приходится «создавать вкус, которым они должны наслаждаться». Другими словами, читатели должны узнать новые правила — сигналы для читателей — которые позволяют им знать, что делать дальше. Идея объединить две разные формы или стиля в драматическом монологе (драма и лирика) принесла Браунингу известность как поэта-новатора. В своем понимании различных аспектов человеческой природы, в его способности драматически представлять их, Браунинг выделялся среди поэтов великого поэтического века. В драматическом монологе он поставил себе задачу раскрыть внутренний мир героя в момент духовного кризиса или большого эмоционально-

го напряжения. Браунинг был философом в своей поэзии, но при этом стиль его монологов напоминал разговорный, прямота и живость выражения чувств и мыслей его персонажей привлекала читателей, хотя многие отмечали недостатки его поэтической формы.

Было бы абсурдом называть человека поэтом, который не умеет *петь*, то есть писать красивые, легко читающиеся стихи. Браунинг был поэтом, но не всегда певцом. Его стремление воспроизвести мельчайшие, мимолетные оттенки всех движений души со скрупулезной точностью, ничего не упустив и не отбросив, привело к сложности его поэтической речи. Когда Браунинг напрягает свой размер, пытаясь вместить больше смысла в строку, чем она может выдержать, не потеряв изящества, когда он жонглирует надуманными и непонятными рифмами, вводит разные оговорки, отступления, намёки на неизвестные обстоятельства, он перестает быть поэтом и ставит под угрозу свои лавры. Тонкий психологический анализ, сочетающийся в ряде произведений Браунинга со сложностью поэтического языка, оказал большое влияние на поэтов XX века: Эзру Паунда и Томаса Элиота.

«Любовник Порфирии», впервые появивший-

ся в 1836 г., является одним из самых ранних и самых шокирующих драматических монологов Браунинга. Читатели, привыкшие считать само собой разумеющимся, что главный персонаж любого произведения был либо поэтом, либо его идеализированной персоной, не знали, что делать, когда они столкнулись с маньяком-убийцей «Любовника Порфирии». Уже первые строки создают зловещее ожидание мрачных событий, которые затем последуют. Очевидно, что «спикер» (главный персонаж) стихотворения безумен, поскольку он душит свою возлюбленную её же собственными волосами, чтобы навсегда сохранить мгновение совершенной любви, которую она ему показала своими действиями. В этом стихотворении Браунинг предлагает сложное психологическое исследование безумного человека, который использует разум и аргументацию, чтобы объяснить и осмыслить свои действия. Читатели XIX века в Англии, несмотря на строгие общественные нормы морали, были очарованы историями о проституции, незамужних матерях и различных преступлениях, а газеты были полны историй, готовящих общественный вкус к скандалу. Браунинг не только предлагает шокирующую историю об аморальных и незаконных

поступках, но и усложняет его, вызывая дополнительные эмоциональные реакции у читателей. Это стихотворение, как и большая часть творчества Браунинга, объединяет секс, насилие и эстетику. Как и многие викторианские писатели, Браунинг пытался исследовать в своём произведении границы чувственности. «Только Браунинг может объединить действие и психологию» — отмечал Оскар Уайльд в письме к Х. К. Марильеру от 8 ноября 1885 г.

Сам Браунинг не боялся страсти, когда легкое чувство было литературным. Кто-то, когда поэт умер, сочинил сонет, поминающий его как «Поэта Любви». Может показаться странным, что философ, психолог, человек, чья грубоватая гениальность вызвала столько критики, должен оплакиваться как «Поэт Любви». И все же Браунинг таким был. В период ухаживания за Элизабет Баррет он сочинил стихотворение *«Ночная встреча».* Именно эта влюблённость Браунинга побудила его написанию «самого чувственного стихотворения, которое он когда-либо создал» (*Richard S. Kennedy; Donald S. Hair. The Dramatic Imagination of Robert Browning: A Literary Life. University of Missouri Press, 2007. P. 135).*

Браунинга интересовала психология людей,

совершающих определённые поступки или действия. Будь то мужчины или женщины. особенно в момент, когда их общий крест, их любовь заставляла их эмоционально переживать. Можно сказать, что драматизм в его стихотворениях — это результат многих предшествующих драматических решений его героев. Таковы стихотворения *«Любовь к жизни» и «Жизнь в любви»*, созданные также в период его увлечения Элизабет Баррет, но напечатанные уже после их бракосочетания. но они не отражают возвышенную любовь самого Браунинга. Может, в этих стихотворениях заключены сомнения поэта, когда он анализирует разные формы проявления любви, когда близкий человек полон решимости ускользнуть. персонажи Браунинга являются в некотором роде «антиэтическими» типами, которые становится одержимы объектом своей любви или ненавистью к нему, что перестают жить полноценной жизнью, или интуитивно реагируют на удовольствия мира.

С поэтической точки зрения интересно стихотворение *«Милашка»* (A Pretty Woman). Есть предположения, что портрет «милашки» списан 17-ти летней знакомой супругов Браунингов — Джерардины Бейт, которую её родная тётя

называла существом «столь же чистым, как ангелы», но которому «нельзя доверять ходить по улице одной, чтобы она не убежала с первым попавшимся ей на углу мужчиной». это стихотворение привлекает своими необычными рифмами, множественными аллитерациями, прыгающим ритмом, любопытными метафорами. Именно его поэтическая составляющая необычна и нова:

Пока любви нет – не преступно
С милашкой быть!
Гром может бить
Лишь землю – небо неприступно.

История знаменитой встречи, ухаживания и последующего брака 12 сентября 1846 г. между поэтессой **Элизабет Баррет** и поэтом Робертом Браунингом стала одной из самых известных любовной историей эпохи королевы Виктории. Они оба были сами по себе литературными гигантами викторианской Англии XIX века. Ещё до их знакомства Элизабет Баррет восхищалась драматической лирикой Роберта Браунинга, а Роберт ценил поэзию Элизабет. Переписка между ними началась 10 января 1845 г., когда Элизабет получила от Браунинга первое письмо с просьбой

увидеться: «Я всем сердцем обожаю Ваши стихи, милая мисс Баррет, — и это не бесцеремонное хвалебное письмо, которое я напишу… Я, как я уже сказал, люблю Ваши книги всем сердцем — и я также люблю Вас».

В руках учёных находятся 573 любовных письма, которые охватывают период ухаживания, расцвет их любви и запрещённый родителями брак между ними. Эти письма захватывают читателей своей нежностью, трогательностью, искренним интересом друг к другу, в них содержится история постепенного развития отношений от простого любопытства до настоящей любви. Красота любви Барретта и Браунинга была важным аспектом их эпохи, когда мужчины и женщины романтически смотрели в прошлое, особенно в средневековье. Эта хрупкая бледная женщина оказалась той, какую Браунинг искал всю свою жизнь: она показалась ему небесным воздушным созданием с горящими глазами и лучезарной улыбкой на лице. Поэт по-настоящему влюбился, Элизабет он также понравился. Переписка продолжалась.

20 мая 1845 г. Браунинг пришёл к Элизабет Баррет и впервые увидел её «маленькую фигуру, которая не поднималась с дивана, бледное лицо

обрамленное локонами, большие, нетерпеливые, задумчивые глаза», и, как сказала сама Элизабет Барретт, «он больше никогда не покидал меня». А вот строки из письма Элизабет Баррет от 4 июня 1846 г. к Роберту Браунингу: «Вы так безупречны, так проникновенны, добры и нежны — Вы так дороги, что у меня нет слов для ответа Вам».

В своих письмах Браунинг называет **Элизабет Баррет** «моей маленькой португалочкой» (в честь Камоэнса, которого Баррет любила), она — втайне от него — начинает сочинять сонеты, которые потом составят самый известный её цикл — *«Сонеты с португальского»,* выразив в них свои чувства и огромную любовь к Роберту. Эти сорок четыре сонета, какими бы неравноценными они ни были, принесли Элизабет Браунинг славу и уважение её современников к её поэзии:

Как я тебя люблю? Даю ответ.
До глубины души, её высот,
Когда она, вознёсшись, познаёт
Край Бытия и Благости расцвет.

Известный шотландский писатель и критик Джон Уилсон («Кристофер Норт») заявил, что во всех стихах Элизабет Барретт была «красота», а некоторые из них были просто «совершенны»,

и она очень способствовала развитию викторианских представлений о средневековье через своё творчество. Удивительная история любви Элизабет Баррет и Роберта Браунинга привлекает современных читателей так же, как и читателей викторианской эпохи. Каждый человек любит настоящую историю любви. Тем не менее — биография и литература должны быть разделены, чтобы получить истинное представление о «Португальских сонетах».

Элизабет Баррет Браунинг была одним из великих экспериментаторов в поэзии XIX столетия. Ко времени её брака с Робертом Браунингом она была признана критиками за её часто инновационный и многообещающий стих. Действительно, когда Уильям Вордсворт умер в 1850 г., Баррет Браунинг серьезно рассматривалась в качестве его преемника на звание поэта-лауреата, соревнуясь с Теннисоном. В течение всей своей жизни она продолжала развивать свои навыки в лирической, религиозной, балладной и гражданской поэзии. И любовь Элизабет проявилась не только её в чувствах к Роберту, но и в её отношениях к угнетённым: детям, работающим по 10–12 часов на фабриках, к женщинам, борющимся за свои права в современном обществе, и даже к домаш-

ним животным (стихотворение *«К Флэшу, моей собаке»).*

Едва ли не самым прославленным стихотворцем викторианской Англии был **Альфред Теннисон,** чья широкая известность среди читателей основывалась главным образом на его лирических стихах и поэмах. Когда в 1892 г. Теннисон умер, 11000 человек подали заявки на билеты на его похороны в Вестминстерском аббатстве. Однако в XX веке популярность поэзии Теннисона пошла вниз. В своих эссе о древности и современности Томас Элиот отмечал: «Теннисон — великий поэт по вполне понятным причинам. У него есть три особенности, которые у авторов редко встречаются вместе, кроме как у величайших поэтов: плодовитость, разнообразие и абсолютный профессионализм» (Т. 5. *Eliot, Essays Ancient and Modern (London: Faber and Faber, 1936), p. 175).*

Таланты, благодаря которым Теннисон получил и сохранил свое место среди великих поэтов Англии, в первую очередь принадлежат художнику. Его гений был ярок и музыкален, но он также соединён с серьезной сдержанностью и терпением, которые не позволяли поэту ничего отдавать в печать, пока эти произведения не

были доведены до совершенства. Этот его «закон чистого и безупречного мастерства» (по определению Мэтью Арнольда) охватывал гораздо больше характеристик его поэзии, чем просто язык. Та же способность Теннисона контролировала композицию его работ; это проявлялось в симметрии каждого произведения в целом, в подчинении каждой детали единому плану, в распределении света и тени, в осторожном использовании украшательств. Его универсальность не менее примечательна: ни один английский поэт не оставил шедевры в столь различных поэтических формах. Благодаря этому разнообразному и непревзойденному мастерству Теннисон входит в когорту великих английских поэтов.

Придя после великих романтиков, Теннисон унаследовал их достижения в повторном открытии поэтических тем, очищении и обогащении английского поэтического стиля, освобождении английского стиха, который он использует как сознательный, заботливый художник. По тематике и форме своей поэзии Теннисон примыкает во многом к традициям «Озерной школы». Но то, что у Вордсворта или Кольриджа звучало поэтически страстно, ибо творилось с мыслями о свободе, равенстве и счастье, у Теннисона проявлялось в

спокойных, вялотекущих, многословных поэтических формах и строках. В лирике других поэтов есть более страстные, крылатые движения, чем в его стихотворениях, но самое большое достижение Теннисона заключено в медитативной, музыкальной, декоративной поэзии, как в поэмах Мильтона или одах Китса.

Теннисон выразил с абсолютным мастерством бесконечные великие эмоции человеческой природы: любовь, радость, горе, надежду, уныние, ответы души на воздействие мира и природы, чувство ужасной тайны в человеческой жизни, расплывчатые, но настойчивые инстинкты, которые стремятся к бессмертию, и, кажется, обещают ему тоскующую веру в божественную доброту. Особенно его слава возросла после публикации обширной дидактической поэмы *«In Memoriam A.H.H.»* (1850), где позитивизм сочетается с благочестием, дань его рано умершему другу Артуру Хэллэму, с которым Теннисон познакомился ещё в Кембридже. Некоторые современные авторы, как Джонс Гаррет («Альфред и Артур: история дружбы», 2001), считают, что между Теннисоном и Хэллэмом были гомосексуальные отношения. но это только предположения, ибо факты говорят о другом: Артур Хэллем влюбился в сестру Тенни-

сона Эмили, когда жил в Линкольншире у семьи Теннисонов, и очень эмоционально писал об этом в своих письмах. В том же 1850 г. Теннисон сменил Вордсворта, получив звание поэта-лауреата. Его хвалили в литературных кругах, и он также пользовался большой популярностью в светском обществе. ни один из поэтов-лауреатов до него не создавал, и регулярно, так много поэтических сочинений разных форм, обращаясь к разным слоям общества.

Самым известным произведением Теннисона был цикл поэм «королевские идиллии», состоящий из 12-ти книг (1885), в основу которых лёг средневековый артурианский цикл легенд. Интерес Теннисона к легендам, связанным с королём Артуром, оставался неизменным на протяжении полувека. Баллада *«Леди из Шалота»* (1832) была лирической прелюдией к этой обширной теме; два родственных текста: о сэре Галахаде, сэре Ланселоте и королеве Гвиневре — нашли место в двухтомнике 1842 г., в котором также был напечатан небольшой фрагмент «смерть Артура» (Morte d'Arthur).

Первая, самая ранняя версия «леди из Шалота», содержала двадцать строф и была написана, когда Теннисону было всего 22 года. она была

включена в «стихотворения»: том, изданный к концу 1832 г., хотя на титульном листе стояла дата 1833 г. Теннисон был огорчен и испуган негативными отзывами некоторых критиков, в том числе оскорбительной статьей Джона Уилсона Крокера в «Куотерли Ревью» (6 апреля 1833 г.). Впоследствии он пересмотрел своё стихотворение, удалив одну из строф, и в 1842 г. оно было переиздано. Использование настоящего времени и постоянная, довольно сложная схема рифмовки aaaabcccb наполняют эту балладу чувством близости и непосредственности. Теннисон замечательно передает повторяющуюся монотонную жизнь леди, заключенную в «четыре, с башнями, стены» на тихом острове Шалот, на которую наложено проклятье (а не сама она «Волшебница») — постоянно плести узоры на полотне, наблюдая за событиями внешнего мира только в зеркале. Иначе она умрёт, бросив свою работу. запоминается сочное описание Теннисоном энергичного сэра Ланселота, в которого леди неожиданно влюбляется, выходит из своей башни, садится в лодку и плывет к замку Камелот, облаченная в девственное «белоснежное» одеяние. но заклятье исполняется, и сэр Ланселот смотрит на её мертвое тело. по иронии судьбы

он не понимает, насколько Леди с острова Шалот очарована им. Любовь мертвой Леди безответна — Ланселот просто говорит всем присутствующим:

«Её была прекрасна стать,
Господь, даруй же благодать
Ей, Леди из Шалота».

Теннисон был самым популярным поэтом эпохи королевы Виктории, можно сказать, всецело национальным поэтом. Лоуренс В. Маззено утверждает, что «ни один поэт никогда не был так тесно связан со своим временем, как Альфред Теннисон. Викторианцы были очарованы его поэзией. Он мог заставить их плакать… Он мог разжечь споры… И, прежде всего, он мог предложить читателям возможность надежды, возникающей из горя…» *(Laurence W. Mazzeno. Alfred Tennyson: The Critical Legacy. New York: Camden House, 2004. P. 1).*

Среди главных викторианских авторов **Мэтью Арнольд** уникален в том смысле, что репутация одинаково распространяется и на его поэзию, и его прозу; хотя поэзии была отдана только четверть его творческой жизни. Стихотворных произведений Арнольда намного меньше по объему, и они менее разнообразны по интересам

и диапазону, чем у его двух более популярных современников, Теннисона и Браунинга. Но они отражают, в определенных направлениях, даже более точно, чем поэзия вышеупомянутых авторов, некоторые специфически значимые тенденции мысли XIX века. По своим интеллектуальным симпатиям и интересам Арнольд был гораздо ближе к Браунингу, чем к Теннисону. Как и Браунинг, Арнольд был в значительной степени человеком мира, хотя, в отличие от него, он старательно скрывал эту сторону своей поэзии.

Более всего Арнольд стремился к ясности, к классической красоте и правдивости слов и образов. Современная поэзия, считал Арнольд, чтобы хорошо отражать век, «может существовать только благодаря её содержанию: становясь полными краткими биографиями великих современников». Поэзия — это нечто большее, чем «Красота Китса, чем Правда и Красота Правды». Поэзия, по мнению Арнольда, источник моральной терапии для современников и заместитель слабеющей христианской веры. «У Поэзии — две задачи: одна, чтобы совершенствовать мысли и чувства; другая, чтобы возвышать разум музыкой слова, многочисленными намеками и возвышенным стилем».

Восприятие Арнольдом красоты и величия в искусстве переместилось от эстетического воздействия к воздействию моральному, которое влияет на поведение и характер человека. Поэзия Арнольда свидетельствует о том, что его автор отказывался идти на компромисс с духом своей эпохи, в гораздо большей степени, чем это справедливо для Теннисона или Браунинга. Анализируя сложное, больше интеллектуальное, чем чувственное творчество Мэтью Арнольда, профессор Е. Д. Джонсон («Диалог Разума с самим собой») отмечает: «Главные герои его стихотворений — неизменно одинокие и изолированные фигуры, чуждые их среде».

Арнольда нельзя назвать поэтом-лириком, хотя некоторые его стихотворения, как, например, стихотворение *«Requiescat»*, достаточно музыкально, лирично, наполнено незабываемой грустью и медитативностью. Оно посвящено некоей женщине, чья смерть может скрывать жалобы и упреки в тоскливой и трудной жизни женщин XIX века в целом: может, она была одной из тех соблазнительных, умных и творческих женщин, у которых никогда не было, по словам Вирджинии Вульф, «собственного пристанища».

Интересны споры, касающиеся двух стихотво-

рений Арнольда: *«Одиночество: к Маргарите» и «К Маргарите: продолжение».* Была ли французская девушка, в которую Арнольд влюбился в Швейцарии, реальной или воображаемой. В письме к Клафу от 29 сентября 1848 г. Арнольд писал, что «задержался однажды в гостинице «Бельвю» ради голубых глаз одной из её обитателей». Всё же можно предположить, что Маргарита была действительно реальна, как и были настоящими мучения влюблённого, который не мог отдаться этой страсти. Постоянное чувство одиночества, свойственное поэзии Арнольда, наполненное иллюзорным счастьем мужчин, которые *«Мечтали, что сердца сольются //В одно, и с верой в эти дни // Сквозь одиночество пробьются»* проявилось в одном из самых известных стихотворений Арнольда — «Одиночество. К Маргарите», а также в бескомпромиссных и парадоксальных строках: *«Нас — миллионы одиноких»* сопутствующего стихотворения («К Маргарите: продолжение»).

Нотки тоски, как и отчаяния, звучащие в этих произведениях с особенной силой, постепенно переходят от настойчивого поиска причин расставания в первом стихотворении, к более мелодичной и спокойной лирике второго. Но горечь расставания как никогда была сильнейшим

чувством Арнольда:

Ошибся я! А может, знал,
Что всё случится очень скоро!
Душа – себе же трибунал,
И веры рушится опора.
Взлёт и паденье наших нег
Отвергла ты; – Прощай навек!

Классическая форма, которую приняло уныние Арнольда, заслуживает внимания. Он был назван самым классическим поэтом в английской литературе со времен Мильтона. Пропитанный духом эллинистического стоицизма, его стих был отполирован и прозрачен.

Другие поэты «викторианского полудня»

Аделаида Энн Проктер была любимым поэтом королевы Виктории. С раннего возраста проявляла она любовь к поэзии, нося с собой, будучи еще маленьким ребенком, «крошечный альбом…, в который её любимые отрывки были скопированы для неё рукой её матери, прежде чем она сама смогла их записать… как маленькая девочка носит куклу».

Первое опубликованное стихотворение Аделаи-

ды Проктер — «Ангелы-служители» — появилось в 1843 г., но её поэтическая карьера была начата через 10 лет, когда она отправила свои стихотворения Чарльзу Диккенсу, другу своего отца (поэт Барри Корнуолл), для издания их под псевдонимом «Мэри Бервик»: «ради папы, а не ради них самих», как она отметила в предисловии к сборнику «Легенды и лирика» (1866). Диккенс даже и не знал, что «мисс Бервик» — это известная ему девушка: Аделаида Проктер. И только в своём восхитительном письме к мисс Проктер от 17 декабря 1854 г., Диккенс, мудро размышляя о жизни и личности воображаемой мисс Бервик, написал: «…ты доставила мне столько удовольствия и заставила меня пролить так много слез, что я могу думать о тебе сейчас только в связи с чувствительностью и изяществом твоих стихов».

Стихотворения мисс Проктер были очень популярны. Ковентри Патмор в автобиографическом фрагменте о ней (1877) заявил, что её поэзия превосходит по спросу любого другого живущего автора, кроме Теннисона. Именно к этим двум поэтам королева Виктория обратилась с письмом об утешении друга в 1872 г. Она процитировала фразу из «In Memoriam» и строку из «Ангела смерти» — «самого прекрасного стихотворения

Ад. Проктер».

Первая серия легенд и историй Проктер была посвящена Матильде Хейс (1820–1897), которая в это время жила в «женском браке» с американской актрисой Шарлоттой Кушман и с которой Проктер тесно дружила. Джилл Грегори, преподаватель Университета Нотр-Дам в Лондоне, предполагает, что Проктер, возможно, была лесбиянкой и влюблена в Матильду Хейс, одного из членов Общества содействия трудоустройству женщин, хотя другие критики назвали их отношения только «эмоционально насыщенными». Изабель Армстронг в своём, одном из лучших, исследовании — «Викторианская поэзия: поэзия, поэтика и политика» (1993) — отмечала, что Проктер «фактически олицетворяет интересы женщины-поэта того времени». Но её женская поэзия содержит также признаки подавленных эмоций и желаний.

Аделаида Проктер — одна из самых важных поэтесс XIX века. Она сочиняла религиозные, дидактические и любовные стихотворения, в которых изображала бездомных, бедных и падших женщин. Её непритязательные стихи имеют дело с простыми эмоциональными темами, выраженными незамысловатой формой и «имеют

очарование, которое едва ли можно объяснить на основании высоких литературных достоинств, но которое, скорее, связано с тем фактом, что они являются изысканным выражением серьезной и благодетельной жизни» *(Британская энциклопедия, 1911).* Таковые её стихотворения, посвященные любовным чувствам: *«Вопрос женщины»* и *«Символ Любви».* В последнем стихотворении мы видим глубокое знание поэтессой женской психологии: она ярко изображает то, что привлечёт внимание «девы» к влюблённому в неё юноше или рыцарю, намекая ему на особый подарок ей. А с другой стороны, пишет поэтесса, этот дар потом будет брошен небрежно среди всяких «побрякушек».

Поэтических книг **Артура Хью Клафа** немного, и большая часть их была издана после его смерти. У его поэм и стихотворений есть определенные повествовательные достоинства и психологическое проникновение, а некоторые из его текстов достаточно мелодичны и соответствуют их глубине мысли. По словам Гленн Эверет, Клаф считается одним из самых перспективных английских поэтов XIX века в связи с некоторой сексуальной откровенностью, которая потрясла его современников. Жена Клафа в своих

воспоминаниях о нём отмечает «его абсолютную искренность мысли, его сильное чувство реальности, которые не позволили ему сочинить что-либо поверхностное».

Клаф занимает высокое и постоянное место среди викторианских поэтов не только потому, что он представляет собой эпоху английской мысли, а потому, что он представляет её очень индивидуально. Можно найти в его стихах различные недостатки; частую нерешительность, которая в большинстве случаев вредит их моральному воздействию; некоторую фрагментарность, слабость структуры произведения, случайные затруднения в ритмике. Но при таком искреннем восхищении всем лучшим в телесном и внутреннем мире, его юмор, смелый и тонкий, его нравственный пыл никогда не угасал. Он часто выступал против религиозных и социальных идеалов своего времени, принимал их за меланхолию и недоумение переходного периода. Он оказал большое влияние на более поздних поэтов, таких как Т. С. Элиот, и его лучшие работы намекают на радикальные эксперименты и раскол субъективности, которые станут отличительными чертами модернизма. Так Изабель Армстронг считает Клафа «поэтом-янусом», свя-

занным с поэтической традицией XVIII века и предвосхищающего современность.

Чарльз Кингсли сочинял, в основном, прозу. Его стих, однако, имеет много достоинств и может быть прочитан с некоторым истинным удовольствием. Он обладал способностью к поэтическому творчеству, как и многим другим литературным формам. В 1855 г. журнал «Чемберс» призвал Кингсли вообще прекратить писать художественную литературу и вместо этого стать национальным лириком, поэтом для народа, как Бернс. По мнению критиков, Кингсли обладал всеми необходимыми способностями: оригинальностью, искусной непосредственностью, простотой, интеллектуальностью, интенсивностью чувств и «ясностью Данте» Однако он создал за всю жизнь лишь несколько приятных, но не очень талантливых баллад и стихотворений, таких как *«Сапфо» и «Юность и старость».* Его чувство ритма кажется несовершенным, хотя слух его был верным, но часто музыкальность его стиха становится монотонной, его ритмические идеи редко поддерживались или счастливо развивались. Кингсли начинал блестяще и дерзко, но заканчивал слабо и болезненно, так что из совершенных работ он оставил мало или во-

обще ничего. В целом, Чарльз Кингсли был не столько гениальным поэтом, сколько человеком, имеющим много достижений в литературном творчестве и обладающим многими способностями.

Светские поэты-прерафаэлиты

Из раннего средневекового романтизма в середине XIX века возникла самая поразительная школа (художественная и литературная) во главе с Данте Габриэлем Россетти и его соотечественниками, которых назвали — *прерафаэлиты.* Новое поколение, возглавляемое Россетти и Суинбёрном, были сторонниками идеи обособленности художника, ставя его художественную индивидуальность выше его социальной ответственности. Прерафаэлиты были свободным и неопределённым сообществом викторианских поэтов, художников, иллюстраторов и дизайнеров, чья деятельность продолжалось с 1848 г. до конца века. Черпая вдохновение в изобразительном искусстве и литературе, их творчество проходило в особой атмосфере и настроении, используя повествование, сосредоточиваясь на средневековых предметах, художественном самоанализе, женской красоте, сексуальном стремлении и

измененных состояниях сознания.

В своей вызывающей оппозиции утилитарному духу, который сформировал доминирующую идеологию середины столетия, прерафаэлиты своим творчеством поддерживали эстетический принцип «искусство для искусства». Лишенные политической остроты, которая характеризовала большую часть викторианской литературы и искусства, произведения прерафаэлитов, тем не менее, включали элементы реализма XIX века в его внимании к деталям и в его пристальном наблюдении за миром природы. Прерафаэлитизм, как сказал Оскар Уайльд, взяв на вооружение «три вещи, которые английская публика никогда не прощает: молодость, энергию и энтузиазм», парадоксальным образом проявил в своём творчестве как тоску по прошлому, так и сильный интерес к будущему.

В 1848 г. Данте Габриэль Россетти основал «Братство прерафаэлитов» с шестью другими молодыми людьми, главным образом живописцами, которые разделили его интерес к современной поэзии и также находились в оппозиции устаревшим требованиям современного академического искусства. Страсть прерафаэлитов к литературному творчеству была отражена

в журнале «Герм» (1850), в котором печатались не только рисунки, но и обзоры, очерки и оригинальные стихотворения. Авторами журнала были поэт Ковентри Патмор, сестра Данте Габриэля — поэтесса Кристина Россетти. Редактором — брат Данте Габриэля — Уильям Майкл. Заинтересованный в красоте и звучании языка, стих прерафаэлитов экспериментировал с такими формами, как баллада, лирика и драматический монолог.

Важные литературные события нового содружества прерафаэлитов включали в себя сборник стихотворений Уильяма Морриса «Защита Гвиневры» (1858) и «Современная любовь» Джорджа Мередита (1862). Поэтический сборник Кристины Россетти «Рынок гоблинов» (1862) была первым безоговорочным литературным успехом прерафаэлитов. Иллюстрированный Данте Габриэлем в стиле, которому станут часто подражать, он явился знаковым изданием с точки зрения викторианской книжной иллюстрации. А критическая реакция на «Стихи и баллады» (1866) Алджернона Чарльза Суинбёрна, темы которых включали в себя некрофилию, садомазохизм и богохульство, заставила издателя даже отозвать сборник.

Данте Габриэль Россетти, как сказано, был

основателем «Братства прерафаэлитов», лидером эстетического движения, которое повлияло на живопись, иллюстрацию и на поэзию викторианского периода, бросив вызов общественным устоям. В течение всей своей жизни Россетти поделил свой творческий интерес между живописью и поэзией, он часто сплетал литературу и искусство, изображал на картинах своих чувственных женщин, искал у них вдохновения в литературе, сочиняя свои сонеты как сопутствующие элемент к своим картинам. Подобно Блейку, Россетти также занимался книжной иллюстрацией, а также сочинял стихи к картинам, и не только к своим.

Патрон, критик и друг Россетти Джон Рёскин однажды назвал художника «великим итальянцем, затерянный в Аду Лондона». А один из современных биографов Россетти пишет: «Он присвоил прошлое для своих живописных и поэтических образов, но его искусство было всегда единственно его собственным, сразу же распознаваемым и незабываемым» *(Alicia Craig Faxon. Dante Gabriel Rossetti. Abbeville Press, 1989).* Впоследствии Уолтер Патер, главный идеолог эстетизма-художественного движения, исповедовавшего девиз «искусство ради искусства», — утверждал, что

артистизм поэзии Россетти «искуплен той серьезной целью, той его искренностью, которая с готовностью соединяется с настоящей красотой». А настоящую красоту Россетти видел в женщинах, которые сопровождали его на протяжении всей его жизни.

Внешне Россетти нравился женщинам: он был темноволосым и темноглазым мужчиной, с красивым голосом, особенно когда он читал свои стихи. В начале 1850 г. Россетти встретил свою первую музу — Элизабет Элеонор Сиддал, «Лиззи», продавщицу магазина дамских шляп, которой было в то время 16 или 17 лет. По словам Уильяма Майкла Россетти, брата Данте Габриэля, Лиззи была «самым прекрасным существом, в котором царила атмосфера достоинства и величия: высокая, стройная, с высокой шеей и правильными, но несколько необычными чертами; зеленовато-голубыми неблестящими глазами, прекрасным цветом лица и щедрым богатством медно-золотых волос. У неё было скромное чувство собственного достоинства и насмешливая сдержанность». Данте «глубоко и сильно» влюбился в неё, и в 1851 г. они обручились, хотя и неформально. Через два года Лиззи начала страдать от повторяющихся приступов недомогания,

невралгии и чахотки. Из-за сильных болей она стала принимать лауданум (настойку опия), создав для себя наркотическую зависимость. Какой бы ни была причина ее плохого здоровья, употребление лауданума ухудшало её психическое и физическое состояние в целом.

И до брака отношения между Россетти и Лиззи были сложными, а общение Данте Габриэля с другими женщинами, особенно с моделью Энни Миллер, еще больше обострило их. Всё это привело к временному разрыву между Лиззи и Россетти в 1856 г. Невротическая энергия их страстных сцен находила выход в поэзии, и, скорее всего, стихотворение *«Лесной молочай»* (1856 г.) было написано именно в эти дни их разрыва:

Здесь я забыл свою беду
И мудрость, но всегда найду
В осколках прошлого звезду —
Тройных соцветий череду.

Лиззи покинула Лондон, чтобы поправить здоровье в Дербишире в 1857 г.

В это время, работая в Оксфорде с Уильямом Моррисом над созданием фресок для Оксфордского Союза, Россетти встретил ещё одну потрясающую 17-летнюю девушку — Джейн Бёрден, дочь

театрального конюха. И он, и Моррис влюбились в неё, но из-за Лиззи Россетти не стал ухаживать за Джейн, которая приняла предложение Морриса, в 1859 г. выйдя за него замуж. После этого Россетти никогда не терял и не скрывал своей любви к Джейн и увековечивал её в своих картинах и рисунках. Оставив Лиззи в Мэтлоке в начале 1858 г., Россетти всё же решительно отказался от связи с Джейн, вступив в длительные отношения с Фанни Корнфорт (настоящее имя Сара Кокс).

Но в апреле 1860 г., после фактически двухлетнего отчуждения, Россетти решил выполнить своё обещание жениться на Лиззи, когда нашёл её в тяжёлом состоянии, истощенной, прикованной к постели, неспособной даже есть; она казалась умирающей. Россетти и Лиззи поженились 23 мая 1860 г. в Гастингсе. Вскоре после замужества, обрадованная беременностью, но все еще принимающая лауданум от утреннего недомогания, в мае 1861 г. она родила мертворожденную девочку и страдала от тяжелой послеродовой депрессии. 11 февраля 1862 г. вновь беременная Лиззи скончалась из-за передозировки лауданума.

Перед её похоронами Россетти поместил единственную рукописную копию своих стихотво-

рений, ожидающих публикации, в гроб с Лиззи между щекой и волосами, говоря: «Я сочинял эти стихотворения, когда Лиззи болела и страдала, и, возможно, проявлял внимание к ней, пусть теперь они уйдут с нею». И хотя потом Фанни Корнфорт поселилась в доме Россетти на правах экономки, смерть Лиззи ввергла Россетти в более глубокую меланхолию. Оставаясь холостяком, Россетти вскоре начал страстный роман с Джейн Моррис, которая стала его великой любовью, главной музой и натурщицей с 1865 г. Джейн Моррис также страдала от плохого здоровья, однако годы их отношений совпали с частью его самой энергичной поэтической деятельности. В Фанни Корнфорт Россетти видел воплощение физического эротизма, а в Джейн Моррис — романтический образ небесной богини.

В 1869 г. Россетти решил издать свои стихотворные произведения, и в октябре он нанял Чарльза Хауэлла и других людей, чтобы выкопать из могилы своей жены единственную рукопись его сонетов, посвященных ей. В жуткой сцене, на фоне фонарей и костра, гроб Лиззи был эксгумирован, и рукопись (изъеденная червями) была поднята на поверхность.

В дополнение к сонетам в рукописи *«Дома*

жизни», который он, наконец-то, издал (1870), Россетти стал пересматривать другие свои стихотворения. В течение 1870-х годов Россетти снимал различные загородные дома с Джейн Моррис, продолжая писать стихи и добавлять сонеты, посвященные теперь своей новой музе, к циклу «Дом Жизни». Таковыми являются сонеты *«Тихий полдень» и «Приют сердца».* Многие критики считают этот цикл лучшим поэтическим творением XIX века. Точная хронология сонетов неизвестна, потому установить точное соответствие каждого сонета с жизнью Россетти невозможно, но в них заключен дух, который проходит через все тонкости любви и жизни. В них мы видим глубочайшие чувства: рождение любви, её возрастание, её противоречивую власть, рождающую печаль разлуки, мучение от потери возможностей, неосуществленное честолюбие, глубокие сомнения — то есть события в значительной степени автобиографические. Думается, что «Дом жизни» можно поставить в один ряд с елизаветинскими сонетными циклами Шекспира, Спенсера, Дрейтона, Дэниэла:

Она подчас дитя в моих руках,

Средь тёмных крыльев, что к любви

стремятся,

И слёзы по её лицу струятся —

Повёрнутом – на нём безмолвный страх.

Как часто, потерпев душевный крах,

В её объятьях я хочу остаться —

В той крепости, где бедствий не боятся,

Где сладость чар несходных на губах.

В сонетах Россетти много внимания уделено страсти, но не как простому удовольствию, а как надежде, печали, искреннему страданию. Россетти внёс радикальные изменения в темах и стиле викторианской поэзии. Скромный объём его поэтических работ является достаточно широким и по манере письма, и по сюжетам. Россетти был талантливым экспериментатором, и его оригинальная ритмика повлияла на поэзию конца XIX века. А эротизм и духовность его стихотворений восприняли многие поэты от Суинбёрна до Уайльда.

Из всех великих английских поэтов **Уильям Моррис** является тем, кого меньше всего можно рассматривать или оценивать как исключительно поэта. Для него поэзия не была изолированным

искусством. Она была приложением к материалу ритмического языка конструктивных и декоративных принципов, общих для всех искусств. Моррис сочинял стихи, когда занимался ткачеством или дизайном, или печатал книги, изготавливал домашнюю мебель или украшал стены.

Поэтические книги Уильяма Морриса: «Защита Гвиневры: и другие стихотворения» (1858) и «Земной рай» (1868) — вошли в Золотой фонд британской поэзии. Его первый сборник представляет собой последний результат романтического движения и показывает его связь со средневековой традицией посредством нового творческого понимания истории. «Защита Гвиневры» является уточнением этого более позднего, глубокого средневековья. Этот сборник привлек к себе мало внимания, но баллады Морриса обладали огромной жизнеспособностью. Технически стихотворения в этом издании не совсем уверенны по исполнению, незрелы и довольно сырые. Но они были символом новой эры и появления нового поэта.

Годом ранее, в 1857 г., Джейн Бёрден стала позировать Моррису для его картины «Королева Гвиневра» (другое название «Прекрасная

Изольда»). Согласно легенде, Уильям написал на заднике холста: «Я не могу писать Вас, но я люблю Вас». Через год после того, как была опубликована его первая книга, Моррис женился на Джейн, и, будучи довольно богатым человеком, поручил Уэббу спроектировать «Красный дом» (Red House) в Кенте. Выйдя замуж за Уильяма Морриса, Джейн начала заниматься самообразованием, выучила итальянский и французский языки. С годами она превратилась в настоящую леди, чьи манеры и речь современники назвали «царственными».

В «Защите Гвиневры» Моррис берёт за основу артуровские средневековые легенды и создаёт на их основе более красивый цикл, чем, как пишут некоторые критики, Теннисон, чьи «Королевские идиллии» появились через год после сборника Морриса. Баллада *«Золотые крылья»,* входящая в этот сборник, была создана 24-летним молодым викторианцем, который только вырвался из объятий евангельского протестантизма, восприняв идеи прерафаэлитизма Россетти. Стихотворение начинается с описания идиллической, ничем не омрачённой жизни в средневековом замке, где зреют фрукты, война редко нарушает обычную жизнь людей, влюбленные целуются, лебеди

плавают на воде, кругом ходят милые молодые люди. Тем не менее, Моррис предполагает, что, возможно, Жанна была не такой радостной, как другие: ни её бело-красная одежда, ни венок, который она носила, не доставляли ей никакого удовольствия; вместо этого она остановилась на своём одиночестве и отсутствии любви. Потому резкое изменение в тоне поэмы предполагает последующую кончину девы Jehane du Castel, которая, мучаясь от неразделенной и необузданной любви, погибает.

Аналогичное изменение сюжета происходит в «Леди из Шалота» Альфреда Теннисона: Леди из Шалота знает, что она проклята, но продолжает свою работу, постепенно всё больше узнавая о своём одиночестве и разочаровании, пока её мир буквально не разрушился. Подобно Леди из Шалота, которая поначалу упорствует, несмотря на то, что ощущает надвигающуюся гибель, Жанна вначале сохраняет надежду, что её любимый придет к ней. Однако Жанна не умирает в лодке, а, скорее всего, именно она убивает человека, который её не любил. Конечно, эти обширные параллели между «Леди из Шалота» и «Золотыми Крыльями» доказывают, что теннисоновская поэзия повлияла на раннее творчество Морриса.

Все же сильный женский образ — несмотря на печальный конец стихотворения — заставляет испытывать не страх перед Жанной, а, скорее, огромную симпатию к ней. Да и вообще, то, что точно происходит в конце «Золотых Крыльев», не совсем ясно. Ищет ли Жанна своего возлюбленного для того, чтобы найти его мёртвым, осуществляя самоубийство на берегу, или ищет она его только для того, чтобы быть сражённой на берегу теми самыми врагами, которые убили её возлюбленного? Концовка баллады не очень ясна, но в ней заложена мысль, что некий глубокий космический принцип был нарушен, природа вещей искажена, а результат предсказуем и ужасен. Ибо в лодке (когда-то предназначенной для любовного свидания) лежит не любовник Жанны, а смерть любви.

Интересна баллада Морриса «*Старая любовь*», в которой шутки двух старых бургундских рыцарей (XV век), начинаясь с обсуждения переделки разбитого шлема (бацинет) в лёгкий шлем (салад), переходят к обсуждению старого герцога и старой герцогини. Мысли о разбитом старом шлеме рождает ассоциативные воспоминания о своей молодости. Рыцари вспоминают о прошлой жизни при дворе, потом в подробностях

обсуждают постаревшую герцогиню. И всё же мы сочувствуем старым рыцарям, потому что в конце стихотворения становится очевидным, что все сравнения настоящих черт герцогини с днями её молодости — это просто сознательная, жалобная попытка использовать несовершенства возраста, чтобы как-то прогнать или «сокрушить» свою прежнюю любовь к ней.

Одно из самых красивых стихотворений Морриса, включённое в его поэму «Жизнь и смерть Ясона» (1867), является «Песня Нимфы, обращенная к Гиласу». Ради соблазнения красивого юноши одна из нимф начинает петь ему сладостную лиричную песню. Такие песни разбросаны по всей поэме. В своём оригинальном эссе (1921 г.) о поэзии Эндрю Марвелла Томас Элиот сравнивает (и в неблагоприятном свете) «Песню Нимфы, обращенную к Гиласу» Морриса с «яркой напряжённой чёткостью» стихотворения Марвелла «Нимфа и фавн». Несмотря на это мелодичность и красота стихотворения Морриса пленяет по-прежнему.

Джордж Мередит был крупным викторианским романистом, чья карьера развивалась в связи с эпохой великих перемен в английской литературе во второй половине XIX века. Одна-

ко из писем Мередита становится ясно, что он всегда считал поэзию своим истинным литературным призванием, но обратился к написанию романов по финансовым причинам. До того, как ему исполнилось двадцать лет, он доказал свою способность писать стихи; и те стихотворения, которые он публиковался в возрасте 73-х лет, показывают нам его замечательную поэтическую способность выражать свои мысли и чувства. Поэзия, по словам Мередита, была его «злой феей, которая обрекала его на нищету от самой колыбели из-за любви к стихам».

Критики характеризуют его поэзию как словесно плотную и метафорическую, и во многих отношениях отражающую обращение авторов конца XIX века к эстетическому искусству. В одном из запоминающихся разговоров о его поздних годах Мередит сказал, что целью его поэзии было заставить «Джона Булля» (собирательный образ типичного англичанина) понять себя. Он также сказал, что, хотя его стихи были мало читаемы, больше всего он заботился именно о них. «Главные темы в моей поэзии, — отметил он, — те, что подчеркивают единство жизни и души, которая проникает через вселенную, и я хочу, чтобы меня запомнили этим. Ибо духовное

вечно».

В конце XIX века английский критик утверждал, что в истинной череде английских поэтов Мередит стоит рядом с Вордсвортом, поскольку ни один другой поэт после Вордсворта так возвышенно не выражал страсти века, в которых любовь к природе сочеталась бы с искренней верой в её добродетель. Таково стихотворение *«Лесная панихида»*, в котором трагические нотки объединили падение пустых осенних шишек с сосны и падение людей. Мередит достигает задумчивого, элегического тона этого стихотворения в основном через его размер — анапест, который создаёт спокойный, несколько безразличный стих. Различная длина строк порождает ощущение непрерывности жизни и повторяющееся падение, как элемент смерти, когда более длинные строки уступают место более коротким. В этом стихотворении Мередит «использует природу как метафору человеческой жизни» *(Richard Curie. Aspects of George Meredith. New-York, 1971. P. 75).* И поскольку ритм стихотворения повторяется, он подтверждает мнение Мередита о том, что лес является не только местом смерти, но также и местом жизни. Стихотворение *«Ветер на лире»* также вдохновлено сознанием единства жизни.

Повсюду человек и природа держатся близко друг к другу, поскольку природа соединяет их.

Большое значение в поэзии Джорджа Мередита имела тема любви. Для него любовь — это гигантское пробуждение, это то, что заставляет нас постигать реальность нас самих и нашего существования. Любовь, которая выживает, подавляет страстное желание; она живет, чтобы питать и помогать, как небеса. Мередит понимает, что такое любовь: смесь каждой боли и каждой радости, фиал отчаяния и триумфа, агонии и радости, эгоизма и самосожжения. Мередит написал замечательное стихотворение, в котором он выражает жажду любви даже через знание о её смертности:

Да, Любовь – богиня,
Люди говорят.
И её святыня —
Вздох и влажный взгляд.

Жить ли без рыданий
Нам на склоне лет,
Без любви страданий?
Тысячу раз – нет!

Любовь в жизни самого Мередита принесла ему

одни страдания. В двадцать лет с небольшим Мередит познакомился с Мэри Николе, овдовевшей дочерью Томаса Лав Пикока, человеком, которым он восхищался. Бурные отношения с женщиной на семь лет старше его завершились в 1849 г. их браком, который не был ни счастливым, ни длительным, отчасти из-за неустойчивого финансового положения Мередита. К 1856 г. Мередит и его жена жили раздельно, а в 1858 г. Мэри уехала в Италию со своим любовником, художником Уоллесом, оставив Мередита одного с пятилетним их сыном Артуром. Через некоторое время она вернулась в Англию и вскоре умерла.

Мередит неоднократно отражал личную травму в своём творчестве, в большей или меньшей степени удаляясь от фактов. Эти «меланхоличные размышления», вызванные смертью Мэри, приняли мощные очертания в поэме *«Современная любовь»* (1862). Пятьдесят 16-строчных т. н. «сонетов» повествуют о конце любовного романа, в них отображается состояние ума и перемена восприятия героя, а не объективная ситуация, не то, что произошло на самом деле. «Современная любовь» — это трагедия двух душ, пойманных в сеть тонкого эгоизма. Этот цикл раскрывает в резких и навязчивых фразах темные глубины их

страданий и ничтожность их трудностей перед лицом великой простоты природы. Последующие отношения Мередита с женщинами в течение некоторого времени оказывались неудовлетворительными. Он влюбился в гораздо более молодую женщину, чьи родители видели в начинающем романисте достойного члена общества, но отказывались считать его подходящей парой для своей дочери. Но всё же согласие на брак было дано.

Поэзия Мередита обладает жизненной и поддерживающей силой. Энергичная вера, которая «поет сквозь беды» и характер, которая способна

Узреть сквозь прах
весь мир в цветах,
Сквозь кровь и слёзы – душу,

передается не наставлением и убеждением, а вдохновением. Художник Мередит показал, что надо относиться к любви просто как к естественному и необходимому проявлению жизни, а не как к её приложению или случайному событию, которых требуют наши моралисты. В идее влюблённости нет никакой особой морали, чем в идее быть живым.

Замечательным поэтом-прерафаэлитом был

Алджернон Чарльз Суинбёрн, также обратившийся в своих балладах к средневековым и античным темам. В них мы находим свидетельства близкого родства со средневековыми романтикой любимого им Данте Габриэля Россетти и его круга. Именно по этой причине многие из стихотворений Суинбёрна написаны чёткой средневековой манерой, в которых учитывается стиль, язык и структура старинных баллад. Однако фундаментальная цель «средневековья» Суинбёрна, по мнению знаменитого критика и искусствоведа Уолтера Патера, передать связное и твёрдое видение мира, систему исторических, социальных, моральных и духовных ценностей, которые больше напоминает цель его современников, не относящихся к эпохе прерафаэлитов. Непреклонное и радикальное романтическое либертенство (и гуманизм) средневековых поэм Суинбёрна — одна из характеристик, отличающих его произведения.

Отличительной чертой баллад Суинбёрна является, по мнению того же Патера, «желание красоты». Живое чувство жизни, восторг и горе любви, политический или религиозный энтузиазм — эти пристрастия характеризуют происхождение, сущность и стиль средневе-

ковых поэм Суинбёрна. Но подлинным даром, который восхитил множество читателей его произведений, была, несомненно, мелодика его стихотворений. Метрическое разнообразие их просто очаровывало. По словам Эдмунда Госса, Суинбёрн довёл «просодию романтического века до своей крайней точки зрелости». Однако это неоспоримое мелодическое мастерство сталкивалось с необычными интеллектуальными и образными особенностями творчества поэта. *«Стихотворения и баллады»,* изданные в 1866 г., представляют собой некий личный манифест восстания против поэтического вкуса дня.

Стихи и баллады Суинбёрна шокировали строгих критиков своим отрицанием общепринятой сдержанности. Потому все метрические и мелодические красоты стиха поэта не смогли смягчить настойчивость и противоречивость Суинбёрна в его выборе тем и в его попытке пересадить образы и лейтмотивы *«Flews du mal»* («Цветы зла») Бодлера на английскую почву вопреки ханжеству и мещанству викторианского общества. Именно это вызвало шквал возмущения читателей, которые восхищались благородными сюжетами Теннисона и идеалами долга и добродетели в стихах и поэмах Браунинга.

Персонажи *«Laus Veneris», «Анактории», «Эротии», «Долорес»* являются чувственными навязчивыми идеями, неким протестом против ханжества, с их болью, муками и впустую потраченной жизнью. Дух «Стихотворений и баллад» Суинбёрна откровенно языческий; в целом они страдают от недостатка содержания; его быстрый гений был слишком легко удовлетворён тем, что снова и снова возвращался к одним и тем же темам и подтверждал их с большим акцентом, но без особого разнообразия. Но в метрическом мастерстве и в богатстве его прекрасного языка, украшенного и отшлифованного, он не имел конкурентов среди английских поэтов. Характерными чертами их является использование аллитераций и слов, которые, благодаря общности звука и формы, перекликаются и дополняют друг друга. «То, что он создает, — говорил Томас Элиот, — это не образы, идеи и музыка, это нечто единое с любопытной смесью всех трех составных частей *(T. S. Eliot. Swinburne as Poet // Selected Essays. New York, 1950. P. 281).* И далее отмечает особенность поэтического мира поэта, который не зависит от какого-то другого мира, который он создаёт; ибо Суинбёрн обладает необходимой полнотой и самодостаточностью для оправдания

и устойчивости своего творчества.

Если взглянуть в целом на сборник 1866 г., то основной темой всех стихотворений и баллад будет Любовь. Причём эти произведения Суинбёрна являются «сознательно разнообразной любовной лирикой». Особое внимание читателей обращено на такие произведения как *«Долорес», Анактория», «Сад Прозерпины», «Laus Veneris», «Эротия».* Некоторые литературные критики расценивают его драматические монологи как беллетризованную автобиографию сексуально трудновоспитуемого человека. Но сам Суинбёрн указывает, однако, что классические и средневековые характеры, основная идея, стиль и манера изложения в этих балладах являются ироническими масками, созданными, чтобы заманить в засаду публично благоразумного, но скрытно похотливого викторианского читателя. Суинбёрн выявляет многие противоречия в викторианских ценностях, смешивая религиозные и эротические положения. Как отмечает Таис Морган в статье «Драматические монологи Суинбёрна: секс и идеология» (1984): «каждая из его драматических персон занимает антикультурную позицию, рекомендуя "засыпание", или приостановку самой этики, как единственный

путь выхода из садомазохистских извращений, которым способствовало ханжеское и подавляющее викторианское общество».

В драматическом монологе «Анактория» древнегреческая поэтесса Сапфо размышляет об относительных ценностях плотской любви и художественного бессмертия. Сапфо описывает плотские наслаждения, которыми она делилась со своей возлюбленной, и страдания, которые та причинила поэтессе:

Любовь к тебе – горька; твои глаза

Слепят, жгут пряди, вдох твой – что коса:

Мой дух и плоть кромсает нежным звуком,

Кровь закипает в венах с громким стуком.

Суинбёрн представляет любовь Сапфо как чрезвычайно чувственную, развивая видение плотской любви как жестокой, всепоглощающей и одновременно болезненной и доставляющей удовольствие. В «Анактории» Суинбёрн развивает концепцию любви как орудие пыток в мире, который не управляется божественным провидением. Сапфо даже оскорбляет Бога и называет его

причиной всех бед и зла в мире. Суинбёрн показывает сложные взаимоотношения Бога и Сапфо; в мире «Анактории» жестокость есть любовь, и любовь — это жестокость. Даже смерть самой Анактории (возлюбленной Сапфо) не могла бы удовлетворить похоть поэтессы, которая хотела бы продлить страдания своей возлюбленной. В основе первого принципа творения — это неограниченная жестокость и зло, которые являются космическими сообщниками времени и судьбы. В «Анактории» мы видим, что разочарование в желании и страсти является главной причиной человеческих страданий, потому что люди слепо стремятся получить наслаждение, независимо от цены, уплаченной за это. Эту концепцию — желание-боль — чётко выразил Суинбёрн в сонете *«Камея».* «Анактория» также перекликается со стихотворением «Эротия» (некая возлюбленная Сапфо).

В балладе *«Долорес (Notre-Dame des Sept Douleurs)»* Суинбёрн воплощает в главной героине свой извращённый вариант божественной женственности. Сильное впечатление оставляет садомазохистская богиня Долорес, «Мадонна всех мук», некоторое искривленное дополнение к образу Девы Марии как Богоматери (Мадонны)

Печалей. Долорес правит как кровожадное и распущенное воплощение божественной женственности. Бесплодная, господствующая над всем и развращённая Долорес и грешит, и радуется «семьдесят раз по семь». Её парадоксальная природа не только возбуждает страсть, но также и отрицает её исполнение. Врожденное сопоставление и сплетение секса и смерти, желания и холодности, боли и удовольствия в природе Долорес придают силу ей, саму себя питающей властью, которая её и увековечивает. Суинбёрн в этой балладе использует христианские образы, чтобы критиковать Христианство. Он оплакивает исчезновение культа классических божеств в пользу христианской морали и показывает, что поклонение Долорес аналогично поклонению языческим божествам. Во многих отношениях садомазохистская Долорес напоминает даже Сатану или его женский аспект — Лилит.

Ещё один одиозный женский образ создан Суинбёрном в *«Саду Прозерпины»*. Здесь греческая богиня, жена Аида, бога подземного царства мёртвых, выступает в роли богини смерти и вечного сна. Викторианский кризис веры, возникший в связи с научными открытиями — основная проблема этого стихотворения, и Суинбёрн пе-

редаёт с помощью метафор и самой его формы чувства Прозерпины, бросающей вызов Христианству и утверждающей ценности язычества. Сад Прозерпины — это символ гармонии, спокойствия и забвения, которое только действительно существует в этом царстве небытия. В самом стихотворении мы находим множество тончайших интонаций, слышим неуловимую, неопределимую мелодию, видим тусклую красоту царства Прозерпины. Можно сказать, что это стихотворение — шедевр описательного искусства. И когда в 1870-х годах Суинбёрн близко сошёлся с Данте Габриэлем Россетти, то картина последнего «Прозерпина» с гранатом в её руке, была написана, возможно, под влиянием стихотворения Суинбёрна. Россетти написал также сонет к своей картине.

Интересно, что лирико-драматическая поэма Суинбёрна *«Laus Veneris»* и последующая картина художника-прерафаэлита Эдварда Берн-Джонса с тем же названием были созданы в течение 4 лет друг от друга: поэма в 1866 г., а картина — между 1873 и 1878 годами. Латинское название переводится как «похвала Венере или Любви», а сам сюжет основан на средневековой легенде о Тангейзере. Легенда о Тангейзере в XIX веке

была издана в Германии несколько раз. Эта средневековая легенда была пересказана Людвигом Тиком (1799), Клементом Брентано (1804), Людвигом Бештайном в коллекции народных сказок Тюрингии (Центральная Германия) и Гейне в сатирическом стихотворении, изданном в 1837 г. Этот сюжет лёг в основу оперы Рихарда Вагнера «Тангейзер» (1849), которая сделала эту средневековую легенду известной всей Европе.

У Суинбёрна, согласно легенде, молодой рыцарь Тангейзер влюбляется в Венеру и живет с ней в её подземном доме, пока не наполнится раскаянием. Он избегает её ловушек и отправляется в Рим, чтобы спросить папу Урбана, может ли он освободиться от своих грехов. Папа заявляет, что это невозможно, так же невозможно, что зацветёт его папский посох. Через три дня после того, как Тангейзер возвращается в Вену, посох Папы, предположительно, покрылся цветами, но рыцарь никогда не узнал об этом божественном чуде и провёл свою жизнь в проклятии. С композиционной точки зрение Суинбёрн начинает повествование после возвращения рыцаря в Хорсельберг, объясняя ситуацию и рассказывая историю по образцу драматического монолога Браунинга, которым Суинбёрн восхищался и под-

ражал в начале своей литературной карьеры. На протяжении всего стихотворения автор монолога оплакивает своё собственное порабощение любовью или это проклятие, как в данном случае:

Хотя твой рот и сладок, и хорош,
Душа моя горька, а в членах – дрожь,
Как на воде, у плоти, что рыдает,
Как в венах сердца – мука, словно нож.

Стихотворение Суинбёрна содержит богатые описания обстановки и окружения Тангейзера и Венеры, а также внутреннего умственного напряжения героя и его идеи любви, которые отражают и её потерю. Много времени и сильных в поэтическом отношении строф уделяет Суинбёрн и развитию характера Богини любви. Как считают некоторые исследователи *(Jessica Simmons. English and History of Art 151. Brown University, 2004),* в «Стихах и балладах» противоречивые аморальные тенденции Суинбёрна наиболее наглядно проявляются в украшательстве образов и тем, относящихся к сексуально извращенному и гротескному типу, которые конкретно ставят под сомнение или отрицают традиционные викторианские нравы в отношении «тендерных» ролей и сексуальных практик — в частности, форм

андрогинности и гермафродитности. Поскольку гермафродит обладает как мужскими, так и женскими сексуальными характеристиками, то в сексуальных объектах затронуты возможности путаницы и разнообразия. Эти термины: «андрогинность» или «гермафродитность» — наиболее конкретно проявились в таких балладах поэта, как «*Фраголетта» и «Гермафродит».* В первом стихотворении автор «видит существо более красивое, чем обычная женщина», которое проявляет очевидные андрогинные качества:

Эрот! Ну, кто ты, мне ответь?
Сын горя? радостного чрева?
Ты слеп, но хочешь зреть?
Беспол, но вид иметь
Юнца иль девы?

Невинно извращенный интерес автора к прекрасному бесполому существу, то есть его философия андрогинности, становится очевидным благодаря использованию Суинбёрном вопросительной формы, так как таинственная природа гермафродита выходит за пределы человеческого царства своей тонкой, сбивающей с толку красотой. Страстный характер эротики этого запрещенного андрогинного существа, а

также символическое изображение запретного в викторианском обществе полового акта («Эрота роза», которую поэт не смеет лобзать) завершается мягким описанием Суинбёрном удовольствия от встречи с ним.

Четыре сонета «Гермафродит», изображая очарование плоти андрогина, а также основной символ его объединения, отличаются от «Фраголетты» тем, что он также иллюстрирует окончательный отказ от желания, типичный для любовной поэзии прерафаэлитов. Олицетворяя любовь, Суинбёрн раскрывает извращенность андрогина, который есть «мужчина, словно смерть…// и женщина, как образ дел греховных». Двойные части тела гермафродита, которые, будучи разделены, апеллируют как к мужскому, так и к женскому желанию, вместе не обращаются ни к одному. Суинбёрн здесь следует Бодлеру в использовании извращенных и андрогинных образов ради стремления к определенным эстетическим литературным аффектам. По словам самого Суинбёрна, «великие поэты бисексуальны; мужчина и женщина одновременно».

Христианские прерафаэлиты и христианские романтики

Против рационализма и позитивизма Браунинга и Арнольда выступили прерафаэлиты со стороны социально-эстетического романтизма: Кингсли, Моррис, возможно, Теннисон. И, наконец, появились *христианские прерафаэлиты и романтики* (большей частью католики), которые знали, что красота сама по себе может легко вводить в заблуждение. Красота, правда и добро принадлежат и существуют друг в друге, и если вы разделите их, они будут увядать и умирать.

Кристина Россетти была естественным членом братства прерафаэлитов. Её неземное, слегка скорбное лицо, было изображено её братом на 14-ти портретах. Она была моделью для ранних картин Россетти, включая «Девственность Марии Богородицы». Принято считать, что талантливая сестра Данте Габриэля сама принесла свои стихи в недолговечный журнал прерафаэлитов «Герм», и очень важно, что первые из них были посвящены ранней смерти, основной теме в живописи прерафаэлитов того периода. В творчестве Кристины часто повторяются одни и те же темы из ограниченного круга тем прерафаэлитов: хри-

стианская доктрина, средневековый миф, мораль современной жизни и сцены из литературы. Прекрасная оригинальность её стихотворений делает её самым верным «прерафаэлитом» всей знаменитой группы. В отличие от своего брата, чья симпатия к религии была чисто художественной, или Суинбёрна, чье отношение к ортодоксальным концепциям христианства было открыто враждебным, Кристина Россетти до конца своей жизни была набожной христианкой, находящей высочайшее вдохновение для своих песен в своей вере и в наделении англиканских идеалов поклонения некой мистической красотой. «Мисс Россетти, — отмечала Эллис Лоу в статье «Поэзия Кристины Россетти» (1895), — подобно своему средневековому прототипу, искала и находила утешение для неудовлетворенных желаний сердца в благочестивом простирании духа и вознесении души к Богу».

В то время как искусство Данте Габриэля было вызвано сочетанием яркого воображения и романтической игры, реалистическое напряжение меланхолии, которое можно найти в таких стихотворениях Кристины, как *«Помни»*, было взято из её реальной жизни. За её психическим расстройством в возрасте 14 лет последовали два

болезненных случая и другие неосуществленные привязанности. Может в её творчестве отразилась также возможность, часто предполагаемая, раннего сексуального насилия. Самая известная поэма Кристины «Рынок гоблинов» (1859) пронизана тревожным эротизмом, близким к тому, что заметно в зрелых картинах её брата, их сексуальность едва скрыта под мифами и метафорами.

Многие женщины писали стихи: несмотря на многочисленные препятствия, антологии и журналы женской поэзии поощряли особый разговор между женщинами-поэтами. Изабель Армстронг («Викторианская поэзия», 1993) утверждает, что женщины использовали «выразительный» язык для представления своих эмоций и переживаний, а символические образы были, как это ни парадоксально, средством выражения и частью их противодействия насилию. Она предполагает, что их поэзия включает в себя «движение наружу, разрушение барьеров». Часть учёных называют Кристину Россетти «монахиней искусства», но критик Ян Марш отметил, что после смерти Элизабет Баррет Браунинг именно Кристину Россетти можно назвать естественной преемницей «женщины мира».

Особенный дар Кристины Россетти является

одним из редчайших в поэзии, если не величайшим: это дар песни. Фонтан музыки бил внутри неё, никогда не прекращаясь в течение всей её жизни. Она была замкнута душой, которая не доверяла окружающему её миру, отворачиваясь от него, не в страхе, а с убеждением в его тщеславии. Её разум и воображение всегда определялись пуританским правилом, которое она принимала от начала и до конца. Кристина не выходила за его пределы, хотя и окруженная самыми поразительными возможностями своего поколения, эстетическими и интеллектуальными.

Потому в своей поэзии она приблизилась к особой красоте, которая была насыщенна земным теплом и ароматом и несла в себе прелесть верности совершенной земной любви. Об этом говорят её стихотворения *«Дочь Евы»*, *«День рождения»*, *«Тщетность красоты»* и другие.

Кристина Россетти влюблялась дважды в своей жизни. Первый раз в Джеймса Коллинсона, потом с Чарльза Кейли. Парадоксальный характер гениальности Кристины, когда она была влюблена, можно видеть в стихотворениях, которые она тогда создала. Ни одно из ее поэтических обращений к Коллинсону не отражает радость или надежду. Напротив, в разгар своей любви к

нему она написала некоторые из своих самых острых строк о неизбежности и пафосе смерти. У неё идея любви неумолимо превратилась в идею смерти. В стихотворении *«Помни»* она просит своего возлюбленного вспомнить её, когда она умрет, потому что это всё, что он сможет сделать для неё. Затем, с характерным смирением, она уверяет его, что даже в этом нет необходимости, и что она просит лишь то, что он сам не должен быть несчастным:

Меня ты вспоминай, когда уйду,
Уйду в сырую землю на покой,
И не придержишь ты меня рукой,
Когда я повернусь чуть-чуть в бреду.

В прекрасной «Песне» *(«Когда умру, любимый»),* которая является своего рода аналогом этого сонета, Кристина предвидит, что смерть будет означать для неё, и задается вопросом, возможно, она также забудет прошлое. Несмотря на то, что Кристина отказывалась любить, она была недостаточно сильной, чтобы обуздать все свои женские и человеческие инстинкты.

В сонете *«После смерти»* (1862) Кристина Россетти обращается к общим темам викторианской поэзии того времени — смерти, трагической

любви и возможности загробной жизни, делая героиней стихотворения женщину. «Как в её любовных стихотворениях, так и в религиозной поэзии, — отмечал Артур Саймоне, — есть определенный аскетизм, сама страсть, говорящая на языке наказания, печальном языке абсолютного отречения. Этот мотив, страсть, которую она помнит и подавляет, осужденная на вечную память и вечную скорбь, является мотивом многих её лучших работ».

Ричард Диксон познакомился с Уильямом Моррисом в 1851 г. в Оксфорде и принял участие в создании «Оксфордского и Кембриджского журнала», потом познакомился с Россетти, участвовал в оформлении стен нового дискуссионного зала в Оксфордском союзе фресками из Артуровского цикла. Будучи близок с прерафаэлитами, Диксон всё же отошёл от живописи, в отличие от Россетти и Морриса, и посвятил себя только литературному творчеству. Диксон был единственным поэтом-прерафаэлитом, который оставался ортодоксальным христианином, потому его поэзия обращена к религиозным темам, и, даже обращаясь к средневековью, произведения Диксона отличаются от светских, часто с элементами эротики, стихотворений Россетти или

Морриса. Стихотворения его первого сборника «Содружество Христа», хотя, в основном, посвящены религиозным темам, не являются строго религиозной поэзией; это работы художественного воображения, а не чувств верующего.

Критики считают, что только как лирический поэт Диксон проявил свои таланты в полной мере. В его стихах мы находим глубокую вдумчивость и серьезность, а также очень редкий дар чистого воображения, подобный Кольриджу, Вордсворту или Китсу. Основная идея Диксона и его вера заключалась в необходимое соединение любви и страдания, которая выражала знакомый романтический парадокс на христианизированном языке, выраженном в его «Св. Павле»: «Любовь лучше расцветает от мучений и сомнений». Особенно удачны стихотворения Диксона о природе, на которые была сочинена музыка, в том числе и Хопкинсом, поэтом и священником, на которого Диксон оказал большое влияние. В своём письме к Диксону Хопкинс написал о прекрасной песне *«Пол-оперенья ивы»:* «Я не думаю, что можно найти две строфы, настолько переполненные пафосом природы и пейзажа (за исключением, возможно, у Вордсворта)». И действительно, это стихотворение представляет

собой пример объединенной живописной и музыкальной привлекательности поэзии.

Ковентри Патмор, несмотря на сравнительно небольшой объём своего поэтического творчества, является одним из основных поэтов XIX столетия. Джон Рёскин сказал как-то о Патморе: «он единственный живущий поэт, который всегда придаёт силы и очищает; другие иногда омрачают и почти всегда угнетают и обескураживают тем, что они глубоко захватывают». Элис Мейнелл, отредактировавшая в конце XIX века избранные произведения Патмора под названием «Поэзия пафоса и восторга», говорит о нём ещё более восторженно, как «о божественном голосе нашего времени».

С детства до самой смерти Ковентри Патмор поддерживал себя и вдохновлялся убеждением, что ему предстоит выполнить определенную миссию. Он считал, что должен быть призван воспеть *Любовь в Браке*, то «что было упущено большинством поэтов всех стран», как он сказал Обри де Веру в 1850 г. По словам самого Патмора «Любовь делает жизнь роковой вечной девственностью». Он рассматривал искусство как некий отвлечённый экстаз, источником, пределом и концом которого является та высшая мудрость,

которая является самой что ни на есть *Истинной сущностью любви.* Таким образом, вся его работа, эти «горькие, сладкие, немного завуалированные» песни, является любовной поэзией; и это любовная поэзия совершенно уникального вида. Патмор был одним из тех выдающихся викторианцев, кто унаследовал и преобразовал наследие романтического направления, но его нельзя назвать просто «романтиком». Британский рационализм Королевского общества и философов шотландского Просвещения, культ «универсального разума» и промышленной революции отодвинули поэзию романтиков в прошлое. Однако в середине века вновь забурлил романтический поток, из которого родилось Братство Прерафаэлитов с его восстанием против викторианской морали.

О его раннем творчестве хорошо отозвался Данте Габриэль Россетти, и таким образом Патмор оказался вовлечённым в движение «прерафаэлитов», отдав стихотворение *«Времена года»* в их журнал «Герм» (1850). А в 1854 г. появилась самая известная его поэма *«Ангел в доме»*, своего рода полусознательное восстание против позитивизма Теннисона и Браунинга, но особенно против первого. «Ангел в доме» ведет хронику первого

брака Патмора с того момента, как он увидел Эмили, горничную, которая станет его женой, родит ему шестерых детей и закончит свою жизнь после продолжительной болезни в 1862 г. И хотя эта поэма не завершена, часто говорят, что это самое популярное поэтическое произведение викторианского периода.

Друг Патмора, поэт-лирик Фрэнсис Томпсон, сказал, что Патмор был «самым большим гением столетия». Подлинное достижение Патмора состояло не в описании приключении Гонории и её супруга, но в великолепии философских эпизодов, в которых психология любви выражена совершенно новым, прекрасным языком. «Единственной его концепцией женщины была концепция женщины как леди», — писал Артур Саймонс о Патморе. Теннисон, Браунинг, Джон Рёскин, историк Карлайл были щедры на искреннюю похвалу.

Поэма состоит из нескольких частей, каждая часть (книга) — из нескольких стихотворений, первые два из которых начинаются с рассказа автора, который сообщает своей жене, что он собирается написать о ней поэму, в которой он воспоёт женщину, хозяйку дома. Затем действие начинается с путешествия поэта (Феликс) в юно-

сти, он встречает девушку (Гонорию), которая станет его женой. Через всю поэму проходят размышления поэта о его возлюбленной, его принципе идеальной женственности, его понимания брачного союза двух душ. А простой, весёлый размер поэмы вполне подходит для воспевания целомудренной любви и счастливого брака. По словам Эдмунда Госса, Патмор расценивал свою поэму «Ангел в доме» «не как простую развлекательную работу или даже не как художественный эксперимент, но как задачу большой социальной и этической важности, которую он должен был выполнить».

Некоторые феминистки настроенные критики считают, что «Ангел в доме» изображает типичный викторианский брак, но с точки зрения мужа. Патмор хвалит женщину на протяжении всей поэмы, но при этом у неё нет собственного мнения. Кроме того, Патмор изображает духовный аспект женщины как «ангела» с целью приблизить мужчину к Богу. В эссе «Род занятий для женщины» (1942) известная писательница, феминистка и бисексуалка Вирджиния Вульф отмечала, что для женщины, которая стремится стать писателем, необходимо совершить «убийство Ангела в Доме». Ибо её образ мешает

раскрепощению женщины.

О любви Патмор говорит и в стихотворениях *«Сон», «Буря» и «Ma Belle»,* восхищённо, нежно, возвышенно. Поскольку счастливая любовь была ранней темой Патмора в поэзии», горе утраты стало в значительной степени его темой более поздней; трогательные, самые возвышенные мысли о любви, смерти и бессмертии представлены выдающимися поэтическими образами в одах *«Неизвестного Эроса».* Эту книгу Патмор создал после того, как принял католичество, и потому она может показаться работой совершенно другого человека. Вместо регулярного и часто монотонного потока стихотворений «Ангела в доме» были использованы пиндарические размеры с разной длиной строк *(«Венера и Смерть»),* бросающие вызов классической поэзии, иногда достигающие великолепия, а иногда звучащие как диссонанс. Многие считают «Неизвестный Эрос» — высшим достижением Патмора, ставящего его в ряд великих поэтов, и который стремился создать самую набожную, тонкую и очищенную любовную поэзию викторианского века.

Поэтический стиль **Джерарда Мэнли Хопкинса** был так радикально отличен от стиля его современников, что его лучшие стихотворения не

были приняты к публикации при его жизни, и его достижения не были признаны полностью. Когда Хопкинс принял католичество и решил стать священником, он сжёг все свои произведения и долго ничего не писал. Его поэзия была опубликована только через 30 лет после его смерти, когда его друг, Роберт Бриджес, отредактировал и издал её. Ныне Хопкинс считается одним из «величайших викторианских поэтов и одним из самых подлинных гениев, писавших на английском языке» *(Selected Poems of G. U. Hopkins. London, 1953. P.XVII).* Для поэзии середины викторианской эпохи его смелое новаторство в области поэтического стиля и стихосложения было необычно, но после появления его посмертного сборника «Стихотворения» в 1918 г. творчество Хопкинса оказало большое влияние на английских и американских поэтов XX века.

Необычный интерес к поэзии Хопкинса вызван, прежде всего, оригинальностью и не традиционностью его лирики, отличающейся от творчества других викторианских поэтов, а также смелыми экспериментами в области метрики, просодии и языка. Многие исследователи творчества Хопкинса считают, что именно непривычная языковая структура его стихотворений вызывает

наибольшие трудности для понимания его произведений, порой ставящая читателя в тупик. Вся средневековая и современная английская поэзия подчинялась ритмической структуре, унаследованной от норманской литературной традиции. Однако Хопкинс очаровался более древней ритмикой англосаксонской традиции, самым известным примером которой является «Беовульф». Потому многие стихи Хопкинса написаны прыгающим ритмом с переменным числом слогов в размере. Этим самым Хопкинс явился как бы предвестником современного свободного стиха.

Однако лучшая поэзия Хопкинса оказалась всё же более легкой для чтения и, следовательно, более широко читаемой, чем лучшие произведения Суинбёрна, и этот факт существенно отличается от их длины: краткость стихов Хопкинса сделала их идеально подходящими для словесного и поэтапного чтения новыми критиками. Оба: и Хопкинс, и Суинбёрн — пишут стихи о медитации, но сама краткость лучших стихотворений Хопкинса кажется более привлекательной, чем попытка разгадать оригинальные и сложные строки Суинбёрна, в которых он нагромождает одну метафору на другую. Но и созданная Хоп-

кинсом практика «прерывистого ритма» (что заметно, например, в его сонетах *«Андромеда» и «Звёздная ночь»)* несколько непривычна для читателя того времени, хотя делает его манеру стихосложения уникальной.

Воспитанный поэзией Кольриджа, Китса и Вордсворта, будучи учеником Уолтера Патера и почитателем Джона Рёскина, Хопкинс, естественно, отреагировал на многие черты современного викторианского романтизма, но ему был нужен христианский посредник, который мог бы представить новые образцы в форме, поддающейся его консервативной религиозности. Ранний Хопкинс находился под влиянием сладкозвучной поэзии Китса, которая имела сторонников в викторианской поэзии. Но затем он обратился к религиозной поэзии Диксона, прямые и личные элегические эмоции которой были подобны собственной меланхолии Хопкинса. Оба отвергли *прерафаэлитизм,* но приняли прерафаэлитские определения «красоты» и «замысла». Таким образом, Диксон стал образцом для Хопкинса в сочетании поэтического и религиозного призвания. Ведь Хопкинс был политически консервативным, благочестивым христианином, который возглавлял безбрачную, непримиримую жизнь.

Религиозное сознание Хопкинса резко возросло, когда он стал студентом Оксфорда (он специализировался по классической филологии). Здесь он стал более полно осознавать религиозные последствия средневековья Рёскина, Диксона и прерафаэлитов. Именно тогда он принял решение стать католиком, вдохновленный «Оксфордским движением», идеями кардинала Ньюмена, католической доктриной о реальном присутствии Бога в Евхаристии. В поэтическом плане Хопкинсу стала близка религиозная поэзия Кристины Россетти. Кристина Россетти стала для Хопкинса воплощением средневековья прерафаэлитов, Оксфордского движения и викторианской религиозной поэзии в целом. И Хопкинс, и Кристина Россетти считали, что религия важнее искусства. Оба чувствовали, что религиозное вдохновение важнее художественного вдохновения. Поэзия должна была быть подчинена религии.

Хопкинс стал считать земные явления божественно намеченными символами Христа, небес и духовных истин. Джеффри Хартман во введении книги «Хопкинс: сборник критических очерков» (1966) отметил, что «Хопкинс, похоже, развивает свои лирические структуры из сновидений прерафаэлитов». Версия Хопкинса легенды

о святой Доротее в его стихотворении *«На образ святой Доротеи»* (1864) и его *«Горняя гавань»* раскрывают подобный переход от естественного к сверхъестественному в его ранней поэзии. Целью первого стихотворения Хопкинса была не природа, не сами цветы, а, прежде всего, возрождение средневековой легенды путем её очистки, перевода в новый контекст и восстановления тем самым её первоначального религиозного смысла. В «Горней гавани» чувство ненадежности и нестабильности этого мира у Хопкинса привело его к желанию превзойти этот мир, чтобы открыть какой-то другой, лучший мир, менее подверженный триумфу времени.

С другой стороны, Хопкинс ненавидел поэзию Суинбёрна, поскольку последний не только писал стихи, критикующие католицизм, но и активно презирал работу католика Патмора, друга Хопкинса. Поэтический мир Хопкинса блистает «разноцветной красотой» потому, что он «заряжен величием Бога». А человек оценивается в зависимости от его соответствия Богу и природе, как пишет Хопкинс в сонете *«Яркозвёздная ночь»:*

Гумно всё это; скирды, дом, фасад.

Сей яркий запирает палисад
Христа и мать его, и все его святыни.

Таким образом, окончательным контекстом очищения Хопкинса, как и Данте, была Библия. Сонеты Хопкинса похожи на молитвы, они предназначены как бы для очищения человека, хотя и являются прекрасными стихами. Как и крик Иисуса на кресте, сонеты Хопкинса адресованы Богу и сами по себе являются утешением.

Английские «парнасцы»

«Парнасцами» называли группу французских поэтов, объединившихся вокруг Теофиля Готье и противопоставивших своё творчество поэзии и поэтике устаревшего, с их точки зрения, романтизма. Они считали, что искусство — цель поэзии, а не средство. Потому главным лозунгом парнасцев стала фраза — «Искусство для искусства».

Около 1870 г. Остин Добсон заинтересовался творчеством Данте Габриэля Россетти и Уильяма Морриса, и влияние прерафаэлитов можно увидеть в нескольких его ранних стихотворениях. Однако Добсон вскоре отошел от этого стиля, и многие из самых известных его произведений являются ностальгическим взглядом на давно

исчезнувшее общество и часто воспевают XVII или XVIII века. В середине XIX века воздух английской поэзии был полон экспериментов с метрикой стиха, поэты искали новые формы, которые расширили бы рамки английской просодии. На основе исследования парнасца Теодора де Банвиля (1872) *«Petit Traite de la Poesie» (Маленький трактат о французской поэзии)* Добсон начал адаптировать старинные французские стихотворные формы: триолет, балладу, рондо, вилланель и рондель к английскому языку. Эксперимент был чрезвычайно удачен, в руках Добсона старые формы наполнились тонкой чувствительностью и обаянием задумчивости, необыкновенной естественностью и поэтичностью.

Во втором поэтическом сборнике Добсона «Пословицы в фарфоре» (1877) особенно выделялось *«Ars Victrix»,* свободный перевод стихотворения другого французского романтика и предвестника парнасцев Теофиля Готье *«L'Art»* (1857), в котором излагаются идеалы «искусства ради искусства». Особенное чувство Добсон питал к **XVIII** в., и многие его стихотворения посвящены эпохе рококо. Таковы баллада *«Веер маркизы Помпадур»* и стихотворение *«Рондо к Этель».* Мы действительно

находимся в **XVIII** столетии, но видим всё как бы через призму сегодняшнего дня; это нежное чувство замены висит подобно дымке между нами и предметами, созданной привязанностью и эмоциями автора. Многие его прелестные стихотворения полны обаяния Сент-Джеймского дворца той эпохи, его капризов, лёгкости, остроумия и учёности.

Поэзия Добсона естественна, непосредственна и искренна. Томас Олдрич признавал, говоря о Добсоне: «Он не является одним из глубоких органных голосов Англии. Он очень свежий, изысканный и грациозный поэт, чье право на место в хоре как ведущего певца неоспоримо». В руках поэта множество метрических форм, по существу искусственных и требующих большого трудолюбия, принимают разноцветное и яркое богатство естественного творчества. Добсон был одним из первых английских поэтов, опубликовавших стихи в этих старофранцузских формах. Нотки задумчивого обаяния, тонкой чувствительности слышны в этих новых, возрождённых формах. Мода на них прошла, но как отмечали некоторые критики, «цветы французского сада г-на Добсона остаются яркими и ароматными». К сожалению, сегодня замечательные стихи Добсо-

на редко включается в антологии викторианской литературы.

Поэзия **Эдмунда Госса** несколько литературна, но отточена и разнообразна по форме и содержанию. Вырвавшись из семьи, скованной религиозными принципами, молодой человек, преданный поэзии и искусству, проявил свою приверженность древнегреческому мифу, счастливому и гедонистическому языческому античному миру. Греческое очарование мифа, наяд и красивого телосложения значило для Госса больше, чем замученное, презренное тело страдающего Христа. Хотя античные сюжеты в поэзии Госса *(«Могила менады»)* сочетаются с христианскими и средневековыми легендами *(«Гвиневра»).*

Несмотря на долгое супружество, Госс являлся скрытым гомосексуалистом, о чём сообщают его современники. Скорее, он был бисексуален. Эти природные желания не могли быть каким-то образом проявлены среди строгих предписаний его отца. Но ещё в школе он близко сошёлся с Джоном Блейки, они писали друг другу стихи, письма, и их дружба продолжалась в течение нескольких лет. В Госсе проявлялась тяга к мужской красоте, вернее, к красоте одного отдельного

человека — скульптора Амо Торникрофта (Hamo Thorneycroft). Зигфрид Сассун, племянник Амо, как-то язвительно заметил, что Госс был не *Homosexsual,* а *Homosexual* Госс встретился с Амо ещё до свадьбы, и они полгода провели в совместных путешествиях. В июне 1879 г. Госс, сам Амо, его отец и двое других мужчин совершили плавание по Темзе в *Кувшинке* (лодке отца Амо), купаясь вместе голыми теплыми вечерами. Почти мистический союз между этими двумя мужчинами возник, когда они купались в речушке Горинг, о чём Госс писал своей жене: «Мы лежим сейчас в восхитительном тихом ручейке, полном душистого тростника — каламуса». Очень похожий эпизод описан в стихотворении *«У реки».* Тема мужской любви звучит в других стихотворениях Госса.

Великолепны сонеты Госса из цикла *«Счастливая любовь»,* в которых показана настоящая, сильная и нежная любовь между мужчиной и женщиной. Можно отметить чёткую структуру этих сонетов, грамотно расставленные акценты, разнообразные темы, последовательно развивающийся сюжет, музыкальность слова. Вместе с такими поэтами как Остин Добсон и Эндрю Лэнг Госс восстановил в английском стихе старые

французские поэтические формы. Будучи очень восприимчив к новой стихотворной метрике, Госс в то же время крепко держал строй, слог и стиль классической поэзии. Его любовные стихотворения, такие как *«Прощание»*, *«Рай»*, *«У казино»*, полны нежности, грусти или радости, и в то же время классически сдержанны в своей отточенности ритма и гармонии формы. Недостаток сильного чувства Госс компенсирует чёткой структурой своих стихотворений, изысканностью (но иногда и банальностью) сравнений, лаконичностью и афористичностью высказанной мысли.

Другими участниками английского парнасского движения были Эндрю Лэнг и Роберт Бриджес.

Поэзия для **Эндрю Лэнга** составляла лишь малую часть его творчества, он больше был писателем, критиком, учёным, переводчиком. Большее число его стихотворений является прямым результатом его чтения и его прозаических работ. Лэнг знакомил английских читателей с почти забытыми балладами и лирикой, в которых изобилует ранняя французская литература, стихи, в которых видны мысли человека, погружённого в лучшую литературу всех времён. Можно отметить его крайнюю любовь к форме;

даже к особенно сложным формам, таким, как баллады и вилланели. В то же время лирический герой Лэнга в восторге от того, что он может выразить свое удовольствие от здорового времяпрепровождения на природе и от занятий физическими упражнениями — игры в крикет и гольф, рыбной ловли. И еще больше от того, когда он мог показать причуды и недостатки своего времени, как это он сделал в своей *«Балладе об ученице Гертона»*, с таким юмором, который его читатели по-прежнему считают привлекательным и неповторимым. Не обладая большой творческой силой, Лэнгу всё же в какой-то степени удалось раскрыть глубочайшие источники поэтических эмоций. Он, можно сказать, был просто викторианским романтиком.

Роберт Бриджес обычно считается идеальным, хотя порой педантичным, лирическим поэтом. Форма и условность, техническое совершенство и отсутствие напряженной оригинальности являются наиболее очевидными характеристиками лирики Бриджеса. Чувство красоты — ключ ко всей поэзии Бриджеса: красота в её отношении к физической природе, любви (впервые воплощенная в сонетном цикле «Возрастание любви» и, наконец, в «Завете красоты»), обращённой к

Богу.

«Возрастание любви» было опубликовано в 1876 г. и несколько похоже на «Дом Жизни» Россетти. Контраст Бриджеса как поэта-лауреата с Теннисоном очевиден. Существует некоторая слабость в творческой силе, а также скрытность в любовных, личных строках поэта, по сравнению, скажем с романтиками и Браунингом. Однако славу Бриджесу составили его *«Более короткие стихотворения»* (1890,1894). В них заключена его самая характерная и прочная творческая работа. Если «Возрастание Любви» напоминают сонеты Спенсера, не менее очевидно, что образцом для многих коротких стихотворений поэта послужили елизаветинские и якобитские поэты. Формы, интонации, стилистика — Бриджес порой напоминает нам Роберта Геррика или Джорджа Герберта.

Я так любил цветы:
Их чудо увяданья,
Союз их пестроты
С медком благоуханья.

Медовый месяц – сласть:
В глазах – любовь и страсть,

Но все увянут в срок:
И песнь моя – цветок!

Предметом большинства коротких стихотворений Бриджеса является сама Англия: восхваление её природы, деревенской жизни, красоты, любви и отношение к Богу. Любовь поэта к природе отнюдь не «литературна»: каждое проявления времён года, каждый след гармоничного проявления на земле Бриджес переживает с эмоциональной интенсивностью. Многие из его наиболее характерных текстов лучше всего сравнить со снежинками, чьи кратковременные симметричные узоры напоминают хрупкое и изысканное лакомство. Они сохраняют свою сущность только благодаря эмоциональным строкам.

Простота Бриджеса даже может поразить многих большим мастерством, чем официальность творений Теннисона. В поэзии Бриджеса мы находим не только основные традиционные метры, но и огромный запас правильного, литературного английского языка. Его стихи (хотя это ставилось ему в вину) напоминают некоторые конкретные произведения величайших английских поэтов. Большая часть стихотворений Бриджеса являются классическими по общему тону и исполнению,

они красивы по форме и просты по содержанию. Привычные всем поэтические темы он передавал разнообразными и необычными музыкальными ритмами. Хотя его метрика и его язык на первый взгляд могут показаться классическими, Бриджес, по сути, является более интересным экспериментатором, чем его поэты современники. Являясь большим мастером просодии, Бриджес еще важнее как мастер языка. Его интерес к правильной речи сохранился на протяжении всей его долгой жизни: он был соучредителем и первым председателем Общества чистого английского языка.

Замечательны любовные стихотворения Бриджеса. Вроде бы банальные темы, и стандартные образы, но! сколько в них простоты, лиричности, чувства, которое трогает и привлекает:

Когда расстался с любимой,
Три дня – только чёрный цвет;
Терзался я мыслью мнимой,
Может, в живых её нет,

От горя начал мрачнеть я,
И в тех страданьях моих
Казалось мне, что на свете

Нет одиноких таких.

Кропотливая забота о формальном совершенстве в поэзии Бриджеса часто скрыта, как и должно быть. За исключением нескольких восхитительных старых форм, таких как триолеты и рондо, читатель не осознает напряжённой работы поэта над строками и тщательного подбора слов. Во всех его коротких стихотворениях можно наблюдать одинаковую точность и осторожность. Во введении к своей «*Оксфордской книге современной поэзии* 1892–1935» в 1936 г. Уильям Батлер Йейтс с восхищением писал о Бриджесе, придавшем лирической поэзии «новый ритм», отмечая, что его «слова, часто встречающиеся в обычном виде, становятся незабываемыми из-за какого-то ловкого приёма с ускорением и замедлением… или с помощью изящной простоты».

Мастерство Роберта Бриджеса — это искусство, традиции которого, унаследованные от многих величайших имен в английской литературе, проявляются и повторяются с прекрасным мастерством и высокими целями. Замечательные стихотворения Бриджеса не очень популярны. Его мало читают, мало переводили на русский язык. Но они аристократичны в хорошем смысле — это не поэзия силы, страсти или личности, но

в них много неуловимого изящества, изысканности и исключительности. Это цветы, которые, не обладая яркими расцветками и сильным благоуханием, тем не менее, имеют свой собственный редкий оттенок и своеобразный аромат, чистый и тонкий.

Эрнест Майерс известен больше как переводчик древнегреческих поэтов, Гомера, Пиндара. Его поэзия, в основном, использует античные сюжеты и классические образцы. Он стоит несколько в стороне от основных направлений викторианской поэзии. Одно из его лучших стихотворений *«Глаза младенца»,* посвящено его старшему сыну, простому солдату, погибшему во Франции в 1918 г. во время Первой мировой войны.

Поэтессы поздней викторианской эпохи

В XIX веке, как и в предшествующие столетия, в социально-экономической и политической сферах доминировали мужчины. В викторианскую эпоху женщину считали «добрым ангелом мужчины», отводя ей традиционную роль жены, матери и хранительницы домашнего очага. Именно эта идея и легла в основу поэмы Патмора «Ангел в доме», который создал образ идеальной

женщины, заботливой жены и чуткой матери. Протестантская религия также признавала ограничения свободы женщины, чья задача, прежде всего, рождение и воспитание детей.

Несмотря на все ограничения, некоторые женщины начали добиваться признания своих прав, хотя у них было много серьезных препятствий для борьбы: неполноценное образование, отсутствие широкого жизненного опыта, отсутствие свободы в полной мере использовать свои природные способности и сила общественного и частного мнения, которые всегда были склонны нанести ущерб их деятельности. Однако в художественном и литературном творчестве многие женщины-авторы добивались широкого признания наряду с мужчинами. Это: Фелиция Хеманс, Эмилия Бронтё, Элизабет Баррет Браунинг, Аделаида Проктер, Кристина Россетти — поэтессы большого таланта, о которых говорилось выше, и другие поэтессы, начиная с романтического периода. Известный исследователь викторианской поэзии Изабель Армстронг утверждает: «Вероятно, не будет преувеличением сказать, что мнение о женском литературном творчестве как имеющем определенную сферу влияния и придерживающемся определенным моральным

и религиозным традициям, помогли создать именно женскую поэзию и «поэтесс»… которых уважали в девятнадцатом веке, как никогда ранее» *(Isobel Armstrong. Victorian Poetry: Poetry, Poetics and Politics. London: Routledge, 1993. P. 321).*

Майкл Филд — псевдоним двух англичанок: Кэтрин Харрис Брэдли и её племянницы Эдит Эммы Купер, совместно опубликовавших в конце XIX века 8 поэтических сборников и 27 пьес. Однако сегодня, при всей значимости творчества этих женщин, Кэтрин Брэдли и Эдит Купер известны как своей официальной остротой, так и их новаторским вкладом в лесбийскую и женскую литературу. Их творчество ценили такие корифеи как Роберт Браунинг, Джордж Мередит и Суинбёрн. Многие критики считают, что псевдоним «Майкл Филд», наряду с маскировкой их пола, позволил им исследовать напряжённость и яркость их связи друг с другом. Их новый псевдоним, безусловно, дал их творчеству необходимую защиту от предрассудков рецензентов в 1884–1885 гг., когда это прикрытие оставалось неприкосновенным.

Большая часть стихотворений Филда, входящих в сборники «Давным-давно» (1889) и «Взгляд и песня» (1892), довольно откровенно касается

женской сексуальности и эротической любви между женщинами. Языческий классицизм и поэзия Сапфо, которые только что были возвращены викторианской аудитории через перевод Генри Уортона в 1885 г., стали для Купера и Брэдли источником большого вдохновения. И своими некоторыми стихотворениями, и в особенности письмами, они предоставляют очень редкий случай прямого свидетельства викторианских лесбийских отношений. К 1885 г. они обращались друг к другу в примечаниях и письмах как «Сладкая жёнушка» и «Мой дорогой муженёк», а также в них было множество других игривых ласковых слов. Кэтрин писала Эдит: «Сладкая жёнушка, начинаются трудности ранней супружеской жизни: давай нести их смело вместе».

В этом «сапфическом» ключе создано их стихотворение *«Девочка»* (1893), которое почти наверняка было написано Кэтрин для Эдит, и является личным свидетельством их союза. В некотором смысле, это напоминает одно из двух полных стихотворений Сапфо — «К девочке». Описание Сапфо женской страсти, когда «…немеет тотчас язык, под кожей… Потом жарким я обливаюсь, дрожью / Члены все охвачены» (пер. В. Вересаева), хорошо передано Суинбёрном в

его «Анактории», и хотя стихотворение Майкла Филда не воспроизводит описание физической страсти Сапфо, его тема опирается на эту литературную традицию любовных обращений к девочкам, в то же время тонко повторяя первоначальный гомосексуальный контекст:

Девица,
Её душа таится,
Как жемчуг в глубине: светла, темна,
На сердце – лёгкость, на лице – весна,
Изящны брови, как волна
Сквозь редкий лес видна:
Губ её дверца —
Дрожит, как лист осины у окна
От бури сердца.
Мы душами слились…

Эти подробное описание внешности девушки, как её воспринимает её старшая возлюбленная, отражают ощущение неизвестных возможностей юницы, которые пока можно представить себе не так ясно, их подлинность, подвижность и изменчивость. Можно сказать, что поэзия Майкла Филда более откровенна, чем стихотворения Элизабет Барретт Браунинг и Кристины Россетти. Все

придворные помехи для высказывания желания: перчатки, кудри, кольца, цветы, лютни и письма — исчезли, и вместо них мы видим интонацию реальной речи, которая очищена от пыли литературного приукрашивания.

Поэзией **Элис Мейнелл** восхищались и Альфред Теннисон, и Ковентри Патмор, и Оскар Уайльд. Патмор находил в её поэзии «самое редкое изящество — излишество». С автором *Ангела в доме Элис* находилась в дружеских отношениях столь глубоких, и столь длительных, что Патмор стал просто одержим ею, заставляя её порвать эту дружбу. Патмор был безутешен, хотя оставался преданным ей, и признаком этой продолжающейся преданности было его возмущение новым литературным другом Элис Мейнелл, Джорджем Мередитом, которого она встретила в 1896 г. А Джон Рёскин назвал её творчество «совершенно небесным» и особо выделил сонет *«Отречение»* за его красоту и изысканность:

Не думать о тебе! с большим трудом
Любви я избегаю наслажденья —
Любви к тебе – среди небес свеченья,
В припеве песни самом дорогом.

Поэтические сборники Мейнелл (1893,1895 и

1902) демонстрирует ее подлинное мастерство. Она прекрасно организовывала синтаксис и находила редкие и удачные обороты речи в строгой форме классического сонета и четверостишия. В 1913 г. сборник стихов хорошо Мейнелл продавался и удостоился большой похвалы; во второй раз её имя было упомянуто как потенциального поэта-лауреата.

Мэри Элизабет Кольридж заслуживает того, чтобы считаться оригинальным и нетрадиционным поэтом эпохи королевы Виктории. Её творчество часто вызывает беспокойство и бросает вызов, поскольку оно играет с личностью и условностями и занимается поисками сверхъестественного, призрачного и смущающего. Она писала стихи в течение 25 лет, но большая часть её стихотворений никогда не была напечатана при её жизни, и она отказалась публиковать под своим собственным именем. Тем не менее, несомненно, что место Мэри Кольридж является достойным среди лирических поэтов Англии. Её стихи обладают такой свежестью, непосредственностью и интимностью, какую редко достигают немногие лирики. Потому нельзя называть её поэзию средней или малой. Браунинг, Теннисон и Диксон либо вдохновляли её писать, либо напря-

мую влияли на её поэзию. Странно, что Кольридж никогда не признавала влияния Кристины Россетти, хотя её семья была близка с «Братством Прерафаэлитов».

Мэри Кольридж, казалось бы, соответствовала архетипу викторианской девы, писавшей небольшие стихотворения, чтобы избавиться от своих разочарований и невыразимых желаний. Но литературное влияние, особенно поэзии её дяди — Сэмюэля Тейлора Кольриджа — насытило её стих неким мистическим ароматом. Мотив странника, незнакомца, постороннего, является повторяющимся образом в поэзии и романах Мэри. Она взяла псевдоним «Анодос», который переводится как «Странник», или без дороги. Образ поэтессы, выведенной из сказочной страны, принадлежащей мужскому литературному наследию, которая отказывается принять её, является очень сильным. В стихотворении *«Ведьма»* (1897) Мэри Кольридж разрушает или бесповоротно преобразует новое поэтическое окружение. «Ведьма» — это стихотворение в стихотворении, а его границы содержатся в «Кристабель» (1816), написанном почти столетие назад её дядей.

После сборника «Причудливый последователь», изданного тиражом 125 экземпляров,

она ничего не публиковала в течение следующих трех лет, пока, по случайности, поэт Роберт Бриджес не обнаружил рукопись с её стихотворениями в доме своего друга и не потребовал, чтобы они были опубликованы. Кольридж уже была большим поклонником его творчества, и интерес Бриджеса к её работе превратился в важную для Мэри дружбу. Бриджес научил её дальнейшим техническим навыкам письма и помог ей развить критицизм к своей поэзии.

В стихотворении *«Мгновение»* Бриджес видел некоторое влияние Гейне, хотя не считал Кольридж имитатором. Просто это замечательное стихотворение напомнило ему знаменитое *«Im wunderschonen MonatMai…»* (В прекрасном месяце мае…) Гейне из его «Лирического интермеццо». Небольшой том, содержащий все поэтические произведения Мэри Кольридж, примечателен лирическим разнообразием, но не менее — впечатлением от их страстного единства. По словам того же Бриджеса, эти стихи остаются «абсолютно правдивой картиной удивительно прекрасного и одаренного духа», и это, помимо всех других качеств, которыми они обладают, является главным секретом их иногда таинственной привлекательности.

Эстетизм и декаданс в викторианской поэзии

Эстетизм имеет долгую историю. Он появился ещё в середине XIX века в теории критика и искусствоведа Джона Рёскина и в некоторых идеях прерафаэлитов. Основная идея эстетического взгляда заключалась в большем акценте на создании искусства и подчеркивание формы предмета. Важность формы проистекала от теорий Теофиля Готье, который предложил формулу «*Une belle forme est une belle idee*» (Прекрасная форма есть прекрасная идея). Поэзия в этом ключе часто опирается на сложные стихотворные формы, к которым предъявляются сложные технические требования, и которые включают в себя музыкальные эффекты, мудрёную рифмовку, повторы, аллитерации и т. д. Эстетизм предполагает отступление от реальной жизни, часто через экзотическую обстановку или тему из далекого прошлого, которое, в свою очередь, берет основано больше на литературе, легендах и мифах, чем на истории. Эстетические стихи в чистом виде ни о чём не «говорят». Форма, звук, изображение и настроение доминируют в той степени, что мало или совсем нет места для идей. В Англии эстетический импульс проявился в нескольких

блестящих стихотворениях Теннисона, а также в некоторых салонных стихотворениях Добсона, Лэнга, Госса и некоторых других поэтов. Для прерафаэлитов эстетизм не был художественным убеждением в том же смысле, в котором был сам прерафаэлитизм, а скорее использовался как способ видения искусства, который мог быть подхвачен, а затем из прихоти отброшен. Эстетизм конца века, выразителем и теоретиком которого был Оскар Уайльд, стал уже теоретической идеей, нашедшей своё выражение в его диалоге «Упадок лжи».

Напротив, *декадент* ведет партизанскую войну против господствующей власти и культуры. Он определяет себя через конфликт и контраст. Воздвигнув, или приняв те же барьеры против окружающей его жизни, что и эстет, декадент нападает. Благодаря своим усилиям «эпатировать буржуа» он выражает свое презрение к господствующим ценностям и идеям и утверждает свое чувство превосходства и аморальность искусства. Особенно это проявляется в более резком и подробном описании любовных и сексуальных отношений. Такая откровенность, но чуть завуалированная, уже была видна в творчестве Суинбёрна, но декаданс стёр все грани между по-

нятиями «моральность» и «аморальность». Суть декаданса выразил тот же Уайльд в Предисловии к своему роману «Портрет Дориана Грея»: «нет книг нравственных и безнравственных, есть книги хорошо написанные и написанные плохо».

Называть **Оскара Уайльда** просто викторианцем может показаться неким извращением или иронией, но он был одним из немногих британских литераторов, чья жизнь полностью пришлась на годы правления королевы Виктории. Хотя как поэт Оскар Уайльд широко известен в англоязычном мире лишь несколькими произведениями, главным образом «Балладой Редингской тюрьмы», *«Домом шлюхи»,* «Сфинксом» и, возможно, *«Requiescat»* и несколькими другими короткими стихотворениями, он стал профессиональным прозаиком только случайно и в силу обстоятельств. Он всегда думал о себе, и, похоже, его друзья обычно называли его поэтом. Ещё во время учёбы в колледже Св. Магдалины Уайльд принимал активное участие в эстетическом и декадентском движениях. Большое влияние на Уайльда оказали два исследователя искусства и культуры Ренессанса: Уолтер Патер и Джон Рёскин.

Патер утверждал, что восприимчивость чело-

века к красоте должна быть очищена от всего иного, и в каждый момент жизни красота должна ощущаться наиболее полно. Патер подарил Уайльду чувство почти бездумной преданности искусству, в то время как Рёскин направил творчество Уайльда к определённой цели. Восхищение красотой, по мнению Рёскина, должно идти рука об руку с нравственным благом. Культ Красоты, утвердившийся в Оксфорде под влиянием Рёскина и Патера, породил также культ вычурного костюма, изысканной речи, ярких аксессуаров. Новое направление получило название *эстетизм*, родоначальником которого принято считать самого Уайльда.

В июне 1881 г. 27-летний «эстет» издал свой первый сборник стихотворений, переработав и дополнив свои поэтические усилия на этом поприще. Мэтью Арнольд, Роберт Браунинг, Данте Габриэль Россетти оставили большинство положительных отзывов о ней. Однако в целом литературное сообщество и газеты не приняли поэзию Уайльда, видя в ней сильное влияние прерафаэлитов и Суинбёрна (хотя это не совсем так). Сатирический журнал «Панч» (Punch) отмечал без восторженности, с присущей ему игрой слов: «Уайльд — поэт, но поэзия его банальна»

(«The poet is Wilde, but his poetry's tame»). Эту фразу можно прочесть и по-другому: «Поэт — необуздан, но стихи его робки», так как фамилия Wilde читается, как слово «wild» — дикий, необузданный. Другие критики называли поэзию Уайльда грязной и аморальной, на что Уайльд ответил, что «в искусстве не должно существовать понятий добра и зла…В поэзии главное не сюжет, она доставляет удовольствие благодаря языку и поэтическому слогу». Но даже эти резкие высказывания критиков создавали Уайльду славу короля эстетов.

Конечно, Уайльд видел перед собой поэзию предшественников, особенно он восхищался Китсом, посвятив последнему один из своих сонетов. Как и поэты-прерафаэлиты, как Госс или Добсон, Уайльд отдавал предпочтение сложным поэтическим формам прошлого (вилланель, баллада, канцона и др.). Как Суинбёрн и Мередит, молодой ирландский поэт отобразил в своих стихах мир любви, чувственных страстей и эмоций, с некоторым налётом древнегреческих гомоэротических отношений *(«Эндимион», «Quia multum amavi», «Silentium Amoris»),* Главное в лирике Уайльда — это Поэт, творец Прекрасного, философ, наблюдатель, тонко чувствующий жизнь

и мировоззрение как эпох прошедших, так и современного ему общества. Поэзия Уайльда красива, мила, ярка, мелодична, легко читается, там много интересных строк, образов, есть в ней темы Свободы, темы литературные и исторические, описания природы. Но, по правде говоря, в стихотворном творчестве Уайльда мало чувств, подлинных переживаний, отсутствует психологическая глубина.

Уайльд был «апостолом Красоты», и в его стихотворениях это очень заметно. Он любил всё искусственное. «Красота, настоящая красота, кончается там, где начинается одухотворённость» — вот главный эстетический принцип Уайльда. Но при этом он лелеял искусственную красоту, а от естественной — отворачивался. Да и скорее, красота Уайльда — это не истинная красота Китса, а просто красивость. Особенно это заметно в таких стихотворениях, как *«В золотых покоях».* Редкие стихотворения Уайльда, как *«Requiescat»,* обращенное к своей рано умершей сестре, или сонет *«Новое раскаянье»,* посвященный его возлюбленному Альфреду Дугласу, поражают своей печалью и грустью расставания. В *«Requiescat»* мы можем увидеть некоторое влияние одноимённого стихотворения Мэтью Арнольда. Это стихотворение

— прекрасная элегия; она не льётся музыкой, но будучи менее интеллектуальной, менее иронич-ной, чему Арнольда, она более пафосна. Смерть прекрасной женщины — всегда является самой поэтичной темой для любого автора.

С детства Уайльд любовался природой, и это чувство развилось в нём после переезда из Ирландии в Англию, а затем в результате путешествия в Италию и Грецию. Возможно, одними из лучших стихотворений сборника 1881 г. являются те, что озаглавлены *«Impressoins — Впечатления»,* в которых Уайльд достигает остроты и полной сложности в изображении сцен. Цвета, тактильные ощущения и странная «анимистическая» вибрация характеризуют физические движения, как в *«Impressions du Matin».* Некоторые критики сравнивают пейзажные стихотворения Уайльда с картинами Клода Моне, Сезанна, Уистлера. Я так не считаю. Импрессионисты видели в природе не красоту, а жизнь и движение; не форму и линию, а размытость линий и красок. В противоположность их художественным принципам Уайльд заявляет: «Формой, исключительно одной формой следует вдохновляться художнику». И хотя поэт называет свои миниатюры *Impressions,* они отнюдь не импрессионистичны, а напоминают,

скорее, гравюры японцев. Как бы расчерченные резцом или тушью застывшие картины моря, скал, деревьев, цветов, кораблей, птиц и людей являются лишь «силуэтами», чистой формой, бездуховной, но прекрасной.

Оскар Уайльд, несомненно, стремился стать английским Верденом. В предметах, в философии, в откровенной чувственности, в аллитерациях и фразировке, в некоторой степени в ритме и форме строф, короче, всеми возможными способами молодой поэт соблазнительно подражал французскому декаденту, а так же символизму и эротике Суинбёрна.

Лорд Альфред Дуглас встретился с Оскаром Уайльдом в 1891 г., и 37-летний Уайльд безумно влюбился в 21-летнего Альфреда. Через некоторое время они стали любовниками. Альфред присылал своему старшему другу свои первые стихотворения, ожидая похвалы. А сам Уайльд просто боготворил Альфреда. Вот отрывок из письма, посланное им Дугласу в январе 1893 г. в ответ на присланный сонет *«Скрыться в Саруме»:*

Милый мой мальчик,
Твой сонет просто великолепен, и это

– чудо, что твои губы, красные как лепестки розы, созданы не только для безумия музыки и песен, но и для безумных поцелуев…

Всегда, вечно любящий,

Твой, Оскар.

Первые стихотворения Дугласа можно назвать ученическими, но уже в последующих произведениях, когда знакомство с Уайльдом подтолкнуло Альфреда к более серьёзному подходу к своим сочинениям, мы чувствуем уверенную руку поэта. Уже в стихотворении *«Amoris Vincula»* Альфред создаёт стихотворение психологически-эмоциональное, хотя образ голубя, сидящего в клетке, несколько банален и происходит ещё от древних поэтов. Вскоре он пишет прекрасный сонет *«Скрыться в Саруме»* и посылает его своему возлюбленному, а затем в журнале «Хамелеон» публикует два откровенных стихотворения о нетрадиционных и официально запрещённых отношениях, среди которых знаменитое *«Две любви»*, вызвавшее неоднозначную реакцию лондонского общества.

Как и Уайльд Дуглас пишет стихотворения в различных жанрах: это сонет, баллада, стихи с

разной метрикой внутри каждой строфы или с перекрёстными рифмами и др. Все сонеты Дугласа являются превосходно отточенными петраркианскими сонетами: некоторые из них перенасыщены жалостью к себе, некоторые искусственны, но выполнены с большим мастерством. Печалью, грустными воспоминаниями наполнены почти все последующие стихотворения Дугласа, связанные прямым *(«Нет, не смогли певцы за все столетья…», «Мёртвый поэт»)* или косвенным образом с трагедией его Друга и его собственной трагедией. Прекрасный цикл из шести сонетов посвятил Альфред своей жене *Оливии:* искренний, вдохновенный, наполненный глубочайшей эмоциональностью, нежностью и любовью. В сонете *«Забвение»* мы слышим скорбный, эмоционально-насыщенный крик раздираемой двойными чувствами души. Это стихотворение, по моему мнению, ещё более печально и правдиво, чем «Новое раскаянье» Уайльда.

Дэвид Ричард Лоуренс, автор знаменитого романа «Любовник леди Чаттерлей», в письме к Бланш Дженнингз от 20 января 1909 г. отметил: «Читаю «Град души», у Альфреда Дугласа восхитительные стихотворения; он волнует так же

глубоко, как и новые французские поэты, заимствуя их прекрасную манеру письма». В своей недавно изданной биографии Альфреда Дугласа (2007), Каспар Уинтерман называет его «очень порочным человеком, но первостепенным поэтом, чьи литературные достижения оставались в тени из-за его причастности к самому сенсационному скандалу Fin de Siecle: суду над Оскаром Уайльдом».

Эрнест Даусон считается одним из самых лучших малоизвестных (или, по крайней мере, сильно недооцененных) поэтов всех времён. Даусон создал немного стихотворений — драгоценных камней, — которые, безусловно, стоят больше, чем огромные опусы многих поэтов. Его поэзия удивительно трогательна, а некоторые стихотворения останутся в веках. Одни из них напоминают грустные колыбельные, а другие — мрачные стихи Альфреда Хаусмена; например, о потерянной молодости, неразделенной любви и смерти в одиночестве. Даусона обычно связывают с декадентским движением, поскольку он и жизнью, и творчеством похож на таких поэтов как Эдгар Аллан По (который вдохновил это движение), Поль Верлен (которому Даусон посвящал свои стихи), Шарль Бодлер, Артур Рем-

бо, Суинбёрн и Оскар Уайльд (с которым Даусон подружился в Париже).

Декадентское литературное движение возникло в 1890-е годы и сочетало в себе склонность к сексуальной распущенности с поэтической признательностью к классической литературе и мифологии. Декаденты считали, что искусство должно воспевать красоту, индивидуальность, используя отточенный стиль. Лирика Даусона создавалась под сильным влиянием поэзии Поля Вердена, она отличается тщательным вниманием к мелодии и ритму и превращает обычную усталость от мира 1890-х в более глубокое чувство общемировой грусти. Уильям Батлер Йейтс признался как-то, что большая часть его собственного совершенствования как поэта была связана с Даусоном. Артур Саймонс, который хорошо знал Доусона и его поэзию, в своих «Воспоминаниях» (1900) отметил, что он «несомненно, гениальный человек… один из очень немногих писателей нашего поколения, к которым это имя можно применить в самом прямом смысле». «Никогда не было поэта, — продолжал Саймоне о Даусоне, — чей стих был бы более естественным… У него был чистый лирический дар, не нагруженный или не уравновешенный каким-либо другим качеством

ума или эмоций» (см.: http://www.victorianweb.org/authors/symons/dowson.html).

Даусон олицетворял себя и всю свою жизнь в своей лирике, которая включает в себя одно из замечательных стихотворений нашего времени *«Non sum qualis eram bonaesub regno Cynarae»,* вдохновлённых его любовью к молодой девушке, вернее к девочке (ей было 12 лет, когда Даусон впервые увидел её в 1891 г.) Аделаиде Фолтинович. Ей, скорее всего, посвящено и стихотворение *«Ad Domnulam Suam»,* в котором Даусон выразил непростые отношения между ним и красивой девочкой, разбившей сердце поэта. Она была ещё юна в то время, а позже родители Аделаиды отказали Даусону в его свадебных планах. В течение следующих шести лет Даусон заглушал боль своей неразделенной любви пристрастием к вину и женщинам, требуя со временем «всё более безумной музыки и более крепкого вина».

Аделаида вышла замуж в 1897 г., а измученный безответной любовью Даусон уехал в Париж, где погрузился в пьяный угар. когда Доусон скончался в Лондоне 23 февраля 1900 г. Оскар Уайльд написал следующий некролог (за девять месяцев до своей смерти): «один из декадентов *fn-de-siècle*, Доусон, писал хрупкую, чувственную поэзию,

выражающую сожаление по поводу быстрого исчезновения молодости и красоты, отказа в любви и неприятия удовольствия». к сожалению, Даусон стал образцом пьяного поэта-декадента, пишущего стихи на обороте конверта со стаканом абсента и сигаретой, висящей на его губах. А его поэзия — выражением горя неразделенной любви и скорби о безнадежности мира, где все слёзы и молитвы напрасны. Можно сказать, что практически вся лирика Даусона вдохновлена этой неудавшейся любовью, приведшей его к столь печальному концу.

Писатели-поэты позднего викторианства

Викторианская эпоха в Англии была и временем расцвета художественной прозы. В журналах и отдельными выпусками выходили романы Диккенса, Теккерея, Джорджа Элиот, Троллопа, Бульвера-Литтона, Мередита, Гарди, Конан-Дойля, Уилки Коллинза, Стивенсона, Киплинга и других авторов. почти все викторианские прозаики пробовали свои силы в поэзии, более или менее успешно.

Томас Гарди известен, прежде всего, как писатель, автор всемирно известных романов: «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» (1891) и «Джуд незаметный»

(1895). но основные свои поэтические произведения он создал после того, как перестал сочинять романы. начиная с 58 лет, Харди опубликовал несколько поэтических сборников — более 900 стихотворений.

В лирике Гарди, изданной Macmillan Company в 1919 г., как и в его прозе, чувствуется энергия и характер сильной личности. однако поэзия его несколько традиционна, посвящена большей частью разочарованию лирического героя в любви и жизни, а также долгой борьбе человечества против безразличия к людскому страданию. Его поэзия имеет свою особенность — она скромна и неприкрашенна. Хотя некоторые считают его поэзию неромантической, Гарди был изобретателен и исследовал интересные чувства, как это делали поэты-романтики.

Гарди предпочитал лирические и балладные формы поэзии, которые наполнены темами сельской жизни и природы, любви и разлуки, безразличия высших сил, разрушительного воздействия времени, неизбежности смерти и нечеловеческой иронии войны. Хотя сочинял также сатиры, драматические монологи и диалоги. Наиболее распространенная тема Гарди — борьба человека против рока, против

космических сил. Но его творчество наполнено трагизмом; в нём мы находим основную мысль поэта, что жизненные трудности надо терпеливо переносить. Видение Гарди является стоическим, поскольку оно предполагает принятие судьбы, как это показано в стихотворении *«In Tenebris»*.

Можно сказать, что поэзия Гарди характеризуется фаталистическим пессимизмом, земным реализмом и абстрактным философствованием. По словам биографа Гарди Клэр Томалин, стихи его показывают «противоречия, всегда присутствующие в Гарди, между уязвимым, обреченным на бедствие человеком и безмятежным жителем нашего мира». В его творчестве много психологизма, он часто оригинален в своих образах, которые обращаются к интеллекту читателя. Гарди также ностальгирует, идеализирует и жаждет прошлого. И хотя стиль его традиционен, поэт постоянно экспериментировал с различными, часто вновь изобретаемыми формами, метрами и строфами. Лирическая поэзия Гарди оказала сильное влияние на таких современных поэтов как Роберт Фрост, Уильям Хью Оден, Филипп Ларкин и Дональд Холл.

Его чрезвычайно музыкальные и трогательно-печальные стихи, в основном написанные

после смерти его первой жены в 1912 г., раскрывают беспрецедентные уровни эмоциональной правды, помогая его письму сформировать мост между викторианцами и модернизмом. Биограф Гарди Клэр Томалин назвала смерть Эммы «моментом, когда Томас Гарди стал великим поэтом», — эту точку зрения разделяют и другие современные критики. Через год после смерти супруги Гарди написал стихотворение *«Ночь в ноябре»*, в котором замечательно поэтично выразил свои чувства и свою боль потери. Майк Никсон, секретарь Общества Томаса Харди, сказал про «Ночь в ноябре», что это «возможно, величайшие любовные стихи, когда-либо написанные».

С листком на руке моей вялой
Я думал, мы снова вдвоём:
Ты вновь, где обычно, стояла,
Сказав, наконец, обо всём.

Во всех своих сборниках стихов Гарди систематически отказывался от слишком очевидной хронологии, вставляя как старые, так и недавно написанные стихотворения. Так, например, составлен сборник *«Зримые мгновения» (1917),* многие стихотворения которого обозначаются в самом их названии, как основывающиеся на

ретроспективном движении, когда внезапные вспышки памяти приобретают новое значение, или места пересматриваются и переоцениваются в движении вперед-назад, которое обеспечивает доминирующее положение. Каждый конкретный эпизод прошлого перечитывается и переосмысливается в свете настоящего момента, и наоборот, как в стихотворении *«После её первого взгляда».*

Роберт Льюис Стивенсон также известен как писатель и эссеист, автор знаменитого приключенческого романа «Остров сокровищ» и не менее известного — «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда». Поначалу Стивенсон стихи не писал, однако женившись, он сочинил несколько десятков детских стихотворений, которые после переработки издали в 1885 г. под названием *«Поэтический детский сад»,* ставший классикой английской поэзии для детей. Стивенсон посвятил эти детские стихи своей медсестре Камми (Элисон Каннингэм), которая заботилась о нём, когда он в детстве часто болел. Однако этот сборник не просто книга для детей, но и содержит в себе такие темы для взрослых, как утрата и одиночество.

Через два года Стивенсон выпустил второй поэтический сборник (поэзия для взрослых)

«Подлесок», позаимствовав это название у английского поэта XVII века Бена Джонсона. Стивенсон активно участвовал в литературной жизни Лондона, познакомившись со многими писателями и поэтами того времени, включая Эндрю Лэнга и Эдмунда Госса.

Редьярд Киплинг — один из самых известных поэтов и писателей позднего викторианского периода. Хотя он был удостоен Нобелевской премии по литературе в 1907 г., его непопулярные политические взгляды (защита империалистических войн, которые вела Англия) стали причиной игнорирования его творчества вскоре после его смерти.

Киплинг был продуктивным поэтом. Недавно изданные в Кембридже три тома его поэзии включают в себя 1400 стихотворений *(The Cambridge Edition of the Poems of Rudy ard Kipling. Ed. Thomas Pinney. Cambridge, 2013. 3 vols, xlviii + 2349 pp.)* Киплинг не только много сочинял, но и публиковался на четырех континентах и во всех видах изданий, от сложных литературных журналов до местных газет в Индии, Канаде, Австралии, Южной Африке и в других местах. Многие его стихотворения были тщательно переработаны для их публикации в сборниках. Конечно, Киплинг считается

крупнейшим английским поэтом, но отношение к его поэтическому творчеству разное. «Киплинг как поэт, — пишет во введении в 3-томнику его составитель, — несомненно, продолжит привлекать поклонников и провоцировать хулителей, и никто не может сказать, чьё мнение больше определяет общественное мнение о его достижениях» (P.xlvii).

Любимая форма поэта, как отмечает Т. С. Элиот в эссе «Избранная поэзия Киплинга» (1941), это баллада. Форма, которая сохранилась на протяжении веков и распространилась по большей части мира, явно подходит для поэта, который проявляет интерес к пространственному и временному разнообразию. Элиот отметил, что большинство поэтов используют определённую форму или метр ради их самих и музыкальной структуры поэзии, заключая в них глубокий смысл для разного понимания; в отличие от Киплинга, чьи стихи были предназначены для того, чтобы вызвать одинаковый отклик у всех читателей.

Киплинг был великим писателем стихов, а не великим поэтом, считает Элиот. И в этом он в принципе прав, несмотря на популярность стихотворений Киплинга в англоязычном мире, да и у нас в России. Однако дальше Элиот доба-

вил, что талант Киплинга в написании стихов такого типа был не только превосходным, но и уникальным. Киплинг отлично справлялся с широким спектром строфики и метрики, но не произвел революции в форме. Музыкальность его стихотворений — взятая в целом — подчинена их смыслу и теме, и это отличает стихи от поэзии. В поэзии Киплинга отсутствует психологизм, интерес к внутренней жизни, которую часто ожидают от лирических поэтов. На протяжении всей своей жизни Киплинг был нетерпим к мысли о том, что поэзия, как фарфор и веера, может быть просто декоративной. Если поэзия ничего не дает конкретного, то, по-видимому, Киплинг и не собирался писать именно поэзию. По его мнению, поэзия должна изображать жизнь, то, что происходит в ней, поэтому многие его стихотворения сочинены в конкретный момент в ответ на определенные события; законодательное решение, военная неудача, политическая кампания, какое-либо интересное происшествие и т. д.

Стихотворения Киплинга, как и его последователей: канадца Роберта Сервиса и австралийца Банджо Патерсона, — являются как бы стихотворными картинами, изображающими какие-то случаи из жизни людей разных профессий, типов,

какие-то конкретные события. В них нет особой психологической глубины, даже подчас личного отношения, они больше напоминают газетные заметки в стихах. Одним из таких стихотворений является баллада *«Нравоучительный код (или моральный кодекс)»,* в которой проявилась вся ирония, усмешка и мастерство игры слов Киплинга.

Тот же Т. С. Элиот в изданном им сборнике отметил, что сам хотел бы написать стихотворение Киплинга *«Мольба»,* в котором отражено желание Киплинга покоиться в мире без попыток ясновидящих или других общаться с ним после его смерти. Киплинг также требовал рассматривать только его опубликованные работы, не пытаясь исследовать его личные документы или неопубликованные материалы. Незадолго до смерти писателя, в 1934 г., Фрэнк Даблдей видел, как Киплинг сгребал кипы бумаг в пылающий огонь, сжигая свои рукописи, письма и другие записи. Когда его спросили, что он делает, он ответил: «Никто не сделает из меня обезьяну после того, как я умру».

Артур Конан Дойл, приобретший славу своим бессмертным Шерлоком Холмсом, известен своими научно-фантастическими произведениями,

историческими романами, своими политическими кампаниями, усилиями по созданию Апелляционного суда и т. д. Кроме того, он издал пять сборников своих стихотворений. Возможно, Конан Дойл был не самым лучшим поэтом, но его характерный голос, безусловно, заметен среди его многих стихотворений. И этот голос тоже стоит услышать в таком стихотворении как *«Взгляд в прошлое».*

Другие поэты позднего викторианства

Фрэнсис Бурдийон сочинил почти 500 стихотворений, но лишь одно — *«У ночи есть тысяча глаз»*, вошло в различные антологии и принесло ему славу. Это незамысловатое 8-строчное стихотворение иллюстрирует простоту творчества Бурдийона и его способность изложить суть идеи или образа в нескольких коротких словах. Эти образы использовались многими поэтами на протяжении многих лет, но простая, чёткая, без лишнего украшательства и многословия структура этого стихотворения и ясно выраженная мысль до сих пор создают ему славу одного из самых популярных поэтов поздней викторианской эпохи.

На первый взгляд кажется невероятным, что

автором чрезвычайно популярного поэтического сборника *«Шропширский парень»* (1896) стал ученый-классик **Альфред Хаусмен.** «Я не поэт по профессии; я профессор латыни», — говорил он. Профессор латыни Кембриджского университета не оставил сомнений в своих приоритетах: изучение классических текстов было одновременно интеллектуальным поиском правды и делом всей его жизни; поэзия явилась как результат его эмоциональных переживаний.

Стихи Хаусмена, хотя и разнообразны и даже оригинальны, принадлежат к семейству английских баллад-строф; его сюжеты, — хотя некоторые стихи намеренно двусмысленны, а философских тем совсем немного, — никогда не бывают заумными и далекими; его стиль всегда прямой, простой, понятный. Некоторые критики считают, что за прошедшие сто лет только две книги: *Рубаи* Омара Хайяма и «Шропширский парень» — прочно привязали к себе широкую публику и вызвали ревнивое уважение рецензентов. В течение всего XX века Хаусмена называли своего рода гением-хранителем английской самобытности. 63 стихотворения в этой книге обладают чистотой речи и интенсивностью чувств, которые придали этому сборнику ауру классики

с момента его выхода в свет.

Считается, что в качестве образца для своих стихотворений Хаусмен взял иронические стихи Генриха Гейне, песни Уильяма Шекспира и шотландские пограничные баллады. Темы поэзии Хаусмена и его эмоциональное отношение к ним можно охарактеризовать как продолжение романтического движения, которое процветало в Англии в начале XIX века и возродилось в эстетизме 1890-х годов. Однако Хаумен ни на кого не похож, и непосредственность и простота большей части его поэзии были расценены как недостатки. Говорилось, что в стихотворениях Хаусмена «банальность техническая равна банальности мышления». Также отмечалась ограниченность тем поэта человеческой смертностью и восстанием против жребия судьбы. Одна из причин, возможно, тривиальная, состоит в том, что поэзия Хаусмена есть «переворачивание страниц»; читатель замечает узость тем и метрики, потому что он редко прочитает одно стихотворение и остановится. Происходит это из-за ясности и краткости стихотворений Хаусмена. Просодически хаусменовская поэзия в этом сборнике проста: главным образом катрены или синквейн в ямбических тетраметрах или тримет-

рах с вариациями на сильных рифмах AABB или ABAB. Многие критики презрительно относятся к такой простоте, которую нельзя сравнивать с метрическим разнообразием Браунинга, Теннисона, других викторианских поэтов, но она была исполнена, скорее, для ясности и краткости и, в свою очередь, для удобочитаемости. Эмоциональная прямота стихотворений Хаусмена звучит как приглашение к интимной близости, давая несчастным читателям, особенно молодым, чувство, что они, наконец, нашли отзывчивое сердце в бесчувственном мире.

В своей лекции «Имя и природа поэзии» (1933) Хаусмен утверждал, что большая часть поэзии XVIII века была напускной (искусственной), потому что она была основана на мыслях, разуме, а не на передаче чувств. Блейк был лучшим, ибо у него были сильные чувства и слабая интеллектуальность. «И я думаю, — отметил Хаусмен, — что передача эмоции (а не передача мысли), необходимой для создания у читателя впечатления, соответствующего тому, которое прочувствовал автор — есть своеобразное назначение поэзии». Примерно то же самое мы видим в стихах самого Хаусмена, где звучит и откровенный пессимизм Томаса Гарди и тяжеловатый цинизм Гейне,

только более ярче и жизнерадостней. Мрачная ирония и простоватый юмор в творчестве Хаусмена погружены в атмосферу тончайших нюансов. Хаусмен не боялся использовать банальный язык; для него неважно, что дюжина поэтов или десять тысяч поэтов говорили о «золотых друзьях», он использует слова, которые считает нужным.

С мелодической точки зрения «Шропширский парень» — собрание изящных и почти совершенных песен. И действительно, на эти стихи была написана музыка многих композиторов. Одни критики называли Хаусмена поэтом несчастья, поэтом боли, или, лучше сказать, поэтом депрессии. Ссылаясь на «Шропширского парня» в письме, написанном в 1933 г., Хаусмен заявил, что «очень мало в книге биографического», и сказал, что его взгляд на мир «связан с моим наблюдением за миром, а не с личными обстоятельствами». Но это не совсем так. Треть из шестидесяти трех стихотворений была написана в состоянии постоянного возбуждения, как выразился сам Хаусмен, в начале 1895 г., и это было время суда над Оскаром Уайльдом. В 1879 г., когда Хаусмену было 20 лет, он влюбился в одноклассника Мозеса Джексона — сердечного, спортивного и совершенно прямого человека.

В отчаянии, что его романтические чувства не были взаимны, Хаусмен провалил свои выпускные экзамены, хотя, в конечном итоге, стал учёным-классиком. Но его научная карьера была прервана из-за этого на десять лет. Хаусмен был убежден, что его нестандартная сексуальность обрекает его на одиночество, или ещё хуже. Оскар Уайльд был приговорен к двум годам каторжных работ за гомосексуальную связь с Альфредом Дугласом. Неудивительно, что Хаусмен держал свои самые глубокие чувства при себе. Он понял, что соотечественникам не нравится то, кем он является, и что ему придётся жить в подполье до конца своей жизни.

Другие критики видят подростковый характер некоторых мыслей Хаусмена и сентиментальное обращение с ними. Рассматривая популярность «Шропширского парня», Джордж Оруэлл в книге «Внутри кита и в другие очерки» (1957) отметил некоторые особенности поэзии Хаусмена: снобизм в ощущении принадлежности своей стране, подростковые темы убийства, самоубийства, несчастной любви и ранней смерти; мысль, что жизнь коротка, а боги против нас. Всё это в точности соответствовало преобладающему настроению молодежи того времени. Персонажи

Хаусмена не могут найти божественную любовь во Вселенной, они противостоят огромному пространству и осознают, что являются жертвами слепых сил Природы. В такой вселенной тему ценности юности и юношеской красоты можно найти во многих стихотворениях поэта. Юноши и девушки Хаусмена иногда умирают на природе и становятся её неотъемлемой частью:

Терзают сердце слёзы
О золотых друзьях:
О девах, губки – розы,
Стремительных парнях.

Где реки быстротечны —
Могилы тех ребят;
В полях девчонки вечно
Средь роз увядших спят.

И всё же можно привести другое мнение. После «Шропширского парня» лишь в 1922 г. произошёл очередной всплеск активности — за 10 дней Хаусмен заполнил 57 страниц своей тетради. Мучения на этот раз были вызваны тем, что Мозес Джексон умирал от рака. Хаусмен упустил и человеческую любовь, и чувство, что в космосе есть нечто большее, чем печаль. Немногие поэты

выразили такое мрачное видение с большей остротой, чем он.

Уильям Батлер Иейтс считается одним из величайших поэтов XX века. В 1923 г. он был удостоен Нобелевской премии по литературе. Как сообщает официальный сайт Нобелевской премии, Нейтс был выбран «за свою всегда вдохновенную поэзию, которая в высокохудожественной форме выражает дух целой нации». Уильям Хью Оден, современник Йейтса, высоко ценил поэзию последнего, считая её одной из самых прекрасных в то время. В его раннем творчестве ощущается влияние Эдмунда Спенсера и поэтов-романтиков, его интерес к оккультизму и магии были тесно связаны с идеями Блейка и Шелли, и в сборнике «Ветер среди тростников» (1899) есть несколько стихотворений, использующих оккультную символику. На Йейтса оказали влияние также прерафаэлиты и французские символисты. Он подружился с английским поэтом-декадентом Лайонелом Джонсоном, и в 1890 г. они основали «Клуб Рифмачей», куда входил и Эрнест Даусон. Хотя Иейтс считается поэтом уже XX века, а не викторианцем, его верность поэтической традиции не распространялась на то, что он считал часто неясным и слишком научным использова-

нием литературных и культурных традиций, как в поэзии Т. С. Элиота и Эзры Паунда.

В 1898 г. Йейтс встретил леди Огасту Грегори, аристократку и поэтессу, разделявшую его страсть к старинным ирландским сказкам и легендам. Йейтс проводил каждое лето в доме леди Грегори в Кул-парке в графстве Голуэй. В конце концов, он также купил разрушенный Норманд-ский замок под названием «Thoor Ballylee» в этом районе. Живя там, Йейтс проводил много времени с семьей леди Грегори, включая её внучку, юную Энн, имя которой он взял для своего весёлого стихотворения *«Посвящается Энн Грегори».*

Большой любовью жизни ирландского поэта Уильяма Батлера Йейтса была ирландская актриса и революционерка Мод Гонн, в равной степени известная своими националистическими взглядами на судьбу Ирландии и своей красотой. Мод оказала сильное влияние на поэзию Йейтса. Он много раз делал ей предложение, но всегда встречал отказ; она утверждала, возможно, в качестве оправдания, что его безответная любовь способствовала эффективности его творчества. Чувства, выраженные в стихотворении *«Когда, состарясь…»,* предполагают именно эти отношения поэта к прекрасной ирландке.

Стихотворения **Ричарда Миддлтона,** традиционные по сюжету и образам, похожи на лирическую поэзию 1890-х годов в своей структуре, мелодике и метрике. Однако за годы его жизни несколько издателей отказались публиковать поэзию Миддлтона. И всё же изящные и замысловато построенные стихотворения поэта демонстрируют тонкую чувствительность и заметный литературный талант.

Альфред Нойес в возрасте 21-го года опубликовал свой первый сборник стихов «Ткацкий станок времени» (1902), который получил похвалу от таких уважаемых поэтов, как Уильям Батлер Йейтс и Джордж Мередит. В течение следующих пяти лет Нойес выпустил в свет еще пять поэтических сборников. В своих ранних работах он утверждал, что стремится «следовать за беспечными и счастливыми ножками детей обратно в царство тех снов, которые…есть единственная реальность, ради которой стоит жить и умереть; эти прекрасные мечты или причудливые проказы». Его ранние произведения часто вызывают прихотливые, сказочные эмоции, его поздняя поэзия всё чаще имеет дело с религиозными темами. Нойес — литературный консерватор, придерживающийся традиционных поэтических

стилей: его поэмы и стихотворения романтичны, цветисты и немного сентиментальны. Он был известным критиком модернистских писателей, особенно Джеймса Джойса. Точно так же его работу в это время критиковали за отказ принять модернистское движение. Как и Киплинг, Нойес писал отличные стихи, но они не всегда были высокой поэзией.

И всё же многие произведения Нойеса являют необычный метрический диапазон. Он — повествовательный поэт, рассказывающий живую историю, полную очарования прошлого, с удивительным юмором и музыкальностью. В своих лучших произведениях, например, в *«Разбойнике»*, одной из самых известных своих баллад, Нойес демонстрирует своё умение рассказчика, напоминающее нам о двух поэтах, оказавших на него самое большое влияние: Вордсворте и Теннисоне. Во многих стихотворениях Нойеса есть что-то по существу прекрасное, их тонкий и чистый поток всегда приятен на вкус, но редко удовлетворяет. Дерек Стэнфорд в статье «Поэтическое достижение Альфреда Нойеса» (1958) отмечает «полихроматические свойства визуальных образов» поэта, а описание событий в его балладе сравнивает с краткостью и сжатостью

кино».

Назад, обезумев, он скачет, и небу проклятия шлёт,

Дорога клубами пылится, направлена шпага вперёд.

Кровавые шпоры сверкают, камзол – как вишнёвый сок.

От пули он пал на дороге,

Упал словно пёс на дороге,

Лежит он в крови на дороге, у горла из кружев пучок.

Нойес был склонен к некоторому романтическому упрощению. Но эту опасность успешно преодолела его баллада с чётким ритмическим движением. Несмотря на ограниченность темы, в «Разбойнике» сохранена поэтическая сила — в резком, быстром и графическом повествовании. Во многих его произведениях разбросаны восхитительные образы, которые встречаются и в призрачном *«Тумане в низине»*, и в лирической *«Японской серенаде»*.

Александр Лукьянов

Франц Винтерхальтер. Портрет королевы Виктории в свадебном платье. 1842. Версаль, национальный музей, Франция.

Уильям Блейк[1] (1757–1827)

[1] Примечания: 1

Уильям Блейк (William Blake), английский поэт, гравер и художник, родился в Лондоне 28 ноября 1757 г., будучи вторым сыном торговца мужской одеждой. За исключением нескольких лет проживания в Сассексе, вся жизнь поэта прошла в Лондоне. В четырнадцать лет Блейк стал подмастерьем у гравёра Д. Бейзира, работая у него до 1778 г. В 1782 г., став самостоятельным мастером, он женился на Кэтрин Боучер, которая стала постоянной помощницей в его работе. Всю свою жизнь Блейк прожил в Лондоне, здесь он писал стихи, иллюстрировал различные книжные издания, в том числе Чосера и Данте. После того как в 1784 г. умер его отец, Блейк основал типографию по соседству с семейным магазином. При жизни Блейка были изданы только два сборника стихов, к которым Блейк подготовил иллюстрации, освоив метод компоновки текста и гравюры на одной пластине: это «Песни невиновности» (1789), а затем «Песни опыта» (1794). Он сочинил эпическую поэму «Четыре Зои» как мистическую историю, предсказывающую будущее, показывающую, что зло коренится в основных способностях человека: разуме, страсти, инстинкте и воображении. Последнее десятилетие Блейк создал живописные проекты по мильтоновским поэмам L'Allegro и Il Penseroso (1816), сочинил поэму «Вечное Евангелие» (1818). В 1824 г. его здоровье начало ослабевать, и 12 августа 1827 г. Блейк умер в бедности и был похоронен в общей могиле.

Из сборника «Песни опыта» (1794)
Тигр

Тигр! О, Тигр! Огонь и блеск
Озарил полночный лес;
Кто задумал изваять
Этот ужас, эту стать?

Где, в глубинах или в выси
Глаз твоих огонь родился?
Как на крыльях он взлетел?
Кто огонь схватить посмел?

Чье скрутило мастерство
Жилы сердца твоего?
И оно забилось вдруг
Посреди могучих рук!

Кто ковал рукою властной
Мозг твой в кузнице ужасной?[2]

---

[2] Примечания: 2

… в кузнице ужасной? — Вероятно, аллюзия к поэме Мильтона «Потерянный Рай», в которой Мильтон представил Гефеста как создателя Пандемония, жилища всех демонов: Зодчий сам // С умельцами своими заодно // Вниз головами сброшены Творцом // Отстраивать Геенну (Книга 1). Перевод Арк. Штейнберга.

И клещами, что есть сил,
Злобный дух туда вложил?

Когда ангелы метали
Копья с Неба и рыдали[3],
Улыбался ль твой Творец!
Кто и Агнцу был Отец![4]

Тигр! О, Тигр! Огонь и блеск
Озарил полночный лес.
Кто решился изваять
Этот ужас, эту стать?

---

[3] Примечания: 3

Когда ангелы метали //Копья с Неба… — Намёк на библейскую битву Господнего воинства с силами Ада, восставшим Люцифером.

[4] Примечания: 4

Кто и Агнцу был Отец. — «На другой день видит Иоанн идущего к нему Иисуса и говорит: вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира» (Ин. 1:29).

Уильям Вордсворт[5] (1770–1850)

---

[5] Примечания: 5

Уильям Вордсворт (William Wordsworth), крупнейший английский поэт и лидер романтического движения в Англии, родился в графстве Кэмберленд. Он был вторым из пяти детей поверенного агента Джеймса Лоутера, 1-го графа Лонсдейла. В 1779 г. мальчика определили в классическую школу в Хоуксхеде (Северный Ланкашир). В 1791 г. Вордсворт закончил Кембридж, где занимался английской литературой и итальянским языком, а затем много путешествовал за границей, пройдя пешком почти всю Францию и Швейцарию. Во Франции он влюбился в Аннет Валлон, которая родила ему дочь Керолайн. Получив небольшое наследство, он обосновался с сестрой Дороти, постоянной своей помощницей и единомышленницей, в Дорсетшире.

В июле 1797 г. Вордсворты переехали в графство Сомерсетшир, где Уильям стал близким другом Сэмюэля Тейлора Кольриджа, жившего там. Эти два поэта вместе издали сборник «Лирические Баллады» (1798), в стихотворениях которого они стремились сблизить разговорный и поэтический язык. В 1799 г. Вордсворт со своей сестрой поселились в Грасмире (графство Уэстморленд) — «Озерном крае» Англии, где они прожили остальные годы своей жизни. В 1802 г. Уильям женился на Мэри Хатчинсон, подруге своего детства. С 1803 по 1810 годы Мэри родила Вордсворту пятерых детей, а Дороти продолжала жить в семье брата, ухаживая за своими племянниками.

После прихода к власти Наполеона, Вордсворт превратился из либерала в консерватора, стал ближе к англиканской церкви. В 1830-х годах он много путешествовал по Европе, сочинял стихи или исполнял должность государственного уполномоченного по гербовым сборам в своём графстве. В 1839 г. Оксфордский университет сделал Вордсворта почетным доктором гражданского права; в 1842 г. он получил пенсию, а в 1843 г., после смерти Роберта Саути, ему было присвоено звание поэта-лауреата. Вордсворт умер в Райдел-Маунт 23 апреля 1850 г.

Из сборника «Лирические баллады» (1798)

Каторжник

На запад стремился роскошный закат;
Я встал на холме, у вершины,
Восторг, что предшествует дрёме, стократ
Звенел сквозь леса и долины.

Должны ль мы покинуть столь благостный дом?
Сказал я, страдая душою,
И скорбно к темнице пошёл я потом,
Где каторжник был за стеною.

Ворота в тени от массивнейших стен, —
Тюрьмы ощутил я дыханье:
Сквозь прутья я вижу вблизи, как согбен,
В ней страждет изгой состраданья.

Лежат на плече чёрных прядей узлы,

Глубок его вздох и взволнован,
В унынье он видит свои кандалы, —
В них будет всю жизнь он закован.

Не мог я без горя смотреть на него,
Покрытого грязью, щетиной;
Но мыслью проникнул я к сердцу его,
Создав там ужасней картины.

Ослабший костяк, соков жизненных нет,
О прошлом забыл он в надежде;
Но грех, что его угнетал много лет,
Чернит его взгляд, как и прежде.

Лишь с мрачных собраний, кровавых полей
Король возвратится в покои,
Льстецы его славить спешат поскорей,
Чтоб спал он безгрешно в покое.

Но если несчастья забыты навек,
И совесть живёт без мученья,
То должен ли в шуме лежать человек;
В болезни и без утешенья.

Когда его ночью оковы теснят,
Чей вес не выносится боле,
Бедняга забыться дремотою рад,
На нарах вертясь поневоле.

А взвоет мастифф на цепи у ворот, —
В холодном поту он проснётся,
И боль его тысячью игл обожжёт,
И сердце от ужаса бьётся.

Глаза он запавшие поднял чуть-чуть
С трепещущей влагою взгляда;
Казалось, чтоб скорбную тишь всколыхнуть
Спросил: «А тебе что здесь надо?».

«Страдалец! Стоит ведь не праздный бахвал,
Чтоб сравнивать жребии наши в гордыне,
А тот, кто добро воспринять пожелал,
Придя, чтобы скорбь разделить твою ныне.

Хоть жалость к тебе и не так велика,

Хоть портит тебя твоё грубое слово,
Была б у меня столь могуча рука,
На почве другой ты цвести мог бы снова».

Из сборника «Лирические баллады» (1800)

Родник «Прыжок оленя»[6]

Часть первая

Часть вторая

Охотясь в Уэнсли, рыцарь прискакал
Неспешно, словно облако в зените,
К усадьбе, где живёт его вассал,
И крикнул: «Мне коня скорей смените!»

«Скорей смените!» – был под этот крик
Осёдлан конь, быстрейший и атласный;
Сэр Уолтер на него взобрался вмиг:
На третьего за этот день прекрасный.

У рысака в глазах восторг блестит,
Скакун и всадник – нет счастливей па-

---

[6] Примечания: 6

Родник «Прыжок оленя» — небольшой источник воды, примерно в пяти милях от Ричмонда в Йоркшире, недалеко от дороги, ведущей из Ричмонда в Аскриг.

ры.
Хотя сэр Уолтер соколом летит,
Печальной тишины слышны удары.

Из замка сэра Уолтера с утра
Под грохот эха ускакала свита;
Исчезли кони, люди со двора,
Такой не помнят скачки боевитой.

Сэр Уолтер, неуёмный как Борей,
Позвал собак, уставших от погони:
«Бланш, Свифт и Мьюзик, чистых вы кровей,
Скорей за мной на этом горном склоне.

Ату! Ату!» – Их рыцарь подбодрил
Просящим жестом и суровой бранью;
Но все собаки выбились из сил
И улеглись под горного геранью.

Но где толпа и скачки суета?
Где горны, что в лесах перекликались?
– Всё ж неземной была погоня та;
Сэр Уолтер и олень одни остались.

По склону тяжко двигался олень,

Я не скажу, как далеко бежал он,
И не скажу, как умер он в тот день;
Но мёртвым пред охотником лежал он.

Спешился рыцарь на колючий дрок.
Своих собак и спутников не клича,
Не бил хлыстом он, не гудел в рожок,
Но радостно осматривал добычу.

А близ него стоял и мял траву,
Его немой напарник в славном деле,
Дрожащий, что ягненочек в хлеву,
Весь в белой пене, как в снегах метели.

Лежал олень недвижно в стороне,
Коснувшись родника своей ноздрёю,
Последний вздох он подарил волне
Источника с журчащею струёю.

Своей безмерной радостью влеком,
(Никто не получал такой награды!)
Сэр Уолтер всё бродил, бродил кругом
И всё бросал на это место взгляды.

И он, поднявшись по холму теперь

На тридцать ярдов, три следа раздельных
Увидел, их преследуемый зверь
Оставил на земле в прыжках смертельных.

Лицо сэр Уолтер вытер и вскричал:
«Ещё никто не видел ту картину,
Чтоб в три прыжка скакнул олень со скал
К источнику, в лесистую долину.

Дворец утехи я построю тут
С беседкой пасторальною, зелёной;
Паломникам и странникам приют,
Чертог любви для девы непреклонной.

Умелый мастер чашу возведёт
Для родника под лиственною сенью!
И в тот же день, придя к нему, народ
Названье даст – РОДНИК «ПРЫЖОК ОЛЕНЯ».

Храбрец олень! дабы твоя судьба
Во славе оказалась не забыта:
Поставлю я три каменных столба

Там, где содрали дёрн твои копыта.

И тёплым летом здесь, где пахнет хмель,
Устрою бал своей Прекрасной Даме;
И будут танцы, будет менестрель,
В беседке будут игры вечерами.

Пока не рухнут основанья гор,
Дворец с беседкой будут всем желанны: —
Тем, для кого жилище – Юрский бор[7],
И тем, кто пашет в Свэйле[8] *неустанно».*

Он повернул домой, его олень
Лежал у родника к воде ноздрями.
– Исполнил рыцарь, что сказал в тот день.
И слава понеслась над городами.

Луна три раза пряталась в чертог,
И чашу получил родник отныне;

---

[7] Примечания: 7
Юра — река в Северном Йоркшире.

[8] Примечания: 8
Свейл — река в Йоркшире.

Поставить три колонны рыцарь смог,
Дворец утехи выстроил в лощине.

У родника высокие цветы
С деревьями сплелись, прижав к ним донца,
Создав приют лесистый, где листы
Укроют всех от ветра и от солнца.

И тёплым летом здесь, где пахнет хмель,
Устроил рыцарь бал Прекрасной Даме;
И были танцы, был и менестрель,
В беседке были игры вечерами.

Но сэр Уолтер умер – наш герой,
В семейном склепе он лежит под вязом.
Есть тема сочинить мне стих второй,
Сопроводив его другим рассказом.

Я о несчастьях не пишу стихов,
Кровь леденить – то не моё искусство,
Но летом на свирели я готов
Играть для тех, в ком разум есть и чувства.

Я в Ричмонд[9] направляясь на коне,
Стоящие увидел три осины
На трёх углах квадрата, в стороне
Ещё одна – у родника лощины.

Значенье их узнал бы я навряд;
Остановившись на скале укромной,
Узрел я три столпа, стоящих в ряд, —
Последний на вершине виден тёмной.

Унылые деревья без ветвей;
Квадратный холмик с жухлою травою;
Как, может, вы, сказал я без затей:
«Давным-давно здесь было всё живое».

Оглядывал я холм со всех сторон,
Печальней места я не видел ране;
Казалось, здесь весны неслышен звон,
Природа подошла к смертельной грани.

Я там стоял бесплодных полон дум,
Когда старик в пастушеской одежде
Поднялся вверх, и я, услышав шум,

---

[9] Примечания: 9
Ричмонд — город в Северном Йоркшире.

Спросил его, а что здесь было прежде.

Пастух поведал тот же мне рассказ,
Что в первой части смог зарифмовать я,
Сказав: «Веселье было здесь не раз,
А нынче здесь на всём лежит проклятье.

Стоят осины мёртвые кругом;
А, может, буки – все обрубки эти:
Они беседкой были; рядом дом —
Дворец прекрасней всех дворцов на свете!

В беседке той ни кроны, ни листвы;
Вот и родник, и каменные плиты;
А во дворце полдня могли бы вы
Вести охоту за мечтой забытой.

Нет ни собак, ни тёлок, ни коней,
Из родника желающих напиться…
У тех, кто крепко спал, ещё мрачней
Сон становился от такой водицы.

Убийство было здесь совершено,

Кровь жаждет крови; может не напрасно
Решил, на солнце греясь, я давно,
Всему причина – тот Олень несчастный.

Что думал он, с кого он брал пример!
Когда от самых верхних скал по круче
Он сделал три прыжка – и, гляньте, сэр,
Последний был, о, чудо! сколь могучий.

Отчаянно бежал он целый день;
Не мог понять я, по какой причине
Любил то место загнанный олень
И смерть обрёл у родника в лощине.

Здесь он поспать ложился на траву,
Был убаюкан летнею волною,
И первый раз воды пил синеву,
Близ матери тропой идя лесною.

В апреле под терновником густым
Он слушал птиц, рассвет встречавших звонко;
Возможно, здесь на ножки встал груд-

ным,
От родника почти что в полфарлонга[10].

Теперь здесь ни травы, ни тени нет;
В низине грустной солнце не сияет;
Я говорил, так будет много лет,
Природа в этом месте умирает».

«Седой пастух, ты хорошо сказал;
Но мы различны нашим пониманьем:
Когда олень особенный здесь пал,
Он был оплакан горним состраданьем.

Ведь дух, что устремился к облакам,
Что проникает рощи и низовья,
Относится к безвинным существам
С благоговейной отческой любовью.

Дворец утехи – тлен: тогда, потом,
Но это всё ж не светопреставленье;
Природа вновь одним весенним днём
Проявит здесь и прелесть, и цветенье.

---

[10] Примечания: 10

Фарлонг — британская единица измерения длины, равная 220 ярдам (201,168 м).

А все столпы исчезнут в свой черёд,
Что видим мы, о чём когда-то знали;
Когда же день спокойствия придёт,
Все монументы зарастут в печали.

Один урок! но поделён на два,
Природа учит явно нас и скрыто:
Чтоб с муками живого существа
Спесь и утеха не были бы слиты.

Из «Стихотворений» в двух томах (1807)
Сонет, сочинённый на Вестминстерском мосту 3 сентября 1802 года[11]

Нет ничего прекрасней в мирозданье!
Тот нищ душой, кого не удивит
Открывшийся величественный вид;
Всё это Сити в нежном одеянье
Красот рассвета; кораблей молчанье,
Соборы, театры, башни, чей гранит
Между землёй и небом так блестит
Сквозь чистый воздух в розовом сиянье.
Нет, никогда луч солнца золотой

---

[11] Примечания: 11

Сестра Вордсворта Дороти так описала начало их совместного путешествия в Париж в июле 1802 г. «[…] мы выехали из Лондона в субботу утром в половине пятого или шестого, — отмечала Дороти в своём Грасмирском дневнике, — 31-го июля (я чуть подзабыла) мы поднялись на Довер Коатч в Чаринг-Кросс. Было прекрасное утро. Город, Св. Павел, река и множеством маленьких лодок создали самый прекрасный вид, когда мы пересекли Вестминстерский мост. Дома не были окружены облаками дыма, но нескончаемо простирались вдаль, и солнце сияло так ярко и таким чистым светом, что всё это являло собой безупречность одного из величайших Зрелищ природы». Может, основываясь на этой записи, Вордсворт начал свой сонет, который закончил только по возвращении в Лондон.

Так не ласкал земли моей раздольной,
Не видел я столь царственный покой,
А Темза не катилась так привольно.
Мой Бог! объяты зданья тишиной,
И всё, как сердце мощное, спокойно!

Жёлтые нарциссы[12]

Я брёл, как облачко весною,
Один, меж долом и горой;
И вдруг увидел пред собою
Нарциссов жёлтых целый рой —
В тени деревьев у реки
Бриз волновал их лепестки.

Толпясь, как звёзды, что сверкают,

---

[12] Примечания: 12

Стихотворение сочинено в 1804 г. по записям самого Вордсворта; впервые опубликовано в 1807 г. в «Стихотворениях в двух томах», а пересмотренная версия была опубликована в 1815 г. На идею этого стихотворения, как предполагают некоторые исследователи, повлияли записи Дороти в её Грасмирском дневнике: «Прогуливаясь в лесу за парком Гаубарро, мы увидели нарциссы у воды…Я никогда не встречала таких прекрасных жёлтых нарциссов, растущих среди мшистых камней и вокруг них. Одни нарциссы прижимались к этим камням, как к подушке из-за усталости, а остальные метались, скручивались и танцевали, и, казалось, что они искренно улыбались ветру, пролетавшему над озером. Они выглядели такими веселыми, смотря на окружающий их мир».

Наполнив светом Млечный Путь,
Они вдоль берега мелькают,
Чтоб в бесконечность ускользнуть;
Их в танце тысячи сплелись,
Головки поднимая ввысь.

Танцуя рядом, даже волны
Не превзошли весельем их:
И я стоял, задором полный,
Среди нарциссов золотых.
На них бросая быстрый взгляд,
Богатству праздничному рад.

Когда же в кресле отдыхаю,
Или мечтаю в тишине,
Пред взором внутренним сверкая,
Они блаженство дарят мне.
И сердце радостью полно,
Танцуя с ними заодно.

Восторга Призрак неземной[13]

---

[13] Примечания: 13
Стихотворение сочинено в 1803 г.

Восторга Призрак неземной,
Она явилась предо мной —
Великолепное Явленье,
И украшение мгновенья:
Как звёзды в Сумерках – глаза,
Темна, как Сумерки, коса.
Вся красота её живая —
Рассвет игривый, время мая;
Танцующий, весёлый вид
Подстережёт и поразит.

Затем увидел ближе встречно:
Дух, но и Женщина, конечно!
Её движения легки,
Свободны, девственно мягки;
Лицо, где встретились в молчанье,
И честь, и сладость обещанья;
В ней блеска нет, ей не под стать
Людей всё время восхищать,
Зачем ей хитрость, скорбь, угрозы,
Хвала, любовь, лобзанья, слёзы.

Теперь, спокойно, в круге дней

Я пульс машины вижу в ней;
Плоть, чьё дыханье глубоко, —
От жизни к смерти Спутник рока.
Крепка умом, во всём скромна,
Умела, стойка и сильна;
То Женщина, что совершенна,
Утешит, повелит смиренно;
И всё же Дух ещё, в нём свет
Сияньем ангельским согрет.

Когда я вспомнил то, что покорило…[14]

Когда я вспомнил то, что покорило
Империи, как сникнул чести дух,
Когда мечи сменили на гроссбух,
А золото науку заменило, —
Страна моя! мне просто страшно было.
Моя ль вина? Но я к тебе не глух.
Огонь в сыновнем сердце не потух,

[14] Примечания: 14
Стихотворение впервые опубликовано в «Морнинг Пост» 17 сентября 1803 г.

И совесть эти страхи пристыдила.
Тебя должны ценить мы, коль оплот
Нашли в тебе, неся благое бремя;
Как был обманут я в любви своей:
Не странно, коль Поэт в иное время
К тебе среди раздумий обретёт
Привязанность влюблённых иль детей!

Из «Стихотворений в 2-х томах» (1815)

Март[15]

Петух кукаречет,
Синицы щебечут,
В источниках – плески,
На озере – блески,
Заснуло на солнышке поле.
И дети, и деды
В труде непоседы;
Огромное стадо
Без устали радо
Пощипывать травку на воле.

В весеннем сраженье —
Снегов отступленье,
Им худо на склонах
Холмов обнажённых;
Для пахарей скоро раздолье:
В горах уж веселье,

---

[15] Примечания: 15

Стихотворение сочинено в марте во время отдыха на мосту у края Бротерского озера (Broth-er's Water).

В ручьях – новоселье;
И тучки бледнее,
И небо синее;
Закончился дождь на приволье!

Сэмюэль Тейлор Кольридж[16] (1772–1834)

[16] Примечания: 16

Сэмюэль Тейлор Кольридж (Samuel Taylor Coleridge), поэт, критик и философ, родился 21 октября 1772 г. в небольшом городке графства Девоншир в семье священнослужителя. В 1781 г., после смерти отца, мальчик был отправлен в школу-интернат в Лондоне. Поступив в Кембридж (колледж Иисуса) в 1791 г., Кольридж закончил его без получения степени бакалавра и сразу после окончания встретился с Робертом Саути. Молодых поэтов объединили общие политические и революционные взгляды, они создали общину свободных людей «Пантосократию», и даже женились через год на сестрах Саре (Кольридж) и Эдит (Саути) Фрикер. Но Кольридж не был счастлив с женой. С 1796 г. он пристрастился к опиуму, снимая им различные боли. В 1798 г. Кольридж в содружестве с Вордсвортом издал сборник «Лирические баллады», куда вошла его самая известная романтические поэма «Сказание о Старом Мореходе». В это же время были написаны, но изданы немного позже и другие его поэмы: «КублаХан» и «Кристабель».

Через два года Кольридж и Вордсворт посетили Германию, где Кольридж увлёкся немецкой классической философией. По возвращении в Англию он обосновался с женой и друзьями в Кесуике, в «озёрном крае» Англии. С 1804 по 1806 год Кольридж жил в Сицилии, где старался поправить своё пошатнувшееся здоровье. Через некоторое время он развёлся с женой, постепенно становясь наркоманом из-за большого потребления опиума для снятия сильных болей. С 1816 г. до самой смерти он жил в Лондоне в доме доктора Джеймса Гилмана, который взял под контроль его пристрастие к наркотику. Кольридж занимался также мемуарной прозой и литературной критикой. Умер он от остановки сердца в Хайгейте 25 июля 1834 г.

Строки о прекрасной весне в деревне[17]

О мой ручей, журчащий круглый год,
Хвалю твою прохладу чистых вод.
Спасаясь от полуденного жженья,
С венком из пиерийского цветенья[18]*,*
(Пока я не покинул сей приют)
Украшу я исток твой мшистый тут.
Ты в чаще не журчишь непроходимой,
Чтоб снять печаль дриаде нелюдимой;
В глуби пещер ключом незримым бьёт
Не твой источник, увлажняя грот.
Долины гордость! поишь ты весь день
Все хижины окрестных деревень.
Заполнили твой берег громким криком
Проказники с эльфийским нежным ли-

---

[17] Примечания: 17

Юношеское стихотворение Кольриджа, созданное, скорее всего, в 1793-94 гг., и впервые опубликованное в «Annual Register» в 1796 г.

[18] Примечания: 18

…пиерийского цветенья… — Пиерия — область в Македонии (Древняя Греция), где находится гора Олимп; там впервые начали поклоняться девяти Музам фракийцы. Отсюда и другое название Муз — Пиериды.

ком,

Покинув класс, они бегут спускать

Бумажный флот, твою волнуя гладь.

На дудочке играет с грустным взглядом

Селянин, опершись на посох рядом,

Иль молкнет, чтоб с надеждой и в тоске

Шаги любимой слышать вдалеке:

Уже давно зовёт её хозяйка,

Но пуст кувшин хорошенькой лентяйки.

Мой скромный друг! средь гальки ты играешь,

О прошлой неге память возвращаешь,

Когда Надежды заблистал рассвет,

Так радостно; спаси от новых бед,

Что по душе моей скользили тенью,

Как облака по твоему теченью.

Ключ жизни, ты искрился в час дневной,

Иль как боа сребристый под луной;

А ныне ты бежишь под куст колючий,
Иль пенишься, срываясь с горной кручи!

Из сборника «Лирические баллады» (1798)

Темница

То предки возвели для человека!
Так мы являем мудрость и любовь
К несчастному, что грешен пред нами,
Невинный, может быть – а коль виновный?
Излечит ли одна тюрьма? Господь!
Коль в грешном поры сузились и ссохлись
От нищеты, невежества, все силы
Его назад откатятся, как волны;
И станут вредоносными, ему
Неся болезнь и гибель, как чума.
Тогда мы призываем шарлатанов:
Их лучшее лекарство! – поместить
Больного в одиночество, где плача,
С лицом угрюмым, под тюремный лязг,
Он смотрит сквозь пары своей тем-

ницы

В зловещем сумраке. Вот так лежит

Он среди зла, пока его душа,

Несформированная, станет разлагаться

При виде ещё большего уродства!

Ты прикоснись легко к нему, Природа!

И чадо озорное исцели:

И благотворно подари ему

Свет солнца, красоту, дыханья сладость,

Мелодии лесов, ветров и вод,

Пока он не смягчится, и не будет

Столь неуклюже, резко отличаться

Среди всеобщей пляски и напевов;

Но, разрыдавшись, исцелит свой дух,

Чтоб вновь он добрым стал и гармоничным

Под действием любви и красоты.

Любовь

Все мысли, страсти, наслажденья,
Что возбуждают в смертных кровь,
Огнём питаются священным
По имени Любовь.

И часто я в своих мечтаньях
Вновь проживал тот час один,
Когда стоял на горном склоне
У башенных руин.

Крадучись, лунный свет смешался
С зарёй вечерней в тишине;
Там дорогая Женевьева —
Надежда, радость мне.

К скульптуре рыцаря в доспехах
Склонилась, опершись, она;
И слушала мою балладу,
Луной освещена.

Грустит немного Женевьева:
Моя надежда! Мой задор!

Любовь её сильней, коль песней
Её печалю взор.

Я пел историю простую,
Что сердце трогает былым —
Она стара, груба, подходит
К развалинам седым.

И дева слушала, краснея,
Потупив скромно нежный взгляд;
И знала, лик её прелестный
Всегда я видеть рад.

Я пел о Рыцаре, что жгучий
Герб на щите носил с войны;
Как десять лет всё добивался
Он Дамы той страны.

Я пел ей о его страданьях —
Тяжёл и грустен был мотив,
Я показал любовь другую,
Свою так объяснив.

И дева слушала, краснея,
Потупив скромно нежный взгляд;
Простив меня, что лик прелестный

Её лишь видеть рад.

Когда я спел, как от презренья
Безумным смелый Рыцарь стал,
Как день и ночь леса и горы
Не спав, пересекал;

Как иногда из нор глубоких,
А иногда из тьмы густой,
Быть может, с солнечной поляны
С зелёною травой

Являлся милый, светлый ангел,
В глаза смотревший без вины;
Как знал он, Рыцарь сей несчастный!
То – козни Сатаны;

Как им в безумии отважном
Злодеи были сражены;
Как спас от смерти и насилья
Он Даму той страны;

И как, обняв его колени,
Она рыдала, искупить
Стремясь презренье, что безумство
Смогло в нём породить;

И как его лечила в гроте,
И как прошёл безумства пыл,
Когда на жёлтых мягких листьях
Он к Богу отходил.

Предсмертный вздох его! – закончен
Нежнейшей песенки мотив:
Замолкла арфа, голос дрогнул,
Сочувствием смутив

Мою простую Женевьеву;
Она дрожит от чувств моих,
От песни, музыки печальной,
Хоть вечер – мил и тих;

От страхов, рушащих надежду,
От их невидимой волны,
И что смиренные желанья
Давно приглушены.

Восторг и жалость – слёзы девы,
Румянец и невинный стыд;
Она моё шептала имя:
Я слышу – сон журчит.

Вздымалась грудь её, шагнула

Она чуть в сторону, но взгляд,
Поймав мой, робко подбежала
Ко мне – о, как я рад!

Она рыдала и в объятьях
Своих мне сжала мягко грудь,
Откинув голову, пыталась
В лицо мне заглянуть.

Отчасти страх, любовь отчасти,
Отчасти робости наплыв,
Скорее чувствую, чем вижу,
Страстей её порыв.

Я успокоил деву, гордо
В любви призналась мне она;
Моею стала Женевьева —
Прекрасна и ясна.

Первое появление любви[19]

Надежда первой страсти так сладка!
Как из-за туч звезды вечерней взгляды,
Как нежное дыханье ветерка
Над ивами, среди речной прохлады,
В златых полях Цереры[20]; – жнец слегка
Ему подставил потный лоб с усладой.

К молодой леди[21]

Луиза, я хочу сказать,
Что видеть рад тебя опять

---

[19] Примечания: 19

Стихотворение, как утверждал сам Кольридж, сочинено им в 15 лет. Но ранней копии не сохранилось. Но некоторые строки более поздней версии отсылают читателей к роману «Аркадия» Филипа Сидни, в котором есть такие строки: «And sweeter than a gentle South-west wind // O'er flowry fields and shadow'd Waters creeping // In Summer's extreme heat — И слаще, чем нежный юго-западный ветер над цветущими полями и тенистыми водами, медленно текущими среди сильнейшей летней жары». В оригинале у Кольриджа третья строка повторяет в точности фразу Сидни: And sweeter than the gentle south-west wind. Об этом сам Кольридж отметил в своём Дневнике в 1821 г. Полностью это стихотворение напечатано было в 1834 г., в год смерти поэта.

[20] Примечания: 20

Церера — древнеримская богиня урожая и плодородия, ответственная за произрастание и созревание злаков и других растений. Здесь — символ созревших золотых колосьев.

[21] Примечания: 21

Стихотворение, сочинённое 31 марта 1798 г., обращено к мисс Лавинии Пул. Впервые напечатано в «Морнинг Пост» 9 декабря 1799 г., а затем включено в Ежегодную антологию поэзии 1800 г., позже включалось в издания полного собрания сочинений Кольриджа «Сивиллины страницы» в 1828, 1829 и 1834 гг.

Красивой и здоровой;
Покинувшей свою кровать
С болезнью столь суровой.

Сверкает солнце с высоты,
Дрозды наполнили кусты
Весёлым щебетаньем.
Должна приветствовать их ты
Улыбкой – не страданьем.

Поверь, болезнь твоя подчас
Молиться заставляла нас
В правдивом благочестье,
И слёзы капали из глаз.
Мы все страдали вместе.

К тому ж терзала нас беда:
Ведь не нуждались никогда
Там в девушке прелестной;
Здесь ангелов сочтёшь всегда,
А в небесах им тесно!

Воспоминания о любви[22]

I

II

III

IV

V

VI

Как тих сей уголок лесной!
Любовь дышала здесь, конечно;
Постель из вереска беспечно
Вздымалась ласковой волной,
Тебя желая бесконечно.

Где восемь вёсен, как лежал
Я среди вереска Квантока?
Внимал журчанию потока,

---

[22] Примечания: 22

Стихотворение впервые опубликовано в «Сивиллиных страницах» в 1817 г., затем в 1828, 1829 и 1834 годах. Невозможно установить дату его написания, хотя в самом стихотворении есть примерное указание (восемь вёсен) на июль 1807 г., когда Кольридж снова посетил Стоуи после долгого отсутствия.

Что скрытно там и тут блуждал,
И жаворонок пел высоко.

Коль воздух с именем твоим
Не зазвучал ещё; пытливый
К чему твой взор? И вздох тоскливый?
И с обещанием благим?
Иль это дух твой молчаливый?

Как знак родимый ищет мать
В давно потерянном дитяти,
Тебя любил я, ждал объятий!
Но той, чью полюбил я стать,
Я был обманут в благодати.

Ты предо мной стоишь, как цель,
Мечта, запомненная снами.
Казалось, кроткими глазами
О страсти говоришь досель;
Во мне струишь ты, Грета, пламя.

Любовь не побуждала ль нас?
Не был ли шёпот непрестанный
Любви, как хохот твой гортанный?
Один лишь голос в тихий час,

Припев, столь громкий и желанный.

Страсть[23]

У истинной Любви и Страсть чиста;
Земная в ней отражена черта,
Чью суть создал на небесах Творец,
Но переводит на язык сердец.

[23] Примечания: 23
Стихотворение впервые опубликовано в 1834 г.

Роберт Саути[24] (1774–1843)

---

[24] Примечания: 24

Роберт Саути (Robert Southey) родился в 1774 г. в семье торговца мануфактурой в Бристоле. После смерти отца дядя послал его учиться в Вестминстерскую школу. В 20-летнем возрасте Роберт встретился с Сэмюэлем Тейлором Кольриджем, и они стали близкими друзьями, развивали свои политические и религиозные взгляды, планировали устроить коммуну в Америке. Молодой Саути придерживался радикальных идей, приветствовал Великую Французскую Революцию и написал пьесу о герое крестьянского восстания 1381 г. «Уот Тайлер». В 1795 г. Саути женился на Эдит Фрикер, сестре Сары Фрикер, которая вышла замуж за Кольриджа. В этом же году Саути опубликовал свои первые исторические баллады в книге «Стихотворения» и поэму «Жанна дАрк». Широко известны его мистические поэмы «Талаба-разрушитель» (1801), «Медок» (1805) и другие. Но постепенно Саути отошёл от своих радикальных взглядов, за что получил от правительства тори ежегодную пенсию. В 1813 г. он стал поэтом-лауреатом и был резко раскритикован Байроном, который обвинил его в предательстве своих политических принципов ради денег. Позднее творчество Саути малоинтересно, хотя он оставил после себя много прозы, различных эссе и поэтических произведений, вошедших в 109-томное собрание его сочинений. Он умер в 1843 г. в Грэтс-холле.

Ариста[25]

Легенды славят мастера-творца,
Кто с многих дев писал свою Венеру, —
Когда пылали страстные сердца
И бились от волнения без меры.
Он отбирал на острове своём
У всех красавиц: то румянец алый,
То нежный взгляд, улыбку ясным днём,
То блеск очей, живой или усталый.
Прекраснейшее видя мастерство,
Народ пред ним пал ниц в молитве чистой,
Венком украсив миртовым того,
Чей дар изобразил тебя, Ариста.
Несчастлив тот художник, кто в других
Находит прелесть нежных щёк твоих.

---

[25] Примечания: 25
Сонет сочинён в 1794 г. и напечатан в сборнике «Стихотворения», выпущенного в 1795 г. двумя авторами: Робертом Лоуэллом и Робертом Саути.

О, Валентин[26]

О, Валентин, скажи той деве милой,
Чей образ до сих пор в моих мечтах,
Что вновь я здесь, в тени густой, унылой,
И ночи мрак печален, как монах.
Что в жизни я своей уединённой
Страдаю каждый вечер в тишине
И слушаю тоскливо перезвоны,
Поющие ей так же, как и мне.
Скажи, что я вздыхаю от мученья,
Чарующий представив силуэт,
Глаз волшебство в своём воображенье
И на щеках улыбки дивный свет;
В тот час, когда стихает в роще звук,
Любви своей я чувствую недуг.

---

[26] Примечания: 26

Сонет создан в 1794 г. и впервые напечатан в сборнике Р. Саути «Стихотворения» в 1797 г. Речь идёт о Дне Св. Валентина, покровителя всех влюблённых.

Порлок[27]

Порлок! Ты чуден зеленью долин,

Грядою скал, где папоротник с дроком,

Журчащих вод стремительным потоком

Среди лесов, где путник мог один

Мечтам предаться, и седой канал,

Где в твой залив, крутясь волной, впадал.

Не позабыть тебя, Порлок!

Там летний дождь меня схватил в объятья;

Но буду постоянно вспоминать я

---

[27] Примечания: 27

Стихотворение было написано 9 августа 1799 г., а через неделю опубликовано в газете «Морнинг Пост». Впервые появилось в книге «Малые поэтические произведения Роберта Саути». Том 1.1815 г. В 1799 г. Саути вместе с женой отправился в морскую прогулку по побережью Эксмур, которая сильно впечатлила его. Позже он написал своему брату: «Том, ты говорил о Сомерсетшире и его красотах, но ты никогда не видел самое прекрасное место. Район Стоуи, Майнхеда и Порлока превосходит все, что я видел в Англии раньше…». Вечером Саути поселился в отеле «Корабль». Следующий день был холодным и дождливым, Саути остался в гостинице, сидел у огня в уголке, теперь известном как «Уголок Саути», и сочинил свой сонет «Порлок», восхищаясь природой этого места.

Как здесь, спокойный узник, одинок,
Дня окончанье тщетно ожидал,
И создал свой сонет в пивной, где ленью
Был вдохновлён, и где в уединенье
Уныние рифмовкой прогонял.

VI. Распятый раб[28]

Распятый раб с растерзанной спиной
Повис добычей каждой хищной птицы!
Не стонет он, хотя в жестокий зной
Мучительно терзают кровопийцы.
Не стонет он, хотя стервятник рвёт
Живую плоть. Взгляните, вы, кто дерзко
Лишил его и мира и свобод!
И кто в грехе, корысти ради, мерзко
Согласен жить. Вне тлена, наверху,
Иной есть мир: и вы усвойте прежде,
Чем огласить – готовы мы греху
Из-за корысти следовать в надежде, —
Что этот Раб, пред Ним возвысив глас,
Спасёт вас от проклятья в судный час.

---

[28] Примечания: 28

Один из 6-ти сонетов, посвященных проблеме работорговли, был создан в 1794 г., а впервые опубликован в сборнике Р. Саути «Стихотворения» в 1797 г.

Король Генрих V и отшельник из Дрё[29]

Сквозь стан отшельник быстро шёл,
Где каждый воин сник
В почтенье скромном, иль просил
Благословить в тот миг;
Вот так палатки короля
Он без помех достиг.

В палатке Генрих был один:
Сидел над картой он
И планом будущих побед
Был сильно увлечён.

---

[29] Примечания: 29

Баллада была впервые опубликована в «Морнинг Пост» 24 сентября 1798 г. В основу баллады легла история, рассказанная Франсуа де Мезераем в его «Краткой хронологической истории Франции» (1688): «Пока Король Генрих V осаждал Дрё, неизвестный ему высоконравственный отшельник пришёл и поведал королю о великом зле, которое он принёс христианскому миру своим неправедным честолюбием, с помощью которого он захватил французское королевство против всех законных обычаев и вопреки воле Божьей. Потому этим священным именем он грозил королю суровой и быстрой карой, если он не откажется от своих дел. Генрих воспринял это увещевание либо как простую причуду, либо как предложение дофина, и ещё более укрепился в своих планах. Но вскоре за угрозой последовал удар; в течение нескольких дней после этого короля поразила странная и неизлечимая болезнь».

Король на гостя своего
Незваного взглянул,
Узрев Отшельника, ему
Приветливо кивнул,
Святого старца кроткий взгляд
Отвагою сверкнул.

«Раскайся, Генрих, твой захват
Моей земли жесток!
Раскайся вовремя и знай,
Суд божий недалёк.

Я прожил сорок мирных лет,
Где протекает Блез,
Но вот под старость я скорблю,
И смех кругом исчез.

Любил смотреть на парус я,
Белеющий вдали,
В те времена вино и хлеб
Для города везли.

Теперь не вижу парус я,
Белеющий вдали;
Болезни, Голод, Смерть и Ты —

Погибель для земли.

В пути молился пилигрим,
Идя к святым местам,
И дева пела у окна,
Вняв неге и мечтам.

Умолкнул ныне пилигрим,
Его терзает страх,
И крик о помощи застыл
У девы на устах.

Юнцы резвилась на реке
Под звонкий плеск весла,
И звуки томные на брег
Виола их лила.

А ныне трупы вижу я,
Плывущие вдали!
Раскайся, Генрих, ты палач,
Уйди с моей земли!»

«Нет, я продолжу свой поход, —
Вскричал король тогда, —
Не видишь, Бог мне отдаёт
Подряд все города?»

Отшельник, это услыхав,
Свой опускает взор,
На кротком старческом лице
И хмурость, и укор.

«Увы, не ставят Небеса
Жестокостям предел,
Но разве легче на душе
От сих кровавых дел?

Покайся лучше, супостат,
Иль бойся страшных бед!
Ведь скоро ждёт тебя удар
Среди твоих побед».

Король улыбкой проводил
Отшельника во тьму;
Но вскоре вспомнил те слова,
Лишь смерть пришла к нему.

Мои книги[30]

На Мёртвых я бросаю взгляд,
Когда из полутьмы
Невольно на меня глядят
Могучие умы.
Друзья мне верные они,
Я с ними говорю все дни.

Я с ними в счастье всякий раз
И в скорби быть привык;
А как подумаю подчас,
Что вечный их должник,
Сижу один я, недвижим,
В слезах признательности к ним.

Все мысли с Мёртвыми; ведь я
В их времени живу,
Я их люблю, я им судья,
Как будто наяву

---

[30] Примечания: 30

Стихотворение впервые напечатано в 1837 г. в «Собрании поэтических произведений Роберта Саути» в 10 томах (1837–1840).

Боязнь их вижу и беду,
С почтеньем их уроков жду.

Мои надежды – их приют,
Мне с Мёртвыми идти,
Ведь сквозь Грядущее ведут
К ним все мои пути.
Но верю, что мой дух в веках
Не превратится в тленный прах.

Перси Биши Шелли[31] (1792–1822)

---

[31] Примечания: 31

Перси Биши Шелли (Percy Bysshe Shelley), великий поэт-романтик, родился в 1792 г. в графстве Сассекс в многодетной семье преуспевающего сквайра. Детство Шелли прошло на лоне природы, затем он проучился в школах Сайон-Хаус и Итон (1802–1810), в октябре 1810 г. поступил в Оксфорд, в Юнивёсити-колледж. За атеизм Шелли был изгнан из университета, и затем тайно сбежал с одноклассницей своих сестёр 16-летней Хэрриэт Вестбрук, которая родила ему двух детей. Он скитался по Шотландии, Англии, Ирландии и Уэльсу, нигде не задерживаясь подолгу, много читал и печатал брошюры о близящемся освобождении человечества.

Первым значительным произведением Шелли стала изданная в 1813 г. (правда анонимно) поэма «Королева Мэб», философский трактат в стихах, в котором изложены взгляды Шелли на причины социальных бед и пути их устранения. В следующем году Шелли уехал во Францию вместе Мэри Уолстонкрафт, дочерью любимого им философа Уильяма Годвина. В течение первого года жизни они жили в нищете и подверглись социальному остракизму. Однако в 1815 г., после смерти деда, Шелли получил в наследство ежегодную ренту. Через год у Мэри родился сын Уильям, и в том же году покончила самоубийством жена Шелли, Хэрриэт. Сразу после этого трагического события Шелли и Мэри официально поженились. Он помогал новой жене писать её знаменитый роман «Франкенштейн» (1818), взялся опекать её сестру Клэр Клермонт. Вскоре чета Шелли оставила Англию и обосновалась в Италии, где продолжали вести кочевой образ жизни. В Венеции у них умерла маленькая дочь Клара, в Риме умер сын Уильям, а во Флоренции Мэри родила выжившего четвертого ребенка, Перси.

8 июля 1822 г. Шелли утонул во время плавания недалеко от Леричи. Его шлюпку «Дон Жуан» потопила какая-то фелюга, шедшая из Ливорно. Все находящиеся на борту шлюпки погибли. В начале 1823 г. Шелли был погребён на протестантском кладбище в Риме, рядом с могилой похороненного незадолго до того Джона Китса. В Италии Шелли написал все свои лучшие лирические стихотворения и поэмы: «Ченчи», «Освобождённый Прометей» (1820), «Адонаис» (1821).

Философия любви[32]

1

2

Ключи наполняют реки,
А реки бегут в океаны,
И ветры небес навеки
Смешались, любовью пьяны.
Никто не один на свете,
Божественною душою
Всё слито, все только вместе.
Так я почему не с тобою?

К высотам прижались горы,
И нежно обнялись волны;
Виновны цветы, чьи взоры
К собратьям презрения полны.

---

[32] Примечания: 32

Стихотворение «Философия любви» впервые появилось в рукописной «Литературной записной книжке» Ли Ханта за 1819 г., подаренной мисс Софии Стейси 29 декабря 1820 г. Впервые стихотворение опубликовано Ли Хантом в выпуске журнала «Индикейтор» от 22 декабря 1819 г. и переиздано в «Посмертных стихотворениях» в 1824 г. под редакцией Мэри Шелли, жены поэта.

Луч солнца лобзает землю,
И тянется к морю луна,
Но страсти я этой не внемлю,
Пока ты ко мне холодна!

Странники мира[33]

Скажи, бегущая звезда
На крыльях света в никуда,
В пещере ночи ты когда
Крылья опускаешь?

Скажи, бездомная луна,
Что так печальна и бледна,
То дня иль ночи глубина,
Где ты отдыхаешь?

Усталый ветер, в вышине
Как чуждый гость, летя извне,
Где, на деревьях иль волне,
Ты гнездо свиваешь?

---

[33] Примечания: 33

Стихотворение написано в 1822 г. Впервые напечатано в сборнике «Посмертные стихотворения» (1824). В стихотворении можно усмотреть аллюзию к Библии: «И говорит ему Иисус: лисицы имеют норы и птицы небесные — гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову» (Мф.8:20).

Доброй ночи[34]

Нет – «Доброй ночи!»; злобен час
Разлуки, что смыкает очи;
Пусть он соединяет нас
Лишь для желанной ночи.

Хоть ночь ты страстью окрылишь,
Спать одному – нет мочи!
Когда не думаешь, молчишь,
То быть приятной ночи.

Сердца, что рядом вновь и вновь,
Всю ночь гореть охочи,
И потому, моя любовь,
Не скажут «Доброй ночи!»

---

[34] Примечания: 34

Как и «Философия любви», стихотворение «Доброй ночи» было записано в «Литературной записной книжке» Ли Ханта за 1819 г. Впервые опубликовано за подписью Сигма в издании «Литературная записная книжка» Ли Ханта в 1822 г.

«Бежать от шумных городов…»

Бежать от шумных городов
В леса я дикие готов,
Где в первобытной тишине
Душа витает, как во сне;
И отклик музыкой своей
Не ищет в разуме людей,
Пока гармонию сердец
Не породил ещё Творец.

Из сборника «Посмертные стихотворения» (1824)

Воспоминание[35]

1

2

3

Ты быстрей, чем лета радость,
Ты быстрей, чем наша младость,
Ты быстрей, чем ночи сладость,
Лишь пришла – исчезла в срок;
Как земля, где листьев тленье,
Как и ночь без сновиденья,
Как душа без утешенья —
Одинок я, одинок.

Лето ласточкой вернётся,
По ночам совёнок вьётся,
Юность-лебедь лишь несётся

---

[35] Примечания: 35

Стихотворение написано в 1822 г. и посвящено Джейн Уильяме, последней возлюбленной Шелли. Впервые напечатано Мэри Шелли в сборнике «Посмертные стихотворения» (1824).

Прочь, неверная, как ты;
Сердце – «завтра» жаждет страстно,
Сном владеет скорбь всевластно,
Но моя зима напрасно
С каждых сучьев рвёт листы.

Брачным ложам – лилий кроны,
Розы – для венка матроны,
Деве в гроб – фиалок стоны,
Мне – цветы в печали дня:
Над своей живой могилой
Брошу их без слёз и силы:
Пусть не тратит друг мой милый
Страх с надеждой для меня.

Джордж Гордон лорд Байрон[36] (1788–1824)

[36] Примечания: 36

Джордж Гордон Ноэль лорд Байрон (George Gordon Noel, 6th Baron Byron) был сыном капитана Джона Байрона и его второй жены Кэтрин Гордон Гайт. Отец его умер в 1791 г., и Байрон воспитывался матерью. Учился Джордж в аристократической школе в Гарроу, потом поступил в Тринити-колледж, Кембридж, где у него возникло нежное чувство к молодому певчему церковного хора Эдлстону. В 1798 г., после нескольких лет бедности, Байрон получил титул лорда и перебрался на жительство в семейное владение — Ньюстедское аббатство. Его первые стихотворные сборники принесли ему некоторую известность, но также и критику журнала «Edinburgh Review». В 1807 г. Байрон покинул Англию и отправился в долгое путешествие по Испании, Португалии, Италии и Балканам. Дорогой он вёл стихотворный дневник, который по возвращении в Англию в 1812 г., издал под заглавием «Паломничество Чайльд-Гарольда», I и II части. Эта поэма сделала его светским львом Лондона. Далее, как из рога изобилия, посыпались романтические поэмы: «Гяур» (1813), «Абидосская невеста» (1813), «Корсар» (1814), «Лара»(1814), «Осада Коринфа» (1816) и «Паризина» (1816).

В январе 1815 г. поэт женился на Анне Изабелле Милбэнк, но после рождения дочери Августы Ады супруги развелись в 1816 г. Хотя его романы с женщинами всем печально известны, Байрон фактически был бисексуален. В апреле 1816 г., отлучённый от «света», Байрон оставил Англию, чтобы никогда больше не возвратиться. Какое-то время он пожил у Шелли в Швейцарии. В результате его связи с Клэр Клермонт, невесткой Шелли, появилась на свет его дочь Аллегра. Переехав в Венецию, Байрон вёл довольно бурную жизнь, написав при этом IV песню «Чайльд Гарольда» (1818), поэмы: «Беппо» (1818), «Мазепа» (1819) и начал свою знаменитую поэму «Дон Жуан». В 1819 г. он вступил в связь с графиней Терезой Гвиччиоли, которая оставалась с ним до конца его жизни. В 1820 г. Байрон в Равенне примкнул к революционному движению карбонариев. Здесь, в Италии, были написаны его мистерия «Каин», сатира против Саути — «Видение суда». В 1823 г. Байрон присоединился к греческим борцам за независимость от турецкого ига, однако, подхватив лихорадку, неожиданно скончался 19 апреля 1824 г. Как Шелли и Китс, Байрон считался и остаётся великим

поэтом-романтиком.

Из сборника «Еврейские мелодии» (1815)
Идёт прекрасная, как ночь…[37]

1

2

3

Идёт прекрасная, как ночь
Без облаков, где звёзд мерцанье,
Глубокой тьмы и блеска дочь,
Чьи очи – их же сочетанье;
Нежнейший свет она точь-в-точь,

---

[37] Примечания: 37

Стихотворение создано 12 июня 1814 г., после возвращения с бала, где Байрон увидел миссис Уилмот Хортон, жену своего двоюродного брата. В тот вечер миссис Хортон была в трауре. Джеймс Уебстер, муж леди Фрэнсис, любовницы Байрона, вспоминал: «Я взял его (Байрона. — А.Л.) в компанию леди Ситвел по дороге в Сеймур. Там впервые он увидел свою кузину, красивую госпожу Уилмот. Когда мы возвратились домой в Олбани, он попросил Флетчера подать ему стакан бренди, который он выпил сразу за здоровье госпожи Уилмот, затем удалился для отдыха, и был, как я услышал потом, в удручающем состоянии всю ночь. На следующий день он написал эти очаровательные строки, посвященные ей — Она идет…».

Цикл стихотворений под названием «Еврейские мелодии» был создан Байроном в конце 1814 — начале 1815 г. по просьбе Д. Д. Киннерда, друга Байрона, на музыку композитора Исаака Натана, исполнял эти песни тенор Джон Брэхем. Опубликован цикл в 1815 г. Сюжеты

большинства стихотворений (мелодий) взяты из Ветхого Завета, и только три любовных стихотворения вполне самостоятельны.

Что отвергает дня сиянье.

Один лишь луч, лишь тень одна
Ухудшат облик безымянный,
Где чёрных кос кипит волна,
Иль свет на лике несказанный;
В ней безмятежность дум видна —
Приют безгрешный и желанный.

На том лице в тени пылал,
Столь нежном, сдержанном, но ясно
Улыбки блеск, румянца лал
От добродетели прекрасной:
Согласья ум её желал,
Душа – любви, невинной, страстной.

Душа мрачна моя!

Душа мрачна моя![38] О, дай
Мне в звуки арфы погрузиться,
Своими пальцами создай

---

[38] Примечания: 38

Стихотворение основано на библейской истории о Давиде и Сауле (1-я Царств, 16:14–23). Ср.: «My soul is dark — Моя душа мрачна!» (Ossian. «Oina-Morul» / The Works of Ossian. 1765, ii. 279).

Напев, что негой заструится.
Коль сердцу вновь надежда снится,
То очарует звук меня.
А коль в глазах слеза таится —
Избавит мозг мой от огня.

Играй неистово, певец,
Дари безрадостное пенье,
Хочу поплакать, наконец,
Иль сердце лопнет в исступленье.
Лелея скорбное смятенье,
Томясь в бессонной тишине,
Оно иль страждет от мученья,
Иль песне внемлет в полусне.

Из сборника ««Шильонский узник» и другие стихотворения» (1816)
Сонет к Шильону[39]

О, вечный Дух нескованных Умов!
Свобода! Ты всех ярче в подземелье,
Коль сердце здесь твоею стало кельей,
Тебе одной даря свою любовь.
Когда твоих сынов в плену оков
Тьма окружает и сырые своды,
Их мукой восхищаются народы,
И Вольности ветра разносят зов.
Шильон! Твоя тюрьма – священный храм,
Твой пол – алтарь; ведь тяжко ставя

---

[39] Примечания: 39

Сонет является вступлением к поэме Байрона «Шильонский узник», опубликованной 5 декабря 1816 г. В предисловии к поэме Байрон приводит на французском языке сведения о Франсуа Бониваре (1493–1570). Будучи в юности приором монастыря св. Виктора, он выступил против Карла III, герцога Савойского, и епископа в защиту республиканской свободы Женевы. В 1590 г. Бонивар был арестован и стал узником темницы в замке Шильон, где провёл шесть лет и был освобождён жителями города Берна. Получил дом бывшего викария и пенсию в 200 золотых крон. В 1537 г. был выбран в Совет двухсот. Бонивар хорошо знал классических латинских авторов, оставил после себя труды по теологии и истории.

ногу,
Оставил отпечатки здесь и там
(Не плит как будто – дёрна было много)
Наш Бонивар! Не сгинуть тем следам,
Взывающим от тирании к Богу.

Из книги «Письма и дневники лорда Байрона» (1830)
«Не бродить тропою ровной…»

Не бродить тропою ровной
Нам уж больше допоздна,
Хоть и в сердце – пыл любовный,
В небе – яркая луна.

Меч изнашивает ножны,
А душа стесняет грудь;
Сердцу – биться б осторожно,
Чувствам – отдохнуть.

Хоть и ночь, и пыл любовный,
И приходит день вослед,
Не бродить тропой нам ровной
Там, где лунный свет.

Послание к Августе[40]

Моя сестра! Коль имя лучше есть,
Оно – твоё, всех чище и милее.
Через моря и горы дай мне весть,
Не со слезой, но с нежностью лелея:
Везде, где я – ты жизнь моя и честь,
Любовь я не отвергну, сожалея.
Две вещи мне подарены судьбой:
Мир, чтоб скитаться, дом, чтоб жить с тобой.

Все первые – ничто, коль был бы я
Последним[41], это мне и рай, и счастье;
Но у тебя другая есть семья,
И разрушать её не буду страстью.

---

[40] Примечания: 40

Стихотворение создано в Диодати, недалеко от Женевы, в июле 1816 г. Опубликовано в 1830 г. в изданных Томасом Муром «Письмах и дневниках лорда Байрона». Адресовано Августе, сводной сестре Байрона, которая вышла замуж за драгунского подполковника Джорджа Ли (1771–1850), и в этом браке у них было семеро детей.

[41] Примечания: 41

«Все первые — ничто…» — Многие же будут первые последними, и последние первыми (Мф. 19:30).

Напомнило мне прошлое – судья, —
Что не прогнать своей судьбы ненастье.
Не знал покоя на море наш дед[42],
А я – на берегу средь многих бед.

Вот если б я наследовал шторма
В другой стихии, на скале опасной,
Которую сокрыл туман иль тьма,
Я б выносил удары ежечасно,
Коль виноват; и хитростью ума
Ошибки не стремился б скрыть негласно:
Я был искусен в гибели своей,
Усердный лоцман собственных скорбей.

Мои – ошибки, мне – страдать от кар.
Вся жизнь моя – борьба; когда мне дали
В тот день тебя, ухудшили сей дар
Судьба иль воля, что впотьмах блуж-

---

[42] Примечания: 42

«… наш дед…» — Одним из самых известных представителей фамилии Байронов был адмирал Джон Байрон по прозвищу «Джек Дурная Погода», известный своими необыкновенными приключениями и странствованиями по Тихому океану.

дали.
Порой судьбы я чувствовал удар,
Оковы плоти снять хотел в печали.
Но склонен я пожить ещё чуть-чуть,
Чтоб видеть, чем закончится наш путь.

Империй, царств за свой короткий рок
Я много пережил, хоть я не старый;
Смотрю на них, и мелких брызг поток
Тревожных лет, крутившихся столь яро,
Как бурные буруны, тает в срок:
Не знаю, что-то держит, что за чары?
Дух лёгкого терпенья; ведь не зря
Боль ради боли ловим мы, горя.

Во мне, возможно, теплится отпор,
Или прилив отчаянья холодный,
Коль горестей я чувствую повтор;
Но чистый воздух, климат превосходный
(Или души изменчивость с тех пор,
Умение в броне ходить походной)

Покою научили, много зим
И лет он не был спутником моим.

Вновь чувствую, что мог я ощущать
В счастливом детстве: ручейки, растенья,
Что помнят, где я начал проживать,
Пока свой ум не отдал в жертву чтенью[43],
Ко мне явитесь, чтобы умилять
Мне сердце вашим обликом цветенья;
И кажется: любимые черты
Я вижу, но любима только ты.

У ног пейзаж альпийский, он влечёт,
Чтоб размышлять; и в этом любованье
Ты ощущаешь времени полёт;
У тех картин достойней есть влиянье,
Пусть одинок ты – грусть тебя не жжёт;

---

[43] Примечания: 43
В 1799 г. Байрон поступил в школу доктора Глени, где прочёл всю богатую библиотеку доктора.
Через два года он уехал в Хэрроу; и там с огромным интересом прочёл всех английских классиков.

Всё осмотреть – сильнее нет желанья:
Вот озеро прекраснейшее, но
Не так милей, чем наше, всё ж оно[44].

О, если б ты со мной была! – я б стал
Глупцом от страсти пылкой, забывая,
Что здесь уединенье восхвалял:
Раскаянье несёт хвала былая.
Другие чувства я не показал;
Я не грущу, но чувствую и знаю,
Что принципы мои идут на спад,
Зато подъём другой приносит взгляд.

Об озере я вспомнил, о родном,
У замка старого[45], *не мой он ныне.*

---

[44] Примечания: 44

«Вот озеро прекраснейшее, но//Не так милей, чем наше, всё ж оно». -Здесь речь идёт о Женевском озере и старом озере рядом с Ньюстедским аббатством, где прошло детство Байрона и юность Августы.

[45] Примечания: 45

«Узамка старого, немой он ныне…» — Уезжая в Италию, Байрон продал своё имение Ньюстед. Замок — это Ньюстедское аббатство, бывший августинский монастырь, расположенный на территории английского графства Ноттингемшир. Был основан королем Англии Генрихом II около 1170 г.; а Генрих VIII во время секуляризации католических монастырей наделил предка Байрона имениями богатого монастыря.

Леман[46] красив; но наш любимый дом
И берег милый для меня святыни:
Печаль разрушит память мне потом,
Их или тебя забуду на чужбине;
Всё, что любил я долгие года,
Далёко, иль отдал я навсегда.

Мир предо мной[47]; но просьба есть одна
К Природе, чтоб я мог здесь оставаться:
Под летним солнцем греться дотемна,
И с тишиной небес её сливаться,
И видеть нежный лик её сполна
Без маски и всегда им любоваться.
Она мой друг, сестра, родная кровь —
Пока тебя я не увижу вновь.

Все чувства скрою, кроме одного;
Его бы скрыл; но предо мной картины

---

[46] Примечания: 46
Леман — Женевское озеро.

[47] Примечания: 47
«Мир предо мной…» — См.: Мильтон. Потерянный Рай, XII, 646.

Как и в начале детства моего,
И с ранних лет – то, может, путь единый —
Отвергнул бы я черни шутовство,
То лучше был бы, чем сейчас, повинный.
Страстей моих дремал бы буйный вал,
Ты б не рыдала, я бы – не страдал.

С Тщеславьем ложным что же делать мне,
С Любовью, ну и, может быть, со Славой?
Они пришли непрошенны извне
И сделали мне только имя, право;
И всё ж оно не цель моя вполне,
Конец я видел боле величавый.
Но всё прошло, примкнуть – вот мой удел —
К ушедшим ране миллионам тел.

Ведь будущее мира, может, ждёт
И от меня, пусть небольшой, заботы;
Я прожил не один, конечно, год,
Не спал, дремать мне не было охоты,

И множество выдерживал невзгод;
Всё потому, что моей жизни йоты
Хватило б на столетье, до того
Как пролетела четверть его.

И всё ж доволен я остатку лет,
За прошлое благодарю я бога,
Ведь где борьбой наполнен целый свет,
Там счастье иногда крадёт немного.
Пока что не скажу я чувствам нет.
Скрывать не стану, что видна дорога,
Всё это осознав, я осмотрюсь
И с мудростью Природе поклонюсь.

Любимая сестра, как ты – в моём,
В твоём живу я сердце безмятежно,
Мы были, есть, – я, как и ты, вдвоём, —
Друг друга не отвергнем мы небрежно;
Хоть вместе иль отдельно мы живём,
Всю жизнь (конец наступит неизбежно)
Мы сплетены – пускай приходит смерть,

Но узы те вовек не истереть[48].

[48] Примечания: 48

«Но узы те вовек не истереть» — Под влиянием Анабеллы, жены Байрона, Августа (миссис Ли) отдалилась от поэта в последующие годы. Они никогда больше не встречались.

Из поэмы «Паризина» (1816)
1. Сумерки

Вот час, когда среди ветвей
Мы слышим трели соловья,
Вот час, когда он шепчет ей:
(О, сладость клятвы) Ты моя!
И ветерок с журчаньем вод
В тиши им дарит нежность нот.
Цветы чуть тронула роса,
Покрыли звёзды небеса,
Волна – густая синева,
Трепещет бурая листва,
У неба непонятный цвет,
И нежный мрак, и мрачный свет:
Так исчезает мир дневной,
И сумерки слабеют под луной.

Джон Китс[49] (1795–1823)

---

[49] Примечания: 49

Джон Китс (John Keats), один из величайших английских поэтов-романтиков, родился в семье владельца конюшен. Он был четвёртым ребёнком в семье, и когда в 1804 г. умер отец, то мать его, хотя и была больна чахоткой, вторично вышла замуж, отдав детей на воспитание бабушке. Китс окончил школу в Инфилде, и в 1811 г. был отдан в обучение к хирургу. Через два года он сдал экзамены на врача, и тогда же начал писать стихи. В 1818 г. Китс сочинил свою первую и прекрасную поэму «Эндимион» — о любви аркадского пастушка к девственной Артемиде, которая выступает в образе богини луны (Селены). В том же году Китс начал новую поэму «Гиперион». Это замечательное произведение осталось неоконченным — Китс написал лишь две первые книги. После выхода в свет «Эндимиона» Китс был подвергнут критике за следование поэтической традиции Ли Ханта, или как её назвали — «школа кокни». Именно это событие легло в основу версии, что поэта убили критики.

Познакомившись с обаятельной Фанни Брон, Китс страстно влюбился в неё. Эта влюбленность породила его прекрасную романтическую поэму «Канун Святой Агнессы» (1819) и чудные стихотворения. Китс обручился с Фанни Брон, но надежды на брак были довольно туманны. 3 февраля 1820 г. у него пошла горлом кровь. Со своим другом, художником Джозефом Северном, он уехал на лечение в Италию. Там Китс написал и издал многие свои поэмы и стихотворения, но было уже поздно — в возрасте 25 лет он скончался, как и все его братья, от туберкулёза 23 февраля 1820 г. Благородный, щедрый и сочувствующий, Китс был способен не только на страстную любовь, но также и на теплую, верную дружбу.

К ***[50]

Будь я красив, тогда б мой вздох, звеня
В слоновой кости раковине – дверце
Твоих ушей, в твоё проник бы сердце,
И страсть вооружила бы меня.
Но я не храбрый рыцарь, и броня
Не будет ни сверкать на мне, ни рдеться;
Я не пастух, что рад в лощине греться,
Целуя очи девы у огня.
И всё ж я здесь – зову тебя прелестной,
Прелестнее, чем розовый цветник
Сицилии, что пьян росой медвяной.
Я той росы испробую окрестной,
И лишь откроет месяц бледный лик,
Колдуя, наберу букетик рдяный.

---

[50] Примечания: 50

Стихотворение К*** сочинено 14 февраля 1816 г. в качестве «валентинки» — послания ко дню Св. Валентина.

Сонет[51]

День отошёл, ушли очарованья!
Приятный голос, нежная рука,
Легчайший шёпот, тёплое дыханье,
И томный стан, и локон у виска.
Исчезли сразу прелести бутона,
Вид красоты сокрыла пелена,
Из рук исчезло трепетное лоно,
Исчезли рай, сердечность, белизна —
Всё в сумерках растаяло, чаруя,
Лишь сумрак дня или святая ночь
Из запахов любви плетут густую
Вуаль из тьмы, гоня восторги прочь.
Я днём читал молитвенник любви,
Теперь пощусь, скорей мне сон яви.

---

[51] Примечания: 51

Стихотворение датируется октябрем 1819 г.; обращено к Фанни Брон (1800–1865). В это время Китс, видимо, уже понимал, что его болезнь неизлечима. Фанни Брон в это время была официально помолвлена с Китсом.

К Фанни[52]

Прошу: прощенья – жалости – любви!
Любви без мук, но полной состраданья,
Не ветреной, бесхитростной любви,
Без маски, без пятна и порицанья!
О, стань моей, – вся – вся – ты будь моей!
Свой стан и прелесть, вкус пикантной страсти
Твоих лобзаний, рук, твоих очей,
Тепло и свет груди, дарящей счастье,
Себя и душу – всё мне дай, любя;
Не прячь и атом атома, иль скоро
Умру, иль в рабстве буду у тебя,
Забуду в дымке тщетного измора
Цель жизни – потеряв в уме своём
Порыв огня в тщеславии слепом!

---

[52] Примечания: 52

Стихотворение традиционно датируется серединой октября 1819 г.; в эти дни из-под пера Китса выходят наиболее пронзительные любовные письма, те самые, о которых много лет спустя писал Оскар Уайльд в своём сонете «На распродаже Китсовых писем».

Кузнечик и сверчок[53]

Нет, не умрет поэзия земная:
Когда палимы зноем, средь ветвей
Тенистых молкнут птицы, голос чей
Летит в лугах, средь изгородей тая?
Кузнечик это – первым начиная,
Он роскошь лета славит средь полей
С восторгом, но устав от всех затей,
Сидит беспечно в травах, отдыхая.
Поэзия земли не замолчит:
В морозный долгий вечер, в тишине
Поет Сверчок у печек раскалённых.
В тепле он так пронзительно трещит,
Что кажется лежащим в полусне —
Кузнечик это на холмах зелёных.

---

[53] Примечания: 53

Сонет написан во время поэтического состязания с Ли Хантом 30 декабря 1816 г. (за обычное время, задаваемое в таких «состязаниях» — 15 минут).

Сэр Вальтер Скотт[54] (1771–1832)

[54] Примечания: 54

Сэр Вальтер (Уолтер) Скотт (Sir Walter Scott), великий английский поэт и писатель, «отец» исторического романа, родился в семье состоятельного адвоката. Скотты принадлежали к старинному шотландскому роду. Закончив эдинбургскую школу, Уолтер работал в конторе отца, стал адвокатом. В декабре 1797 г. Скотт женился на Шарлоте Карпентер, а в 1799 г. был назначен шерифом в округе Селькиршир. В следующем году он написал своё первое оригинальное произведение — балладу «Иванов вечер» (русский перевод В. А. Жуковского под названием «Замок Смальгольм»). С 1800 г. поэт занялся собиранием шотландских народных баллад (в 1802–1803 гг. вышел его сборник «Песни шотландской границы» в 3-х томах), затем последовали его романтические поэмы.

Вальтер Скотт работал также как журналист, критик и издатель. В 1806 г. вложил деньги в типографию (позже издательство) своего друга Джеймса Баллантайна. К 1813 г. фирма оказалась на грани банкротства, от которого её спас Вальтер Скотт, начав писать исторические романы на шотландские сюжеты. Почти за 20 лет Вальтер Скотт написал большое количество всемирно известных исторических романов, которые нет нужды перечислять. Здоровье его расстроилось из-за изнурительного литературного труда. Для восстановления сил сэр Вальтер Скотт отплыл в Италию, как это делали многие больные англичане, но вернувшись на родину, скончался в своём «готическом» доме Эбботсфорд.

Из журнала «The Edinburgh annual register» за 1808 год
Даме, преподнося ей цветы с римской стены[55]

О, возьмите цвет пурпурный,
Что растёт в руинах вала,
Где сыны свободы бурно
Гнали римский стяг[56], бывало.

Скотты в битвах с той угрозой
Не сорвали лавр зелёный;
Путник здесь из дикой розы
Сплёл Красавице корону.

---

[55] Примечания: 55

Стихотворение написано в 1787 г. во время посещения Грисланда в графстве Камберленд. Скорее всего, здесь речь идёт о знаменитом «адриановом вале», построенный римлянами в 122 г. в Британии для защиты от нападения шотландских племён скоттов и пиктов.

[56] Примечания: 56

«Гнали римский стяг…» — В оригинале Rome's imperial standards — имеется в виду аквила (лат. aquila — «орёл») — штандарт легиона в древнеримской армии в виде орла, сделанного из серебра или золота и размещённого на шесте, часто украшался металлическими кольцами или вексилоидом (тип флага).

Из романа «Пертская красавица, или Валентинов день» (1828)
Песня весёлой девушки[57]

Вздохни скорей;
Взгляни ещё раз в ясность вод,
На берег, землю, небосвод,
Ведь жизнь твоя к концу идёт:
Смерть у дверей.

Скорей ложись;
Пока твой бьётся пульс плохой,
Монах споёт за упокой,
И колокол пробьёт глухой —
Уходит жизнь.

Забудь про страх.
Вначале боль, а после дрожь,
Припадок, жар, озноб и всё ж
Конец болезням обретёшь,
Коль станешь – прах.

---

[57] Примечания: 57

Это стихотворение написано В. Скоттом в стиле старонормандской погребальной песни.

Томас Мур[58] (1779–1852)

[58] Примечания: 58

Томас Мур (Thomas Moore), английский (ирландский) поэт-романтик, сатирик, композитор и политический пропагандист. Был близким другом лорда Байрона и Перси Биши Шелли. Сын католического торговца вином, Мур в 1799 г. окончил Тринити-колледж в Дублине, а затем изучал право в Лондоне. Его основная поэтическая работа, «Ирландские мелодии» (1807–1834), в течение четверти века приносила ему ежегодно доход в 500 фунтов стерлингов. В 1811 г. Мур женился на актрисе Елизавете («Бесси») Дайк.

В 1824 г. Мур стал участником одного из самых знаменитых эпизодов романтического периода. Он получил от Байрона ужасно искренние мемуары последнего, но вместе с издателем Джоном Мёрреем сжёг их по просьбе семьи великого поэта. Но позже Мур издал «Письма и дневники лорда Байрона» (1830), в которые включил и жизнь поэта. В эти годы Мур отошёл от поэзии и начал писать прозу. Он поселился в Бромэме, графство Уилтшир, стал романистом и биографом и по-прежнему считался успешным поэтом. Однажды баллотировался в Парламент, но неудачно. Мур получил государственную пенсию, но его личная жизнь сопровождалась трагедиями, в том числе смертью всех его пяти детей (Анна Барбара, 5 лет, 1817 г., Анастасия Мария, 17 лет, 1829 г., Оливия в возрасте нескольких месяцев, Джон Рассел, 19 лет, 1842 г., и Томас Лансдаун, 27 лет, 1849 г.). А сам он умер после инсульта на руках у жены в Слопертоне 26 февраля 1852 г.

Из сборника «Поэтические произведения» (1840–1841)
Когда среди забавы

Когда среди забавы
Ты улыбнёшься вдруг,
Хотя по-прежнему лукаво,
Увы, не мне, мой друг.
Когда же ты в печали
Являешь слёзы мне,
Они моими сразу стали,
Пока текут вовне.
И взглядом благосклонным
Даруй всех, без огня;
Улыбки – менее влюблённым;
А слёзы – для меня.

Снег на высокой Юре[59]
С улыбкой рад лучам,

---

[59] Примечания: 59

Юра: один из островов Гебридских островов, расположенный в десяти милях от западного побережья Шотландии и знаменитый своими тремя горами, называемый локально «папами».

Что спят, холодные, в лазури,
Хотя и ярки там.
Но если луч глубинный
Вдруг опалит огнём,
Тогда улыбки вид невинный
Слезами станет в нём.
И взглядом благосклонным
Даруй всех, без огня;
Улыбки – менее влюблённым;
А слёзы – для меня.

Уолтер Сэвидж Лэндор[60] (1775–1864)

[60] Примечания: 60

Уолтер Сэвидж Лэндор (Walter Savage Landor) родился в январе 1775 г. в графстве Уорик, в семье врача Уолтера Лэндора. Будущий поэт поступил в школу в 4 года, а в 9 лет его отправили в школу г. Регби, где он преуспел в латинском переводе и композиции. В Тринити-колледже, в Оксфорде, куда Лэндор поступил после школы, его считали «безумным якобинцем» за его распущенные волосы. Проведя лето в Тенби, Уэльс, Лэндор влюбился в некую Нэнси Джонс, «хлопнув дверью» в доме своего отца, чтобы жить с ней в Суонси, пока не родится их ребенок.

Не окончив Оксфорд, Лэндор с большим удовольствием стал заниматься литературным творчеством. В 1807 г. он встретил поэта Роберта Саути, с которым подружился на всю свою жизнь. По рекомендации Саути Лэндор женился на Джулии Туйле и отправился с ней в Италию. С 1821 г. супруги жили во Флоренции на вилле Кастильоне, но в 1829 г. Лэндор оставил свою жену и детей в Италии и вернулся в Англию. Поселившись в Бате, он прожил там 20 лет.

Между 1824 и 1853 гг. появились «Мнимые беседы» Лэндора, утвердившие его как одного из великих английских литераторов. Лэндор одинаково прекрасно писал на английском и на латыни, создав много различных произведений на двух языках. Умер Лэндор 17 сентября 1864 г. и был похоронен на английском кладбище во Флоренции.

Из сборника «Simonidea» (1806)
Роза Эймер[61]

Ах, что за королевский вид,
Небесные черты!
Невинность, грация дивит!
Всех обольстила ты.
Ах, Роза Эймер, мне тебя
Не зреть, но лишь рыдать,
Ночь вздохов, памяти, любя,
Тебе лишь посвящать.

---

[61] Примечания: 61

Роза Эймер (1779–1800), дочь барона Эймера, была нежным другом Лэндора. Стихотворение создано в 1806 г.

Из книги «Цитирование и изучение Уильяма Шекспира» (1834)
Плач девушки

Он был не мил мне; ныне нет его:
И всё во мне мертво.
Не верила ему; зато теперь я —
Скажи он мне – поверю.
Причину не любить его искала:
И эта мысль смущала
Обоих нас; я отдала бы ныне
Любовь тому мужчине,
Кто жил ради меня; но он во мгле
Лежит в святой земле,
Лик спрятав свой в объятьях смерти!
Ради того, поверьте
Дышу я, кто дышал ради меня!
Я мучусь от огня,
Жар душит, я во сне вздыхаю,
Когда проснусь, рыдаю,
Чтоб сердце растопить его: влюблён,

Рыдал годами он.
«О, Боже!» – он молился в благочестье.
«Увы! Не быть нам вместе».
Грудь холодней его, чем у могилы
Ряд маргариток[62] *милый.*
Церковный двор, в воротах шепчут дети:
Кто, сколько жил на свете.
Молитесь души нежные о нём,
И обо мне потом.

[62] Примечания: 62
Маргаритки в христианстве называют «цветками Пресвятой Девы Марии». Этот цветок является также символом любви и печали. Древние кельты связывали маргаритку с умершими.

Из «Произведений» У. С. Лэндора (1846)
«Твои слова, твои улыбки…»

Твои слова, твои улыбки,
Увы, полны обмана, зыбки.
Другие не придут в надежде
К тебе, как я стремился прежде:
Но попрошу в последний раз,
Ах, обмани меня сейчас!

«Ты помнишь ли меня? Или горда?…»

«Ты помнишь ли меня? Или горда?»
Спеша в толпе, как быстрая звезда,
Ответила мне Янте, и смущённо:
«Да, да, и то, и это; только раз
Я вспомнила тебя, зато сейчас
Твой голос поднял вдруг Гордыню с трона»

«Пусть рядом смерть шептаньем злобным…»

Пусть рядом смерть шептаньем злобным
Меня зовёт в могильный прах,
Но в языке её загробном
Не нахожу я слова «страх».

(1853)

Ли Хант[63] (1784–1859)

[63] Примечания: 63

Ли Хант (James Henry Leigh Hunt), английский поэт, критик и журналист, родился 19 октября 1784 г. в Саутгейте под Лондоном в семье священника, получил начальное образование в лондонской школе «Приют Христа» (1791–1799), но в университет не попал из-за проблем с дикцией. Он был другом выдающихся литераторов своего времени, и его дом являлся местом дружеских бесед таких известных авторов, как Уильям Хэзлитт, Чарльз Лэм, Китс и Шелли, Байрон. В 1801 г. Ли Хант опубликовал первый сборник стихотворений «Juvenilia». В 1808 г. Ли со своим братом Джоном Хантом учредил либеральный еженедельник «Наблюдатель», в котором печатал политические статьи и эссе. 3 июля 1809 г., после нескольких лет ухаживания, Хант женился на Марианне Кент, дочери придворного портного, от которой у него было десять детей.

В разные периоды времени Хант создал несколько литературных журналов, одни были удачны, другие терпели крах. В середине 1830-х годов Хант написал большую часть своих лучших стихотворений. Хант также был автором романа и нескольких пьес, две из которых- «Флорентийские легенды» и «Изумлённые любовники» — были изданы (в 1840 и 1858 годах соответственно). Спектакль по первой пьесе дважды посетила королева Виктория. Ли Хант умер 28 августа 1859 г. в Уондсуэрте (Лондон) и был похоронен на кладбище Кенсал-Трин.

Рондо[64]

Дженни чмокнула меня,
Прыгнув с кресла, где сидела;
Время-вор, навек храня,
Спрячь и эту радость смело:
Скажешь, слаб я и уныл,
Небогат, одни мигрени,
Постарел, но не забыл
«Чмоки» Дженни.

---

[64] Примечания: 64

Стихотворение впервые опубликовано в ноябре 1838 г. в журнале «Мансли Кроникл».

Томас Лав Пикок[65] (1785–1866)

[65] Примечания: 65

Томас Лав Пикок (Thomas Love Peacock) родился в Уэймуте, графство Дорсетшир, в семье Сэмуэля Пикока, торговца стеклянными изделиями. В 6 лет Томас пошёл в школу Ингл-филдТрин, и остальные шесть лет, проведенные в ней, составили его первое и единственное официальное образование. В 1800 г. Пикок начал работать клерком в Торговом доме Ладлоу, Фрейзер и Ко в Лондоне, но скоро оставил это место. В это время он начал писать стихи и очерки, а в 1804 и 1806 годах в свет выходят два первых поэтических сборника Пикока: «Монахи Святого Марка» и «Пальмира». К этому же году можно отнести начало дружбы Пикока с Шелли. Известность Пикок приобрёл как автор сатирических романов-пародий. Будучи близким другом Шелли и лорда Байрона, Пикок, тем не менее, в своих романах беззаботно насмехается над слабостями своего века.

В 1820 г. Пикок женился на Джейн Гриффид, с которой он познакомился в своем путешествии по Уэльсу восемь лет назад. У них родилось двое детей, Мэри и Маргарет, но вторая девочка умерла в возрасте трёх лет. Это сильно повлияло на жену Пикока, которая до самой смерти в 1851 г. оставались психически больным человеком. Помимо литературной деятельности, Пикок многие годы служил чиновником в Британской Ост-индской компании. Умер он в 1866 г. и был похоронен на новом кладбище в городе Шеппертоне, графство Суррей.

Из сборника «Пальмира и другие стихотворения» (1806)

Прощание с Матильдой

Oui, pour jamais
Chassons l'image
De la volage
Que j'adorais.
PARNY.

Матильда, прощай! Рок велел нам расстаться,
И сердце моё уж не будет метаться;
Я разум с любовью избавлю от ссор,
Хоть жизни ценней ты была до сих пор.

Когда мы бродили, признался я в страсти,
Красоты твои для меня – это счастье;
Я верил – взаимна любовь и вольна,
И думал, Матильда, ты будешь верна.

Но ты изменила! К тебе я хладею,
Не можешь, не должно тебе быть моею:

Тебя презираю, как ране любил,
От встречи с тобой не теряю я сил.

Тебя не полюбят, хотя ты прекрасна,
Ведь глупость и фальшь в тебе видны так ясно,
Хоть фаты польстят и похвалят глупцы,
С презреньем избегнут тебя мудрецы.

И нежели страсть моя так пламенела,
Когда притворялась ты честной умело?
Так плачь, коль нарушила ты свой обет,
Я сердце презрел – ведь желанья в нём нет.

Была бы ты милой всегда, неизменной,
В моём представленье – такой совершенной,
Пусть нет тебя, время не сможет изъять
Твой образ, что в сердце оставил печать.

Ведь в грёзах раскрашены были картины

Светящейся кистью Надежды невинной!

Не смог сохранить я блаженство мечты,

Тщеславно и лживо оно, как и ты.

Быть может, другой – для Матильды пригоже,

Желанней, хоть менее искренней всё же;

Он лёгкую страсть твою сдержит тогда,

Оставив тебя горевать от стыда.

Не кайся, Матильда, твоё возвращенье

Не нужно, напрасно твоё сожаленье:

К чему твои клятвы с улыбками вновь,

Погаснув, уже не зажжётся любовь.

Из журнала «La Belle assemblee: или привлекательное и модное собрание Белла» (Лондон, 1817)
Цветок Любви

Да, роза всё ж цветок любовный,
Румянец, множество шипов;
Зима морозит хладнокровно,
Но нет в ней свежих лепестков.
Младой Любви благая роза
Сникает к Старости на грудь,
Хотя и вянет от мороза,
Но запах не исчез ничуть.

Но скрытым тем благоуханьем
В порыве скорбной доброты
Она украсит с состраданьем
Лишь склеп цветов и красоты.
Ведь если лепестки увяли,
Потух румянец навсегда,
Их запах – это вздох печали,
Что дарит Память на года.

Что ж амаранту Страсть не рада,
Коль он не вянет, без шипов?[66]
Увы! в нём также нет услады,
А жизнь Любви – услады зов.
Сплетая розу с амарантом,
Любовь их принимает власть:
Венок чело охватит кантом,
В нём и цветение, и сласть.

[66] Примечания: 66

Ботаническое название амаранта (греч. αμάρανθος происходит от греч. α- не, μαραίνω — увядать и ανθος — цветок, и буквально означает «неувядающий цветок».

Фелиция Доротея Хеманс[67] (1793–1835)

[67] Примечания: 67

Фелиция Доротея Хеманс (Felicia Dorothea Hemans), в девичестве Браун, поэтесса-романтик, родилась в Ливерпуле 25 сентября 1793 г. в семье купца и была пятой из семи детей. Её мать, имевшая итальянские и немецкие корни, была дочерью имперского и тосканского консула в Ливерпуле. После периода финансовых трудностей, в 1800 г. семья переехала в Уэльс. Фелиция жадно читала книги из обширной домашней библиотеки, от своей матери получила знания нескольких языков и с самых ранних лет проявила свой талант.

Свой первый сборник «Стихотворения» (1808) Хеманс опубликовала в возрасте 14 лет. Издав сборник «Домашние чувства: и другие стихотворения» (1812), она вышла замуж за капитана Альфреда Хеманса в 1812 г., родив за короткий срок пятерых детей. Этот брак не был счастливым. В 1818 г. её муж не вернулся из поездки в Италию, куда отправился для лечения, и с тех пор Хеманс должна была поддерживать всю семью доходами от изданий своей поэзии. Это сборники: «Осада Валенсии» (1823), «Записки о женщине: и другие стихотворения» (1828), «Песни любви» (1830) и «Сцены и гимны жизни» (1834). Сформировавшаяся под влиянием Вордсворта и лорда Байрона, поэзия Хеманс была опубликована в 19 томах. Умерла Хеманс 16 мая 1835 г. в Дублине, куда она приехала, чтобы находиться рядом со своим братом.

Из сборника «Национальная лирика и песни для музыки» (1834)
Последняя песнь Сапфо[68]

Звучи, о, тьма неспящих вод!
Твой стон – мне скорбь без срока;
Мой дух в тебе ответ найдёт
На непрестанный крик мой: «Одинока»!

Всё ж слово мне отправь одно,
Напев твой беспрерывный!
Взволнуй, что спрятано давно,
О, мрачность вод, ты дашь покой мне дивный?

Моя усталая душа
Вздох тщетно твой искала,
Ответ на мысль, – коль ей дыша,
Жив человек – найдём ли в плеске вала?

---

[68] Примечания: 68

Стихотворение впервые напечатано в Blackwood's Edinburgh Magazine 29 января 1831 г. Сапфо — знаменитая древнегреческая поэтесса (около 630 г. до н. э. — 572/570 гг. до н. э.), автор монодической мелики (песенной лирики). По Овидию, поэтесса бросилась в море с Левкадской скалы из-за безответной любви к красавцу Фаону.

Звучи же, тьма безмолвных вод!
Звучи в своей гордыне!
Что чуждый мир твой принесёт,
Коль отвергает он мой край поныне.

Мне этот край был очень мил,
Красоты дорогие!
Но ветер лиру мне сломил,
И струны погасил её живые!

Их положи у ног моих!
Ведь, как они, разбита
Душа, что усластила их:
Её богатство на песок излито.

Но лавр всё ж мой, и славы свет
Моё затронул имя —
Я одинока, силы нет —
О, глубь! Я здесь, чтоб сделать их твоими!

Спрячь жгучий сей венок в своей
Пещере темноватой!
И боль мою, и славу дней
Там, где судов обломки, геммы, злато.

Ты, чайка, пляшешь на воде,
Ты любишь и ты – дома;
Здесь ждут тебя птенцы в гнезде,
А я пришла, без спроса, незнакома.

Крылатым чувством я полна,
Вольны мои виденья,
Любовь бескрайна, мысль ясна —
О, дай же, море, мне успокоенье!

Джон Клэр[69] (1793–1864)

---

[69] Примечания: 69

Джон Клэр (John Clare), английский поэт-романтик, родился в крестьянской семье в маленькой английской деревне Хэлпстон. Хотя его родители были фактически неграмотны, но Клэр каждый год посещал дневную школу в течение нескольких месяцев. В 12 лет он поступил в вечернюю школу, обучаясь в неформальной обстановке с другими мальчиками, в свободное время читая книги, особенно своего любимого «Робинзона Крузо» Дэниеля Дефо. В 1820 г. Джоном Тейлором (издателем Китса) бы опубликован первый сборник поэзии Клэра «Стихотворения, изображающие сельскую жизнь и пейзажи». Сборник имел большой успех (продано около 3 тыс. экземпляров), принёс молодому поэту признание и помощь нескольких благотворителей. Он приехал в Лондон в том же году, посещал званые обеды и подружился с литературными знаменитостями. Клэр женился на Пэтти Тейлор, уже несколько месяцев беременной их первым ребенком.

В следующем году поэт-крестьянин издал второй сборник «Деревенский менестрель и другие стихотворения» (1821). За этим сборником последовал «Пастуший календарь» (1827). Несмотря на литературные успехи, семья Клэра жила в нищете. В 1835 г. он издал свой последний сборник «Сельская муза», но во второй половине 1830-х годов его умственное и физическое здоровье всё более слабело. Он пристрастился к выпивке, и с 1837 г. Клэр, за исключением короткого промежутка в 1841 г., уже не покидал дома для умалишенных в Нортгемптоншире, где продолжал писать стихи.

Из книги Фредерика Мартина «Жизнь Джона Клэра» (Лондон, 1865)
Я скрыл свою любовь[70]

Я скрыл любовь свою, пока
Не надоела мне мошка,
Я скрыл любовь на много лет,
Пока не надоел мне свет.
Я на неё глядеть не смел,
О ней лишь помнить – мой удел.
Целуя чашечку цветка,
Любимой говорил: «Пока»!

Она – где травы и леса,
Где в колокольчиках – роса,
Синь её глаз целует бриз
С пчелой поющей, прыгнул вниз
Луч солнца, цепью золотой
Её украсив в роще той.

---

[70] Примечания: 70

Это стихотворение было сочинено в период между 1842 и 1864 годами, когда Джон Клэр находился в доме умалишённых в Нортхемптоншире.

И как поющая пчела
Всё лето здесь она цвела.

Я скрыл любовь: где город, луг,
Пока не сбит был ветром вдруг;
Казалось, пчёл слышны слова,
Гул мошкары стал рыком льва;
И даже тишь нашла язык —
Тем летом он в меня проник;
Природа доказала вновь —
Здесь только скрытая любовь.

Из сборника «Стихотворения, взятые, главным образом, из рукописей» (1820)

Первая любовь

Я был сражён, лишь час пришёл,
Одной внезапной сладкой страстью:
У девы лик тогда расцвёл,
Моей душой владело счастье.
Но побледнел я, словно смерть,
И ноги отказали махом;
Она взглянула – мне ль скорбеть?

Ведь жизнь моя вдруг стала прахом.

И я почти лишился зренья,
И кровь к лицу вся прилила,
Деревьев началось круженье,
Казалось, наступила мгла.
Исчезнул мир, все вещи зыбки,
В глазах – вся бездна слов:
Они звучали, словно скрипки,
Кипела в сердце кровь.

Зима ли свежий цвет колышет?
В снегу – любви постель?
В моих словах она не слышит
Мольбу любви досель.
Лица не видел я милее,
Когда стоял пред ним.
Ей сердце отдал я, хмелея,
Ему не быть моим.

Любовь не может умереть

Враждебен, зол и грешен тот,
Кто скажет, что любовь умрёт.

Тот клеветник, кто скажет вновь:
Что смертна и грешна любовь.
На крыльях ангельских она
Летит, как вечная весна.
Тот враг и вероломен тот,
Кто скажет, что любовь умрёт.

Нам ангел ту любовь принёс.
И нега сна, и сладость грёз,
И синь небес, и солнца луч —
Приют любви без тьмы и туч.
Любовь мне сердце веселит,
В ней свет божественный разлит,
Тот клеветник, кто скажет вновь:
Что смертна и грешна любовь.

И сладость самых нежных слов,
И сладость мыслей и стихов,
И сладость радостных сердец —
Есть наслаждения венец.
Что роз и перца аромат! —
Любовь лишь вспомнят все стократ;
Тот враг и вероломен тот,

Кто скажет, что любовь умрёт.

Хартли Кольридж[71] (1796–1849)

[71] Примечания: 71

Хартли Кольридж (Hartley Coleridge) родился 19 сентября 1796 г. и был самым старшим сыном поэта-романтика Сэмюэля Тейлора Кольриджа. В юности Хартли Кольридж проживал раздельно от родителей и был подвигнут Робертом Саути к сочинению стихов. Кольридж учился в Оксфорде, в Ориэл-колледже. Умный студент, который, как ожидали, мог стать отличником обучения, боролся с алкоголизмом и был, в конечном счете, отчислен из Ориэла, лишившись его товарищества. Впоследствии Кольридж переехал в Лондон, где работал частный наставником и издал свои стихи в «Лондонском Журнале».

В 1833 г. был издан сборник его стихотворений, который вызвал многообещающие отклики. Хартли издал также серию биографий знаменитых жителей Севера и графств Йоркшир и Ланкашир, написал поэму «Прометей». С 1836 г. Кольридж спокойно проживал в Грасмире и в 1840–1849 гг. в Рэйдале, проводя всё своё время в чтении и прогулках по сельской местности. Он был близким другом Вордсворта (они были похожи по своим привычкам) и имел много знакомых среди местных жителей. Заключительное десятилетие жизни Кольридж провёл в творческой слабости, которую сам называл «горестным бессилием интеллектуального истощения». Найденные после его смерти рукописи были изданы в сборниках «Эссе» и «Marginalia» в 1851 г.

Из литературного ежегодника Томаса Гуда «Гемма» (1829)
Песня

Она красивой не была
Среди своих подруг,
Не знал я, как она мила,
Но мне – улыбка вдруг.
В её глазах зажёгся луч:
Родник любви, искристый ключ!

Теперь её холодный взгляд
Мне отклика не шлёт,
Но ожидать я буду рад
В нём яркой страсти взлёт.
Он мне милей, хоть хмур и тих,
Улыбок девушек других.

Из сборника «Стихотворения, песни и сонеты» (1833)
Сонет VII

Любовь причуда или чувство? Нет.
Она, как правда искренняя, вечна,
Не вянет цветом юности беспечной,
Из стебля жизни ждёт её расцвет
В пустыне, где воды не найден след,
Где мрак съедает луч надежды хилый.
Как огонёк, парящий над могилой,
Где темнота, и не родится свет,
Моя любовь да будет неизменна:
Пусть смерть ей в этом мире не грозит,
Хоть красоте недолго быть прекрасной,
Хоть клятвы ложны, вера не священна,
Хоть острота утехи – суицид,
И средь руин – надежды дух неясный.

Джозайя Кондер[72] (1789–1855)

[72] Примечания: 72

Джозайя Кондер (Josiah Conder) был книгопродавцем, поэтом, автором религиозных гимнов. Родился он в Лондоне, а в шесть лет у него обнаружилась сыпь, лишившая его одного глаза. Получив образование под руководством пастора Палмера, он продолжал самообразовываться, когда стал помощником своего отца в делах продажи книг. В возрасте двадцати лет Кондер издал книгу под названием «Напарник менестреля». В следующем году Джозайя занял место отца в его делах, а несколькими годами позже женился на Джоан Элизабет Томас, от которой имел четверых детей. После его брака с Джоан Кондер оставил свой бизнес, чтобы стать руководителем периодического издания «Смешанное обозрение», и оставался в этой должности в течение 20 лет.

Кондер вёл обширную переписку с Робертом Саути и другими литераторами, редактировал тридцать выпусков «Современного Путешественника», хотя никогда не покидал Англию. Трудясь как автор и редактор, он был активным проповедником и писал на многие религиозные и литературные темы. Умер он от желтухи 27 декабря 1855 г. в Хэмпстеде.

Из «Лондонского журнала», т. 8 (1823)
Времена года

Весна и лето, осень! Вы без сна
Сменяете своё богослуженье
У алтаря природы в единенье
Глубоком. Непорочно холодна,
Сначала ты даруешь нам, весна,
Чудесное природы откровенье
И красоты девичьей пробужденье.
Ты, лето, всех пророчеств письмена,
Обещанных, на злате начертило
И солнечную яркость нам явило,
Журча, где храм листвы объял сосну.
Посева и лозы живую силу
Ты, осень, даришь злаку и вину.
А мрачный перерыв вновь призовёт весну.

Томас Гуд[73] (1799–1845)

---

[73] Примечания: 73

Томас Гуд (Thomas Hood), талантливый английский поэт, родился в 1799 г. в семье книгопродавца. После смерти мужа мать Томаса переехала в Айслингтон, где один из учителей Гуда открыл в мальчике разнообразные таланты. Гуд сначала помогал в редактировании книг, а затем работал в финансовом отделе компании друга своей семьи. Пошатнувшееся здоровье заставило его уехать в Шотландию, где проявился его дар поэта. В 1821 г. Гуд впервые стал техническим редактором «Лондонского Журнала», войдя тем самым в литературное общество столицы. Сердечный и приветливый, он был партнёром Чарльза Лэма, Уильяма Хэззлита и Хартли Кольриджа.

В 1825 г. Гуд женился, и вскоре вышла его первая книга «Оды и Послания», созданная в содружестве с Джоном Рейнолдсом, другом Джона Китса. Затем последовала книга «Признания Фей в разгар лета» (1827) и драматическая поэма «Ламия». Но здоровье Гуда ухудшалось. Несмотря на это, он создал собственный журнал, которому многие литераторы оказывали помощь своей репутацией и имеющимися в их распоряжении возможностями. Однако болезнь заставила Гуда слечь в постель, с которой он уже никогда не поднялся. Но именно тогда он написал свои бессмертные гражданские стихотворения: «Песнь о рубашке», «Мост вздохов», «Песня чернорабочего». Благодаря ходатайству друзей, Гуду была назначена правительственная пенсия, которую после его смерти получали его жена и дети.

Из сборника «Призыв фей в середине лета, Геро и Леандр, Лик и кентавр и другие стихотворения» (1827)

Тишина

Есть Тишина под хладною могилой,
Где звуков нет, не может даже быть,
Её в глубинах моря не избыть,
Или в пустыне мёртвой и унылой,
Где жизни нет средь вечности застылой;
Здесь некому подкрасться или выть,
Лишь облака и тени могут плыть
Легко и молча над землёю хилой.
Но в глубине плющом увитых стен
Руин дворцов, где Жизнь всегда кипела,
Кричит лиса, и слышен плач гиен,
И совы пролетают то и дело,
Вопя в ночи, им ветер вторит стоном:
Вот Тишина, в самосознанье полном.

Сонет

Любовь, миледи, как сказал я ране,
В глазах капризных просто не живёт;
Она, увы, не радостный полёт
На щёчках, покрасневших от мечтанья.
Иначе красоте её – попранье:
Так роза увядает в свой черёд,
Зато любовь нетленна круглый год —
Моё стремленье и моё желанье.
Она цветёт без краски нежных щёк,
Что блекнут, хоть румянятся сначала,
Любовь – своей же прелести исток,
Она с годами больше заблистала;
То ветвь, что мая пахнущий цветок
И в декабре совсем не потеряла.

Из книги «Произведения Томаса Гуда, комические и серьёзные, в прозе и стихах», т. 3, (Лондон 1862)

Нет!

Нет солнца, луны,

Нет утра весны,

Нет рассвета и сумерек, всякого времени дня,

Нет неба, земли,

Нет сини вдали,

Нет улиц, дорог, нет «с другой стороны, у плетня».

Нет конца всем рядам,

Не видно и где повороты там,

Нет шпилей на башнях,

Не узнать знакомых всегдашних,

Не выказать им вниманье,

Нет пониманья!

Нет странствий, нет перемещений,

Нет намёков, нет представлений.

Нет по земле или морю движений.

Нет почты, возницы,

Нет новостей из-за границы,

Нет парка, нет цирка, нет приветствий знати,

Нет благородных компаний, кстати,

Нет сердечности, живости, здоровой хвалы,

Нет простого чувства в любом хмыре,

Нет мрака, мерцанья, пестрянки, пчелы,

Нет фруктов, цветов, листьев, птиц —

В Ноябре!

Эмили Бронтё[74] (1818–1848)

[74] Примечания: 74

Семья Бронтё переехала в Хауорт из Торнтона в 1820 г., куда преподобный Патрик Бронтё был назначен викарием. Его жена Мария родила шестерых детей. Родители сестёр Бронтё имели литературные склонности: их мать издала одно эссе, а их отец написал четыре книги и баловался поэзией. Г-жа Бронтё умерла от рака в 1821 г., оставив свою сестру, Элизабет Бранвелл, заботиться о детях. В 1824 г. четыре старшие девочки были посланы в школу для дочерей обедневших священнослужителей. Из-за плохихусловий жизни вскоре вспыхнула эпидемия, унёсшая жизни Марии и Элизабет, так же тяжело заболела и Шарлотта. В течение следующих шести лет Шарлотта, Эмили, Энн и их брат Бранвелл оставались жить в доме священника в Хауорте, где сестры посвятили себя литературному творчеству. Оно проявилось в создании фантастических миров, таких как Гондал и Ангрия.

В 1831 г. Шарлотта преподавала в школе в Мирфилде, Бранвелл с небольшим успехом начал работать художником-портретистом, Эмили немного поработала в школе в Галифаксе, Энн была репетитором у семьи Робинсон. В 1845 г. семья Бронтё снова соединилась в Хауорте, где сестры использовали наследство, полученное ими после смерти их тётушки Бранвелл в 1842 г., чтобы финансировать издание сборника своих стихотворений под псевдонимами Каррер, Эллис и Эктон Беллы (Currer, Ellis и Acton Bell). Однако было продано всего 2 экз. этой книги. Тогда сестры решили заняться прозой, издав свои знаменитые романы: «Джейн Эйр» (1847) — Шарлотты Бронтё, «Грозовой перевал» — Эмили Бронтё (1847) и «Агнесс Грей» — Энн Бронтё (1848).

В 1848 г. в возрасте 31 года умер их любимый брат Бранвелл, истощивший себя наркотиками и алкоголем. Эмили простудилась на его похоронах и умерла от туберкулеза 19 декабря 1848 г. в возрасте 30 лет. Энн также заболела туберкулезом и умерла 28 мая 1849 г. в возрасте 29 лет. Шарлотта продолжала писать и опубликовала еще два романа: «Шерли» (1849) и «Уиллетт» (в русском переводе «Городок») (1853). В 1854 г. она вышла замуж за викария Артура Белла Николса. Начала, но не закончила новый роман — «Эмма». Будучи беременной, Шарлотта умерла 31 марта 1855 г. в возрасте 38 лет.

Из сборника «Стихотворения Каррера, Эллиса и Эктона Беллов» (1846)

«Листопад; цветы – как тень…»

Листопад; цветы – как тень;
Ночь длинна и краток день;
Каждый лист осенний мне
Дарит радость в тишине;
Улыбнусь, когда мороз
Расцветёт на месте роз;
Буду петь, лишь ночи сень
Сникнет: близок грустный день.

Из рукописи (ноябрь 1837 года) «Сгущается сумрак ночи…»

Сгущается сумрак ночи
Жестока ветров стихия
Но чары жгут что есть мочи
И вот не могу идти я

Гнуться гигантов леса
Под снегом ветви кривые
Бури идёт завеса
Никак не могу идти я

Внизу пустынные дали
Вверху облака густые
Не сдвинут меня печали
Не буду вперёд идти я

Любовь и дружба

Любовь похожа на шиповник дикий,
А дружба – это падуб нам желанный,
Темнеет падуб, лишь цветёт шипов-

ник,
Но что цвести здесь будет постоянно?

Весной шиповник дикий ароматен,
И летом его запах чист и ясен,
Но подожди, пока зима наступит,
Кто скажет, что шиповник столь прекрасен?

Тогда букету роз воздай презренье,
Из падуба наряд одень сплетённый,
Когда декабрь тебе приносит тленье,
Венок твой будет всё ещё зелёный.

Защити меня

Ты взглядом выскажи решенье,
Когда рассудок мой в презренье
Моё дразнило пораженье.
Ты защити меня, родной,
Скажи, зачем ты избран мной!

Пришёл судить суровый разум,
Используя все формы разом.
Защитник мой, ты нем ли, часом?

Скажи мой ангел, мой кумир,
Зачем я отшвырнула мир;

Зачем упорно избегала
Путей всеобщих я сначала;
Дорогой странной кочевала,
Беспечно, в поисках наград:
Венка побед, цветка услад.

Они казались мне богами,
Обет мой слышали годами,
К их алтарю я шла с дарами;
Не ценят жертв небрежных, и
По праву презрены мои.

И всё же сердцем я готова
Не приносить им жертву снова;
Душе дать почитать другого —
Тебя, чей вездесущ алтарь:
Фантом, мой раб, мой друг, мой царь.

Раб – я тобою управляю,
Своим желаньям подчиняю,
Злым или добрым назначаю;
Друг – днём и ночью в тишине

Ты наслажденье даришь мне —

Боль, что сильна, но всех милее:
В слезах я счастлива полнее,
Земных забот не знаю с нею.
Всё ж царь, хоть Разум наставлял
Вассала, чтобы тот восстал.

Иль в преклоненье нет резона
С надеждой, верой непреклонной,
Пока душа к молитве склонна?
Бог, защити меня, родной,
Скажи, зачем ты выбран мной!

Шарлотта Бронтё
(1816–1855)

Вечернее утешение

У нас в сердцах – сокровищ сладость,
Что за печатью много лет:
Мечты, надежды, мысли, радость,
Найдёшь – и прелести их нет.
Проходят быстро дней забавы,
И ночи – в розовом бреду:
В обманах роскоши и славы
О прошлом память как в чаду.

В час размышлений и бессилья,
В ежевечерней тишине,
Трепещут, словно птичьи крылья,
Все чувства лучшие во мне.
Печаль спокойного томленья
В моей душе, а не беда;
И мысль, рождавшая мученья,
Слезу лишь вызовет тогда.

И чувства, сильные, как страсти,
Вновь станут блеклою мечтой;

А наши скорби и несчастья —
Всего лишь мукою чужой.
Коль сердце кровью истекает,
Как долго быть ему средь гроз,
Пока в тумане лет не стает
Напасть, чтоб жить в печалях грёз!

Иль жить среди вечерних теней,
Где одинокий лунный свет,
И, хоть тусклей небес свеченье,
Не ощущать бессчётных бед.
Порыв души даёт мне знаки —
Пронзать в мечтаниях эфир,
В час одиночества, во мраке,
Чтоб обрести и жизнь, и мир.

На смерть сестры Энн Бронтё

Как мало радости во мне,
И страх могилу обрести;
Но я хотела б в тишине
Скончаться, чтоб её спасти.

И ждать последний вздох весь день
Пред наступленьем черноты,
Желая зреть, как смерти тень
Покроет милые черты.

Вот туча, что должна в тиши
Меня с любимой разлучить;
Я буду пылко, от души,
Здесь Господа благодарить.

Я знаю, потеряли мы
Надежду, славу наших дней,
И вот, среди штормов и тьмы,
От споров устаём сильней.

Энн Бронтё
(1820–1849)

Из книги «Стихотворения Бронтё» (1915)

Ночь

Люблю я тихий час ночной,
Когда счастливые виденья,
Чаруя, дарят мир иной,
Что не придёт во время бденья.

И мёртвый голос в тишине
Звучит, себе живому вторя.
Он может дать надежду мне
От одиночества и горя.

В могиле хладной заточён
Тот, кого видеть мне – блаженство.
Но лишь во снах приходит он,
Мой милый, сердца совершенство.

Призыв

О как же я устала,
Хоть слёзы не текут;

Глаза болят от плача,
На сердце – горя жгут.

Я очень одинока,
И тягость в каждом дне,
Устала я от жалоб,
Придёшь ли ты ко мне?

Вседневные желанья
Мои скорей узнай,
Разбитые надежды:
Ко мне не опоздай!

Воспоминание

Да, умер ты и никогда
Не улыбнёшься мне весной;
Но в старой церкви без труда
Могу пройти я над тобой.
На камне я могу сыром
Стоять и думать, как под ним
Замёрзло сердце, что добром
Известно было мне своим.
Хоть ты в могилу заключён,

Но взгляд мой придаёт мне сил;
Хоть краткой жизни ты лишён,
Мне сладко думать, что ты был.
Что ты взлетел на небеса,
И твоё сердце, мой кумир,
Объяла ангелов краса,
Чтоб радовать наш скромный мир.

Эдвард Бульвер-Литтон[75] (1803–1873)

[75] Примечания: 75

Эдвард Бульвер-Литтон (Edward Bulwer-Lytton), автор знаменитой фразы «Перо сильней меча», родился в знатной семье в 1803 г. Отец Эдварда был генералом, графом Хейдон Холл и Вуд Даллинг, несколько мужиковатым на вид, но знатным. Отец Бульвера умер, когда мальчику было четыре года, и он с матерью переехал в Лондон. Получив образование в частных школах и Тринити-колледже Кембриджского университета, Бульвер погрузился в светскую жизнь и литературные занятия. В 1827 г. он женился вопреки желанию матери на Розине Уилер, был лишён материального пособия и потому серьёзно занялся литературной деятельностью.

В 1836 г. Бульвер развёлся с женой, которая препятствовала его литературной и политической работе. Бульвер-Литтон известен как автор множества романов, самые известные из которых: «Пэлэм, или джентльмен», «Последний день Помпеи». Успехом пользовались так же и его пьесы. В 1838 г., находясь на высоте своей популярности, Бульвер получил титул баронета, а унаследовав имение матери, прибавил «Литтон» к своей фамилии. В 1845 г. он оставил парламентскую деятельность, много путешествовал, затем снова вернулся к политике. В 1859 г. он — министр колоний; в 1866 г. — член палаты лордов. Эдвард Джордж Бульвер-Литтон, лорд Литтон, баронет Литтон Небуортский умер 18 января 1873 г.

Север и Юг

На юге ночью спит она;
Там тишь небес, и там журчанье
Глубин, где светится луна,
Сонливо музыки звучанье.
Нет на её ресницах слёз,
Не жгут уста ей поцелуи,
И боль, и страсть, и трепет грёз
Прошли, минуя.

Покинув толпы северян
И рокот полночи нестройный,
Моей душе, где ураган,
Как в дом её войти спокойный!
Там ночь за ночью, среди мук
Меня лишают сна виденья,
Мир этот призрачный вокруг
Как наваждение.

Знание и мудрость

Ты знанье измеряй лишь мерой той,
Что полнит нас одной печалью. Люди
По тяжести в руках приятной судят,
Что ценен самородок золотой.

Но мудрость ты люби, как любишь свет.
Она не достигается – даётся.
Не из земли, с Небес она прольётся,
В душе у нас оставив яркий след.

Некромантия

Напрасно полагал я, что возможно
Угас ты, юный пыл. Теперь, когда
Без слёз я у твоей могилы ложной,
И убираю траур без следа,
И без тебя живу я так несчастно,
Что дать тебе, пришедшему назад?
Но в маске незнакомки столь прекрасной,
Дарящей мне с улыбкой долгий взгляд.

Вздох

И Страсть, и боль былых времён
Стихают всё впустую,
Когда страданий я лишён,
Чтоб вновь страдать – тоскую.

Эдвард Фитцджеральд[76] (1809–1883)

[76] Примечания: 76

Эдвард Мальборо Фицджеральд (Edward Marlborough FitzGerald) родился 31 марта 1809 г. в Суффолке. Его отец, Джон Пёрселл, взял фамилию и герб семьи его жены, ФитцДжеральд. С 1816 г. Эдвард жил в Париже, затем окончил школу Св. Эдмунда и в 1826 г. стал студентом Тринити-Колледжа в Кембридже. Фитцджеральд жил постоянно в Англии, то в своём графстве Суффолк, то близ Вудбриджа, а затем вплоть до своей кончины в своём доме неподалеку от так называемой Малой Гранж. В течение всего этого времени Фицджеральд занимался цветами, музыкой и литературой. Уже в средних летах своей жизни он женился на Люси Бартон. Фитцджеральд изучал испанский язык и издал драмы Кальдерона в вольном переводе, затем стал интересоваться востоком.

В марте 1857 г. Коуэлл обнаружил собрание Рубаи Омара Хайяма на персидском языке в библиотеке Калькутты и послал их Фицджеральду. В 1859 г. несколько четверостиший были опубликованы как «Рубаййят Омара Хайяма». Эти переводы сначала не привлекли никакого внимания публики, но под влиянием восторженных откликов поэтов Данте Габриэля Россетти и Суинбёрна, переводы Фитцджеральда становились популярными, и в 1868 г. был издан новый, дополненный сборник. Фитцджеральд сочинял и свои собственные стихотворения. Вот так среди своих книг и своих цветов Фицджеральд постепенно старел. Он умер безболезненно во сне 14 июня 1883 г.

Конец рыцарства

Кузина! Рыцарство – лишь сны,
Оно не возвратится:
Поэты – к лаврам холодны,
К возлюбленным – девицы.
Застыли губы и сердца,
Чью страсть воспели лиры,
Нет лютни, нет копья бойца,
Не в моде и турниры.

Любовь прекрасных тех эпох
Цветами говорила,
Дышал стихами каждый вздох,
И песнь в шатрах царила.
А ныне браки все просты:
(Где страстности оковы!)
Жених, колечко, шёлк фаты,
Затем обряд церковный.

Тогда тугим был арбалет,
Сердца скрепляли узы,

Любовь усиливал обет,
Стих вдохновляли Музы.
Никто не видел старых дев,
(Мужчины были милы);
В шестнадцать замуж шли, созрев,
А в двадцать шли в могилу.

К охоте соколиной знать
И к шахматам радела,
Учился егерь зверя гнать,
Труба герольда пела.
Был сильным рыцарь всякий раз,
Скрывался смерд пугливый,
Горяч был ночью hypocras[77],
А утром – конь ретивый.

Готов был вымпел и плюмаж,
Молились у амвона,
Дерзал на подвиг рыцарь, паж
Для дамы восхищённой.
Краса бальзамом в те года

---

[77] Примечания: 77

hypocras (названо в честь Гиппократа) — вино с пряностями, использовалось в Средние века в качестве аперитива.

Ран облегчала бремя, —
Сердца теряли иногда,
Но не теряли стремя.

Не знали слов Рассудок, Страх
Тогда и лорд, и ленник,
Есть Вера – то копьё в руках,
Нет Верности – изменник.
Сердца нежны, но твёрд удар,
Лишь мир наступит зыбкий,
Застолью – полный кубок в дар,
Влюблённым – дам улыбки.

В те золотые дни луна
Поклонников имела,
От лютни звуков шла волна,
А не от храпа тела,
Влюблённый плыл, не ставя в грош
Все реки шире Мерси,
И сотня тысяч билась сплошь
За взгляды леди Джерси.

Железный верх носили встарь,
Портным одна досада,

Но оружейник и гвоздарь
Доходу были рады.
Вся сталь измерена в локтях,
Штаны подбиты кожей,
Шут – в колпаке и бубенцах,
Перо и шлем – вельможе.

Супруг мог дать отвод жене,
Бобыль мог жить забавой.
По праву доктор был в цене,
Совсем не доктор права.
Я, чтоб в те дни стать женихом
Для Вас, моей блондинки,
Ломал б не голову стихом,
А копья в поединке!

Роберт Браунинг[78] (1812–1889)

[78] Примечания: 78

Роберт Браунинг (Robert Browning) родился 7 мая 1812 г. в Кэмбервилле, в семье банковского клерка, который также рисовал, занимался науками, собирал книги, картины и антиквариат. Мать Браунинга хорошо музицировала на фортепьяно. В детстве Роберт не получил систематического образования, обучаясь в частных школах и дома, но любил читать книги из пространной библиотеки своего отца, состоящей из 6000 книг: греческих, латинских, французских, итальянских и испанских классиков. В 16 лет Браунинг пробовал посещать лондонский университет, но, найдя его атмосферу душной и скучной, бросил учёбу после первого курса. Немного замкнутый, Роберт жил с родителями до тридцатичетырёхлетнего возраста. Начал он свою поэтическую карьеру как автор двух исторических поэм «Паулина» и «Парацельс», изданных в 1833 и 1835 годах на средства отца. Затем он выпустил сборник «Драматическая лирика» (1842) и историческую поэму «Сорделло».

В 1845 г. Браунинг встретил Элизабет Барретт, поэтессу, с которой тайно повенчался в следующем году, и, чтобы избежать преследования её властного отца, увёз её в Италию. В течение нескольких лет Роберт и Элизабет жили то в Пизе, то во Флоренции, писали стихи, поэмы и критические работы. В 1849 г. у них родился сын Роберт, а в 1855 г. вышел сборник стихотворений Браунинга «Мужчина и Женщина», посвященный жене. Считающийся ныне одним из лучших сборников поэта, он в то время вышел с аннотацией, что автор является мужем поэтессы Элизабет Баррет. В 1861 г. тяжелобольная Элизабет умерла, и Роберт вернулся в Лондон вместе с их сыном. В 1864 г. Браунинг издал новый сборник — «Драматические персоны», а через 5 лет — свою самую знаменитую поэму «Кольцо и Книга». Более поздние его произведения не так известны, и не так хороши. В начале 1880-х годов став почётным членом Оксфордского, а затем Эдинбургского университетов, Роберт Браунинг умер в Венеции 12 декабря 1889 г.

Из январского номера журнала «Monthly Repository» (1836) Любовник Порфирии[79]

Дождь рано начался вечор,
Угрюмый ветер вдруг проснулся,
Верхушки вяза перетёр
И в злобе к озеру рванулся:
Я слушал и душой замкнулся.
Вошла Порфирия; она
Дабы спастись от непогоды
Очаг потухший докрасна
Зажгла, и потеплели своды;
С колен поднявшись, у комода
Она свой мокрый плащ сняла,
Перчатки, шляпку – тут каскадом

---

[79] Примечания: 79

Это стихотворение Роберта Браунинга было впервые опубликованное под названием «Порфирия» в январском номере журнала Monthly Repository за 1836 г. Браунинг позже переиздал его в «Драматической лирике» (1842) под названием «Комната Дома умалишённых». Поэма не получила своего окончательного названия до 1863 г. Возможно, Браунинг взял идею стихотворения из «Выдержек из дневника Госшена» Джона Уилсона — мрачного рассказа об убийстве, опубликованном в Blackwood's Magazines 1818 г.

Упали косы у чела;
Потом со мною села рядом.
Но я молчал. С горящим взглядом
Обвив себя моей рукой,
Плечом коснулась обнажённым,
Стекали под моей щекой
Златые косы оживлённым
Потоком, голосом влюблённым
Она шептала, что слаба
Любовь избавить от гордыни,
Что в сердце тяжкая борьба —
Всё бросить ради благостыни
И мне навек отдаться ныне.
Ведь страсть должна торжествовать,
И даже вечер наш прекрасный
Не смог бы мысль мою сдержать
Из-за любви к ней: ведь напрасно
Пришла она в сей день ненастный.
В её глазах я, у огня,
Нашёл гордыню и влеченье:
Боготворит она меня,
Забилось сердце в удивленье:

Что делать мне в таком волненье?
В тот миг она была моей,
Чиста, прекрасна и безгрешна;
Я понял, что мне делать: ей
Златыми косами поспешно
Обвил три раза горло нежно
И задушил. Держу пари,
Не больно было нежной выe,
И, как бутон с пчелой внутри,
Открыл ей веки: неживые
Глаза смеялась голубые.
Я развязал косу, мертво
В ней всё – лишь щёчка покраснела
От поцелуя моего:
Порфирии я обнял тело,
Её головка то и дело
У плеч моих свисала вниз
С улыбкой розовой, чуть зримой;
Её желания сбылись:
Прошло всё презренное мимо,
И я – взамен, её любимый!
Не догадалась всё ж она,

Что я её услышал волю.
И вот мы вместе, ночь темна,
И мы сидим бездвижно в холле;
И Бог молчит о нашей доле!

Из сборника «Драматические романсы и лирика» (1845)

Ночная встреча

1

2

Тёмный берег и серый залив,
Низко повисла луны половинка.
Прыгают волны, проснувшись, легки,
Яркие пляшут их завитки.
К бухте я чёлн свой подвёл без заминки,
В мокром песке его бег погасив.

Теплую отмель прошёл до конца.
Через поля приблизился к дому.
Стук по стеклу, вдруг чирканья треск,
Синий, спички зажжённой всплеск,
И голос, не громче, сквозь радость ис-томы,
Чем бьются друг в друга наши сердца.

В гондоле

Целуй, как мотылёк!
Чтоб я поверил: вечерком
В сомненье ты немом;
И как моё лицо, цветок
Твой сморщен; смятый так небрежно,
Но угадав, – меня кто нежно
Желал – расправил лепесток.

Целуй теперь пчелой!
Как будто в сердце ты моём
Жужжишь беспечно днём.
Бутон, что под моей рукой
Страдал, сдаётся без возврата:
Его сгибаю венчик смятый
Я над твоею головой.

Потерянная возлюбленная

Всё кончено; что правда – муки,
Поверишь ли впервой?

Чириканья ночные звуки
Дом наполняют твой!

Я на лозе пушисты почки
Сегодня увидал;
Потом появятся цветочки,
Цвет серый станет ал.

Мы завтра встретимся, всё также?
Дашь руку мне потом?
Ведь мы друзья, а другу даже
Ты не откажешь в том:

Взгляд подарить мне яркий или тёмный,
Его я сердцем не отверг,
И те слова: «Я жду подснежник скромный»:
Они в душе моей навек!

Скажу как друг простой – несложно,
Но в мыслях – страсти суть:
Сожму тебе я руку, сколько можно,
Иль долее чуть-чуть!

Из сборника Мужчина и женщина» (1855)
Жизнь в Любви

Мне уйти?

Никогда —

Я влюблён.

Коль я есть я, а ты есть ты,

Пока на земле мы двое,

Я – предан, ты – склонна быть злою,

Ты – дичь, я – охотник: бежим сквозь кусты.

Боюсь, что жизнь моя – заблужденье,

Хотя, скорее, всё это рок!

Я скудного счастья достичь лишь смог,

А если ослабнет моё стремленье?

Лишь только нервы держать в напряженье,

Не плакать, крах осмеять и гнёт,

Хоть с толку сбит, вновь начать движенье —

Погоня ведь чью-то жизнь заберёт.

Но глянь лишь раз на меня издалёка,
В бездонной бездне, где прах и мрак,
Старые чаянья в землю глубоко
Сходят, как новые, где тот же знак:
Я в пути —
Навсегда
Удалён!

Любовь в Жизни

I

II

За залой зала,
Я прохожу весь дом —
Жилище наше.
Не бойся, сердце, твой увидит взор
Её саму, а не волненье штор,
Кушетки запах! Задевала
Она их – вновь зацвёл карниз кругом.
Светилось зеркало от волн её плюмажа.

Почти нет света,

Дверной я вижу ряд;
С судьбою новой —
Дом обхожу от центра до крыла.
Удача; я вошёл – она ушла.
Весь день ищу – кого волнует это?
Смотри, уж сумерки, так много анфилад
И ниш для поиска, для встреч – алькове.

Милашка

Волóс – цвет лани – колыханье,
Глаз её синь,
Как у богинь,
И свежесть детского дыханья!

Мужам не взять тебя, Милашка,
Обнять тебя,
Держать тебя,
Завоевать тебя, Милашка!

Ты любишь нас за взгляд, ты знаешь —
За страсть речей,

За боль мечей:
Всех равно, без преград, ты знаешь.

И нас прельстила ты, мы скажем,
Юна, чиста,
Глаза, уста,
Твоё лицо – цветы, мы скажем.

Ты – наша, так начнём, Милашка —
Петь, говорить,
Смотреть, молить[80],
Скрыть, иль кричать о том, Милашка!

Но для любви ты – ноль, Милашка,
Молили мы,
Платили мы,
Толкли и в ступе сколь[81]*, Милашка!*

Оставь себе свой образ нежный;
Сиять красой —
Лик должен твой!

---

[80] Примечания: 80

«Смотреть, молить…» — «Смотрите, бодрствуйте, молитесь, ибо не знаете, когда наступит это время» (Марк, 13:33).

[81] Примечания: 81

«Толкли и в ступе сколь…» — «Толки глупого в ступе пестом вместе с зерном, не отделится от него глупость его» (Притчи, 27–22).

В нём будущих услад надежды.

Пока лицо моё спокойно,
Кого дивит
Мой умный вид?
Я вывод сделаю достойно.

Пока любви нет – не преступно
С милашкой быть!
Гром может бить
Лишь землю – небо неприступно.

Зачем с красой нужны монетки,
А с флиртом – страсть?
Где мёда сласть?
Пчёл нет; зачем же мухи в сетке?

Влеченье – не цветочек милый,
Коль страсть взошла,
Её дела
Разгладить ямки щёчек милой.

Скажи, оно неидеально?
Принять его,
Унять его?
Не вся добавка уникальна.

Иль совершенство всё ж возможно,
И потому
Его уму
Несёт блаженство всё ж, возможно.

Мы вспыхнем ли, стирая сразу
Лик этот в трут,
Мешая тут
Искре всё сжечь, играя, сразу?

Иль душу целовать у девы?
Любовный бред!
Муж среди бед
С горящим взглядом знает, где вы!

Так мастер, чтоб улучшить розу,
Рвал цвет простой —
Чтоб цвет златой
Создать, и тем разрушить розу.

Рубины кубка словно розы,
Златой листок
Как лепесток —
Но кубок царь припрятал, грозный.

Как розу наградить? Я знаю!

Бегите прочь.
Сорвать помочь?
Понюхайте и выбросьте, лобзая.

Последние слова женщины

Ах, зачем нам спор, милый,
Что рыдать:
Всё – как до сих пор, милый,
Только спать!

Что грубее слов этих?
Я и ты
Спорим, словно сов этих
В нас черты.

Как идём мы по следу —
Наша речь!
Тише, скрой же беседу
В неге плеч.

Стала истина ложью —
Привлекла.
Избегай змея всё же,

Древа зла —

Красный плод здесь, у края, —
Боль твоя:
Ведь лишимся мы Рая:
Ева, я.

Под личиною Бога
Очаруй!
Не мужчина убогий —
Ночь даруй!

Я хочу всё знать, милый,
Чтобы как
Ты могла сказать, милый,
Думать так.

Не отвергай просьб моих,
Этих двух,
Удержи в руках своих
Плоть и дух.

Я тебе буду рада,
Завтра в ночь;
Скорбь схоронить мне надо,
Выгнать прочь.

Глупо с судьбой, милый,
Воевать!
Любима тобой, милый,
Лягу спать.

Из сборника «Драматические персоны» (1864)

Среди скал

О, бурой почвы добрая улыбка
Осенним утром! Греешься на ней
Под солнцем ты, у вытянутых ног
Играют волны, радостно и зыбко,
И слышно, как на груде из камней
Щебечет сладко трепетный зуёк.

То принцип древний: и простой, и верный,
И опыт жизни, что знаком земле.
Коль ты любил, что стоило любви,
Любовь была и выгодой безмерной:
Так поднимись, страдая, к той скале —
Любовь к ней ради выгоды яви!

Лик

О, если б мы смогли её головку

Писать на фоне бледно-золотом
И с мастерством тосканцев ранних[82]
ловко!
Не властны тени над прекрасным ртом,
Чьи губы открываются так нежно —
Но не при смехе: всё испортит он,
А будто гиацинт пророс безгрешный,
Склонив в порыве страсти свой бутон,
Медово-красный, чтобы целоваться:
И губы стали тихо раздвигаться.
У тонкой, гибкой шеи чудный вид,
Она на блеклом золоте дрожит,
Вплоть до прекрасной формы подбородка!

---

[82] Примечания: 82

«… тосканцев ранних…» — Здесь имеются в виду флорентийские художники раннего Возрождения, т. н. кватроченто (XIII–XIV в.). Их изображения мадонны и святых выполнены на золотом фоне, как византийские иконы. Браунинг в 1840 г. посетил Флоренцию и познакомился там с творчеством Филиппо Липпи и фра Беато Анжелико. Кроме того, здесь аллюзия к прерафаэлитам, которые приняли за основу своей живописи именно творчество художников кватроченто.

На фреске у Корреджо[83] есть находка:
На небе лики ангелов, тела
Без очертаний, в свете тает мгла;
То лишь толпа, но я узреть мечтаю,
Как чудо вдруг родится напоказ,
Бледнея среди неба каждый час
(На блеклом фоне – милый нам анфас);
Тут сжались небеса в единый глаз,
Чтоб чуда не терять, ему мигая.

[83] Примечания: 83

«… на фреске у Корреджо…» — Здесь речь идёт о знаменитой фреске «Вознесение девы Марии» (росписьплафона) соборав Парме, которую начал в 1524 г. знаменитый итальянский художник-маньерист Корреджо (Антонио Аллегри; около 1489–1534). Художник умер, не успев завершить работу. Корреджо впервые показал многочисленные группы людей не как искусное соединение отдельных фигур, а как живописную массу.

Элизабет Баррет Браунинг[84] (1806–1861)

---

[84] Примечания: 84

Элизабет Барретт Браунинг (Elizabeth Barrett Browning) родилась 6 марта в Коксхоу-Холле, Дарем. Она была самой старшей из 12-ти детей семьи, которая заработала своё состояние на ямайских сахарных плантациях. Элизабет получила домашнее образование, рано начала читать и писать, увлекалась Шекспиром. В 14 лет Элизабет заболела, что потребовало от неё приема морфина на всю оставшуюся жизнь, а в следующем году перенесла травму позвоночника. Несмотря на все эти проблемы со здоровьем, в 1826 г. вышел первый сборник юной поэтессы «Опыт о разуме и другие стихотворения».

Вскоре дела отца Элизабет ухудшились, и семья переехала в Лондон. В 1830-1840-х годах Элизабет Баррет издала ещё два сборника стихов. Её поэзия привлекла внимание к тому времени известного и авторитетного поэта Роберта Браунинга. Браунинг написал письмо Элизабет, и в течение последующих 20 месяцев они обменялись почти шестьюстами письмами. 12 сентября 1846 г. Элизабет и Роберт тайно обвенчались (отец Барретт был против их брака) и вскоре уехали в Италию. В 1849 г. во Флоренции у супругов родился сын Роберт. Год спустя Элизабет выпустила в свет свой знаменитый сборник «Сонеты, с португальского», состоящий из 44 сонетов, которые писались тайно во время любовной переписки будущих супругов. Элизабет Баррет Браунинг умерла во Флоренции 29 июня 1861 г. в возрасте 55 лет, будучи одним из самых любимых поэтов романтического движения в викторианской Англии.

Из сборника «Стихотворения» (1844)
К Флэшу, моей собаке[85]

Милый друг, подарок той[86],
Кто пролил свой дух святой
Сквозь твою природу,
Я тебя благословлю,
По головке потреплю
Славную породу!

Словно женщин пряди, вниз
Шёлк ушей твоих провис
Обрамленьем ровным
На серебряную грудь,
Засверкавшую, как ртуть,
В теле чистокровном.

Ты коричневый, пока
Не зацепит луч слегка

---

[85] Примечания: 85

Флэш — так звали кокер-спаниеля, принадлежавшего Элизабет Барретт Браунинг.

[86] Примечания: 86

Эта собака была подарком мисс Митфорд, подруги Элизабет и Роберта Браунингов.

Сей окрас унылый,
Залоснится, заискрит
Блеском золота твой вид
С небывалой силой.

Под моей рукой тотчас
Блеск пугливых карих глаз
Вспыхнет, возрастая.
Ты подпрыгнешь, непосед,
Словно сделала курбет
Лошадь строевая.

Прыг! Твой хвост блестит, широк,
Прыг! Сияет шёрстка ног
С бахромой атласной.
Прыг! И кисточки ушей,
Брызнув золотом огней,
Вниз летят прекрасно.

Мой игривый, нежный друг,
Я хвалить не брошу вдруг
Облик твой редчайший.
Много есть собак других,
Так же уши виснут их,

Тот блеск ярчайший.

Только ты, мой милый пёс,
У кровати как прирос,
День и ночь сонливый,
Вечно в комнате, где мрак
Не разгонит свет никак,
Грустный и тоскливый.

Розы, что собрали мы,
Все завяли среди тьмы
Без ветров и солнца.
Только знает пёс давно,
Если стало вдруг темно —
Свет Любви в оконце.

Псы другие по росе
Гонят зайцев сразу все
Через буераки;
Ну а пёсик мой ползёт,
Вялый, спящий круглый год,
Жизнь его во мраке.

Предан, весел, как артист,
Пёс иной под звонкий свист

Прыг через ограду;
Мой же – рядом целый день,
Уж ему и лаять лень,
Вздох – его отрада.

Если на уши ему
Упадёт слеза во тьму,
Иль звучит стенанье;
Станет прыгать он потом,
Лаять и вилять хвостом,
В чутком ожиданье.

И он рад наверняка,
Если тонкая рука
Грудь ему погладит;
Поднимая чёрный нос,
На ладонь мне этот пёс
Мордочку приладит.

А когда знакомый звук —
Голос мой – раздастся вдруг:
«Спящий мой калачик,
Выйди!» – просьба у дверей —
Он ко мне бежит скорей,

Прыгает, как мячик.

Потому мне этот пёс
Негу с радостью принёс,
Он мне мил сердечно;
Я его благословлю,
И, конечно, полюблю
Потому навечно.

Ведь меня он любит так:
Лучше, чем весь род собак
Женщину с мужчиной;
И ему верну я вновь
Много большую любовь
По сравненью с псиной.

Пёсик мой, будь счастлив, жив,
Ты в ошейнике – красив,
Сливки пьёшь, жирея!
И хвостом виляешь вслед,
Руки нежно, много лет
Гладят твою шею.

На подушке пуховой,
В шёлк укрытый с головой,

Спишь ты к счастью близко!
Мух не слышишь ты полёт,
И никто не разобьёт
Голубую миску.

Убегут от нас коты,
Не почуешь запах ты
От одеколона;
Здесь орехов – полон дом,
А печенье с миндалём —
Главность рациона.

Разве я, дружок, смеюсь?
Ведь меня терзает грусть,
Что тебе всё тяжко.
Свой порыв умерю я,
Радость хоть мала твоя,
Ты любим, бедняжка.

Пусть же Неба благодать
Будет счастьем воздавать
Всю твою природу;
Я хвалу тебе пою,
И в ответ люблю твою

Верную породу!

Из сборника «Сонеты с португальского» (1850)
Сонет 43

Как я тебя люблю? Даю ответ.
До глубины души, её высот,
Когда она, вознёсшись, познаёт
Край Бытия и Благости расцвет.
Люблю тебя, как ежедневный свет
Свечи и солнца для простых забот,
Открыто – мы сторонники свобод,
И чисто – в Похвале мы видим вред.
Люблю тебя со страстью, что горит
В молитвах детства и в былых скорбях.
Люблю любовью, чей растает вид
С последними святыми; вся в слезах,
Люблю с улыбкой; коль Господь решит,
Влюблюсь в тебя сильней, лишь стану – прах.

Из сборника «Стихотворения» (1850)
Любовь

Мы жить не можем, просто исключая
Все колебанья (осознав иль нет)
Среди привычных жизненных сует:
Когда, себя достоинством венчая,
Полны мольбы, иль часто подчиняя
Себя судьбе, мы жизни пышный цвет
Вкушаем, глубже дышим, где рассвет
И море, наши годы пополняя.
Но коль душа осознанно спешит
К другой душе, лишь видя в том главенство,
Их чувств созвучье, совестливый вид
Любовь рождают: жизни совершенство
С достигнутою целью – как магнит,
Что полюса включает в круг блаженства.

Альфред, лорд Теннисон[87] (1809–1892)

[87] Примечания: 87

Альфред Теннисон (Alfred Tennyson) — самый известный поэт «викторианской» Англии и самый глубокий представитель идей и ценностей этой эпохи. Он был одним из 12-ти детей довольно образованного линкоширского священника. Ещё учась в грамматической школе, Теннисон начал писать стихи, а в университете издал первый сборник своих несколько сентиментальных стихотворений. В 1831 г. умер отец Альфреда, и молодой Теннисон, не успев закончить учёбу, стал главой своей многочисленной семьи и ответственным за её благосостояние. В 1833 г. он выпустил в свет второй сборник стихотворений, среди которых была знаменитая баллада «Леди из Шалота».

В течение некоторого времени семья Теннисонов жила в приходском доме отца, но потом переехала в Эссекс, и её материальное положение ухудшилось. Наконец в 1842 г. Теннисон издал новый стихотворный сборник и стал приобретать популярность как поэт. Именно тогда появились его исторические и философские поэмы, такие как «Замок Локсли», «Одиссей», «Смерть Артура» и другие. Он получил правительственную пенсию в 200 фунтов, а в 1850 г. был избран поэтом-лауреатом после смерти Вордсворта. В то же году Теннисон издал свою знаменитую поэму «In Memoriam A.H.H.» (1850). Укрепив своё финансовое положение, он смог жениться на Эмилии Селлвуд, за которой ухаживал с 1836 г. У них родились два сына: Хэллем и Лайонел.

Как поэт-лауреат Теннисон сочинял хвалебные оды правящей династии. С 1859 г. он начал сочинять цикл эпических поэм о славе и крушении короля Артура — «Королевские идиллии» (1859–1885). Королева Виктория благоволила к поэту, и в 1884 г. Теннисон получил титул барона, впервые среди литераторов заняв место в Палате лордов, как поэт, признанный всеми за мастерство, глубину мысли и превосходное использование языка чувств. В конце жизни Теннисон обратился от христианской веры к «агностицизму и пантеизму». Продолжая писать и в восемьдесят лет, Теннисон умер 6 октября 1892 г. в возрасте 83-х лет и был похоронен в Вестминстерском Аббатстве.

Из сборника «Стихотворения» (1842)

Прощание[88]

Беги, ручей, стремись волной
В мир моря бесконечный:
Тебе, родной, не быть со мной,
Навечно, так навечно.

Беги в лугах, в тиши лесной
Рекою быстротечной;
Но там, родной, ты не со мной,
Навечно, так навечно.

Вздохнёт ольха здесь в час ночной,
Осина вздрогнет встречно;
С тобой, родной, припчела весной,
Навечно, так навечно.

Сто солнц тебя осветят в зной,
Сто лун – дорогой млечной;

---

[88] Примечания: 88
Это стихотворение было посвящено ручью в Сомерсби, описанному в «Оде памяти» и часто упоминаемому в поэме Теннисона «In Memoriam». Возможно, оно могло быть написано в 1837 г., когда Теннисон покинул Сомерсби.

Но ты, родной, уж не со мной,
Навечно, так навечно.

Леди из Шалота[89]

Часть I

Часть II

Часть III

Часть IV

По обе стороны реки
Ячмень и рожь растут, крепки,
Поднявши к небу колоски;
Дороги там бегут, узки,
До башен Камелота[90]*;*
И ходят люди, там и тут,
Смотря, как лилии цветут

---

[89] Примечания: 89

Леди из Шалота — Название своего стихотворения Теннисон взял из произведения La Donna di Scalotta XIII в. из сборника Cento Novelle Antiche (Сто древних новелл). Но прообразом этой героини является дева Элейна из Астолата, которая умерла от печальной любви к рыцарю Ланселоту в романе Томаса Мэлори «Смерть Артура».

[90] Примечания: 90

Камелот — Столица королевства Артура, ныне ассоциируется с Тинтагелом или Камефордом в Корнуолле.

Средь зеленеющих запруд
Вкруг острова Шалота.

Бледнеют ивы средь осин,
Печальный ветерок с вершин
Дрожит на волнах у быстрин,
Река, где остров лишь один,
Течёт до Камелота.
Четыре, с башнями, стены
На мир цветов глядят, мрачны,
Нашла приют средь тишины
Здесь Леди из Шалота.

Торговли ради, в ивняке,
Тянули баржи по реке
Коняги; лодка вдалеке
С атласным гротом, налегке,
Плыла до Камелота.
Кто взмах руки её узрел?
В окне стоящей рассмотрел?
Иль знает вся страна удел
Той Леди из Шалота?

Жнецы с окрестных деревень,

Срезая остистый ячмень,
Внимают песне целый день,
Что эхом будоражит сень
Всех башен Камелота.
И жнец усталый, при луне
Снопы взметнувший на стерне,
Услышав, шепчет в тишине:
«То фея из Шалота».

И день, и ночь она весь год
Узор магический плетёт.
Ей нашептали тьму невзгод,
Коль бросив ткать, смотреть начнёт
На башни Камелота;
Неведом смысл проклятья ей,
Она в трудах уж много дней,
Нет у неё забот важней,
У Леди из Шалота.

Пред нею зеркало давно
Висит[91] *– его прозрачно дно,*

---

[91] Примечания: 91

Пред нею зеркало давно //Висит… — Ткачи часто использовали зеркала, размещая их за гобеленами во время их создания. Это позволяло мастерам оценить результат от своей работы.

Где тени зреть ей суждено:
Большой дороги полотно
До башен Камелота,
Речные омуты вдали,
Крестьян угрюмых у земли,
Накидки красные, в чём шли
Торговки из Шалота.

Порой девиц весёлый ряд,
На муле пухленький аббат,
Пастух – кудрявый парень-хват,
Иль паж – малиновый наряд —
Идут у Камелота:
Бывает, в зеркала просвет
Подъедет рыцарей квартет —
Идальго преданного нет
У Леди из Шалота.

И всё ж плести увлечена
Те виды в зеркале она,
Когда ночная тишина
Звучаньем похорон полна,
Огнями Камелота;

Или когда сидят весной
Молодожёны под луной;
«Я стала от теней больной,
Я, Леди из Шалота».

На выстрел лука, в свете дня,
Среди вязанок ячменя
Скакал он, подхлестнув коня;
Искрилась медная броня
На икрах Ланселота[92].
Как рыцарь Красного Креста[93]
Он выбрал Даму неспроста,
Чьё имя – часть его щита —
Сияло у Шалота.

Сверкала геммами узда[94],

---

[92] Примечания: 92

Ланселот — один из рыцарей Круглого стола, вступивший в незаконную связь с королевой Гвиневрой, супругой короля Артура. Согласно легенде, Ланселот стремился разорвать союз рыцарей Круглого стола и разрушить королевство Артура.

[93] Примечания: 93

«…рыцарь Красного Креста…» — Аллюзия к поэме Эдмунда Спенсера «Королева фей» (3.2), в которой этот рыцарь был символом тюдоровской монархии.

[94] Примечания: 94

«Сверкала геммами узда…» — Образ Ланселота создан на основе образа рыцаря в «Королеве фей» (1.7.29).

Как звёзд блестящих череда,
Что красят Млечный Путь всегда;
Звенели бубенцы, когда
Он мчал до Камелота.
С гербами перевязь, у ног
Висел серебряный рожок,
Броня, когда скакал седок,
Звенела близ Шалота.

В безоблачной лазури днём
Седло блестело янтарём,
Пылали шлем, перо на нём
Одним сверкающим огнём
До башен Камелота.
Так часто сквозь ночной простор,
Покинув звёзд ярчайший хор,
Летел хвостатый метеор
Над зеленью Шалота.

Сверкал и рыцарь, как литой,
И конь – подковами, гнедой;
Под шлемом – локон завитой;
Наш витязь вьющейся тропой

Скакал до Камелота.
Когда же отмели достиг,
То вспышкой в зеркале возник,
Звенели над рекой в тот миг
Напевы Ланселота.

Она плести уж не могла,
Она по комнате прошла,
Глядит на лилии, смела,
На шлем и блеск его седла,
На башни Камелота.
И со станка упала ткань,
И зеркала разбилась грань,
Вскричала: «То проклятья длань!» —
Затворница Шалота.

Нависла с запада гроза,
Опали жёлтые леса,
Ручей был ясен, как слеза,
Дождём пролились небеса
На башни Камелота.
Она спустилась вниз, к реке,
Нашла там лодку в ивняке,

Вкруг носа пишет на доске:
«Я – Леди из Шалота».

И, наклонившись над рекой,
Как бы уловкой ведовской
Свой путь узрела роковой,
Смотря с безжизненной тоской
На стены Камелота.
А стало лишь кругом темно,
Сняв цепь, она легла на дно,
Поток широкий нёс вольно
Затворницу Шалота.

И развевался у бортов
Её белеющий покров —
Летели листья с ивняков;
Она плыла на ночи зов,
К воротам Камелота.
А после нос её челна
К полям направила волна,
Где песнь последняя слышна
Затворницы Шалота.

То тихо петь она могла,

То громко, скорбно весела,
Пока в ней кровь не замерла,
И не покрыла очи мгла,
Скрыв башни Камелота.
И прежде чем ей на волнах
Явился первый дом впотьмах,
Скончалась с песней на устах
Затворница Шалота.

Под башней, около аллей,
У стен садов и галерей,
Плыл мимо зданий и церквей
Холодный труп среди огней,
В тиши у Камелота.
Придя к причалу: шевалье,
Сеньоры с дамами в шитье,
Купцы – прочли все на ладье:
«Я – Леди из Шалота».

Но кто ж она? Из мест каких?
И в освещенном замке стих
Весёлый королевский стих;
Крестились все от бед лихих,

Все воины Камелота.
Решился Ланселот сказать:
«Её была прекрасна стать,
Господь, даруй же благодать
Ей, Леди из Шалота».

Из сборника «Стихотворения Альфреда Теннисона» (1851)

Орёл

Он сжал утёс в стальных когтях,
Застыв в лазурных небесах
Под солнцем на глухих камнях.

Внизу морщинит грозный вал;
Но бросив гордый взор со скал,
Он вниз, как молния, упал.

Мэтью Арнольд[95] (1822–1888)

---

[95] Примечания: 95

Мэтью Арнольд (Matthew Arnold), поэт и критик, родился в Лэлеме на Темзе, будучи старшим сыном Томаса Арнольда, историка и директора школы г. Регби, и его жены Мэри Арнольд. Мэтью получил образование сначала в школе Винчестера, а затем в 1841 г. поступил в Баллиол-колледж, Оксфорд. В 1844 г. после получения магистерской степени в Оксфорде, Мэтью возвратился в Регби как учитель классической филологии. В 1847 г. он стал частным секретарем у лорда Лэндсдауна, который в 1851 г. предоставил Арнольду должность инспектора школ, должность инспектора школ, поглощавшую почти до конца его жизни большую часть времени и энергии Мэтью. Этот стабильный доход позволил ему жениться на Фрэнсис Люси Уайтмэн, дочери судьи Королевской скамьи.

Первый сборник поэзии Арнольда «Бродячий кутила и другие стихотворения» (1849) не принёс ему известность, но сборники «Эмпедокл на Этне» (1852), «Стихотворения» (1853) и последующие — создали ему репутацию отменного поэта. В 1857 г. Арнольду предложили должность профессора поэзии в Оксфорде, и он стал первым профессором, который читал лекции на английском, а не на латыни. В 1860-х годах Арнольд почти полностью поворачивается от литературы к социальным и теологическим проблемам. Он написал тогда большую часть своих самых известных критических работ. В работе «Исследование Поэзии» (1880) Арнольд призвал к созданию новой эпической поэзии: поэзии, которая обратилась бы к моральным потребностям его читателей, чтобы «оживить и облагородить их». Аргументы Арнольда о возобновленной религиозной вере и принятия классической эстетики и нравов получили широкий отклик среди викторианской интеллигенции. Мэтью Арнольд умер в Ливерпуле 15 апреля 1888 г.

Из сборника «Стихотворения Мэтью Арнольда: новое издание» (1853)

Requiescat[96]

Бросал на могилу розы,
Но веточку тиса – нет!
Её не разбудят грозы,
Ах, мне бы не видеть свет!

Весельем она питала,
Дарила улыбки, смех,
Но сердце её устало,
Она лежит без помех.

Как долго она крутилась
В сумятице звуков, тепла.
К покою она стремилась,
И ныне покой обрела.

Дух её в тесной могиле,
Дрожащий, уже не дышал.
Наследство ему вручили —

---

[96] Примечания: 96
Да упокойся… (лат.).

Смерти обширнейший зал.

Сильное желание

Приди ко мне во снах, потом
Я буду рад и весел днём!
Ночь значит больше для меня,
Чем безысходность жажды дня.

Приди, как делал раз пятьсот,
Посланник блещущих высот,
Свой новый мир с улыбкой встреть,
Дабы с добром на всех смотреть.

Пусть не являлся ты как есть,
Приди, оправь мне в грёзах весть,
Лобзай мне лоб, чеши мне прядь,
Спроси, зачем мне так страдать?

Приди ко мне во снах, потом
Я буду рад и весел днём!
Ночь значит больше для меня,
Чем безысходность жажды дня.

Из сборника «Стихотворения Мэтью Арнольда: третье издание» (1857)
Одиночество: к Маргарите

Мы были порознь; день за днём
Тебе вручал я верность сердца:
Тебе я строил этот дом,
Но в мир была закрыта дверца.
И ты любила, но сильней
Чем я, мучительней, верней.

Ошибся я! А может, знал,
Что всё случится очень скоро!
Душа – себе же трибунал,
И веры рушится опора.
Взлёт и паденье наших нег
Отвергла ты; – Прощай навек!

Прощай и ты! – теперь одно —
О сердце, что без сожаленья
Не отходило, влюблено,
От избранного направленья
К местам, где страсти благодать —

Назад, чтоб одиноким стать!

Назад! Свой чувствуя позор,
Как и Селена летней ночью,
Чей засверкал бессмертный взор,
Когда от звёзд сосредоточья
Спустилась на латмийский склон
Она, где спал Эндимион[97].

Сколь тщетна смертнаого любовь
Не знала скромная царица,
На небесах блуждая вновь.
Но ты смогла тогда решиться
Мне эту истину явить:
И одинокой вечно быть.

Пусть не одной, но каждый день
Ты льнёшь туда, где разнородность:
Моря и тучи, ночь и день;
Триумф весны, зимы бесплодность.
Восторг и боль – других почин,

---

[97] Примечания: 97

Эндимион — в древнегреческой мифологии знаменитый своей красотой юноша, царь Элиды, в которого влюбилась богиня Луны Селена, дочь титана Гипериона и Земли. Встречаясь с Эндимионом в гроте Латмийских гор, она испросила у Зевса для Эндимиона вечный сон и вечную юность, чтобы постоянно целовать его.

И страсть удачливых мужчин.

Мужчин счастливых – ведь они
Мечтали, что сердца сольются
В одно, и с верой в эти дни
Сквозь одиночество пробьются;
Не зная, что в сей долгий срок,
Как ты, был каждый одинок.

Из сборника «Стихотворения Мэтью Арнольда: третье издание» (1857)
К Маргарите: продолжение

Да! в море жизни мы живём
Как островки средь волн высоких,
И бьёт безбрежный водоём
Нас – миллионы одиноких.
Все острова объял поток,
Что дик, бескраен и глубок.

Когда он освещен луной,
И аромат весны – услада,
В долинах горных в час ночной
Чудесны соловьев рулады.
Их трели льются с берегов
Через пролив и шум торгов.

Тогда отчаянье с тоской
К пещерам их летят моментом;
Вдруг мысль – архипелаг людской
Мог быть единым континентом!
Теперь вокруг морская гладь —

О, как нам встретится опять!

Кто приказал, чтоб жар тоски,
Лишь вспыхнув, сразу охладился?
Кто жажду их зажал в тиски?
Господь разрыва их добился!
Меж островами он блюдёт
Безмерный ток солёных вод.

Аделаида Энн Проктер[98] (1825–1864)

[98] Примечания: 98

Аделаида Энн Проктер (Adelaide Anne Procter) была любимой поэтессой королевы Виктории и активным борцом за права женщин. Старшая дочь поэта Брайана Проктера (известного как Барри Корнуолл) и его жены Энн, Аделаида родилась 30 октября в лондонском доме на Бедфорд-сквер. Она выросла в семействе, где все литературные идеи входили и выходили из литературного салона её матери, который посещали: романистка Элизабет Гаскелл, поэт и критик Ли Хант, эссеист Чарльз Лэм и знаменитый Чарльз Диккенс. Её отец также был знаком с Уильямом Вордсвортом и критиком Уильямом Хэзлиттом. В 1850 г. Проктер считалась одной из первых учениц в Королевском колледже на Харли-стрит. А современник описал её как «красивую девушку, тонкую, нежную и задумчивую». По окончании колледжа Аделаида Проктер приняла участие в кружке «Лэнгем Плейс», деятельность которого была посвящена улучшению условий для женщин. В 1851 г. она приняла католичество. Её деятельность и её переход в католицизм, вероятно, сильно повлияли на её поэзию, которая в основном посвящена бездомности, бедности и падшим женщинам. В конце 1850-х годов она участвовала в создании «Журнала для женщин» (1858 г.) и «Общества содействия занятости женщин» (1859 г.). В 1858 г. году вышла первая книга Проктер «Легенды и лирика», а в 1861 г. последовала вторая книга с тем же названием. Аделаида Проктер не отличалась хорошим здоровьем, которое к тому же было надорвано усиленной благотворительной работой. В 1862 г. у неё развился туберкулез, а через два года, в 38 лет, Аделаида Проктер умерла и была похоронена на кладбище Кенсаль-Грин.

Из сборника «Легенды и лирика: книга стихотворений» (1858)
Вопрос женщины

Пока тебе не отдала
Я руку и судьбу,
Пока меня не привязал
Ты к своему столбу,
Пока мне горе не принёс, твоей душе задам вопрос.

Все узы хрупкие порву
Без сожаленья я:
Но с Прошлым связана ль одним
Звеном душа твоя?
Или свободна, и в ответ, как я, ты можешь дать обет?

И есть в твоём ли тусклом сне
Заря грядущих дней,
Где б жизнь твоя могла дышать,
Не слившись там с моей?
Скажи, хоть это боль и страх, пока не

потерпели крах.

Но если чувствуешь в душе,
И в самой глубине,
Что при открытости моей
Ты не открылся мне?
О ложной жалости забудь, правдиво объясни мне суть.

Желает сердце ли твоё,
Что не могу я дать?
Аккорд, что под иной рукой
Разбудит, даст поспать.
Скажи сейчас, чтоб как-то, вдруг, не стала сохнуть я от мук.

Внутри тебя живёт ли дух
Злосчастных перемен,
Кого всё новое влечёт
И забирает в плен?
Но это не твоя вина – себя я защитить должна.

Но мог бы руку ты отнять,
Ответить на вопрос:

Рок иль ошибка, нет, не ты —
Основа всех угроз?
Утешит совесть так иной, но будешь ты правдив со мной.

Не отвечай, я слов боюсь,
В них поздняя мольба;
Твоих раскаяний не жду,
Смотри, моя судьба
Пусть разобьёт мне сердце, но, я всем рискнула б всё равно!

Символ любви

Ты печален, что для девы
Дар роскошный не готов?
Принимают королевы
Лишь дары богов.

Ты серебряное сердце
Тяжким молотом отбей,
В горн Любви горячий, яркий
Брось его скорей.

Проколи его пребольно,

Вязью вырежи на нём
Негу снов, чудные знаки,
Сладость дум кругом.

Внутрь поставь сапфир Надежды
И опалы страшных грёз,
Мужества рубин кровавый,
С ними жемчуг слёз.

А когда ты приготовишь
Свой подарок точно в срок,
Положи его смиренно
Деве той у ног.

Коль она проявит милость,
То, направив гордый взгляд,
Дар твой спрячет в побрякушках,
Что на ней блестят.

Артур Хью Клаф[99] (1819–1861)

---

[99] Примечания: 99

Артур Хью Клаф (Arthur Hugh Clough, читается как «cluff») родился в Ливерпуле в семье валлийского купца хлопком. Окончил школу в Честере, а в 1837 г. получил стипендию в колледже Баллиол в Оксфорде. Там Клаф подружился с Мэтью Арнольдом, английским поэтом и критиком. Выиграв стипендию с преподаванием в колледже Ориэль, он не принял её, так как не желал преподавать доктрины Англиканской церкви. В Париже Клаф, где проживал в то время, стал свидетелем революции 1848 г. В следующем году принял участие в республике итальянского революционера Джузеппе Мадзини. В 1849 г. Клаф совместно со своим другом Томасом Бёрби-джем опубликовал поэтический сборник «Амбарвалия», содержащий короткие стихотворения разных лет примерно с 1840 г. В том же году Клаф издал роман в стихах «Любовь к путешествиям».

Клаф вернулся в Лондон, чтобы стать руководителем унитарного университетского зала и профессором английского языка в университетском колледже. Но вскоре ушел в отставку в 1852 г. и в следующем году женился на Бланш Смит. В течение 1850-х годов он работал над переводом «Жизнеописаний Плутарха» (1859) и большой поэмой «Мария Магно». В I860 г. его здоровье пошатнулось, но он много путешествовал по Греции, Турции и Франции, где встретился с семьей Теннисона. Однако в Италии Клаф заразился малярией и умер во Флоренции 13 ноября 1861 г.

Из сборника «Амбареалиа» (1849)
Любовь, не обязанность

Можно в мыслях – колебаться,
В рассужденьях – ошибаться,
неумелый труд,
В деле – опытность награда;
Всё по правилам, как надо
Ты обязан сделать тут;
Время вышло – дел конец!

Но иное для сердец:
Или отданы навечно,
Иль не отданы, навечно;
Всё ж иное для сердец.

Слиться душам по уставу —
Это праздная забава!
Как и счастье жизни всей
Доверять капризам; право,
Что же может быть подлей!

Парень! дева! знайте это;

Дали вы любви обеты,
Но и долг за нею где-то!
Ведь его причуды вмиг
Направляет страсть в тупик.

И влюблённый – коль в ответ
Может быть, услышит: «Нет» —
Всё ж в надежде и волненье;
Бойся, бойся тех сомнений!
Если дал любви обеты,
Долго помни, помни это!

Чарльз Кингели[100] (1819–1875)

[100] Примечания: 100

Чарльз Кингсли (Charles Kingsley), англиканский священнослужитель и писатель, автор социальных и исторических романов, поэзии и детской литературы. Сын священнослужителя, Кингсли вырос в Девоне, где проявил интерес к изучению природы и геологии. После окончания Магдаленского колледжа в Кембридже, он был рукоположен в 1842 г. в качестве куратора Эверсли, а через два года стал священником прихода. В декабре 1849 г. Кингсли объявил себя «христианским социалистом» (новый для той поры термин), стремясь исправить пороки индустриализма посредством христианской этики. Энергичный стиль его великодержавного протестантизма часто называли «мускулистым христианством».

Его исторический роман «Гипатия» (1853) представляет собой откровенно эротическую историю о периоде раннего христианства в римском Египте. Другие романы Кингсли (эпоха Елизаветы I, период англо-саксонского завоевания Англии) носили ярко выраженную антикатолическую направленность. Популярность пользовалась его дидактическая фантазия «Дети воды, волшебная сказка для земных детей» (1863). В 1859 г. Кингсли стал капелланом при принце-консорте Альберте, а затем и самой королевы Виктории. С I860 по 1869 г. он являлся профессором новой истории Кембриджского университета. В 1870–1875 гг. Кингсли был сначала каноником Честерского собора, а затем — Вестминстерского аббатства.

Из сборника «Андромеда и другие стихотворения» (1858)

Сапфо[101]

Она лежит средь миртов на утёсе;
Над нею – жаркий полдень, ниже – море,
В горящей дымке белый пик Афона
Вздымается, застыли ветерки.
Цикада спит средь прядей тамариска;
Устав, замолкли птицы. А внизу
Лениво блещет водоросль на солнце,
Лениво чайка отряхает крылья,
Лениво что-то шепчут рифу волны,
Вновь уходя. Великий Пан чуть дремлет;

---

[101] Примечания: 101

Сапфо — (около 630 года до н. э. — 572/570 до н. э.), знаменитая древнегреческая поэтесса и музыкант. Была включена в канонический список Девяти лириков. До нас дошли некоторые её полные страсти любовные стихотворения и фрагменты. В викторианскую эпоху было модным описывать Сапфо как директрису пансиона благородных девиц. Так пытались эротический аспект поэзии и личности Сапфо сделать понятной и приемлемой для английского высшего общества, хотя всё это было основано, скорее, на консервативных чувствах, чем на исторических фактах.

И Мать-Земля хранит его покой,
Бесчисленных детей своих смиряя.

Она лежит средь миртов на утесе;
По сну печалясь, что несёт молчанье,
Оставив лишь тоску; и днём и ночью
Желания в её врывались сердце.
Вся кровь её зажглась: и тонкость рук,
И белоснежность ног, и щёк румянец
Исчахли с изнурённою душой.
Её лицо пылало раздражённо;
Закрыв глаза от солнечного блеска,
Она травы касалась, охладить
Жар уст пытаясь о горячий дёрн.
И голову подняв, бросала вверх
Неистовые взгляды странных глаз,
Мерцавших средь иссиня-чёрных прядей,
Как блески двух озёр средь тёмных гор
Парнаса при унылом лунном свете.

Она ракушкой провела по лире,
Серебристых струн напев раздался дикий;
Но бросила играть. «Молчи! – вскрича-

ла. —
Плод мёртвый черепахи[102] *и меня!*
Ну что не в лад с тобой я исполняла?
Хоть ты была в Олимпии[103]*, звеня,*
Три раза, ты ответь мне каждым тоном,
Но более живым и утончённым.

Прощай

Дитя, тебе не подготовил строк я:
Нет жаворонка в небе – только тень:
Всё ж на прощанье дам тебе урок я,
На каждый день.

Будь доброй, дева, умных знай, конечно,
Дела верши, а не мечтай о них:
Звучат пусть жизнь, и смерть, и мир твой вечный —

---

[102] Примечания: 102
Лира — согласно древнегреческому мифу этот музыкальный инструмент был изготовлен Гермесом из панциря черепахи и подарена Аполлону.

[103] Примечания: 103
В программу Олимпийских игр в Древней Греции входили и соревнования музыкантов.

Как сладкий стих.

Из книги «Дети воды, волшебная сказка для земных детей» (1863)
Юность и старость

Когда мир молод, парень,
И зеленеет древо,
И гусь как лебедь, парень,
А девы – королевы.
Коня взнуздай-ка, парень,
И обскачи весь мир!
Свой путь узнай-ка, парень,
И ты придёшь на пир.

Когда мир старый, парень,
И дерева опали,
Пусты забавы, парень,
И все колёса встали,
Ползи к теплу и крову,
Больной, лишённый сил;
Бог тебе явит снова
Лицо, что ты любил.

Данте Габриэль Россетти[104] (1828–1882)

[104] Примечания: 104

Данте Габриэль Россетти (Dante Gabriel Rossetti), поэт, переводчик, живописец, иллюстратор, родился от брака итальянского эмигранта Габриеля Россетти и Франциски Полидори 12 мая 1828 г. Габриэль получил образование в Королевском колледже, затем в Академии искусств и в Королевской академии. В 1848 г. он вместе с несколькими художниками создал «Братство прерафаэлитов». Для распространения своих идей небольшая группа начала издавать журнал «Герм» (Микроб), редактором которого стал брат Данте Габриэля — Уильям Майкл Россетти (1829–1919). Основу художественного мировоззрения Россетти составляло средневековое искусство Италии, в его живописи также чувствовалось обращение к манере и художественному идеалу живописцев треченто и кватроченто.

В 1850 г. Россетти встретил Лиззи Сиддал, которая стала его ученицей, моделью, возлюбленной и главным источником его вдохновения. В I860 г. они сочетались браком. Меланхоличная и больная туберкулёзом Лиззи умерла через два года от передозировки опия после рождения мёртвого ребёнка. После смерти жены у Россетти возникла любовная связь с Джейн Моррис, женой поэта-прерафаэлита и дизайнера Уильямом Морриса.

Первое издание собрания стихотворений Данте Габриэля появилось в 1870 г. Главным поэтическим памятником Россетти явился цикл сонетов «Дом жизни», в котором прослеживается сложное духовное и телесное развитие его любовных отношений. Последние годы жизни Россетти были отмечены все более и более болезненным настроением: он стал увлекаться алкоголем и хлоралом и какое-то время выглядел совсем безумным. Умер Россетти 10 апреля 1882 г. в небольшом городке графства Кент.

Из сборника «Стихотворения» (1870)

Лесной молочай[105]

Метался ветер, и застыл
В лесу, в полях, лишённый сил;
По воле ветра я бродил,
Присев, когда он сбавил пыл.

Не поднимал я головы,
Сжав губы, не шептал: «Увы!»
Копна волос – среди травы,
В ушах стихает гул молвы.

Взгляд пробегает стороной
По сорнякам в тени дневной,
И вдруг – три чашечки в одной —
Цветущий молочай лесной.

Здесь я забыл свою беду

---

[105] Примечания: 105

Стихотворение написано в 1856 г. При издании сборника «Стихотворения» в 1870 г. Россетти поместил его в слабо организованный раздел под заголовком «Сонеты и песни». Это стихотворение и десять других были сгруппированы как неотъемлемая часть «Дома жизни». Но в издании «Дома жизни» в 1881 г. (сборник «Баллады и сонеты») Россетти отделил эти стихотворения от знаменитого цикла и перенёс их в сборник «Стихотворения» (1881).

И мудрость, но всегда найду
В осколках прошлого звезду —
Тройных соцветий череду.

Из цикла «Дом жизни» (1881)
Сонет 19 – Тихий полдень[106]

В густой траве ты вытянула руки,
Где пальцы, словно розы лепестки.
В глазах улыбка. Свет и тень легки,
Валы небес над пастбищем упруги,
И, взглядом не объять, по всей округе
Злат-лютики танцуют у реки;
К боярышнику льнут там васильки,
И зрима тишь – часов песочных звуки.

В цветах, облитых солнцем, стрекоза
На ниточке лазурной, егоза: —
Крылатое небесное явленье.
Вольём в сердца безмолвный этот час,
Бессмертный дар, когда вся тишь для нас
Как песнь любви звучала в упоенье.

---

[106] Примечания: 106
Сонет сочинён летом 1871 г., когда Россетти находился в Келмскотте с Джейн Моррис, но впервые опубликован в 1881 г. в сборнике «Баллады и сонеты». Считается одним из лучших сонетов Россетти.

Сонет 22 – Приют сердца[107]

Она подчас дитя в моих руках,
Средь тёмных крыльев, что к любви стремятся,
И слёзы по её лицу струятся —
Повёрнутом – на нём безмолвный страх.
Как часто, потерпев душевный крах,
В её объятьях я хочу остаться —
В той крепости, где бедствий не боятся,
Где сладость чар несходных на губах.

Эрот – прохлада днём, сиянье ночью —
Поёт нам «баю-бай» и гонит вон
Дневные стрелы буйные в загон.
Сквозь песнь его – его сияют очи;
Лишь волны воспоют луну воочью,
Звонят все наши души в унисон.

---

[107] Примечания: 107
Сонет создан не позже 13 августа 1871 г. Впервые опубликован в 1881 г. в сборнике «Баллады и сонеты».

Уильям Моррис[108] (1834–1896)

[108] Примечания: 108

Уильям Моррис (William Morris), выдающийся викторианский художник, один из самых популярных поэтов своего времени и политический мыслитель, родился в Уолтемстоу в семье биржевого маклера. Он обучался в колледже Марлборо, затем в Оксфорде. В Оксфорде он встретил своего пожизненного друга Эдварда Бёрн-Джонса и в 1856 г. двое молодых людей стали членами кружка Данте Габриэля Россетти. В 1857 г. Россетти и Эдвард Бёрн-Джонс встретили в театре Друри-Лейн Джейн Бёрден, которая через два года стала женой Уильяма Морриса. Первый стихотворный сборник Морриса вышел в 1858 г. под названием «Защита Гвиневры».

В 1861 г. Моррис организовал фирму художественных работ по живописи, резьбе и металлу «Моррис, Маршалл, Фолкнер и Ко», которая стала производить уникальную мебель, декоративные ткани, керамику, вышивки, ручную полиграфию. Он издал шесть поэтических сборников: «ЗащитаГвиневры» (1858); «Жизньи Смерть Ясона» (1867); «Земной Рай» (1868-70); «Любви Достаточно» (1873); «Sigurd Volsung» (1876) и «Стихотворения» (1891). «Земной Рай» принес Моррису известность и популярность. После смерти Теннисона в 1892 г. Моррису предложили стать очередным поэтом-лауреатом, но последний отказался. Моррис придерживался атеистических взглядов и был последователем идей социализма. Когда он умирал, один из его врачей диагностировал его болезнь как — «просто быть Уильямом Моррисом и делать работу за десятерых». Похоронен Моррис на кладбище Св. Георгия в Келмскотте.

Из сборника «Защита Гвиневеры и другие стихотворения» (1858)

Золотые крылья

Посреди большого сада,
Там, где тополь пух ронял,
Древний замок охранял
Старый рыцарь у ограды.

В стенах – стёртый серый камень,
Кладка красных кирпичей;
В блеске солнечных лучей
Красных яблок вился пламень.

Кирпичи во мху зелёном,
И лишайник – на камнях,
Много яблок на ветвях;
Замок воевал с уроном.

Глубокий ров с водой и тиной,
Кирпичный выступ с двух сторон,
Весь мшистый, в каплях росных он.
Ладья с зелёною гардиной

Вокруг резной кормы, скрывавшей
Блаженство пары ото всех,
Там в летний полдень ждал утех
Влюблённый, даму целовавший.

И ветер, западный и сильный,
Носился рябью по воде;
В ров наклонялись кое-где
Стволы тяжёлые осины.

Там позолоченные цепи
Мост поднимали надо рвом;
Как в летний дождь приятно днём
Укрыться в мостовом укрепе!

Пять лебедей всегда там жили,
Но водоросли – не для них:
Ведь дамы с рыцарями их
Пирожным каждый день кормили.

Им домик сделали с любовью:
Он с красной крышей, золотой,
Чтоб яйца высидеть весной
Они могли; ни капли крови

Людской здесь не было пролито,

Никто не видел горьких слёз;
Гирляндами прованских роз
Из года в год здесь всё увито.

Надуты ветром флаг и знамя,
Что с башенок свисали вниз,
С цветочной формою карниз
Смотрелся живо под зубцами.

Кто в саду гулял под ними?
Майлз, и Джайлс, и Isabeau[109],
И Jehane du Castel beau,
Эллис, с косами златыми.

Рыцарь Джервез и красотка
С ним – Ellayne le Violet,
Мэри, Constance fille de fay,
Дамы с лёгкою походкой.

Дама или рыцарь смелый
Так гуляли много лет:

---

[109] Примечания: 109

Isabeau, Jehane du Castel beau, Ellayne le Violet, Constance fille de fay — все эти звучные старо-французские имена У. Моррис придумал после прочтения «Хроник» Фруассара, французского писателя XIV в. «Хроники» — важнейший источник по истории начального этапа Столетней войны.

Полнаряда – алый цвет,
Полнаряда – цвет уж белый.

Все венки из роз носили
В замке «Ледис Гард» давно,
И Jehane du Castel beau —
Розы в нём пока не сгнили.

Ведь она чуть-чуть лишь рада:
Что наряд и бел, и ал,
Что венок пока не вял;
Не с кем было ей с усладой

В полдень в лодке повидаться;
Но не плакала она
И была надежд полна:
«Я смогу его дождаться».

Джервез, Майлз и Джайлс, гуляя
Днём по саду напрямик,
Останавливались вмиг,
Всем речам её внимая:

«Лета кончилось обилье,
День пройдёт – наступит мрак;
Если мне подать им знак,

Будут здесь златые крылья?»

Всё ночь она сидела в зале,
Открыв свои глаза и рот,
Как будто диво страстно ждёт,
И все за нею наблюдали.

Спустившись вниз, она присела,
И шею вытянув, рукой
Коснулась чаши золотой;
И как-то пальцами несмело

По ней стучала. На балконе
Пел песню звонкий менестрель:
«Наш Артур не умрёт досель,
Стареет он на Аваллоне»[110].

Она, когда он кончил пенье,
Подняв подол, сбежала вдруг,
Страсть на лице её, испуг,
Но все сидели без движенья.

Потом она в своём чертоге,

---

[110] Примечания: 110

Легендарный король Артур был перезахоронен на мифическом кельтском острове Аваллон. По другой легенде на Аваллоне жила сестра Артура — Фея Моргана.

Вздыхая, села на кровать:
Могли б за мной все побежать! —
Она подумала в тревоге.

Сняла венок, и разом пряди
Постель заполнили кругом,
И ало-белое потом
Её там оказалось платье.

А после обнажила ноги,
Сняв туфли алые, и вмиг
Её краснеет милый лик,
Она шептала: «Он в дороге;

Не может он не знать, что тело
Моё нагое ждёт его,
И я, Jehane du Castel beau.
Приму его, коль знает, смело».

Взяв меч тяжёлый с рукояткой
Серебряной, затем она
Запела страстно, и луна
Внимала песне той некраткой.

«За морем злато крыл!
Свет бледный мир покрыл,

Злат локон пал, унылᵢ
Несите мне свой пыл,
О злато крыл!

В воде, у скал
Камышницы клюв ал.
Губ красных сладок лал;
Ржой красной полн фиал,

И красный бьёт кинжал.
О, рыцарь, ты мне мил!
Глаз моих синь не впрок?
Жжёт холодом сквозь стог
Ветр западный у ног;
Зреть не пришёл ли срок
За морем злато крыл?

Ров – с тиной, лебедь – бел,
Плыть – перышек удел,
Чёлн синий их задел,
Бег горностая – смел;
Тон музыки звенел
Сладкозвучной!

Злато крыл,

Слушай злата прядей глас,
Замок Дам звенит сейчас,
За морем злато крыл!

Пурпур ложа – это мне,
Стены красные – вовне.
Рядом яблоки висят,
И осу змеиный яд

Убил в ночи осенней,
Нетопырь весь в движенье,
И рыцарь в страстном рвенье

Целует влажный мох,
Дней скучных бег заглох, —
За морем злато крыл!

За морем злато крыл!
Свет лунный мир покрыл,
Злат локон пал, унылый,
О, рыцарь, ты мне мил!

В ночи злат крыльев шквал,
Бел лебедь мокрым стал,
Целуй мне губ овал,
За морем злато крыл!»

Но лунной ночью нет ответа,
Молчит и пасмурный рассвет,
Лужайка не даёт ответ,
И розы, украшенье лета.

Худы, хладны, усталы ноги
Её, и губы чуть дрожат,
И слёзы жалости скользят
До подбородка в час тревоги.

А чуть приподнятая шея,
Как сломана, упала вдруг;
Как будто рядом сердца стук
Её хотел сломать быстрее.

Она, когда сошла с постели,
Не удержалась на ногах,
И на коленях, на руках
Ползла к окошку еле-еле.

Наружу выглянула в горе,
На подоконнике – рука:
«Нет на пустом холме флажка,
И паруса не видно в море.

Здесь не могу я оставаться,

И лица счастья видеть их,
Бед не боюсь я никаких;
Ведь с жизнью я могу расстаться».

Затем походкою дрожащей
Она пошла, от мук хладна,
Рыдая; наконец, она
Огромный меч взяла лежащий,

На рукоятке пальцы сжала,
И, тихо лестницу украв,
Босой ступила в зелень трав
В одной сорочке, и сказала,

Когда в ней вспыхнула надежда:
«Господь, пусть он придёт, любя;
Пусть видит: сбросила с себя
Я красно-белую одежду.

Его я встречу; ожиданье
Пусть даже длится десять лет,
Пусть на сердце кровавый след,
Но всё ж закончится страданье.

Пусть не придёт, кого я славлю,
Но я смогу придти к нему,

Что знаю, покажу ему,
И говорить его заставлю».

О Жанна! Солнца отблеск красный
Ей ноги золотом омыл,
Сорочку, складки им покрыл,
Что были, словно день ненастный.

Майлз, и Джайлз, и Isabeau,
И Ellayne le Violet,
Мэри, Constance fille de fay!
Где ж Jehane du Castel beau?

Скачет Джервез долгожданный!
Где песок лежит петлёй,
Где вода сошлась с землёй,
Слез с коня он рядом с Жанной.

Почему здесь меч разбитый?
Мэри! мы скорбим о ней;
Забери её скорей,
Но без слова над убитой.

Джайлс, и Майлз, и Джервез бравый —
В «Ледис Гард» все ждут войны;
Коль вы рыцари, должны

Лезть бесстрашно в бой кровавый.

Яблони рубить всем надо
И осины. Без труда
Сделают из них тогда
Преотличную преграду.

О, бедняжки Isabeau
И Ellayne le Violet;
Страх потери! Ведь во мгле
Там Jehane du Castel beau.

В бедной Мэри всё мертво!
Плачет Constance fille de fay!
Сколько стало грустных дней
Без Jehane du Castel beau.

Теперь и яблоки не зреют
У старых мхом покрытых стен
И падают в дернистый тлен;
На башне флаги не пестреют.

И грязный лебедь ест в охотку
Траву зелёную во рву;
Мужчина мёртвый, наяву —
Внутри гнилой текущей лодки.

Старая любовь

«Сэр Джайлз, а ты уже старик, —
Сказал я. «Да! – ответил он.
С улыбкой грустною поник,
В сплошных морщинах, иссушен.

– «На бацинете острия
Мне смяли – сделали салад[111],
Хоть шею трут его края;
Но бацинет был кривоват».

Смотрел он долго на костёр:
– «И ты, сэр Джон, в руках зимы;
(Он был и грустен, и хитёр),
Как видишь, износились мы».

Въезжают рыцари во двор,
Глядят надменно; лишь мой лорд
И леди свой смягчили взор,
Мой старый меч служить им горд.

---

[111] Примечания: 111

Бацинет — стальной шлем XIV–XV вв. с вытянутым острым забралом и назатыльником. Салад — лёгкий шлем в виде каски, облегающий голову и с плоским забралом.

(Миледи! Не застынет кровь
От слова этого во мне).
– «Джон, правда ль, что напали вновь
Войска неверных, и втройне,

И что Венеция платить
Должна в морях восточных дань?»[112]
– «Да, и Распятье повалить
Посмела там злодеев длань;

Константинополь может пасть[113].
Но это – трогает слегка.
Не мелочь – лишь старенья власть;
Я думал, всё здесь – на века,

Но каждой вещи срок дан свой».

---

[112] Примечания: 112

«…Венеция платить //Должна в морях восточных дань…» — Между Венецианской республикой и Османской империей (XIV–XV века) происходила борьба за торговые пути в Восточном Средиземноморье и Причерноморье, которая переходила в военные конфликты. Здесь, вероятно, имеется в виду война 1425–1430 гг., которая произошла между Венецией с османами. И хотя по мирному договору венецианцам было разрешено право свободного передвижения и ведения торговли на турецкой территории, рост могущества турок позволял им как обкладывать данью, так и освобождать от дани венецианских купцов.

[113] Примечания: 113

Константинополь — столица Византийской империи — был взят турками в 1453 г., после чего земли византийцев вошли в состав Османской империи.

Вновь герцог средь людей своих,
Он дремлет, гордой головой
Одежд коснувшись золотых,

Но был бледнее, чем вчера;
С ним – герцогиня, быстро к ней
Пришла осенняя пора.
От счастья голова сильней

Моя кружилась, как узрел
Я леди в те былые дни;
Но блеск волос не потускнел
Её – чуть пепельны они.

В глазах не стало глубины,
В них будто серое стекло,
Для поцелуев не годны
Ни впалость щёк, и ни чело.

Иссохли губы, много лет
Супруга герцога она,
Лобзаний слёзных больше нет,
Как в те былые времена.

Исчезла цепкость милых рук,
Они так вялы, и лежат

На шёлковых подушках вкруг,
Расшитых яблоками в ряд

Зелёными, их поместил
На щит свой герцог, мой сеньор.
И лик её когда-то был
Свежее, чем апрельский бор.

Ушло всё это; не видать
Походки трепетной её,
Но царственна, прекрасна стать.
Она, как лилии копьё,

Увядшей, летней, вдруг меня
Пронзила этим вешним днём:
Когда цветы – что звёзды дня,
Чудесно пенье птиц кругом.

Она однажды, я узнал,
Его, лобзая, обняла,
Потом в ней шаг его звучал,
Как в праздник все колокола.

Быть может это всё – мечта,
Что жизни подлинной претит,
Иль рай потерянный, тщета.

Страсть слабую не тронет стыд.

Из поэмы «Жизнь и смерть Ясона» (1867)
Песня Нимфы, обращенная к Гиласу[114]

Я знаю тайный садик грёз,
Где много лилий, красных роз,
Где б я от росного рассвета
Бродила к ночи росной – где-то.
И будет кто-то пусть со мной.
Хоть птицы нет там ни одной,
И дома нет, и частокола,
На яблоне все ветви голы,
Ни цвета, ни плодов, мой Бог,
В траве зелёной ступни ног
Её я видела когда-то!
Там с берега воды раскаты
Звучат от двух прекрасных рек,

---

[114] Примечания: 114

Сюжетом этого стихотворения является известное приключение Гиласа, одного из аргонавтов, который «был похищен нимфами из-за своей красоты» (Аполлодор. Мифологическая библиотека, 1,9,19). Во время остановки корабля «Арго» молодой человек уходит вглубь леса в поисках воды, и около ручья в него влюбляются молодые нимфы.

С холмов пурпурных быстрый бег
Несёт их к плещущему морю;
Цветы без пчёл на том нагорье,
Не видел берег корабли,
Валы лишь бьются у земли,
Их рокот слышен непрерывно
Там, где я плачу заунывно.
Я плачу там и день, и ночь,
Восторги все уплыли прочь,
Лишилась слуха я и зренья,
Найти, добиться – нет уменья,
Теряю то, что всем дано.
Хотя слаба я, всё равно,
Переведя чуть-чуть дыханье,
Ищу я вход в тот край свиданья,
Где смерти челюсти стучат,
Искать того, чей нежен взгляд,
Кто ране был целован мною,
Но отнят ропщущей волною.

Из сборника «Стихи в своё время» (1891)

Время сбора колосьев Любви[115]

Не отрывай, родная, рук,
И пусть волнует ветер бук,
И листья падают вокруг,
Но осень не стыдит нас.

Скажи: мир хладен и уныл;
Что хуже – наша жизнь без сил,
В страданьях, или прах могил?
Кто после обвинит нас?

Когда наступит лето в срок,
Мы спросим: «Сеяли мы впрок?»
Услада – корень, боль – росток,
А колос – их смешенье.

Усохнет корень и сгниёт,
А стебель – правду донесёт,

---

[115] Примечания: 115

Стихотворение впервые опубликовано в журнале «Атенеум» в апреле 1874 г.

Но колос в закромах заснёт
До светопредставленья.

Джордж Мередит[116] (1828–1909)

[116] Примечания: 116

Джордж Мередит (George Meredith), один из крупнейших английских романистов, был также известен и как поэт. Он родился 12 февраля в семье портного. В детстве жил в школе-интернате, а в 15 лет Джорджа послали на учёбу в Моравскую школу в Германии. Через два года Джордж был отдан в обучение лондонскому адвокату Ричарду Чарноку, но карьеру свою начал как журналист. Первый стихотворный сборник поэта вышел в 1851 г., не получив особого одобрения публики, как и следующие за ним поэтические книги. В 1849 г. Мередит женился на Мэри Эллен Николл, остроумной и славившейся своим интеллектом женщине, которая была старше его на 7 лет. Через 4 года у них родился сын Артур. В 1861 г. Мэри Эллен умерла, а в сборнике «Современная любовь» (1862) Мередит выразил свои переживания о трагической развязке первого брака. Через три года Мередит взял в жёны Мэри Вьюллиэми и обосновался в графстве Суррей, чья природа вдохновила его поздние стихотворения. Новая жена была не так умна, как первая, но зато хорошей домохозяйкой, родившей Мередиту двоих детей, и верной помощницей в его делах. Хотя Мередит начал и закончил свою литературную жизнь как поэт, его больше помнят по психологическим романам, таким как «Суровые испытания Ричарда Феверела» (1859), «Эгоист» (1879), «Диана Кроссвей» (1885) и др. Нов 1886 г. умерла его вторая жена, да и сам Мередит заболел. Смерть сына Артура дополнила его горе, усилив плохое самочувствие. Однако он продолжал писать, и в 1892 г. сменил Теннисона на посту президента «Авторского общества». Вскоре Мередит забросил прозу и целиком отдался поэзии. 18 мая 1909 г. Мередит скончался на 82-м году жизни.

Из сборника «Стихотворения» (1851)
Песня

В сердце радостном любовь,
Словно Геспер[117] *светит вновь*
Там, где солнца слабый свет,
Дня иль ночи первый след.
За рассветной колесницей —
Чу! Опять спешит денница[118]*.*

О, Любовь, войди в меня
Как в лозу – сиянье дня,
Как в долину – снег рекой,
Как в ветрила – бриз морской.
Словно птица в поднебесье
Я тебя восславлю песней.

Как роса в цветке блестит —
Страсть моя в тебе горит,
Я, как жаворонок, путь

---

[117] Примечания: 117
Геспер или Веспер — вечерняя звезда (планета Венера).

[118] Примечания: 118
Денница — утренняя звезда (та же планета Венера).

На твою направил грудь,
И, как раковина в море,
Пропою тебе я вскоре.

Из книги «Современная любовь» (1862)

Современная любовь: 1

Он знал, она проснулась и рыдала,
Его рука дрожала рядом с ней,
Тряслась постель от всхлипов всё сильней,
И это удивленье в ней рождало,
Сжимая горло, как змеиный ком,
Ужасно ядовитый. Без движенья
Она лежит, и в медленном биенье
Уходит тьма. Но полночь всё ж тайком
Дала испить ей снадобье молчанья,
Чтоб Слёзы, Память сердца заглушить;
И, сна порвав медлительную нить,
Они, смотря сквозь мёртвых лет зиянье,
Черкали тщетно на пустой стене.
Они – скульптуры брачной их гробницы,
Где между ними тяжкий меч хранит-

ся:
Их жизнь была разрублена – вполне.

Ветер на лире[119]

Щебечет звонко Ариэль[120],
К нам приближаясь с вышины,
Им наша синяя пастель
И наша зелень сплетены.
То – панихида? Счастья трель? —
Знать даже боги не должны.
Спасайся, смертный, ты есть цель,
Он поразит из глубины
Кровь нашу – яркую капель,

---

[119] Примечания: 119

Первая публикация стихотворения в газете «Против якобинцев» (декабрь, 1891).

[120] Примечания: 120

Ариэль — ангел, встречающийся главным образом в еврейской и христианской мистике и апокрифах. В буквальном смысле это «лев Божий». Ариэль упоминается с другими стихиями, такими как «3-й архонт ветров», «дух воздуха», «ангел вод Земли» и «владыка огня». В мистике, особенно современной, Ариэль обычно изображается как управляющий ангел с властью над Землей, творческими силами, Севером, стихийными духами и животными. У Шекспира в пьесе «Буря», Ариэль — дух воздуха. В «Потерянном рае» Мильтона, Ариэль — ангел-бунтарь, побежденный серафимом Абдиелем в первый день небесной войны.

И грудь – скорлупку – звук струны.

Лесная панихида[121]

Ветер гнёт сосны,
А ниже
Нет дыхания бури;
Мох здесь спокойно лижет
Корневища и травы роены,
Светясь тут и там лазурью.
Как в морской глубине
Сосны тихо рыдают из тьмы.
А вон там, в вышине,
Жизнь стремится вперёд,
Словно тучи ведут хоровод;
И мы шли,
И как шишки упали средь той кутерьмы,
Даже мы,

---

[121] Примечания: 121

Стихотворение впервые напечатано в «Фортингли Ревью» в августе 1870 г. как фрагмент поэмы «В лесах». Позже опубликовано отдельным стихотворением с названием «Лесная панихида» в сборниках «Стихотворения и баллады трагической жизни» (1887) и «Понимание Земли» (1888).

Все в пыли.

Их сборника «Собрание стихотворений» (1912)

«Да, Любовь – богиня…»

Да, Любовь – богиня,
Люди говорят.
И её святыня —
Вздох и влажный взгляд.
Жить ли без рыданий
Нам на склоне лет,
Без любви страданий?
Тысячу раз – нет!

Радость мгновенна

Кратка радость,
Скорбь – на годы,
Страсти сладость —
Скорби роды.

Любя желанье,
Пока не стар,

Люби страданье,
Скорбь – это дар!

Алджернон Чарльз Суинбёрн[122] (1837–1909)

[122] Примечания: 122

Алджернон Чарльз Суинбёрн (Algernon Charles Swinburne), один из корифеев викторианской поэзии, родилсяв 1837 г. в Лондоне, но потом провёл большую часть своей жизни на острове Уайт, в графстве Нортумберленд. Один из немногих английских поэтов, как Сидни, Байрон, он был аристократического происхождения. Его отец был адмиралом, а дед со стороны матери — графом Ашбёрнхэмом. После окончания Итона и Оксфорда Алджернон жил в Лондоне на пособие своего отца. Суинбёрн был знаком с некоторыми участниками движения прерафаэлитов: среди его лучших друзей были Данте Габриэль Россетти, Уильям Моррис, а также художник Эдвард Бёрн-Джонс.

В 1866 г. Суинбёрн издал сборник «Стихотворения и баллады», который был подвергнут критике за чувственность и антихристианские настроения, хотя следующие издания, наоборот, были чрезмерно захвалены. Суинбёрн имел склонность к мазохизму, к которому пристрастился ещё с Итона, увлекался романами маркиза де Сада. Психическое расстройство, вкупе с его хронической эпилепсией и алкоголизмом, серьезно подорвало здоровье поэта. В 1878 г. он находился при смерти, но сумел восстановить здоровье под наблюдением Теодора Уоттс-Дантона. С ним Суинбёрн прожил последние 30 лет жизни, ведя очень упорядоченное существование, можно сказать, даже респектабельное. Удивительное чувство слова, поэтичность и разнообразие метра поставили Суинбёрна в один ряд с талантливейшими англоязычными поэтами. Суинбёрн одинаково известен и как поэт, и как критик, которой он занимался в последние годы. Ведь именно он извлёк из небытия поэзию Уильяма Блейка и Роберта Геррика.

Из сборника «Стихотворения и баллады» (1866)
Laus Veneris[123]

Lors dit en plourant; Hélas trop malheureux homme et mauldict pescheur, oncques ne verrai-je clémence et miséricorde de Dieu. Ores m'en irai-je d'icy et me cacherai dedans le mont Horsel, en requérant de faveur et d'amoureuse merci ma doulce dame Vénus, car pour son amour serai-je bien à tout jamais damné en enfer. Voicy la fn de tous mes faicts d'armes et de toutes mes belles chansons. Hélas, trop belle estoyt la face de ma dame

---

[123] Примечания: 123

Название, «Хвала Венере» (лат.). Вступление. Его автор Антуан Гагет является изобретением Суинбёрна; текст написан на французском языке, близком к эпохе Возрождения. «Тогда он сказал, плача. Увы, несчастный человек и проклятый грешник, которым являюсь я, никогда не увидит милосердия и жалости Бога. Теперь я пойду отсюда и скроюсь в пещере горы Хорсел, прося благосклонности и милостивой любви моей милой госпожи Венеры, потому что ради любви к ней я буду навсегда проклят. Вот конец всех моих воинских дел и моих прекрасных песен. Увы, слишком прекрасно были и лицо моей госпожи, и её глаза, и это был злосчастный день, когда я увидел их. Затем он перестал стонать и возвратился к ней, и там жил в большой любви с его госпожой, хотя и в печали. Впоследствии случилось вот что: однажды Папа римский увидел красивые красные и белые цветы и много почек на своём жезле, и также он увидел, что мертвый лес стал зеленым снова. Тогда он очень испугался и сильно переживал, и огромная жалость появилась у него

к тому рыцаря, который отбыл без надежды как человек несчастный и проклятый. Тогда он нетерпеливо направил к нему своих посыльных, чтобы возвратить его, говоря, что Бог был к нему благосклонен и простил его за его большой любовный грех. Но никто не видел его больше; поскольку этот бедный рыцарь навсегда остался с величественной и могущественной богиней Венерой в внутри горы любви. — Книга о больших чудесах любви, написанная на латинском и французском языках магистром Антуаном Гагетом. 1530 г.»

et ses yeulx, et en mauvais jour je vis ces chouses-là. Lors s'en alla tout en gémissant et se retourna chez elle, et là vescut tristement en grand amour près de sa dame. Puis après advint que le pape vit un jour esclater sur son baston force belles feurs rouges et blanches et maints boutons de feuilles, et ainsi vit-il reverdir toute l'escorce. Ce dont il eut grande crainte et moult s'en esmut, et grande pitié lui prit de ce chevalier qui s'en estoyt départi sans espoir comme un homme misérable et damné. Doncques envoya force messaigers devers luy pour le ramener, disant qu'il aurait de Dieu grace et bonne absolution de son grand pesché d'amour. Mais oncques plus ne le virent; car toujours demeura ce pauvre chevalier auprès de Vénus la haulte et forte déesse ès fancs de la montagne amoureuse.

Livre des grandes merveilles d'amour, escript en latin et en françoys par Maistre Antoine Gaget. 1530.

Спит, иль проснулась? поцелуй тайком —

На шее фиолетовым пятном

Блестит, пока смолкает кровь, играя:

Ужалил нежно – шеи мил излом.

Хотя и продолжал я свой засос,
Её лицу он краску не принёс;
Спокойны веки, думал я, взирая,
Сон согревает кровь ей и в мороз.

Ведь только ею восхищался мир;
Она всех лет прошедших триумвир;
Тянулась вся в цветах её дорога:
Дней и ночей она двойной кумир.

Ведь прелести её влекли уста,
Те, что теперь целуют лишь Христа,
Покрыв себя в печали кровью Бога:
Ценимы наши души у креста.

Господь, ты так прекрасен и велик,
Но глянь – в волнистых прядях чудный лик!
Целил ты поцелуем состраданья;
Но рот её – прекраснейший цветник.

Она прекрасна; в чём её вина?[124]
Господь, взгляни, увидишь сам сполна;
Уст матери твоей благоуханье
Такое? О, как мила она.

В пещере Хорсел[125] *воздух, словно жар;*
Бог знает, сей покой – устам ли в дар;
Здесь свет дневной пылает ароматный,
Не зреть его, для чувств моих – удар.

Венера – тело для души моей —
Лежит со мной в чудесном платье фей
И чувствует огонь мой благодатный,
Через глаза впитав его полней.

---

[124] Примечания: 124

Аллюзия к Библии: «И оставил [Елисей] волов, и побежал за Илиею, и сказал: позволь мне поцеловать отца моего и мать мою, и я пойду за тобою. Он сказал ему: пойди и приходи назад, ибо что сделал я тебе?» (3-я Царств, 19:20).

[125] Примечания: 125

«В пещере Хорсел…» — Хорсел, легендарная гора Венеры, — это гора Хёрзельберг между городами Айзенах и Гота в Тюрингии, где легендарный миннезингер Тангейзер в немецкой балладе видел Венеру, с которой он провел семь лет в пещере. Позже, раскаиваясь в своей любви, он вместе с паломниками пошёл просить прощения у Папы Римского, который отказался ему в его просьбе с замечанием, что скорее его жезл скорее покроется цветами, чем любовь миннезингера получить прощение. Спустя три дня жезл Папы зацвёл, но певец к тому времени возвратились к Венере.

Моё же сердце у неё в руке,
У спящей; рядом с ней стоит в венке
Из золотых шипов, в огне сиянья,
Эрот, бледней, чем пена на песке

Горячем, как солёной пены клок —
Сухого пара скрученный клубок
Из уст морских, пыхтящих от желанья;
Он ткёт, и перед ним стоит станок.

Поставлена основа; дальше нить
Утка, всю в красных пятнах, протащить
Челнок обязан ровно в сердцевину;
С голов разбитых прядь желает свить

Эрот, хотя ни рад, ни огорчён,
Трудясь, он грезит, ткёт в мечтаньях он,
Пока не намотается бобина,
Я вижу: ткань, как пар, клубится вон.

Ночь – как огонь; тяжёлый свет в тени,
И бьётся плоть моя, когда огни

Дрожат, и не рыдают всеми днями
Об этом сне, коль все ушли они.

Ах, бросил бы Господь меня вослед,
Где воздух влажен, листьев длинный плед,
Где трав приливы пенятся цветами,
Иль где сияет в море ветра след.

Ах, если бы Он вызвал рост травы
Из тела моего, из головы,
И запечатал этот сон печатью,
Я б не был среди смертных, что мертвы.

Бог превратит ли кровь мою в росу,
Чтоб глух и слеп я был бы, как в лесу,
Уста больные, вынужден молчать я —
Разбитому подобен колесу.

Ах, Боже, та любовь, как свет и цвет,
Та жизнь, как наречения обет,
Та смерть не боле скорбна, чем желанье,
Те вещи не одно и то же, нет!

Теперь узри, есть где-то смерти сны:
И каждому свои часы даны,
Короткий день, короткое дыханье,
Короткий срок, и все уйти должны.

Вот солнце встало, и потом зашло,
Своё он не закончил ремесло,
А так же между ночью и зарёю
Никто не знает, где он, как назло.

Я, Боже, был как все, с душой мирской,
Я, как трава, как листик над рекой,
Как те, кто был в трудах ночной порою,
Как кости смертных в глубине морской.

Снаружи, может быть, зима метёт;
Я слышу вновь у золотых ворот,
Как днями и ночами вниз струится
Дождь с мокрых крыльев ветра тех высот.

Морозно, скачет рыцарский отряд,
Леса покрыл снегов густой наряд;

До Рождества лилейные девицы
Кружатся с песней, встав друг с другом в ряд.

И тень, и запах льются у виска,
Рассудок мрачен, на душе тоска;
Ночь горяча, на грудь мне давит тяжко,
Проснулся я – сон зрит издалека.

Увы, лишь там, где горы высоки,
Иль где морские воды глубоки,
Или в чудных местах, где смерть-бродяжка,
Где пряди сна свисают у щеки.

Они сплелись – как милых губы, грудь,
Чтоб сладкий жизни плод, сорвав, куснуть,
Меня же дни сжирают возбуждённо,
Моим устам к их сласти долог путь.

Вкушаю лишь своих желаний плод,
Любя её, чьи губы – сладкий мёд,
Чьи веки и глаза – цветов бутоны,
Мои же – как огней двоякий свод.

Мы рядом, как со смертью рядом сон,
Лобзанья бурны, счастья вздох, как стон;
И всё ж не так лежит жених с невестой,
Смеющейся от слов его: «Влюблён!»

Она смеётся – то любви экстаз, —
Его лобзая страстно каждый раз:
Вот вздох неутолённых губ прелестный,
Вот сладких слёз поток из нежных глаз.

Но мы – как души тех, кто был убит
Давно, ценя её прекрасный вид;
Кто, засыпая от её лобзаний,
Вдруг слышал – в её прядях змей шипит.

В исток времён, как дождь, течёт их кровь:
Краса бросает их, сбирая вновь;
И жаждет наслажденья от страданий,

Чтоб ткань соткать ей – нервы приготовь.

И в красных каплях весь её чертог,
Венки и шаль, браслеты с рук и ног;
Ногами, как давильным прессом смерти,
Она всех топчет, кто уйти не смог.

Врата её в дыму цветов, костров,
Любви неутолённый пыл суров;
Меж губ её их сладкий пар, поверьте,
И слух её устал от лир, хоров.

В её постели стон и фимиам,
А дверь её – музыка по ночам:
То смех, то вздох и слёзы то и дело,
Что стойкий дух мужчин связали там.

Там был Адонис, в нём уж все мертво;
Она сковала плоть и кровь его,
И слушая, как стонут духи тело,
Его рвала губами естество.

Погибшие мужи меня спасли,
Кто должен был страдать в её щели

До сотрясенья всех истоков моря
И до конца всех дней и всей земли.

Меня, кто боле всех отвергнут был;
Меня, чей ненасытен алчный пыл;
Меня, кому явился ад без горя,
Да, в сердце ада хохот не остыл.

Хотя твой рот и сладок, и хорош,
Душа моя горька, а в членах – дрожь,
Как на воде, у плоти, что рыдает,
Как в венах сердца – мука словно нож.

Господь! вот сон бы пальцем, как цветок,
Плод смерти на губах моих рассёк;
Господь! та смерть сна виноград сжимает
Ногами, на меня направив сок.

Нет изменений в чувствах много дней,
Но лишь колокола звучат сильней,
Их пальцы ветра тронули, играя;
На тайных тропках – пение скорбей.

Двоится день, и ночь разбита в прах,

Я вижу, будто свет возник впотьмах;
Господь! греша, я небеса не знаю:
Нечисты иль чисты в Твоих очах[126].

Земля как будто Им окроплена,
И душит море, гневаясь, она;
Я высохшую кровь Его, тоскуя,
С трудом вдыхаю, сердце – как волна,

А в жилах возбужденье, жажды чад;
Под грудью, там, где мятый виноград,
Мой пойман рот, уж час прилип вплотную,
Какой же след оставлю от услад?

Лобзанья – это риск, мои уста
Обуглятся. Ах, Боже, красота
И горечь краткой неги – грех немалый,
Не знаешь Ты: она моя мечта.

Так это грех, когда толкают в ров
Людские души? ведь спасти готов
Был душу я, пока она ступала

---

[126] Примечания: 126

«Нечисты иль чисты в Твоих очах…» — См.: «Вот, Он и святым Своим не доверяет, и небеса нечисты в очах Его» (Иов, 15:15).

Горящим шагом похоти на зов.

Коль подведут глаза, душа вздохнёт,
Сквозь створки смерти кованых ворот
Я вижу скорбный ад, где сладость страсти
Исчезла, только вечно боль гнетёт.

Здесь лица всех великих королей,
Игра на лютне, песни средь полей;
Пришедший должен другу дать в несчастье
Могилу, где червяк ползёт смелей.

И рыцари, что были так сильны,
И дамы – цвет прекраснейшей страны:
Теперь лишь прах в своём извечном плене,
Землёй одеты, мрачны и бледны.

Для всех один конец, одна лишь суть,
Они грустны и голы, пьют лишь муть;
Как виноград, их в прессе вожделенья
Горящими ногами давят в грудь.

Я вижу дивный рот, что погубил

Людей и страны – бог их возлюбил,
Из-за неё их пламя жгло, сметая[127],
Огнь Ада ради них на ней клубил.

Нежнейшая, как лотос Нила, вот
Царица[128]*, лик её лобзаний ждёт,*
А грудь её сосёт змея златая;
Семирамиды стойкой бледен рот[129],

Как тигр он сжат, чтоб совершить прыжок;
Кровь от лобзаний с губ течёт, как сок;
Её густая грива в самоцветах,
Объём груди, как у коня, широк.

---

[127] Примечания: 127

«Из-за неё — их пламя жгло…» — Здесь аллюзия к «Илиаде» Гомера». Речь идёт о Елене Троянской.

[128] Примечания: 128

«Нежнейшая, как лотос Нила, вот // Царица…» — Речь идёт о Клеопатре, последней царице эллинистического Египта (69–30 гг. до н. э.) из македонской династии Птолемеев (Лагидов).

[129] Примечания: 129

«Семирамиды стойкой бледен рот…» — Мифическая царица Ассирии, жена и преемница Нина, легендарного основателя Ниневии, которого она убила, чтобы получить власть. Историческим прообразом Семирамиды является реальная ассирийская царица Шаммурамат (812–803 гг. до н. э.) — вавилонянка по происхождению.

На их лице сияет красный грех;
На мой он не похож у них у всех;
Не в их грехах великих и запретах
Вино из пресса с пеной льётся в мех.

А коль теперь я рыцарь во Христе,
Не согрешит язычник в темноте;
Отлично вижу я (нет дней туманных)
Сей миг борьбы прекрасной в правоте.

Как пахнет битва! как звенит броня!
Стрел слышен свист и луков трескотня;
Острейший меч разит средь свалок бранных,
Между рядами шум и блеск огня

Людей в доспехах; мой клинок скользит
Змеёй, что быстро дышит и разит
Склонённой головы овал прекрасный
Всем телом, гибким, будто рот кривит,

Тебя касаясь; прав мой мудрый меч,
Что словно пламя всё стремится сжечь,

В глазах цветные тени: бурый, красный,
И пятна смерти; вздох, и снова – в сечь

С холодный смехом, где лицо бойца
Пылает в этой битве без конца
От радости, и пульс гремит, как грозы,
Игра благая радует сердца.

Позволь подумать; тех услад секрет
Я знаю, но прошло ведь десять лет,
Сей привкус превратился ныне в слёзы;
И в синей зыби растворился свет,

Рябит на Рейне ветер синеву,
И виноград качает, и траву,
И жжёт мне кровь, и жалит наслажденьем
Усталое мне тело наяву.

Столь чистый воздух раньше не вдыхал,
Один я, без моих людей, скакал

И звон уздечки слышал[130] *с увлеченьем,*
И каждый стих стихом я продолжал,

Пока не поменял на звон стальной:
Вдруг между солнцем выскочил и мной
Отряд врагов, был герб на их тунике[131]*:*
Три белых волка на тропе лесной.

Вожак – широкоскул, рыжебород,
Но с чёрной бородой он в ад войдёт,
Был он убит под радостные крики:
И ночью, коль домой он не придёт,

Расплачется жена, кого сей вор
Молотит, если пьян; то не позор
Избавиться от вот таких каналий;
Но слёзы скорбно льёт она с тех пор.

Та горькая любовь – печаль всех стран:

---

[130] Примечания: 130

«И звон уздечки слышал…» — Средневековые уздечки часто украшались колокольчиками.

[131] Примечания: 131

«Отряд врагов, был герб на их тунике // Три белых волка…» — С XIV в. средневековый рыцарь поверх доспехов надевал тунику, т. н. «юпон», с рукавами или без, которая на груди была украшена гербом рыцаря.

Заломленные руки, слёз фонтан,
У множества могил сердца стонали;
Над шапкой мира ставит свой султан

Тот, кто с отметкой горя на челе;
И кровь, и тлен ведут его к земле
Разрытой; запах губ и щёк могильный,
Как яд змеи, что капает во мгле

И дарит травам смерти аромат,
Сопроводив того скорее в ад,
Их запах душу делает бессильной,
Откуда же такой приятный смрад?

Ведь тот, что скрыт в осоке с камышом,
Пантеры запах чувствует нутром,
Тяжёлый тёплый дух летит с опушки —
Она добычу рвёт кровавым ртом;

Он, от душистой пасти в стороне,
Как от любви, чей грозен вздох вдвойне,
Пойдёт скорее в ад из той ловушки,
Так странник держит зверя в западне.

Когда пришёл конец тяжёлых дней,
А горечь в мыслях стала всё сильней
О всех делах прошедших и кумирах:
Конец сраженьям, долгий мир важней,

Где мы одеты пышно, и у всех
Венок из листьев, красной белки мех[132]*;*
Звон острых копий на больших турнирах,
Звук песен в нежном воздухе и смех.

О ней не зная, о любви я пел,
Сказал: «Любовный смех я вожделел,
Сильней, чем слёзы верной Магдалины,
Иль Голубя перо, что снежно бел[133]*.*

Короткий смех лобзанье портит враз,
Боль пурпурного пульса, радость глаз,
Раскрытых вновь, что слепли от кру-

---

[132] Примечания: 132

«…красной белки мех…» — Мех красной белки использовался в XIII и XIV вв. в качестве обрезки или подкладки для одежды.

[133] Примечания: 133

«Сильней, чем слёзы верной Магдалины, //Иль Голубя…» — Мария Магдалина, одна из трёх Марий, стоящих у ног распятого Христа. Магдалина традиционно представляется плачущей, кающейся грешницей. Голубь: традиционное представление Святого Духа.

чины, —
Страсть помогла им – уст её экстаз,

Что жадным поцелуем впились в лик,
Красневший, как и губы в этот миг;
А после сон, той жертвою рождённый,
Губ покаянье, где рубец возник».

Не знал я песни, хоть и пел давно.
«Господь, любовь и здесь, и там – равно,
И взгляд её все ищут благосклонный, —
Какой же приз дадут мне заодно?

Лишь пыль хвалы, гонимой ветерком,
Что так банальна на челе мужском;
Лист лавра, что душистым быть стремится,
Пока певцу не станет он венком[134].

С рассветом поскакал, скорбя, я вдаль;
Надежды никакой, одна печаль,
Проехал я прижатую пшеницу,

---

[134] Примечания: 134
«Пока певцу не станет он венком.» — Венком из лавровых листьев украшали голову победителя соревнований в Древней Греции, особенно на Пифийских играх, проводимых в честь бога Аполлона, покровителя искусств.

Источник, виноградник и миндаль —

До Хорсела. Огромный старый бук
Таил свой цвет, и я увидел вдруг
В траве высокой женщину нагую,
Чьи пряди до колен упали вкруг.

Так шла она меж цветом и травой,
Её краса была такой живой,
Я в ней увидел грех, и грудь тугую,
И грех её во мне был роковой.

Увы! Печали – этому конец.
О грусть лобзанья, горестей венец!
О грудь, что скорбь сосёт, не сожалея,
О поцелуя горечь и багрец!

Ах, слепо губы я к тебе прижал,
Но волосы твои, как сотни жал,
Твои объятья мне сдавили шею,
Они беззвучно колют – что кинжал.

В моём грехе – блаженства сума;
Ты поцелуем мне ответь сама,
Сжав губы мне, чтоб о грехе молчали:
Услышит кто: он – мёд, сойдут с ума.

Я слаб, чертоги дымны и пусты
И ропщут дни от тяжкой маяты,
Мне губы тщетно голуби клевали,
Любовь роняет жалкие цветы.

Меня узрел Господь, когда в тепле
Твоих объятий был я, как в петле,
Её Он сдёрнул, душу мне спасая —
Я будто слеп и гол, в чужой земле,

И слышу смех и плач, но почему
И где, не знаю, чувства как в дыму;
Но с севера идёт толпа людская
В Рим, получить за грех епитимью.

Скакал я с ними, молча, день потряс
Меня, как огоньки волшебных глаз,
Питал огнём мои глаза и взоры;
И я молитвы слышал каждый час.

Пока холмов ужасных белый ряд[135]
Пред нами плавал, как граница в ад,
Где люди ночи ждут сквозь дня про-

---

[135] Примечания: 135

«Пока холмов ужасных белый ряд…» — Речь идёт об Альпах, через которые пролегает путь в Италию из Франции и Германии.

сторы,

Как раковин уста, чей резок лад —

Вздох дьявола позволил им звучать;

Но ад и смерть нам удалось попрать,

Где воздух чист, долины и дубровы,

Мы в Рим идём, где Божья благодать[136].

Склонившись, каждый там воздал почёт

Тому, кто как Господь ключи несёт[137]

(Связать иль нет), вкусил и кровь Христову[138]*;*

Взамен
покой дал отче добрый тот[139].

---

[136] Примечания: 136

«Мы в Рим идём, где Божья благодать» — Рим являлся вторым по значимости после Иерусалима местом посещения для средневековых паломников.

[137] Примечания: 137

«Тому, кто как Господь ключи несёт…» — Папа Римский считается наследником апостола Петра, которому Иисус Христос вручил ключи от Рая (Мат. 16:19).

[138] Примечания: 138

«…вкусил и кровь Христову…» — В католицизме в обряде вкушения Святых Даров литургический хлеб называемый гостией. Для евхаристии используется белое вино, которое обязательно смешивается с водой. В католическом церковном календаре существует Праздник Плоти и Крови Христовых, когда Святые Дары в особой дароносице

(монстранции) в ходе торжественной процессии проносятся вокруг храма или по улицам города.

[139] Примечания: 139

«… отче добрый тот…» — Здесь речь об одном из шести средневековых пап (Урбан).

Когда же я у ног его скорбел:
«Отец, хоть кровь Господня – наш удел,
Она не смоет пятна у пантеры,
И с нею эфиоп не станет бел.

Я согрешил, на Господа был зол,
Поэтому и жезл его колол
Меня сильней за этот грех без меры;
Красней, чем кровь наряд Его, престол

Перед глазами; знаю, мне – удар,
Коль горячей в семь раз стал ада жар
За грех мой». Он в ответ сказал мне слово,
Подняв мой дух; но пуст был этот дар;

Да, не скорбел я, коль он так сказал;
Но в голову мне голос проникал
Его звенящий, так покойник новый
Великий крик из ада услыхал.

Пока тот жезл сухой, где листьев нет,
И нет коры, но запах есть и цвет,
В глазах Господних не ищи прощенья,
Ты будешь изгоняться много лет.

Что если ствол сухой цветёт опять,
То, чего нет, должно ль существовать?
И коль кора иссохшая в цветенье,
Приятный плод мой грех родит ли вспять?

Нет, хоть родил те фрукты сухостой,
И сладостна вода в глуби морской,
Листочки не покроют ствол тот хилый,
Что тело изнурит и разум мой.

Хотя Господь с опаской ищет суть,
Нигде нет совершенного ничуть;
Хотя Он изучил мои все жилы,
В них кроме страсти нечему сверкнуть.

Домой вернулся грустным я вдвойне,
И всё ж моя любовь дороже мне
Моей души, и Господа прекрасней,
Кто сжал меня в объятьях в тишине.

Прекрасна до сих пор, лишь для меня,
Когда из моря пенного огня

Она пошла нагой, всех сладострастней,
Как огненный цветок при свете дня.

Да, мы лежали рядом, не дыша,
Уста слились, как тело и душа,
Она смеялась сочными губами,
И пахли югом волосы, шурша:

Цветов, корицы, фруктов аромат,
Духов царей восточных для услад,
Когда они охвачены страстями,
Курился ладан, и сандала чад.

Забыл я страх, томящие дела,
Молитвы и молебны без числа,
Её лицо, её волос сплетенье
Ко мне огнём прилипли, что тела

И одеянья жжёт, цепляя их;
Я после смерти средь огней больших
Навечно буду; так зачем волненье?
Горел я также и в страстях лихих.

Любовь, нет лучше жизни, чем она;
Познать любовь, что горечью полна,
Потом избегнуть Божеского взгляда;

Кто не познал – им будет ли дана

В бесплодном Небе радость перед Ним,
Когда в местах унылых мы грустим,
Страсть вспоминая, прошлую усладу,
И ласку перед космосом одним?

Как только прогрохочет трубный глас[140],
Душа покинет тело, только нас
Не разлучить; держу тебя рукою,
В тебя смотреть желаю каждый раз,

К тебе я прижимаю, как печать,
Себя[141]*; от глаз людей хочу скрывать,*
Пока Господь над морем и землёю
Гром труб не станет ночью ослаблять.

---

[140] Примечания: 140

«Как только прогрохочет трубный глас…» — Звук последней трубы, объявляющий день Страшного суда; в это время души воссоединятся с их телами для окончательного решения Господа отправить их на Небеса или в Ад.

[141] Примечания: 141

«Яна тебя печатью положил//Себя…» — См.: «Положи меня, как печать, на сердце твое, как перстень, на руку твою: ибо крепка, как смерть, любовь; люта, как преисподняя, ревность; стрелы ее — стрелы огненные; она пламень весьма сильный» (Песнь Песней, 8:6).

Анактория[142]

τίνος αὖ τὺ πειθοῖ
μὰψ σαγηνεύσας φιλότατα ;

Sappho.

Любовь к тебе – горька; твои глаза

Слепят, жгут пряди, вдох твой – что коса:

Мой дух и плоть кромсает нежным звуком,

Кровь закипает в венах с громким стуком.

Молю тебя, молчи и не дыши,

Пусть жизнь сгорит, мечта – не смерть

---

[142] Примечания: 142

Название. Философ третьего века Максим Тирский в своей речи «О любовном искусстве Сократа» (18.9a-d=T 20 Loeb) сравнивает Сапфо с Сократом: «Чем еще была любовь лесбийской женщины, кроме как искусством любви Сократа? Ибо мне кажется, что они любили по-своему, она — женщин, он — мужчин. Потому что они говорят, что оба любили многих и были очарованы всем прекрасным. Тем, что Алкивиад, Хармид и Федр были для него, Гиринна, Аттис и Анактория были для Лесбиянки. А то, что соперничающие мастера Продик, Горгий, Фразимах и Протагор были для Сократа, Горго и Андромеда были для Сапфо. Иногда она упрекает их, иногда опровергает их и использует иронию, как Сократ» (H. N. Parker. Sappho Schoolmistress // Trans-actions of the American Philological Association. 1993. Vol. 123. P. 317).

в тиши.

Пусть море скроет нас, огня дыханье

(Его боишься – не моё желанье?)

Разделит кости и разрушит плоть,

И прах падёт наш – каждая щепоть.

Во мне и кровь, и боль твоя нетленны,

Сцепляются уста, пылают вены.

Плод – плод, цветок – цветок раздавит в нас,

Грудь – грудь спалит, и мы зажжём свой час.

Меня ты меньше любишь? Иль устала?

Для рук моих и уст слабее стала?

Чтоб стройными ногами не смогла

Ты раздавить любовь, как ты мила!

Другим не открывай ты губ в желанье,

Пока моих не слаще их лобзанья.

Пока не завлекла, как голубков,

Эротию с Эринной я в альков.

Так пусть тебя убьёт любовь моя:

Живой пресытясь, мёртвой рада я.

Хочу тебя зарыть, как плод вкушая,
Не ртом – змеёй, ты слаще, чем живая.
Тебя сгубить найду я скорбный путь,
Дабы страданьем сразу захлестнуть;
Дразнить любовной мукой, жизнь и волю
Придать твоим губам, оставить с болью;
Терзать твой дух, не убивая, нет:
Пусть с паузой, но с вечной злостью бед:
Тяжёлое и трудное дыханье,
Мелодий смерти слабое дрожанье.
Устала я от странных слов твоих,
от пылкостей любви: дневных, ночных,
И солоны, как море, поцелуи,
В устах – вина разбавленного струи,
глаза синей в тот сокровенный час,
Цветами и слёзами полн экстаз,
И бурное пылает в сердце пламя,
но белый цвет стал синими цветами;
страсть зародилась, и летит она

смеясь, или любовью смущена;
любовный пояс твой всегда хвалили,
А в прядях лепестки прекрасных лилий.
Твои привычки сладки и слова,
плоды ночей и дней цветы, листва,
И жгучих губ солёный сладкий жар,
любовь – вино: огня и пены дар;
И жадные глаза в часы услады,
как пламя пылки средь цветов прохлады,
как мрак цветной в душе, пронзая вдруг
огнём в ночи, хоть ночи синь вокруг,
Что вéками прикрыта под и над… —
Да, красота твоя – любовный яд;
Твой пояс без тебя не так прекрасен,
Цвет лилий в волосах твоих не ясен.
Ради любви не думай, что она
В любимую твою лишь влюблена.
Душа мила, улыбкой рот прельщает,
она моя, моя; она прощает.
Во сне я зрела свет и шёпот струй,

где пафос[143] *твой, был слышен поцелуй*
Души и тела, слёзы их связали,
И смех твой жалил, жёг меня в печали;
смотри, эрот, огня нетленный пыл
Её скамью известную покрыл;
открылись веки северу и Югу,
В ней яркий ум, уста в часы досуга
поют, лобзают; поклонившись мне,
смеясь нежнейшим ликом в тишине,
она сказала: «Ты ли зло пригрела,
о сапфо? словно песня – твоё тело,
Рот – музыка; не я, а ты – кумир,
Умрёт мой голос, лишь угаснет мир;
от песен люди злы; любовь рыдает,
Всё – череда, стыд в чарах засыпает.
Убьёшь меня, чтоб мёртвой не лобзать
Тебя мне?» смех царицы: «Что сказать.

---

[143] Примечания: 143

Пафос — Согласно гомеровскому гимну, именно на Кипре, в Пафосе у Афродиты «священный участок и благовонный алтарь» (Нот. Aphr. 59). Гора Пафос на Кипре и г. Книд (в Карий) — места преимущественного поклонения Венере. «Пафос ли тебя, или Кипр, иль Панорм…» — Фрагмент стихотворения Сапфо / пер. В. Вересаева.

Для девы, для одной ты будешь милой,
но дар её не примется могилой,
Впустую поцелуй её; когда
Тебя нет – поцелуев нет тогда!
Ты мне дороже всех, моё же пенье
не усмирить ли гнев в ней на мгновенье?
Ты мне мила, как смерти – жизнь мила,
Ты почему её боишься зла?
нет, милая, ведь я лишь Богу внемлю:
Иль создала она моря и землю?
Дала путь солнцу, соткала руно
луны, лила луч звёздный, как вино;
связала мирты, жезлом избивала
Дев, юношей, богов, иль это мало?
Ведь губы – для любви, глаза – для слёз,
года и лето – для девичьих роз.
Все звёзды – для восхода, и для света
полуденного, лунного привета;
Беседа вод, лилейные поля,
лесбийский воздух ленится, шаля.

Иль не увидим мы за голубками,
Других богов, другой любви меж нами?
хотя она тебя бичует вновь,
Цветок твой без шипов, не льётся кровь.
Беззвучными устами раздавила
я цвет твоей груди белейшей, милой!
Чтоб музы помогли создать мне стих,
сосала кровь сладчайших ран твоих!
лизала их, испробовав до дрожи
груди и живота кусочки кожи!
Чтоб как вино пить вен твоих поток,
как мёд есть груди! с головы до ног
Тебя разрушить, сладкая сестрица,
Чтоб плоть твоя – в моей нашла гробницу!
Твоя краса как зверь меня разит,
гадюкой жалит, стрелами грозит.
Ах, как милы, милы, в семь раз милее,
Движенья ног твоих в тени аллеи!
И слаще сна и солнца дней святых
ласкают ленты локонов твоих.

хоть злят меня их чуждые лобзанья,
но слаще уст моих твоё дыханье.
плеч белизна твоих – белей руна,
А пальцы – чтоб кусать их допьяна, —
как соты в улье, сладкие медки,
Миндалевидны, розы лепестки,
на кончиках их кровь, как цвет багровый.
Боль на твоих губах столь образцова,
когда я их терзаю; поутру
Тебя сгублю я страстью и умру
от наслажденья и твоих страданий,
В крови твоей расплавясь при свиданье.
Должна ль тебе я смертью не грозить?
Тебя не мучить? пыткой не разить
Рассудок твой, твои глаза при этом
зажечь в слезах кровавых скорбным светом?
Дарит за болью боль, как нотный ряд,
ловить твоих рыданий нервный лад,
Тебя, живую, взять для наслажденья

под лиру совершенного мученья?

Жечь жаром, жаждой, вызвав жгучий пот

В тебе, томя твой совершенный рот,

Жизнь твою бросить в дрожь, сжигая снова,

Твой дух прорвать сквозь плоть в крови багровой?

Жестоко? но влюблённые все рады

Мудрей быть рая, и суровей ада.

Моя любовь к тебе горька, как стон,

как смерть людей; была ли я как он,

кто всё на свете сокрушает с силой;

коль я могла б ступить на все светила,

А человека дух быть вечным мог

Могла б я быть суровее, чем Бог.

но кто в молитвах иль молебнах тайну

Жестокости изменит вдруг, случайно?

Иль скажет, что над всеми лишь господь

В кровавой жертве разрывает плоть;

где плачь из разных стран, могил за-

бытых
Для пищи змей, из рабских уст разбитых,
Из тюрем, из трещащих кораблей
сквозь пену цепких уст чужих морей?
Иль знаменья, растрёпанные пряди
комет, теснящих ночь в своем распаде,
когда всё запечатывает тьма,
И звёзды сходят яростно с ума?
Иль темень, дрожь холмов, кружатся крылья,
Везде непримиримое бессилье,
луна меняет свой тоскливый свет,
Всю ночь проводят в муках семь планет,
семи плеяд усталое рыданье
Тоску небес питает в мирозданье?
не в ладан ли убийство спрятал Бог?
но скрытый лик его, железо ног
нам разве не давали ежедневный
Урок попранья, горестный и гневный.
не он ли голод слал? кто плоть и дух

Терзал тоской? кто к их мольбам был глух?

Рождал у них желанья жаркой страсти,

на немощь их взирая без участья?

Топил их души, плоть винил в грехах:

Живил их (болью) мёртвой страсти прах,

Чтоб жизни цвет отдать судьбе суровой?

кляла Его, разить была готова,

Тепло устам холодным Бога дать,

с его бессмертьем нашу смерть смешать.

зачем он создал нас? Жить с отвращеньем

к лучам бесплодным солнца и с презреньем

к луне в ущербе, что как воск бледна,

Ждать, как прорвёт нас времени струна?

Ты тоже постареешь, безусловно,

подобна будешь розе однокровной,

Иль спетой песне, сказанным словам,
Упавшим, увядающим цветам,
никто не вспомнит о тебе в печали;
Ведь Музы твоим прядям не связали
Цвет пиерийский[144]*, что всё лето рос*
привитый, как бутоны смертных роз,
как лепестки, чьё скоро увяданье,
И не сойдёт с небес к тебе сиянье,
Чела не побледнеет краснота
от скорбной тени пышного листа.
Тебя забудут, как вино пролили,
но как мои уста твои язвили
останется бессмертным – только я,
И звуки волн, и проблески огня,
И музыка в сердца их не вольётся,
И не узрят небес златые кольца
(Без перьев крылья в воздухе горят),
преследованье молний гулкий ряд,

---

[144] Примечания: 144

«…цвет пиерийский…» — Связанный с Музами, которых называли также Пиеридами. По одной версии, в области Пиерия, вблизи Олимпа, Музам впервые начали поклоняться фракийцы. По другой версии, это название происходит от имени легендарного царя Пиера, фракийца, который установил культ муз в Феспиях (город в Беотии).

охоту по непаханому полю,
но в свете, стоне, смехе или боли,
В мелодии, в слиянье губ и рук,
И дрожи вод, земле пославшей звук
Морей неизмеримое величье,
Меня запомнят, но в другом обличье.
как я, и ночь спокойной будет тут,
И ветры целомудренно сомкнут
Дрожащие уста и сложат крылья;
И соловьи споют любви всесилье,
И струны лютни дрогнут, как листва;
как я – звезда восторгами жива,
Что хладные уста луны лобзает,
как я – твои; я – день, что не сияет,
Ведь солнца луч бесплоден; и как я —
В речушках и морях шумит струя.
я время, как поток, терпеть не в силах,
я знаю по своим томленьям в жилах
Желанье звука вод; мои глаза
горят огнём, что полнит небеса
Тревогой звёзд и пламенем планет;
скорбь сердца моего их вечный свет

Впитало, я их жажду всей душою,
И лето, обрамлённое листвою,
И зимние недуги; на земле
смерть и рожденье будто бы в петле —
Ты жаждешь их – но после полн страданья,
Моя ли боль теснит её дыханье;
Её ростки пусты, плоды – лишь прах,
нагнулись ветви, а в её корнях,
Тончайших и корявых – яд; под ними
зубами змеи, острыми, кривыми
коварно точат кости мертвецов,
А птицы рвут её ветвей покров.
они для слов его и мыслей тканны
спасителем, – меня создав нежданно,
он песни на моих губах зажёг,
как ей – лежать в земле не дал мне Бог.
прольёшь ты слёзы; что же я: работа
Везде кипит, рожденье, смерть, заботы,
проходят годы, звёзды, он творит

Всё вновь, что было ране – умертвит,
он тех сильней, кого готовит к смерти…
Меня ж, создав, он не убьёт, поверьте.
И не насытит, как свои стада,
Чей смех и жизнь недолги, чья нужда —
лобзанья средь услады скорой, сладкой,
но смерть их схватит медленной повадкой;
Их ненависть иль страсть, спор иль почтенье,
он волен привести всё к завершенью.
хоть в ненависти он меня убил,
В глубоком нежном море в гневе скрыл,
покрыл меня прохладной бледной пеной,
наполнил душу лёгкостью блаженной,
И подарил мне волны вечных вод,
Ради меня назвал их в свой черёд,
Моря милы все – но умру я всё же,
засну, забыта здесь, Великий Боже
главенствовать не станет надо мной.

Цветут деревья на холмах весной,
как воздух чист, над шумною долиной —
напевы пылкой песни соловьиной,
Бутоны, как огонь, зардели враз,
песок поблёк, и тщетен волн экстаз,
на море паруса – цветов белее,
И песни слёз, и оды птиц в аллее —
Всё будет петься, лишь поёт весь мир —
я, сапфо, я одна для них кумир,
я с высшим – навсегда; меня однажды
Увидят, песнь мою услышит каждый:
Живи с людьми и каждый день им вновь
Дари и грусть, и радость, и любовь.
И скажут, что земля родит напрасно
Всё новое – где ныне, что прекрасно;
плоды есть, пашни, дни – в пирах, в бою,
но песни нет похожей на мою.
Меня они узнают, как ты знала,

я раньше чувство к Аттису[145] питала,

сейчас люблю тебя; вот их хвала:

«нам день один, ей время без числа,

Ей вечно жить, и велика в ней воля!»

Да, ты умрёшь, а мне живой быть – доля.

Ведь души мне вручат свои они,

свою любовь, я ей живу все дни,

Вновь возбудят, вольют в меня дыханье,

спасут, послужат, примут смерть, страданья.

Увы, ни снег, ни росы, ни луна

не смогут оправдать меня сполна,

не убедят без умиротворенья,

пока не даст мне лёгкость сна том-

---

[145] Примечания: 145

Аттис — В древнегреческой мифологии юноша необычайной красоты, родом из Фригии, возлюбленный богини Кибелы. Во время одной из оргий, он оскопил себя, лишившись мужественности.

> *О, как был я горд и счастлив, о, как много я пережил!*
>
> *Вот я дева, был мужчиной, был подростком, юношей был…*
>
> ***(Катулл. Стихотворения, LXIII / перевод А. И. Пиотровского).***

ленье;
пока не будет вялым время тут,
пока богов оковы не спадут,
И не исполнит рок мои запросы,
лотос и лета[146] *– на губах, как росы,*
И вновь кругом меня сплошной туман:
густая тьма и властный океан.

Гермафродит[147]

I

II

III

---

[146] Примечания: 146

Лотос и Лета — В древнегреческой мифологии лотос был эмблемой богини красоты Афродиты (Венеры). Лета — одна из пяти рек, протекающих в подземном царстве Аида, река забвения.

[147] Примечания: 147

Стихотворение написано при посещении Лувра, в марте 1863 г. В Лувре находится одна из римских мраморных копий эллинистической статуи «Спящий Гермафродит» (II в. до н. э.), отреставрированная Лоренцо Бернини и привезённая в Париж в 1807 г. В Риме, в галерее Боргезе, находится другая римская мраморная копия «Спящего Гермафродита» с бронзового малоазийского оригинала середины II в. до н. э. Гермафродит — персонаж древнегреческой мифологии, сын Гермеса и Афродиты, брат Пана, единоутробный брат Эрота. Юноша необычайной красоты, чьим именем стали называть двуполые тела. Гермафродитов считали либо богами, которые время от времени появляются среди людей, либо чудовищами.

IV

Взнеси уста и обернись скорее
к слепой любви, что ночью гонит сон,
Твой милый рот всех больше утомлён
Улыбкой долгой, нет её мертвее.
Хоть ты не любишь, но стократ милее,
Есть две любви – будь к лучшей устремлён;
Борьба их мнёт груди твоей бутон,
А победит лишь та, что посильнее.
В дыханье их огонь любви стремится
Твои глаза и губы сжечь грешно,
Кто смог тобой, прекраснейшим, дивиться,
И жизнь свою, и кровь спалил давно:
Желанье от отчаянья родится,
Отчаянье желаньем сметено.

В тот краткий миг меж сном и проживаньем,
Любовь, как вкруг чела златой венец,
Руками, ртом два пола, наконец,

Сплела, враждебность их сменив лобзаньем —

Супружеским, бесплодным трепетаньем;

Но всё же, в них пылает, как багрец,

То нечто, что не знает лишь мертвец,

Хоть жизнь и сон тем не владеют знаньем.

Любовь, став плотью, не пустила в дом

Услады тех, кто полюбил подобных:

Мужчина, словно смерть – в углу одном,

И женщина, как образ дел греховных.

Так, пряча взгляд, в рыданиях, тайком

Любовь ушла от радостей любовных.

Страсть или сон, тень или свет: в смиренье

Что взор твой из-под век твоих таит?

Цветок ли, что цветами перевит,

Или в ночи росы ночной свеченье.

Любовь, что здесь, в своём создаст ли рвенье,

Хоть нет заката, без луны зенит,

Тебя мужчиной, жён что усладит,

Иль женщиной – мужам для наслажденья.

Зачем прекрасным сделал странный бог

Тот цвет двойной для двух цветов бесплодных?

И страсть вложил в твой каждый завиток,

Кормя под солнцем в струях полноводных?

И золото сезонов приберёг

Тебе для дней бесцельных, безысходных?

Любимый, да, то не любовь, а страх.

Нет, милый, то не страх – любовь, я знаю.

Зачем расцвёл ты телом, словно в мае,

Но ясный взгляд застыл в твоих глазах?

Хотя за миг любви в твоих слезах

Пролить готов я слёзы – кровь без

края,

Хоть страсть, и жизнь, и смерть уйдут, мелькая,

Желанны, грозны, милы – после прах.

Да, милый, знаю: видел я так ясно:

От поцелуев нимфы и воды

Ты растворился в Салмакиде[148] *властной,*

И в твёрдом взгляде больше нет нужды,

Дыханье стало вздохом, о, несчастный,

Слепой Эрот в том не узрел беды!

Фраголетта

Эрот! Ну, кто ты, мне ответь?

Сын горя? радостного чрева?

Ты слеп, но хочешь зреть?

---

[148] Примечания: 148

Салмакида (Салмация) — персонаж древнегреческой мифологии, нимфа, жившая при источнике, у которого в своё время остановился отдохнуть Гермафродит во время странствий по родной Карий. По «Метаморфозам» Овидия нимфа увидела прекрасного юношу и загорелась любовью к нему. Когда Гермафродит купался в источнике, в котором жила Салмакида, она прильнула к нему и попросила богов навеки соединить их. Боги выполнили её желание, и они слились в одно двуполое существо.

Беспол, но вид иметь
Юнца иль девы?

Вчера я грезил о губах
И щёчках, странных и румяных,
Как будто розы – ах! —
Когда они в садах
В бутонах рдяных.

Где ты росла, какой лесок
Сокрыл тебя, Эрота роза,
Загадочный цветок;
Приманен голубок
Бутона грёзой.

Лобзать не смею, чтоб мой рот
Её не жал сильней дыханья,
Стекает жизни мёд,
И с листьев сок течёт,
Что кровь, к скончанью.

Одна лишь страсть моих услад!
Одна услада этой страсти!
И день, и ночь мой взгляд
Тобой питаться рад,

Как губы – сластью.

Ты горлом мраморным в ответ
Курлычь голубкой, страстно глядя;
Среди Эротов нет
Ни дев, чей нежен цвет,
Ни женской пряди.

Как персик – грудь; густая прядь;
Изящны бёдра, ноги стройны;
Чиста, как благодать:
Эроты эту стать
Хвалить достойны?

Под именем каким, когда
Ты всех мужчин влечёшь без меры,
Без страсти, без стыда?
Сестра Эрота? да!
Коль дочь Венеры.

Мила: девичьих губ мороз,
И грудь – румяней цвета лилий,
И золото волос,
Что кольчиками кос
Чело обвили.

Твой рот огонь с вином – упьюсь;
Целую лоно без ответа,
Душой к тебе стремлюсь,
И в сладость губ вопьюсь:
Моё всё это.

Твоих где прядей завиток,
Змея свернулась, ужасая;
Ах, грудь твоя – цветок!
Ах, слишком мил роток,
Чтоб жечь, лобзая!

Люби меня, насыть свой рот,
Целуй глаза мои смущённо,
Лежи здесь, как Эрот,
Что смерть свою зовёт,
В тебя влюблённый.

Сжав голову твою в руках,
Твой лик губами обжигал я:
Как розы на кустах,
Кровь прилила в местах,
Где целовал я.

О горечь – сладостный медок!

О слабые голубки ноты!
На крыльях быстр божок,
И барса резвость ног
Есть у Эрота.

Anima anceps[149]

Коль не сломила
Смерть страсти силу,
Не запретила
Играть в словах,
Душа, уместны ль
Мольбы и песни,
И шум словесный?
Ведь ждёт их крах!
Иль мы не знали:
Ручьи смолкали,
И нет печали,
Когда мы – прах;
Меч лет преклонных
Разит влюблённых,

---

[149] Примечания: 149
Anima anceps (лат.) — двоякая душа.

Услад лишённых,
В одних слезах.

Коль наше бремя
Вновь стукнет в темя,
Коль жизнь – на время,
А платит – смерть,
Коль души – пленны,
Коль жизнь – согбенна,
В ночи и денно
Восстань, чтоб зреть:
Зачем кричал ты,
Всю жизнь вздыхал ты,
Жив или вял ты —
Молитвы петь?
Что все рыданья,
Сны, просыпанья,
Жнёт смерть в молчанье,
Дабы владеть.

Хоть жизнь, колыша,
Рвёт с балок крышу,
Смех тихий слыша,

Ценю, скорей,
Его я боле
Сокровищ, воли,
Восторгов, боли,
И жизни всей;
Ведь сменит горе
Веселье вскоре;
То гимны в хоре,
То песнь милей;
Живи, как птица;
Зачем стремится
В свою гробницу
В земле – под ней.

Камея

Резной, покрытый кровью бог Желанья,
Стоящий на основе золотой
Среди людей – старик ли, молодой;
Он дарит Боль, весь в огненном сиянье,
И Наслажденье, полное терзанья.
Здесь тянется костлявою рукой

Он к ненасытной Алчности людской,
И, необутый, месит грязь в молчанье.
Грехи, переживанья и печаль
У Ненависти грудь сосут влюблённо,
Пока укус не виден на соске,
Где губ шлепки, как хлопы крыльев вдаль.
Смерть за решёткой смотрит притуплённо —
Начертано «Сомненье» на замке.

В стиле рококо

Смех, слёзы на прощанье,
Лобзанье, рук тепло;
Лишь раз, без обещанья,
Чтоб ни произошло.
Забудем путь разлада
И эту грусть разлук;
Не обесцень усладу
От алых ягод мук.

Мы пару разделили:

Что сделают со мной
От злости боги, или
Из-за любви – с тобой?
Забудь о зимней стыни,
Грезь, ведь апрель так мил,
Забудь, что помню ныне,
Грезь то, что я забыл.

У спящей страсти время
Лобзаньем вздох крадёт;
Зачем нам плачей бремя,
Хоть страсть, уснув, умрёт?
Её нам пить – отрада,
Но кончили мы вдруг,
Чтоб выпить всхлип услады
И пульс сердечных мук.

Грезь, что уста мгновенно
Желаньем вспыхнут вновь;
Скажи – душа нетленна,
А боги есть любовь,
Чтоб скорби таял иней,
Март к сентябрю приплыл;

Не так, как помнишь ныне,
Не так, как я забыл.

Из тайных мест нам пели,
Что страсть слаба от грёз;
На пылких лицах зрели
Мы смутность хладных слёз;
Богатство винограда
Давить мы встали в круг,
Кипит у ног услады,
Алея, сусло мук.

Вернут воспоминанья,
И время нам вернёт
Влюблённых первых званья,
Звучанье первых од;
Средь зимних роз-глоксиний
Июньский лёд застыл,
День, что ты помнишь ныне,
День, что я позабыл.

Змеиный шип, шуршанье
Таит небесный грот;
Скорбь варварских лобзаний,

Восторг, чей стонет рот.
Пульс бьётся без преграды,
Где в тайной вене – звук
Текущей для услады
Пурпурной крови мук.

Любовь ради измены,
Предательство и плач;
Сезонов новых стены,
Года, что сжёг палач;
Джульетта, рушь твердыни
Мужских причуд и сил,
Не помнишь страсть ты ныне,
Но год – не позабыл.

Жизнь бьёт любовь в полёте,
А время – корни жжёт;
Средь мёртвых вы умрёте:
Сноп сжатый, вялый плод —
Страсть нашу без пощады
В три дня свалил недуг;
И ранний лист услады,
И поздний цветик мук.

Заставит пламя виться
На пепле ветерок,
Вскинь мягкие ресницы,
Пришёл рыданью срок.
Смочи слезой, святыней,
Любви чуть тлевший пыл:
Одно ты помнишь ныне,
А десять – ум забыл.

Перед зеркалом (стихи, написанные рядом с картиной)[150]

Посвящены Дж. Э. М. Уистлеру

I

II

III

Средь красных роз у белой —
Не бледный цвет;

---

[150] Примечания: 150

Стихотворение «Перед зеркалом» было вдохновлено картиной Джеймса МакНейла Уистлера (1834–1903) «Симфония в белом № 2: девушка в белом платье» и напечатана впервые в сборнике «Laus Veneris: и другие стихотворения и баллады», изданные в Нью-Йорке в 1867 г.

Подснежник сник несмелый,
Пощады нет:
Восточный ветер веет,
Он, девственный, хиреет,
Лишь розы лик светлеет – её расцвет.

Любовь! здесь есть печали,
Восторгов след,
Что скрыты под вуалью
От всех сует?
Так радость дар иль горе
У белых роз во взоре,
Чья жизнь кратка в уборе, любовь чья – свет?

Сковал буран снежинки —
Уколят вслед,
В саду одни лишь льдинки —
Цветам во вред,
Давно исчезло лето,
Закончились банкеты,
О тёплый ветер, где ты? ночь – дню запрет.

«Придите, снег и ветер,
И вышний гром,
Смотрю, мой волос светел
В стекле моём.
Печалит и возносит
В душе та роза, просит
Она любовь, что носит под лепестком.
Кто, где её лобзали? —
Всё было сном.
Сестра, ты ль призрак в дали,
Бела кругом,
Иль призрак – я, мятежный?
Моя рука, и нежный
Лик розы белоснежной, в снегу, ничком».
«Найдёшь ли ты услады,
Иль боли ком,
Страсть тусклую иль клады
В году ином?
Луч солнца иль ненастье,
Веселье иль напасти,
Лишь роза знает счастье, – прекрасна

днём».

От счастья не краснела,
Восторг пройдёт;
От грусти не слабела,
Что горя гнёт!
Но в зеркале блестящем
Узрела уходящим
Былое всё, и спящим – всей жизни мёд.

Горят цветов фантомы,
Летят с высот,
Часы, полны истомой,
Стремят полёт;
Аморфное свеченье,
Холодное теченье,
Молчащих снов мученье, чей вздох поёт.

Упав, она всё пела
Без сна и вот
Страсть прежнюю узрела,
Что бриз несёт.
И страсть, и страх, стихая,

Стремятся вниз, как стая, —
И слышат, как мужская слеза течёт.

Эротия

Мила ты, испугавшись, и мила,
Лишь страх к ногам Эрота принесла;
Не будет ли так сладок вздох печали
На тех губах, что смерть в уста лобзали?
Свободной став, уход свой не готовь;
Пусть не меня, люби мою любовь.
Любя, живи своею жизнью, я
Умру, но пусть живёт любовь моя.
Пройдись: твои глаза, причёска, руки
Питают страсть мою, ослабив муки.
Всё ж, прежде чем изменится мой вид,
Надежда смолкнет, горе закричит,
И прежде чем презришь меня – лобзаньем
Спаси меня, не награждай терзаньем.
Не стану я (ты это ждёшь) рыдать, —
О, не грусти! – лишь тосковать и

спать.

Смерть разве зло? не навредишь ты мне:

Пусть ты ушла, любила я вполне.

Коль ты мне радость не дала при жизни,

Не дашь ли горя малого на тризне?

Я вижу, пальцы девушек других,

Ползут в кудрях мальчишеских твоих,

Иль уст твоих податливых изгибы

Лобзают тех, кто вслед за мною прибыл.

Хотя себя я лучшей не хвалю,

Сильнее всех любила и люблю

Тебя – мою свободу иль оковы;

Была я первой, остальные – новы.

Так страсть моя прекрасна или нет?

С твоим бутоном мой прекрасен цвет.

Что, я не так желанна и прекрасна?

Не я, но ты прекрасна, это ясно.

Я рада, нет прекрасней существа,

Я без тебя жива, с тобой – мертва.

Тебя я буду помнить днём воочью,
Не забывая даже тёмной ночью.
Покинешь прежде жизни коль меня,
Не стану горевать я больше дня.
Не как они, чья страсть моей слабее,
Кто не влюблён, как я, хоть смерть сильнее.
И пусть твои уста летят прильнуть
К другим устам, лобзать другую грудь,
И пусть тебя влекут так нежно, всё ж
Нежней меня ты больше не найдёшь.

Долорес (Notre-Dame des Sept Douleurs)[151]

Под веками скрыты опалы —
Глаза, что теплы лишь часок;
Конечности белые вялы,
Уста – ядовитый цветок;
Когда раствориться их слава,
Исчезнешь ли ты, словно звук,

[151] Примечания: 151
Название, Долорес — Dolores (лат.) — страдания. Notre-Dame des Sept Douleurs (фр.) — Богоматерь семи скорбей.

Долорес – загадка, растрава,
Мадонна всех мук?

Для Девы семь плачей священны;
Но седмижды семьдесят раз[152]
Грехи твои – для очищенья
Веков семь не хватит. Экстаз
Полночный, наутро без хлеба,
Любовь, что желания сморит,
Душевная скорбь – так вот Небо
Тебя изнурит.

О плащ позлащенный пунцовый,
О парк, полный разных чудес,
О башня – не кости слоновой[153], —
Но с ада ведёт до небес;
О роза, в трясине таима,

---

[152] Примечания: 152

«…седмижды семьдесят раз» — См.: «Тогда Петр приступил к Нему и сказал: Господи! сколько раз прощать брату моему, согрешающему против меня? до семи ли раз? Иисус говорит ему: не говорю тебе: до семи раз, но до седмижды семидесяти раз (Мф.18:21–22).

[153] Примечания: 153

«Башня из кости слоновой» — Метафора, впервые использованная в библейской «Песне песней»: «Шея твоя — как столп из слоновой кости» (Песн. 7:5). В Средние века в католическом богослужении это выражение стало использоваться иносказательно по отношению к Деве Марии.

О дом, где корысти сундук,
О дом, где огонь негасимый,
Мадонна всех мук!

Вот губы со смехом и страстью,
Как змеи, кусают мне грудь,

Чтоб я позабыл о несчастье,
Чтоб снова туда же куснуть.
Охвачено сердце волненьем,
И веки влажны и горят;
Насытьте меня наслажденьем,
Пусть боль встанет в ряд.

Вчера они, может, лобзали
Кого-то, и будут лобзать,
И были, и будут печали —
В забавах они благодать.
Ты жизнь и желанье презрела —
Нам вред, как от яда гадюк,
О, как ты мудра без предела,
Мадонна всех мук.

Кто дал тебе мудрость? Напевы,
Виденья, историй тепло?

Долорес, когда тебя, деву,
За горло желанье взяло?
Когда ты цветком распустилась,
Чтоб каждый сорвать его мог?
Каким молоком ты кормилась,
Всосав и порок?

Себя мы одели картинно,
Тебя же, нагую вовек,
Родили Приап с Либитиной[154]*:*
Богиня-этрусска и Грек.
Увы, наша страсть скоротечна:
То вялы, то пыл наш упруг,
Любовники – смертны, ты – вечна,
Мадонна всех мук!

Плод, время и страсть преходящи;
Ты – духом бессмертным жива,
Хоть смерть поцелует мертвяще,

---

[154] Примечания: 154

Либитина (Libitina) — древнеиталийское (этрусское) божество желания, вместе с тем богиня садов и виноградников; позже отождествляли её с Венерой по созвучию её имени со словом libido (лат.) — страсть, вожделение. Приап — в античной мифологии древнегреческий бог плодородия; у римлян — божок полей и садов. Изображался с чрезмерно развитым половым членом в состоянии вечной эрекции.

От всех перемен ты – нова.
Ты – грязных восторгов царица,
Бездушна, бесплодна, бледна,
Но жизнь твоя вновь разгорится,
Что ядом полна.

Смогли б вы отдать мне страданья,
О губы, что вам я принёс?
Лилею сменило лобзанье
На похоть распущенных роз;
У ног твоих лилия пала,
Лоб розы сковали округ,
Долорес, ты тщетно сияла,
Мадонна всех мук.

Есть грех, что сокрыть невозможно,
Есть труд, что приносит успех.
Что милому скажешь тревожно
Среди полуночных утех?
В твоих заклинаньях ни слова
О жизнях, что пали листвой.
Немыслимой пыткой готова
Ты мучить с лихвой.

Ах, тело, что страстно и ладно,
Где сердце без боли живёт!
Уста хоть твои кровожадны,
И жалят жестоко наш рот,
Любви они крепкой добрее,
Мозг с сердцем не пьют, как паук,
Долорес, суровая фея,
Мадонна всех мук.

Лобзанья то слабы, то страстны,
От губ, и зубов, и слюны
Родится ли грех, коль несчастны
Мужи и страданий полны?
Продолжишь ли сластью греховной
Питать свою душу в игре?
Сладка кожура, безусловно,
Но горечь в ядре.

В последний ли раз ты раскрыла
Красоты и тайны грешно?
Ах, где ж мы потешимся мило,
Коль худшее совершено?
Ядро, словно кожица сладко;

Ты даришь нам радостей цуг,
Долорес – азарт и загадка,
Мадонна всех мук.

Я жаждой премен и волнений,
Желаньем несносных вещей,
Отчаяньем всех увлечений,
Восторгом, что жалит сильней,
И страсть расточает годами,
Которую не превозмочь,
Бездушьем, глухим словно пламя,
Слепым, словно ночь,

Зубами, стучащими жадно,
Где благоуханный бутон
Кусающих губ беспощадно
Кровавой слюной окроплён,
Прерывистым пульсом желанья,
И силой, и слабостью рук,
Молю, оторвись от закланья,
Мадонна всех мук.

Скривишь ты уста, презирая
Мальчишки легчайший запал?

Ведь он без притворства, вздыхая,
От счастья и горя устал;
Он меньше в заботах о славе,
Чем древний бескудрый кумир,
Он юн, но как старец в забаве,
И слабый, как мир.

От крайних ворот прямо к храму
Пришёл я, где молится грех;
О, мук наших Лютая Дама,
Надзор твой смертелен для всех!
Последний напиток порока
Мы пили из чаши разлук,
Долорес – роскошна, жестока,
Мадонна всех мук.

О это вино вожделенья —
Двух уст единенье, пока
Нет век и волос пламененья;
Слюна от змеи-языка,
Слюна от змеи-наслажденья,
Как пена морей солона;
Я – пламя, свободен в теченье

Благого вина.

Кто избран тобой, от утробы
Испорчен, помечен крестом!
И лгали они без стыдобы
Богам, что нас ранят бичом;
Мудры их особые лица;
Позволь мне войти в этот круг,
Жена моя, мать и сестрица,
Мадонна все мук.

Венец нашей жизни-занозы
Есть тьма, праха нашего плод;
Шипы так не вянут, как розы,
Любовь, а не похоть гнетёт.
Прошедшее – лишь для глумленья,
Любовь наша – труп иль жена;
Супружество, смерть, сожаленья:
Жизнь крайне скудна.

С тобой наше прошлое горе,
Мы сыты печалью одной;
Мы знаем тебя лишь в позоре,
Срывая цветок твой блажной;

Экстаз, что сразил – воскрешает;
Боль страсти, как ливень – весь луг,
Влюблённых твоих орошает,
Мадонна всех мук.

Восторг твоих бурных объятий
Желанней нам мудрости лет,
Хоть кровь на листве, как заклятье,
Слезами пропитан весь цвет.
Ты ради владыки портала
Для тех, кто и жив, и любим,
Всегда кипарис бы вручала,
А мирт – неживым[155].

Смеяться они были рады,
Мирились, забыв про раздор,
Боль, плавясь в слезах, – им услада,
Смерть с кровью, то жизнь и задор.
Любя, они млели во мраке,

---

[155] Примечания: 155

Вечнозелёный кипарис с древних времён служил эмблемой печали, но с приходом христианства символика кипариса поменялась, из символа смерти он стал символом вечной жизни. В Библии кипарис перечисляется среди деревьев, растущих в райском саду (Иезекииль 31.8). В античную эпоху мирт был атрибутом богини Венеры и трёх её служанок — трёх граций. Кроме того, по утверждению мифолога Роберта Грейвса («Белая богиня»), мирт также является символом смерти.

Их шёпота слышен был звук
В твоём тайном храме, у раки,
Мадонна всех мук.

Во тьме добродетель – порочна,
Нет солнца в часовне твоей,
Напев соблазнял полуночный,
И двое сливались сильней.
Твои зазвучали мотивы
С тех пор как Господь стал светить,
Твой ладан курился игриво,
Чтоб грех подсластить.

Эрот, словно пепел, бледнеет,
Сминаются кудри венком,
Хоть вялые веки влажнеют,
Смеётся он алчущим ртом.
Но ты успокой его лаской,
Священной гармонией фуг,
Твой локон ему станет маской,
Мадонна всех мук.

В борьбе ослепи его, млея,
И руки, и ноги свяжи,

К губам его льнут твои змеи,
К рукам его – гнёт твоей лжи.
Хоть днём его криком пронзишь ты,
Он грезит тобой среди бед,
И ночью его подчинишь ты,
Хоть спит он, хоть нет.

Ты розы его забагрянишь
Не соком плодов иль цветов,
Ты дух его чувством заманишь,
Вдохнув в него жизнь через кровь.
О милости просим законной:
Не чахнуть и жить без потуг,
Долорес – резва, непреклонна, —
Мадонна всех мук.

Мечтала ль ты в миг просыпанья,
Лишь стих твоей жизни пожар,
О днях без числа и названья,
Когда нанесёшь всем удар;
Когда, о богиня, ты страстью
Гнала пьяных римских царей —

И все тебя звали, Таласса[156],
Что пены белей?

Когда ты влюблённым польстила,
До крови секла их у стен,
Руки твоей – дротика – сила,
Разила детей перемен;
Когда вражья кровь закипела
В песке, то ударил твой лук
В царя их – кто раб твой всецело,
Мадонна всех мук.

Песок был от бурь не дрожавший,
Не влажный от прибывших вод,
От пены волны набежавшей,
От ветра, что грозы несёт;
Но полный следов твоих красных,
Ведущих к владыкам всех стран,
Огонь на их лицах прекрасных,
Им меч грозный дан.

---

[156] Примечания: 156

Таласса- богиняморявдревнегреческоймифологии. Её статуя с юной Афродитой на руках находилась в Коринфе. Так как Венера родилась обнаженной из пены морской, то одно из имён её связано с Талассой. По «Энеиде» Вергилия, Эней, прародитель римских царей, был сыном троянца Анхиза и богини Венеры.

К утехам твоим – гладиатор,
Он бледен и бьёт его дрожь,
В мученьях он не триумфатор,
И слишком для смерти хорош.
Твой сад был с огнями живыми,
Мир – конь, но твоих ждёт подпруг,
Твой портик – с людьми всеземными,
Мадонна всех мук.

Там пламенем весь окружённый,
Стоял, как арфист на пирах,
Красивый тиран непреклонный[157],
В венке и со смертью в руках.
И звук, словно звук водопада,
Разил сквозь горячий эфир,
Средь молний огня без пощады
И грохота лир.

Не снится ль тебе то, что было,
Все царства древнейших царей?

---

[157] Примечания: 157

«Красивый тиран непреклонный,» — Здесь император Нерон, который любить играть на арфе и считал себя хорошим актёром и музыкантом. Древние историки сообщают нам, что во время великого пожара в Риме в 64 г.н. э. Нерон играл на арфе, пока Рим горел.

Грустишь ли о том, что погибло,
Здесь, в мире лишь новых вещей?
Но грудь твоя неистощима,
Голодным хулить недосуг
Уста, что в крови одержимы,
Мадонна всех мук.

С тех дней (сердца были светлее)
Сверкала изяществом ты,
Телесный твой клад стал белее
С румянцем любовной мечты,
С рубцами от пылких объятий,
Где синь – поцелуев печать.
Когда все уйдут благодати,
Ах, что нам терять?

Ты в древнем обличье красива,
И тело – мелодий канва,
Податлива и похотлива,
Ты музыкой страсти жива.
Что, боги, звало нас покинуть
Тебя ради скромных подруг?
Позволь нам невинность отринуть,

Мадонна всех мук.

Хотя храмы Весты[158] бесстрастны,
От этого пыл не погас;
Глаза или локон атласный
В лобзаньях безлики для нас.
Эрот ищет жертвы в восторге
Себе и тебе заодно;
Распущены косы средь оргий:
Лобзанья, вино.

Меняется цвет твоей кожи,
Что вздута иль сжата порой,
Блестит иль бледнеет, и схожа
С роскошной змеи чешуёй,
И с красным клеймом от лобзаний:
Так в небе – звезда, словно жук,
Листки с твоим текстом литаний,
Мадонна всех мук.

Лобзанья, как в прошлом, лились бы
На грудь твою, только их нет.

---

[158] Примечания: 158

«…храмы Весты бесстрастны…»– Веста (Гестия, др. греч.) — богиня, покровительница семейного очага и жертвенного огня в Древнем Риме. Жрицы храма Весты — весталки — были девственницами.

Был то Алкифрон иль Арисба[159],
Иль перстень, иль женский браслет,
Что к статуе рот твой прижало,
Но сквозь листья фиг, как в воров,
Вонзился в тебя, словно жало,
Взгляд бога садов[160]*?*

Тогда, в пору ливней и в ясность,
Свой храм украшал он сполна,
Там перл его устрицы – страст-
ность[161],
Венера взошла из вина.
Любовь, что мы выбрали исто —
Презренный богами недуг,
За нас пред отцом заступись ты,

---

[159] Примечания: 159

Алкифрон — древнегреческий ритор, будучи одним из более молодых современников Лукиана, жил во II и III веке н. э. Считается автором писем, якобы написанными знаменитыми куртизанками. В греческой мифологии Арисба — первая жена троянского царя Приама.

[160] Примечания: 160

«…бога садов…» — здесь: Приап.

[161] Примечания: 161

«…перл его устрицы — страстность…» — У Теренция Мавра, латинского грамматика III в. н. э. в дидактической поэме «О метрах» (De metris) есть отрывок, приписываемый Катуллу:

Hunc lucum tibi dedico consecroque, Priape,
qua domus tua Lampsaci est quaque silva Priapi:

nam te praecipue in suis urbibus colit ora
Hellespontia ceteris ostriosior oris.

Тебе, о Приап, посвящаю священную рощу,
чей дом стоит у Лампсака и лес шумит у Приапы;
там почитают тебя в городах Геллеспонта прибрежных,
своей отмелью устричной всех других побогаче.

(Перевод А. Лукьянова).

По легенде, устрицы увеличивали сексуальное желание и потенцию.

Мадонна всех мук.

Весной его сад мы венчаем,
А летом колосьям он рад,
Затем мы оливки вручаем,
Лишь в страхе замёрз виноград.
Он с миртом Венеры цветущим,
А Вакха лоза – как венок[162],
Его мы узрели идущим:
«О, видимый Бог»[163].

Венки твои что посрывало?
Кто дух твой и плоть разделил?
Невинностью грех даже малый
Пред грешностью нашей прослыл.
Любовника сжав, Ипсифилла[164]
Вся кровь ему выжала вдруг;

---

[162] Примечания: 162

«Он с миртом Венеры… Вакха лоза…» — Приап считался сыном (Афродиты) Венеры и Диониса (Вакха).

[163] Примечания: 163

«О, видимый Бог» — Здесь противоположность с иудео-христианским Богом, который невидим нами, но существование которого мы должны приняты на веру.

[164] Примечания: 164

«Любовника сжав, Ипсифилла…» — Возлюбленная, к которой обращается Катулл в стихотворении № XXXII своей «Книги стихотворений».

Рыдай: «В нём останется ль сила,
Мадонна всех мук?»

Рыдай: ради прошлого мира,
Фригийского ради жреца,
Себе не создай ты кумира
И пир не готовь для отца.
У Иды[165], где гротов обилье,
Где шепчет утрами любовь,
Они Богоматерь крестили,
Рождённую вновь.

Венки тех времён мы одели,
И устриц так много в садке,
Нас древние барды воспели,
Катулл у нас на языке.
Кто жаркое ласт нам лобзанье? —
Отец твой им скрасил досуг.
Яви нам своё состраданье,
Мадонна всех мук.

---

[165] Примечания: 165
Ида — высочайшая гора острова Крит. Каменистые склоны Иды покрыты колючими кустарниками. Горный массив Иды особенно богат плоскими камнями, которые хорошо подходят для постройки пастушьих хижин.

Ползут из Диндимуса[166] вяло
Её запряжённые львы,
О матерь, о дева, ты стала
Владычицей тех, что мертвы.
Холодная, в скромном обличье,
И храм твой из веток и мхов,
Твоя плодовитость – девичья,
О Матерь богов[167].

Огонь твой она истощила,
Сокрыла Эрота без слов,
Прекрасные лица унылы
Теперь у весёлых богов.
Без крови разит, но в усладе;

---

[166] Примечания: 166

Диндимус — священная гора древних фригийцев над городом Пессинунт. В её недрах проводились сакральные мистерии в честь богини Кибелы.

[167] Примечания: 167

Матерь богов — Кибела — первоначально фригийская богиня, олицетворение матери-природы, почитавшаяся и в большей части областей Малой Азии (особенно у горы Иды, в Лидии, Вифинии и Галатии). Главные атрибуты Кибелы — золотая колесница, запряжённая львами, и корона в виде зубчатой башни. Окружение её составляли безумствующие корибанты и куреты, дикие пантеры и львы. От служителей Кибелы, исполнявших культ, требовалось полное подчинение своему божеству, доведение себя до экстатического состояния, вплоть до нанесения друг другу кровавых ран и оскопления неофитов, предававших себя в руки этой богини.

Ползёт, как луны полукруг,
Вся в белом, ты – в красном наряде,
Мадонна всех мук.

И боги пройдут и сомкнутся,
А с ними жрецы, что чисты.
Пройдут и тебя не коснутся?
Погибнут, но стерпишь ли ты?
Смеётся смерть неумолимо,
И похоть в глазах и ноздрях,
А в пальцах щепотка чуть зрима,
Изысканный прах.

Но червь тебе жизнь даст, целуя,
Ты преобразишься, как бог,
Что жезл сделал змеем[168]*, ликуя,*
А змею стать жезлом помог.
Пока зло не сгубит отвагу,
Живи средь дворцов и лачуг,
Пророк твой: «Умрёт первым благо»,

---

[168] Примечания: 168

«…жезл сделал змеем…» — См.: «И сказал Господь Моисею и Аарону, говоря: «Если фараон скажет вам: „Сделайте чудо", то ты скажи Аарону: „Возьми посох свой и брось на землю перед фараоном", — он сделается змеем» (Исх. 7:8–9).

Мадонна всех мук.

Он лгал? Он смеялся? Об этом
Он знает, коль сокрылся потом,
Пророк, проповедник, поэт он,
Сын смерти в инцесте с грехом?
Узнал ли он днём, как проснулся,
Иль вечером тёмным, глухим,
Когда он всем телом прогнулся,
И всё – перед ним?

Кто знает, всё зло перед нами,
Иль властные тайны времён?
Хоть кто-то томил нас годами:
Пел, нежил, нарушил закон;
Хоть даст нам язычник повинность:
Желанье и жизнь среди вьюг,
Прости же нам нашу невинность,
Мадонна всех мук.

Кто мы, что тебя сохраняли
Средь пряностей, пели пеан[169]*?*
Момент, где тебя повстречали?

---

[169] Примечания: 169
Пеан — хоровая лирическая песня, жанр древнегреческой поэзии.

Кто я, чьи лобзанья – обман?
Нести тебе боль? – ты ей рада;
Ласкать? – но любовь, как в чаду;
Любовников губы – услада
И змеи в аду.

Кто даст, как они, наслажденье
Тебе, коль воздвигнут здесь храм,
И волосы жертвы в сплетенье,
И кровь её льётся к ногам,
В Афаке, где правишь, всё красно,
В Лампсаке[170] *на лицах испуг,*
Кто обнял тебя так ужасно,
Мадонна всех мук?

Так где ж все, Венера, Котито[171]*,*

---

[170] Примечания: 170

По преданию, император Константин разрушил храм в Афаке, посвященный Венере. Лампсак — город в Мисии, области в Малой Азии (территория современной Турции) на Геллеспонте. В Лампсаке более всего поклонялись богу полей и садов Приапу.

[171] Примечания: 171

Котис (Котито) — фракийская богиня, чей культ был распространен в Древней Греции. Ей поклонялись, как и фригийской богине Кибеле, и во время Коттитий (праздника в честь Котито) устраивали оргиастические обряды и очищения, особенно в ночное время. Культ Котито был распространён вплоть до Италии и Сицилии. Часто он соединялся с кровавыми и пьяными мистериями в честь бога Диониса.

Астарта, где все, Аштарот[172]*?*
Иль руки меж нами их свиты?
В тебя дышит жаркий их рот?
Тебя возбудят ли их губы,
Что красны от тел их в крови?
Остался ли в мире твой любый,
Когда все мертвы?

Они были в пурпуре, в злате,
Полны и тобой, и вином,
Как призраки в пьяном разврате
В чудесном чертоге твоём.
Исчезли они в круговерти,
Лишь мы тебя ценим, мой друг,
Ты дочка Приапа и Смерти,
Мадонна всех мук.

Зачем мы боимся сверх меры
Хвалить тебя вздохом одним,
О мать удовольствий, гетера,

---

[172] Примечания: 172
Аштарот — Астарта, древнегреческий вариант имени богини любви и власти Иштар, заимствованной греками из шумеро-аккадского пантеона через культуру финикийцев. У западносе-митских племён — она Аштарот или Ашторет (иврит).

Коль смерть лишь бесспорной мы зрим?
Уйдём мы, как то, что нам ценно,
Увянем, придёт только срок,
Так в море рассеется пена,
А рядом – песок.

Почувствуем тьму мы бесстрашно —
Могила мелка, глубока;
Где предки, любовники наши
Там спят, иль не спят на века.
Узрим ли мы ад, а не сферы,
Мир плевел, не зёрна вокруг[173],
И счастье с тобою без меры
Мадонна всех мук.

Сад Прозерпины

Здесь мир молчит, здесь горе —
Как мёртвых волн, ветров

---

[173] Примечания: 173

Мир плевел, не зёрна вокруг… — Аллюзия к рассказу из Нового Завета, где хозяин поля, на котором пшеница выросла с плевелами, чтобы отделить их сказал жнецам: «соберите прежде плевелы и свяжите их в связки, чтобы сжечь их, а пшеницу уберите в житницу мою» (Матф. 13: 24–30).

Мятежность на просторе
В неясных грёзах снов;
Зелёное здесь поле,
Что жатву ждёт на воле,
Для косарей – раздолье
Средь сонных ручейков.

Устал я видеть слёзы
И слышать смех людей;
Ждут в будущем угрозы
Работников полей:
Устал от дней я сходных,
Бутонов роз бесплодных,
Страстей и грёз холодных,
Мне только сон милей.

Здесь жизнь – соседка смерти,
Зато от всех вдали
Волна и влажный ветер
Качают корабли;
Те ходят по теченью,
Не зная назначенья;
А здесь ни дуновенья,

И рощи не цвели;

Ни с вереском лощины,
Ни лозы и ни сад,
Лишь мак[174] *и Прозерпины*
Зелёный виноград.
Здесь мертвенные травы,
Не шелестят дубравы,
Здесь жмёт она отраву
Для мёртвых: стар ли, млад.

Без имени и счёта
Среди бесплодных нив
Их до зари дремота
Объяла, наклонив.
И тенью опоздавшей,
Ад или Рай не знавшей,
Они все утром, вставши,
Пошли, туман пронзив.

Хоть был он всех сильнее,

---

[174] Примечания: 174

«Лишь мак…» — Мак является символом забвения и смерти, так как обладает снотворным действием (сон — подобен смерти) и красного света, как человеческая кровь. Некоторые античные источники считают, что в подземном мире у Прозерпины был сад из маков.

Со смертью здесь в ладу,
На Небесах не рея,
Не мучаясь в Аду;
Хоть был он роз прекрасней,
Его краса угаснет,
Он будет всё бесстрастней —
Здесь страсть подобна льду.

У портика царица,
Бледна, в венке с листвой,
Собрать всех смертных тщится
Бессмертною рукой;
И губы её слаще,
Чем у Любви манящей,
Для той толпы спешащей
К ней вечною тропой.

Здесь ждёт она уныло
Рождённых от отцов,
Земную мать забыла[175],

---

[175] Примечания: 175

«Земную мать забыла…» — Здесь имеется в виду Церера, богиня плодородия, мать Прозерпины, которая стала богиней подземного царства, женой Плутона

Жизнь зёрен и плодов[176].
И ласточка с весною
Туда летит порою,
Где лето петь – пустое,
И презрен мир цветов.

Здесь те, чья страсть бессильна,
Чьи немощны крыла,
Века из тьмы могильной,
Былые жертвы зла;
Тень грёз поры минувшей,
Бутон в снегу заснувший,
Багряный лист вспорхнувший,
Ручьи, как из стекла.

Мы в радость иль несчастье
Не верим много лет,
Года не в нашей власти:
Что ныне – завтра нет.
Любовь слаба, капризна,
Печалиться полжизни,

---

[176] Примечания: 176

«Жизнь зёрен и плодов…» — Символом Цереры как богини плодородия являлись плоды и колосья, которые на древних её изображениях она держала в руках.

И на своей же тризне
Ждёт снова свой рассвет.

Пусть к жизни есть влеченье,
И страх свободы дан:
Мы все ж благодаренье
Поём богам пеан,
Чтоб жизнь не длилась вечно,
Не встал мертвец беспечно,
И реки бесконечно
Неслись бы в океан.

Здесь нет светил восхода,
Не вспыхнет свет никак,
И здесь не плещут воды,
И гаснет звук и зрак:
И нет листвы сезонной,
И жизни нет подённой,
Лишь вечный сон исконный,
Где вечной ночи мрак.

Мэй Джанет

(бретонская баллада)

«Встань же, ты, встань же, Мэй Джанет,
Иди со мной на войну».
К себе её притянул он,
Она глядит на волну.

«Ты с белым – красное сеешь,
И с красным – белое жнёшь,
Но всё ж мою дочь ты только
На брачном ложе найдёшь.

Червонец взойдёт на поле,
Пшеница среди морей,
Плод алый на алых розах
Скорее, чем плод твой в ней».

А он в ответ: «По земле я,
Морем её уведу,
Похищу путём измены,
И милости я не жду».

Отец её вдруг хватает,
Платье на дочери рвёт,

Тело обвил сорочкой
И бросил в пучину вод.

Спас капитан её сразу,
Лодку спустив на волну;
«Встань же, ты, встань же, Мэй Джанет,
Иди со мной на войну».

Вот в первый город приплыли,
Был там невесты чертог;
Её в шелка нарядил он,
А стан янтарём облёк.

Вот в город второй приплыли,
Где шаферы пьют до дна;
Её в серебро одел он,
Павой смотрелась она.

Вот в третий город приплыли,
Подружки в злате идут;
В пурпур её нарядил он,
Какое богатство тут.

В последний город приплыли,
Наряд её бел и ал,

Зелёные флаги сбоку,
Вверху флаг златой сверкал.

Клеопатра[177]

Её уста благоухают
Лозой, где птицы средь ветвей.
Змея и скарабей[178] *венчают*
Ей лоб прекрасный меж бровей
И дивных глаз, что всех влюбляют.

На подбородок, шею, щёки
Пал отблеск локонов густых.
Не разобьёт ли нам жестоко
Она сердца, рассыпав их
Вот так, меж пальцев, волей рока?

Как сыплет жемчуг свой небрежно

---

[177] Примечания: 177

Стихотворение впервые напечатано в журнале «Корнхилл» (1866), после скандального появления в свет сборника «Стихотворения и баллады» (1866) Суинбёрна.

[178] Примечания: 178

Змея-урей была символом власти фараонов и украшала их головной убор. Кроме того, богиня Иусаас, считавшаяся женским дополнением Бога-творца Атума, иногда изображалась в антропоморфной форме со скарабеем на голове.

Сквозь пальцы длинные сейчас,
Что словно перлы белоснежны,
В прожилках синих; их атлас
Подобен росам ночи нежной.

Эрот как будто сквозь преграду
Её закрытых век метал
Змеи иль голубицы[179] *взгляды.*
И будто рот её впитал
Всю страсть, её души отраду.

Зачем ей жемчуг столь красивый,
Добытый в глубине морской,
На дне Индийского залива,
Зачем любовники, рекой
К царице льнущие ревниво.

Смотри, блестящей острой тенью,
Дрожа у горла и кружась,
К ней речкой, сквозь волос кипенье,
Змея с достоинством вилась,

---

[179] Примечания: 179
Голубь и змея- священные птицы Египтян. Голубь — символ чистоты и супружества, змея — символ могущества и зла. Может быть, это аллюзия к строкам: «Пусть голуби преобразятся в змей!» (Шекспир «Антоний и Клеопатра», Акт II, сцена 5).

Укус чей всё предаст забвенью.

И сквозь чешуйки-крылья, властно,
Сквозь иероглиф золотой,
Как пульс любви в них, сильный, страстный,
Она жжёт дивной красотой
Сквозь кольца аспида всечасно.

Под кожей век её усталых
Любовь, события и трон;
И годы засух небывалых;
Сезонов тяжкий перезвон
Звучит стихом во всех анналах.

Ей смерти грезится личина,
Загадка сложная небес,
На лицах жёсткие морщины,
Уста пророков без словес,
Глазницы впалые, седины;

Фантом мистических законов,
Что Рок создаст иль запретит.
Жезл позабытых фараонов,
Чьё имя стёрто с Пирамид,

Их саркофаги, ряд пилонов.

Земля в густом и чёрном иле,
Ящероногий бог реки[180],
Суда, которые тащили
За нос псоглавый бурлаки[181]*:*
Бог дал им жалкие усилья.

Парящий ястреб[182]*, непокорный,*
Его перо – алмаза блик;
Гадюки, водный червь проворный,
Где влажно-вялый рос тростник;
Блеск горла гибкой кошки чёрной.

Течёт, как свиток, вновь раскрытый,
Пурпурной засухи поток;

---

[180] Примечания: 180

«Ящероногий бог реки…» — Здесь речь идёт о крокодиле, считавшемся речным богом, и которому ежегодно приносили в жертву красивую девушку.

[181] Примечания: 181

«Суда, которые тащили…//бурлаки» — В Египте строили тяжёлые грузовые суда, которые плавали по Нилу при попутном ветре, или их тащили бурлаки. Назывались они «барис» (барки-баржи).

[182] Примечания: 182

Ястреб, змея, кошка — священные животные Древнего Египта. Парящий ястреб представлял Хоруса, бога-ястреба, изображался часто в виде солнечного диска с крыльями. Богиню Бастет изображали в виде гибкой чёрной кошки.

Расплав небес, в огне разлитый,
Без ливней, суше, чем песок,
Сжигает грудь земли убитой.

Египет солнце растерзало,
Шершавит губы всем жара,
От зноя щёки пышут ало,
Палят их южные ветра,
Из пыльных врат вонзая жало.

Так она грезила, бледнея,
Наплывом чувств возбуждена.
Для вздохов сердцем холодея;
Ведь больше, чем любовь она:
Род её царский – Птолемеи[183].

Её краса её объяла,
Как сброшенная кожа змей[184]

---

[183] Примечания: 183

Птолемеи — династия правителей Египта в эпоху эллинизма, IV–I в. до н. э. Основана военачальником (диадохом) Александра Македонского Птолемеем.

[184] Примечания: 184

«…кожа сброшенная змей…» — Египетские высшие жрецы — иерофанты — называли себя «Сыновьями Змея-Бога» поскольку змей олицетворял мудрость, бессмертие и повторное рождение. Как змея сбрасывает старую кожу, чтобы явиться в новой, так и бессмертная душа сбрасывает одну личность, чтобы явиться в другой. Провидец — это, скорее всего, знаменитый прорицатель Клеопатры жрец Олимпий.

Провидца как-то покрывала.
Но освящать не стали с ней,
Жрецам быть в коже не пристало.

Она презрит богов основы,
И жизнь, и смерть, и рок, и страх,
Раскол вражды, любви оковы,
Всё то, что есть в людских сердцах,
И что сгубить себя готово.

Она предвидит, шепчут губы
Всё, что решили небеса,
Звучат при Акциуме[185] *трубы,*
Вдаль убегают паруса,
И абордаж, и дыма клубы.

Как рот смеётся винно-красный!
Закончен праздник жизни всей.
Вот пряный саван, и прекрасный

---

[185] Примечания: 185

«…при Акциуме…» — Битва при Акциуме состоялась 2 сентября 31 г. до н. э. В этом морском сражении сошлись флоты Марка Антония и Октавиана Августа, приёмного сына Юлия Цезаря. Корабли Антония был сожжены или захвачены штурмом. А флот Клеопатры покинул сражение.

Груз белой соды для мощей[186],
Покрыли ею труп безгласный.

Он иль не он, как звук гармоний
В живом, в нём жизнь её жила.
И зрит она в пылу агоний
Путь к смерти, что она прошла:
Богиня, рядом с ней Антоний.

---

[186] Примечания: 186

«…белой соды для мощей…» — Суинбёрн здесь описывает часть процесса бальзамирования умерших. После заполнения тела умершего благовониями его зашивали и засыпали природной содой — «нитроном» или «натроном», которая вытягивала остатки жидкости.

Кристина Россетти[187] (1830–1894)

[187] Примечания: 187

Кристина Джорджина Россетти (Christina Georgina Rossetti) была сестрой поэта и художника Данте Габриэля Россетти. Она родилась в Лондоне 5 декабря 1830 г. и начальное обучение получила под руководством своей матери Франчески Полидори, знакомой самого Байрона. В 1840-е годы семья Россетти испытывала серьезные финансовые затруднения из-за ухудшения физического и психического здоровья главы семейства. Есть мнение, что её отец якобы сексуально надругался над Кристиной, когда ей было 14 лет. С девушкой случилось нервное потрясение, после чего у неё появились приступы депрессии и связанные с этим заболевания. Религиозность сыграла важную роль в личной жизни Кристины: ещё подростком она была помолвлена с художником Джеймсом Коллинсоном, но помолвка была разорвана. Затем она вступила в связь с лингвистом Чарльзом Кайли, но не вышла за него замуж по религиозным соображениям. Кристина Россетти начала писать в раннем возрасте, но её первый сборник «Рынок Гоблинов и другие стихотворения» (Goblin Market and Other Poems) был опубликован только в 1862 г. Книга получила много хвалебных и критических отзывов. Россетти продолжала писать и публиковаться в течение всей своей жизни, хотя в основном это были религиозные и детские стихи. У неё был обширный круг друзей, и десять лет она добровольно работала в приюте для проституток. Россетти боролась за предоставление женщинам права голоса, и, кроме того, она выступала против войны и рабства (в Южной Америке), против жестокого обращения с животными и эксплуатации несовершеннолетних девочек в проституции. В 1893 г. Кристина Россетти заболела и через год, 29 декабря, умерла от рака.

Из сборника «Рынок Гоблинов и другие стихотворения» (1862)

Фата Моргана[188]

Голубоглазый дух вдали
Стремит свой к солнцу путь, смеясь;
За ним гонюсь я от земли,
Пыхтя, трясясь.
Лучи он вяжет за концы,
С дремотной песней мчит вперёд,
Где колокольчик у овцы
Ко сну зовёт.
И я смеюсь, оживлена;
Хотя рыдала до сих пор:
Надеюсь, лягу я одна,
Смежу свой взор.

---

[188] Примечания: 188

Фата Моргана — сложное оптическое явление в атмосфере, состоящее из нескольких форм миражей, когда дальние объекты видны многократно и с разнообразными искажениями. Оно названо в честь феи Моргана, волшебницы, персонажа английских легенд артуровского цикла, единоутробная сестра короля Артура.

Помни

Меня ты вспоминай, когда уйду,
Уйду в сырую землю на покой,
И не придержишь ты меня рукой,
Когда я повернусь чуть-чуть в бреду.
Мне покажи дней наших череду,
Все замыслы свои, свою нужду
Мне сообщай, и помни день-деньской:
Молиться и советовать с тоской
Я не смогу; ты помни, я ведь жду.
Но если ты забудешь обо мне,
Пусть ненадолго, не горюй тогда:
Ведь если тьма с гниеньем без труда
Мне заглушают мысли, лучше ты
Забудь и улыбайся в тишине,
Чем погружаться в скорбные мечты.

Когда умру, любимый

Когда умру, любимый,

Печально ты не пой;
Пусть кипарис и розы
Не плачут надо мной.
Но лишь трава густая,
Что в ливнях, и в росе,
Захочешь, можешь помнить,
Или забыть, как все.

Я не увижу тени,
Не ощущу дождя;
И не услышу боле
Стенанья соловья.
Мечтая в полумраке —
Исчез закат, рассвет —
Возможно, я всё вспомню,
А, может быть, и нет.

День рождения

Моя душа – как иволга,
Что у гнезда в листве поёт,
Моя душа – как яблоня,
Чью ветвь сгибает сочный плод;

Моя душа – ракушечка,
Что тихо плещется в волне,
Моя душа всех радостней —
Моя любовь пришла ко мне.

Мне трон шелковый сделай ты;
Укрась пурпурным, голубым;
Гранат, голубок вырежи,
И с сотней глаз павлинов к ним;
Обвей лозой из золота,
Сребристым fleurs-de-lys[189] *в огне;*
Ведь жизни день рождения
Настал, любовь пришла ко мне.

После смерти[190]

Опущенные шторы, пол метённый,

---

[189] Примечания: 189

Fleur-de-lis — стилизованная лилия (на французском языке fleur означает «цветок», а lis означает «лилия»), которая используется как декоративный дизайн или рисунок. Многие из католических святых Франции, особенно святой Иосиф, изображены с лилией. Поскольку Франция является исторически католической нацией, флёр-де-лис является религиозным, политическим, династическим, художественным символом, особенно во французской геральдике.

[190] Примечания: 190

Стихотворение создано 28 апреля 1849 г.

Боярышник и розмарин лежат
На ложе, где лежу я, и кружат
Там тени от плюща – узор сплетённый.
Он надо мной склонился, угнетённый,
Я слышала, его слова дрожат:
«О бедное дитя!» – он сник, зажат,
Он плачет, знаю, в тишине бездонной.
Не приподнял он саван – посмотреть
Моё лицо, мою не взял он руку,
Подушки мне под голову не взбил;
Увы, живой меня он не любил,
А мёртвой – пожалел; что ж, знать не мука,
Что тёплый он, меня ж сковала смерть.

Из сборника «Развитие принца и другие стихотворения» (1866)
Тщетность красоты

Пока здесь алеет роза,
И лилия вся бела,
Зачем свой лик от восторга
Женщина вознесла?
Она не мила, как роза,
И лилии не стройней,
Но будет алой иль белой,
Только третьей быть ей.
Иль в лето любви – румяна,
Иль в зимы любви – бледна,
Иль красотой щеголяет,
Иль под вуалью она,
Будет румяной иль бледной,
Прямой иль склонённой тут,
Время с ней выиграет гонку,
И в саван её завернут.

Осенние фиалки[191]

Любовь – юнцам, фиалки – для весны,
Но расцветя вдруг осенью тоскливой,
В двойной тени все прячутся пугливо:
Своей листвы и павшей желтизны.
Они с прилётом птиц цвести должны,
А не с отлётом тех на юг счастливый,
И не когда покошены все нивы,
Но если почки, травы зелены.
Фиалки – для весны, любовь – юнцам,
С их красотой, надеждою заветной:
Но если поздно, полная тоски,
Она придёт, пусть будет незаметной,
Отдавшись, не прося ответа, нам —

---

[191] Примечания: 191

Стихотворение впервые напечатано в «Макмилланз Мэгэзин» (ноябрь 1868).

То Руфь, что подбирает колоски[192].

[192] Примечания: 192

Здесь известный эпизод из Библии. Моавитянка Руфь придя в Вифлеем стала собирать колоски на поле Вооза после жатвы.

Вооз её приметил и пригласил работать у него, и питаться у него. По совету своей свекрови Ноеминь, Руфь оделась в нарядное платье, пошла на гумно и легла у ног Вооза. В полночь Вооз «содрогнулся, приподнялся, и вот, у ног его лежит женщина. И сказал [ей Вооз]: кто ты? Она сказала: я Руфь, раба твоя, простри крыло твое на рабу твою, ибо ты родственник» (Руфь 3:6, 8, 9). Так Руфь предложила себя в жёны Воозу. На это «[Вооз] сказал: благословенна ты от Господа [Бога], дочь моя! это последнее твое доброе дело сделала ты еще лучше прежнего, что ты не пошла искать молодых людей, ни бедных, ни богатых» (Руфь 3:10).

Из сборника «Заповедник Гоблинов, развитие Принца и другие стихотворения» (1875)

Дочь Евы

Как глупо в полдень быть во сне,
А ночью встать прохладной
С луной печальной в вышине;
Как глупо было розу мне
Рвать с лилией отрадной.

Свой садик я не берегла;
Покинутая всеми
Я плачу – раньше не могла:
Ах, летом крепко я спала,
Зимой проснуться время.

Как будущей весне ты рад,
Ждёшь тёплый день прекрасный: —
А я надежд сняла наряд,
Забыла смех и песен лад,
Одна я и несчастна.

Из сборника «Пышное зрелище и другие стихотворения» (1881)

De Profundis[193]

Зачем так небо далеко,
И так далёк земли оплот?
Звезду поймать мне нелегко,
Что вдаль плывёт.

И не влечёт меня луна,
Круг монотонных перемен;
Но вне меня её тона,
Её рефрен.

Я не смотрю на блеск огня
И звёзд, и солнечных дорог,
Одно желанье у меня,
Тщета – мой рок.

Увы, у плоти я в плену;
Где красота и благодать?
Сжав сердце, руки протяну,

---

[193] Примечания: 193
Из бездны [взываю] (лете.) — начало Псалма 130.

Хочу поймать.

Ричард Уотсон Диксон[194] (1833–1900)

[194] Примечания: 194

Ричард Уотсон Диксон (Richard Watson Dixon) родился 5 мая в лондонском районе Ислингтон в семье проповедника Джеймса Диксона. Обучался Диксон сначала в школе короля Эдуарда, затем в Оксфорде, в колледжах Пемброк и Эксетер. Здесь Диксон, а также будущие художники прерафаэлиты Эдвард Берн-Джонс и Уильям Моррис, создали тесное братство с рядом других учеников, которые разделяли любовь к божественности, искусству и литературе. В 1857 г. Диксон окончил университет, получив степень бакалавра. В 1861 г. он выпустил свой первый сборник поэзии — «В содружестве с Христом». Второй стихотворный сборник — «Исторические оды» — вышел в 1863 г.

Диксон был женат дважды: сначала на вдове Мэри Томсон, а после её смерти в 1876 г. на Матильде, старшей дочери Джорджа Рутледжа. Однако детей у Диксона не было. После учёбы Диксон развивал свою священническую карьеру: был куратором в двух лондонских церквях, работал в Высшей школе и заведовал библиотечным офисом в соборе, работал деревенским викарием, затем служил священником в графстве Нортумберленд, где оставался до конца своих дней. Его положение в литературном мире помогло Диксону принять участие в конкурсе на получение звания поэта-лауреата после смерти Альфреда Теннисона в 1892 г., но он проиграл Роберту Бриджесу. Ричард Диксон умер в возрасте 66-ти лет после тяжелого приступа гриппа.

Из сборника «Лирические стихотворения» (1887)

Песня

Что, дуб, ты смотришь вниз,
Желтея и скорбя?
Осенний нежен бриз,
И зелень – у тебя.

Но ветер окрылит
Потом твою листву;
И ветви оголит,
Озолотив траву.

Песня

Пол-оперенья ивы
Желтеет молчаливо
Над вспученным ручьём;
Кусты косматы, стылы,
Все камыши унылы,
Сквозь тучи – проблеск днём.

Чертополох устало
Склоняет стебель вялый,
Головка – снежный сад;
Листвы гниют останки,
Замолкли коноплянки,
Дрозды пока свистят.

Ковентри Патмор[195] (1823–1896)

[195] Примечания: 195

Ковентри Патмор (Coventry Kersey Dighton Patmore), поэт и критик, родился 23 июля 1823 г. в Эссексе. Он получил частное образование, был очень близок с отцом, унаследовав от него литературные способности и страсть к творчеству. Поначалу Патмор хотел стать художником, затем начал писать стихи, после увлёкся наукой. Однако вскоре Патмор возвратился к своим литературным занятиям, вдохновлённый успехом Альфреда Теннисона, и в 1844 г. издал небольшой сборник стихотворений. В 1846 г. Патмор получил должность помощника библиотекаря в Британском Музее, пост, который он занимал в течение девятнадцати лет, посвящая всё свободное время поэзии. В 1847 г. он женился на Эмилии Кэмбэруелл, а в 1854 г. появилась первая часть его лучшей поэмы «Ангел в Доме», посвященной своей жене, любовная тема которой был продолжена в поэмах «Обручение» (1856), «Навеки предан» (I860) и «Победа Любви» (1862).

В 1862 г. Патмор потерял жену, которая скончалась после длительной и вялотекущей болезни, и вскоре после этого принял католичество. В 1865 г. он женился на Мэриан Билес, а в 1877 г. появилась его сборник «Неизвестный Эрос». Его вторая жена умерла в 1880 г., и Патмор женился в третий раз на Гарриет Робсон. Каждый раз он женился по любви, и его семейная жизнь проходила в счастье. Последние годы жизни Патмор провёл в Лимингтоне, где умер 26 ноября 1896 г.

Из поэмы «Ангел в доме» (1854)
Истинная сущность любви
(Книга I, I, 2)

С открытым взглядом, веря мненьям,
Ходил полжизни я земной[196]*;*
Тщеславье вкупе с сожаленьем
На том пути брели за мной;
Да, гордость души разделила,
Что как перчатка и рука;
Краснел за сердце, что любило,
Но верил той любви пока.
Любви, что бренна иль достойна
Бессмертья, не желал я зла:
Считать с поющими нестройно,
Что ей не к месту похвала.
Любовь и есть моя награда,
Пусть дни бесстрастные вопят,
Мирт на моём челе – услада,

---

[196] Примечания: 196

«Ходил полжизни я земной…» — Аллюзия к первой строке «Божественной комедии» Данте: «Земную жизнь пройдя до половины…» / Перевод М. Лозинского.

Мне мозг волнует аромат.

Образец
(Книга I, II, 1)

Когда в лазури прояснённой,
Где пролетают облака,
Как ложе брачное Юноны[197],
Как лебединая река —
Я вижу океан и горы,
В долинах тучные стада,
Ведёт моя кифара споры
С речами звонкими тогда.
Холмы среди долины ясной,
Всю сила ветра и морей,
Я воспою весной прекрасной,
Чтоб снова чувствовать быстрей.
Я ликовал от вольных песен,
И думал, что пора пришла

---

[197] Примечания: 197

«…ложе брачное Юноны…» — Юнона в римской мифологии, в древнегреческой мифологии — Гера. Богиня брака и рождения, семьи, материнства и женской производительной силы. Дочь Сатурна, сестра и супруга Юпитера (Зевса). Белыми лилиями устлано брачное ложе Зевса и Геры.

Петь гимн – ему и мир весь тесен, —
Тот гимн, где женщине хвала;
Гимн, что блистает словно птица,
И будит хор в глуби веков,
И с поцелуем рифм кружится,
С рапсодией прекрасных слов.
Когда ж я зрю тебя в надежде
Сказать, что рад и восхищён,
То мысли сжаты, как и прежде,
И гаснут, лишь их ряд рождён.
Ни таинство сплетённой речи,
Ни фраза нежности простой
Не восхвалят тебя при встрече:
Ведь лучше всех ты, став святой.
Созданий лучших половина
Ты лучшая, ты их душа,
Ты их венец, ты их вершина,
Ты цель их, дивно хороша.
И если б стал я в само мненье,
Забыв о пошлых песнях, петь
В тебе и ласку, и смущенье,
То породил бы только бредь.

И всё же я избрал задачу
Воспеть и Деву, и Жену;
Нет лучшей доли и удачи
Всю жизнь ценить её одну.
Я, на крылах любви, свободный,
Сумев от восхищенья взмыть,
Учу: мужчина благородный
Жены достойным должен быть;
Тогда возникнет в ней желанье,
От похвалы зажжётся страсть,
И воспарят они в молчанье,
В сражении вкушая сласть.
И как герань, что розовея,
Искусства силу познаёт,
Я мастерством своим сумею
Ей много новых дать красот —
Пока здесь нет простолюдина,
Что не почтит в гордыне трон
Царицы властной, столь невинной
И кроткой, не такой как он;
Пока (кто жаждет слишком много
Любви царицы получить?)

Мы счастья не нашли дорогу,
Дабы в восторгах жизнь прожить;
Пока не встанем мы, лишь мрачный
Туман исчезнет, густ и сер,
На полюса, где век наш брачный
Вращает мир небесных сфер.

Влюблённый
(Книга I, III, 1)

Он встретил девушку случайно, —
Был дар ему от всеблагих,
И чар её постигнул тайну,
Что недоступна для других.
При ней он лучше и умнее,
Чтоб не упасть в её глазах,
Дыханье Рая вслед за нею
Кружит, как будто в небесах.
Он спать не может от волненья,
В мечтах её красу испив;
И поклоняясь в изумленье,
Льёт слёзы, сердце растравив.

О, парадокс любви, он долго
Переносить в тиши желал
Жестокий взгляд её и колкий,
Но получил страстей накал.
Его богатство – милость девы.
Величьем подлинным сражён,
И сладких снов презрев напевы,
Живёт её улыбкой он.
В своей молитве, преклонённый,
Он о поддержке попросил,
Дабы любви новорождённой
Придать могущества и сил.
Не велика цена для блага,
В обмен любви – всегда тоска;
Он в небеса глядит с отвагой:
Она Жена мне на века.
И видит, как царицы неги
К пажу склонились без корон;
Как, восприняв любви побеги,
Соразмеряют каждый стон;
И как преследует нас живо
Любовь шажками – дивный ход;

Как доблесть мягко и учтиво
Разит надменности оплот.
Но вот, хотя и не достоин
Её подол поцеловать,
В своей надежде, беспокоен,
Он получает благодать

Из поэмы «Ангел в доме» (Книга I, III, 2)

Достойная любовь
Кто страстен – тот безволен, кто же
Любви познал восторг и власть,
Чтоб мной владеть, – тот будет строже,
Явив достоинство, не страсть.
Кто слышит речь мою? летает
Она над теми, кто уныл
И жалок, раз любви не знает,
Психея их – лишь червь без крыл[198]
Холодным будет свет небесный
Для душ, где теплится лишь ад;
Сердца их даже портят песни,
Что я пою, мой сказ, мой лад.
Что им одежды в белом цвете,

---

[198] Примечания: 198
Психея — в греческой мифологии, олицетворение души человека; представлялась в образе бабочки или девушки с крыльями бабочки. Здесь противопоставление окрылённой души влюблённого душе человека, не знающего любви (бескрылый червь).

В чём я любовь хвалю давно,
Им виден мрак в небесном свете,
Во тьме и белое – черно.

Из сборника «Florilegium Amantis» (1879)
Ночь и сон

Проснуться ночью странно,
Пока другие спят,
Когда самообмана
Хотят твой слух и взгляд,
Чтоб страх не потревожить
У внутренней черты,
Где часто жизнь находит пропасть
И ужас темноты!

И странен лай собаки
В ночи, как дикий зов
Звучит сквозь буераки
Крик дальних петухов.
И странно слышать с башни,
Разрушенной судьбой,
Во тьму ворвавшийся внезапно
Часов оживших бой!

Хоть мозг, больной от страсти,

Волнуется луной,
Быть не хотят во власти
У слабости ночной:
Безумный меланхолик,
Голодный, хитрый волк,
Убийца и грабитель жадный,
И покаянья долг.

Соловушка в веселье, —
Он побеждает ночь,
Поёт дневные трели,
И мрак уходит прочь.
Когда же опечален
Блестящей тьмой певец,
Все говорят, он скорбь рождает,
Он – сумасшедший лжец.

Буря

Из бледно-синего тумана,
Клочками чёрными крутясь,
Как страсти пыл иль гнев тирана,
Внезапно буря поднялась.

От лип цветущих запах сильный,
Согнулся их нестройный ряд,
И по дороге ровной, пыльной,
Стучит овечьим стадом град.

Я встал в подъезде полутёмном,
Далёким Шпилем поражён —
Во мраке факелом огромным
Он от заката был зажжён.

И голос нежный (что едва ли
Любимой голос был нежней)
Пока мечты мои витали,
Привлёк мелодией своей.

Я повернулся, молча, к дому,
Где будто музыка плыла —
Там дева старику слепому
Увидеть чтеньем помогла.

Не видя, как сквозь ливень лютый
Я к дому шёл её. Потом
Её направили обутой
Ко мне, в плаще и под зонтом.

Но шторм исчез; луч солнца яркий

В кудрявом паре чуть погас,
Прелестный, влажный и нежаркий
Сияет воздух в этот час.

Она пришла. Заката алость.
Звон колокольный прогудел.
И вздох её, мне показалось,
От лип цветущих прилетел.

Сон

В полях Любви, где тайн виденье,
Узрел я рощу в изумленье,
То, затаив дыханье чуть,
То, с лёгким сердцем полня грудь.
Там, как ягнята среди луга
Играли девы, друг на друга
Похожи очень. Долгим взглядом
Юнец осматривал их рядом,
И прочь ушёл бы, но девица
Захлопав, молвит, озорница:
«Мой час настал!» Потом, смеясь,
За грустным парнем понеслась,

«Постой, дружок, что смотришь мимо!»
И он назвал её любимой,
Любимей всех, всё потому,
Что подошла она к нему.
Смотря друг в друга неустанно,
Они вдруг изменились странно:
Юнец всё больше хорошел,
О, как он мил теперь, и смел;
Взрослела дева без печали,
Так, что другие не узнали
Свою сестру, что пред глазами
Стояла юноши часами, —
Как первой радуги врата,
Где перепутаны цвета.
И если в роще отдалённой
Она вокруг Любви, смущённой,
Кружилась слепо, то сейчас
Вокруг юнца пустилась в пляс.
Как за луну земля в ответе,
За па божественные эти
Он отвечал. И начал петь,

Лишь небо стало пламенеть:
«Стремится гордый дух, поверьте,
К вершинам горним ради смерти,
Даруя молча, наконец,
Любви униженной – венец!
И от своих простых желаний
В своём же вольном океане
Он, с любопытством бросив лот,
К глубинам скромности плывёт».

Ему в ответ поёт девица:
«Любовь есть Смелость. Если лица
Румянит на Земле мороз,
Стыдись огня бесплодных грёз,
Что как болезнь съедают жертву».

Времена года[199]

Шафран с утра трясёт копьём
И марту шлёт приветы.
Апрель терновники кругом

---

[199] Примечания: 199

Стихотворение впервые напечатано (1850 г.) в журнале «Герм», созданном прерафаэлитами Данте Габриэлем и Уильямом Россетти.

Украсил в самоцветы.

Сезоны дремлют, полны сил;
Стручок набух сплетённый,
Налился персик, и пронзил
Гриб землю ночью тёмной.

Зима спешит: замёрзших троп
Полоски серебрятся.
Напротив хижины – сугроб,
И звёзды в ночь струятся.

Ma Belle

Прощай, любовь! Уйти мне всё же надо.
Любовь, прощай!
Остался б я, та Belle[200]*, ты мне услада.*
О, губы дай!
Несёт ли нам надежду иль преграду
Безвестный Край?
«Меня он так любил, моя отрада!» —

---

[200] Примечания: 200
ma Belle (фр.) — моя красавица.

По мне рыдай.

Семела[201]

О, не хвали!

Восторг мой, словно линза так чудесно

В тебе сосредоточить мог бы дар Небесный,

Там, вне земли.

Твоя ль вина,

Что гаснуть, вспыхнув, ты обречена.

Но больше сил

Я дам тебе, чем Бог, вобрать желаний пыл.

И, если честно,

Мне ль упрекать изменчивый твой лик?

Слепыми подошли

Мы к тем порталам счастья, что вдали!

Развеялись слова, иссохли б слёзы

---

[201] Примечания: 201
Семела — в древнегреческой мифологии, богиня Луны.

Средь угольков в тот миг
В золе остывшей будто, эти грёзы
В дремоте, может, я постиг.

Из сборника «Неизвестный Эрос. Амелия и другие стихотворения» (1887)
Венера и Смерть

Она в златых сандальях, вся из света,

Как солнца жар.

В ладонях – мак и яблоко, сон это

И счастья дар.

У бока матери – супруги своей верной[202],

Цветёт божок, другой внутри, наверно.

А рядом Смерть, у той дыханья яд

Смердит, и зубы редкие торчат.

О, ангелы, красе раскройте веки,

Чтоб Смерть не пожрала их всех навеки!

---

[202] Примечания: 202

По разным вариантам древнегреческих мифов, Эрос, бог любви, мог быть либо супругом Венеры, богини любви, либо её сыном в образе маленького Купидона.

Пустой берег

Наполни песнями меня
О, море, щедростью маня,
Чтоб петь, все ноги в кровь разбив,
Пустого берега мотив.

Любви живящий ореол —
Лазурный камень я нашёл,
Где двадцать лиг ревёт прилив.
Пустого берега мотив!

Кристаллов, каждый так лучист,
Как право – твёрд, как правда – чист,
Я поднял двадцать, поспешив.
Пустого берега мотив!

Как долго шёл я ночью, днём
За драгоценным янтарём?
Лет шестьдесят, и еле жив.
Пустого берега мотив!

Богато море, нищ песок;
Кто я, не знаю. Всё же прок

Не знать как он, всё позабыв, —
Пустого берега мотив!

Взгляд назад

Я, веря в истинную сладость,
Что правду сладостно найдёт,
Познал огней небесных радость,
И пел разумность этих нот.

Потом сказал мечте неясной,
Вдали пропавшей, как звезда:
«До встречи, Проблеск мой прекрасный!
С тобой я буду навсегда».

Загадке Страсти предписанье
Дух во плоти даёт опять.
Я молвил: «Смертный, осмеянье
Меня оставь. Смогу я ждать».

Джеральд Мэнли Хопкинс[203] (1844–1889)

[203] Примечания: 203

Джеральд Мэнли Хопкинс (Gerard Manley Hopkins) родился в Стратфорде, Эссекс. Он был самым старшим из 9-ти детей Кэтрин и Мэнли Хопкинса, страхового агента и генерального консула Гавайев, находившегося в Лондоне. Хопкинс получил образование в школе Хайгейт, а затем в Оксфорде, где изучал классику. Именно в Оксфорде он приобрёл дружбу Роберта Бриджеса, столь важную для его дальнейшего развития как поэта. В 1866 г. Хопкинс стал католиком. Под влиянием своего отца, который также писал стихи, Хопкинс занимался поэзией с юных лет, но став иезуитом, он сжёг свои юношеские опыты, поскольку чувствовал несовместимость их со своим призванием. Хопкинс выбрал строгую и аскетическую жизнь иезуита.

Хопкинс служил в различных округах в Англии и Шотландии и преподавал в различных колледжах. В 1884 г. он стал профессором греческой литературы в Университетском колледже Дублина. После страданий из-за плохого здоровья в течение нескольких лет, Хопкинс умер от брюшного тифа в 1889 г. и был похоронен в Дублине.

После смерти Хопкинса его стихи стали известны широкой аудитории и в 1918 г. были изданы отдельным сборником Робертом Бриджесом, ставшим к тому времени поэтом-лауреатом.

Из сборника «Стихотворения» (1918)

Андромеда[204]

Вот Андромеда замерла смущённо,
Сияя несравненной красотой,
Вдаль она смотрит со скалы крутой,
Цветок её и жизнь – всё отдано дракону.
И прежде ей пришлось терпеть уроны
От бед и мук; а ныне слышит, стой,
Рёв зверя, страшный, дикий и густой,
Он похотлив, и смотрит разъярённо.
Но что ж Персей её от смерти не спасает?
По воздуху плывёт он и о ней
Вся мысль его; ей кажется – бросает
Её герой, когда ей всё больней.

---

[204] Примечания: 204

Стихотворение связано с известным древнегреческим мифом: дочь эфиопского царя Кефея — прекрасная Андромеда была отдана в жертву морскому чудовищу, посланному Посейдоном. Андромеда была прикована цепями к скале, и её увидел пролетавший на крылатых сандалиях герой Персей. Поражённый красотой Андромеды, Персей убил чудовище, получив её согласие выйти за него замуж.

Никто быть безоружным не мечтает:
Горгоны взгляд, меч, зубы, мощь ремней.

На образ Св. Доротеи[205]

С корзинкой, устланной травой,
Иду вперёд, легка, мила,
Всем интересно, что с собой
В корзинке этой я взяла.
В носилках нового плетенья —
Цветы – от горечи спасенье.

Увы, не лилии они,
И не из Цезаря садов!
Айва в руке – но, в эти дни
Нет на ветвях у вас плодов,
Поскольку цвет не брызнул нежный,

---

[205] Примечания: 205

Святая мученица Доротея жила в Кесарии Каппадокийской и пострадала при императоре Диоклетиане в 288 или 300 г. Была зима, и когда святую вели на казнь, некий ученый человек, (схоластик) Теофил, с насмешкой сказал ей: «Невеста Христова, пошли мне из сада Жениха Твоего розовых цветов и фруктов». Перед смертью святая попросила дать ей время помолиться. Когда она окончила молитву, ей предстал Ангел и подал в корзине фрукты и розы. Святая попросила передать все это Теофилу, после чего была усечена мечом.

Раз нет весны, и мир весь – снежный.

Нашли их там, где Юг, Восток,
Где все забыли о Зиме —
Росинка – шпорника глоток,
О, не должна ль сгореть во тьме?
Искрился влажный луг при свете —
Роса иль звёзды капли эти?

Айва в руке её? Всмотрись:
Скорей луны уменьшен лик.
Путь Млечный, Небеса сплелись!
То шпорники её. Лишь миг?
Душа несётся в эмпиреи?
Где плод, цветы, где Доротея.

Горняя гавань

Монахиня надевает покрывало (принимает обет)

Хочу бродить все дни,
Где всё цветёт,
В полях, где слепней нет, и град не бьёт,

Где лилии одни.

Прошу, о, дай мне кров,
Где есть покой,
В той гавани, где молкнет вал морской,
И нет штормов.

Свадебный Марш

Жениху Господь дал честь,
Стыд невесте; ложе есть,
Милых чад, прелестных чад,
Свято тело будет несть.

Друг для друга утешенье
Глубже, чем небес прощенье,
Милосердье дал нам Бог,
Связь – на век, на век – влеченье.

Марш, топчи колосья с нами:
Обращаюсь со слезами:
Коль брачуешь чудный брак,
Дай триумф и жизнь веками.

Яркозвёздная ночь

На звёзды глянь! Глянь, глянь на небеса!

Глянь, огненный народец в воздухе резвится!

Сверкают сёла, быстрый блеск бойницы!

Во тьме лесов лежат алмазы! Фей глаза!

Холодный луг, где золото-роса!

Рябит рябина! Лёгкий тополь серебрится!

Взлетели со двора испуганные птицы!

Ах! Это купля всё и приз, всё чудеса!

А что взамен? – Молитвы и обет.

Глянь, как в саду мелькает майский цвет,

Мука с желтком застыла на бредине!

Гумно всё это; скирды, дом, фасад.

Сей яркий запирает палисад

Христа и мать его, и все его святыни.

Остин Добсон[206] (1840–1921)

[206] Примечания: 206

Генри Остин Добсон (Henry Austin Dobson), английский поэт и писатель, родился в Плимуте в 1840 г. в семье Джорджа Добсона, гражданского инженера. Поступив в восемь, а окончив школу в шестнадцать лет, Добсон решил профессионально пойти по стопам своего отца. В декабре 1856 г. Добсон стал работать в министерстве торговли, постепенно достигнув должности начальника порта, с которой он ушёл в 1901 г. В 1868 г. Добсон женился на Франциске Мэри, от которой у него было 10 детей. На работе он был трудолюбив, однако всё свободное время отдавал поэзии и литературе. Вскоре Добсон начинает печататься в журнале, редактируемом писателем Энтони Троллопом, но под псевдонимом.

Осенью 1873 г. Добсон издал первый сборник стихотворений — «Виньетки в рифмах», а через четыре года второй сборник — «Пословицы в фарфоре» (1877). В последующих сборниках: «Идиллии Старого мира» (1883) и «Знак Лиры» (1885) — проявилось увлечение Добсоном XVIII столетием. В последующие годы Добсон преимущественно занимался биографиями деятелей любимого им XVIII в.: Филдинга (1883), Голдсмита (1888), Уолпола (1890) и Хогарта (1879–1898). Он прожил в Лондонском пригороде Илинг до самой смерти, последовавшей в 1921 г.

Из сборника «Carmina Votiva и другие стихотворения по случаю» (1901)

1-я Баллада антикваров

Дни вянут, как травинки в зной,
Года – безмолвный перекат,
Всё преходяще под луной! —
Так листья по ветру летят.
И всякий раз светил парад
На старом небе будет нов,
Посеян хлеб Времён и сжат —
Мы ищем зёрнышки Веков!

Амбар наш – прошлый мир земной,
От бури прячем всё на склад,
Скупцами копим за стеной
Дары Судьбы, как ценный клад:
Старинных летописей ряд,
Клочки стариннейших стихов,
Старинных шуток блеск и яд —
Мы ищем зёрнышки Веков!

Вот миф, покрытый стариной,

Старинный цвет, пленявший сад,
Старинный текст очередной,
Старинный лук, обломки лат,
Старинный остов колоннад,
Старинный след былых слоев:
Всё, что блуждает без преград —
Мы ищем зёрнышки Веков!

Посылка

Друзья, кто незнаком иль брат!
Под звон рождественский Христов
Спасайте то, что ждёт распад —
Мы ищем зёрнышки Веков!

2-я Баллада антикваров

«Друзья, кто незнаком», – мы вас
Теперь узнали, как друзей,
Что в добрый и недобрый час,
Где Время шло с косой своей,
Снопы вязали средь полей.
И вам, испытанным! – и вам,

Кто нас не знает из гостей, —
Привет вам, истинным Друзьям!

Велик в амбарах наш запас:
Мешки округлы у дверей,
Гумно – с зерном как напоказ,
И мельница гудит сильней,
Без вас всё было бы скудней, —
Чуток колосьев там и сям;
За труд, уменье у межей,
Привет вам, истинным Друзьям!

Но, чу! Вот Жнец идёт до нас!
Так наберём зерна скорей,
Где рос подснежник всякий раз,
И цвёл нарцисс в сиянье дней,
В июне розу мял борей;
Пока навстречу холодам
Под тисом мы не крикнем, эй!
Привет вам, истинным Друзьям!

Посылка

На Святки кто пришёл, налей

В рог пуншу с пеной по краям,
Шлют холм, долина, и ручей
Привет вам, истинным Друзьям!

Баллада о зануде

Он к нам сумел явиться.
От безнадёги рад
Я звёздам помолиться, —
Он шёл как на парад.
Здесь есть укромный сад,
Чтоб спрятаться тайком?
О, боги, тяжкий час!
Он весь горит огнём, —
Храни от Барда нас!

Он яростно стремится.
Не ведая преград,
Как Джаггернаут[207] *мчится*
И давит всех подряд.

---

[207] Примечания: 207

Джаггернаут (англ.) — одна из форм индийского бога Вишну. Его поклонники в экстатическом состоянии бросаются под колесницу Джаггернаута, считая счастьем погибнуть под ней.

Он словно водопад,
Он вертится клубком,
Стоит как напоказ
И мелет языком! —
Храни от Барда нас!

В стихах: Судьба – убийца,
И Горестей каскад,
Всегда Луна-царица,
Девиц несчастный взгляд,
(Однообразный ряд),
Надежд и Клятв фантом,
Печалей громкий глас;
Кто купит этот том, —
Храни от Барда нас!

Посылка

Принц Феб, мы все умрём,
В добре, во зле подчас,
Скорбя или смеясь;
Но почему при нём? —
Храни от Барда нас!

Вилланель

Когда был молод мир,
И городов не знали,
Была любовь – кумир.

И чьи глаза – сапфир,
Зла никогда не ждали,
Когда был молод мир.

Любовный эликсир,
Они не применяли.
Была любовь – кумир.

Им был не нужен пир!
Лишь только жизнь вначале,
Когда был молод мир.

Они, где чист Зефир,
Пастушек целовали:
Была любовь – кумир.

Никто под звуки лир
В Любви не знал печали:
Когда был молод мир —

Была любовь – кумир.

К Ричарду Уотсону Гилдеру[208]

Друг – не стареет! Я одну
Тебе отправил песню снова,
Обычной формы образцовой,
Ты у неё бывал в плену.
О ней не скажешь ты сурово,
Мне старый друг ты, как взгляну!
Друг – не стареет.
Я старым книгам и вину,
Которым ход Времён суровый
Вручил изящества покровы,
Всегда был рад, но (entre nous)[209]
Друг – не стареет.

---

[208] Примечания: 208
Ричард Уотсон Гилдер (1844–1909) — американский поэт и редактор.

[209] Примечания: 209
entre nous (фр.) — между нами.

Из сборника «Собрание стихотворений» т. 1 (1895)
Веер маркизы Помпадур

Бел, расписан, утончён,
(Кисть Ванлоо[210] я узнаю),
Любит в буйстве света он,
В сине-розовом рою;
Шёлка слышишь ты струю!
Сверху – тает глаз прищур,
Как роса, что ждёт зарю —
Это веер Помпадур!

Глянь, придворных легион:
Мчат, как бабочки к огню,

---

[210] Примечания: 210
Шарль-Андре Ванлоо (1705–1765), французский придворный художник эпохи рококо, любимец маркизы де Помпадур, фаворитки короля Людовика XV. Именно маркиза Помпадур ввела в обычай расписывать веера.

В Oeil de Boeuf[211] *со всех сторон,*
Фрагонара помнишь ню,
Talon-rouge, falbala, queue[212]*,*
Герцог, кардинал – фигур
Много просят за родню, —
Это веер Помпадур!

Суть получше, чем бонтон
В той игрушке, voyez-vous[213]*!*
Государство, власть и трон,
Дел министров сто на дню;
Может, те, кто вёл резню
Тех, кто создал их сумбур;
Знак, намёк на западню, —

---

[211] Примечания: 211

Oeil de Boeuf- «бычий глаз» (фр.). Так назывались окна в виде горизонтального овала. Такими окнами в 1701 г. в Версале по проекту Пьера Лепотра (1660–1744) был оформлен интерьер королевской приемной. Комната получила название «Аванзал с бычьим глазом». Жан-Оноре Фрагонар (1732–1806), французский живописец и график эпохи рококо.

[212] Примечания: 212

Talon-rouge, falbala, queue, — красный каблук, волан, шлейф (фр.). Красные каблуки были отличительной чертой французских придворных, аристократии.

[213] Примечания: 213

voyez-vous (фр.) — видите ли.

Это веер Помпадур!

Посылка

Тайну он унёс свою,
Планов, козней, креатур.
А маркиза где? В раю?
Это веер Помпадур!

Из сборника «Собрание стихотворений» т. 1 (1895)
Парадокс Времени

«Идут года»? – Сомненье!
Спит Время, – мы в движенье.
И что за искушенье
Часы остановить,
Чтоб Юность сохранить?
«Идут года»? – Сомненье!

То зрения обман.
Спешим, как ураган,
Мы по лугам в смятенье,
Но, кажется, бежит
Земли привычный вид.
Спит Время, – мы в движенье.

Был прежде завитой
Твой локон золотой,
И мой. Щипцам – презренье.
Но вот пришла пора
Сплошного серебра.

«Идут года»? – Сомненье!

Когда-то в том лесу
Твой «снег» и «роз» красу
Моё хвалило пенье.
Тех трелей больше нет.
А роз где чудных след?
Спит Время, – мы в движенье.

В скрещении дорог
Назад идущий Рок
Унял надежд волненье.
О, где былая страсть?
Того огня напасть?
«Идут года»? – Сомненье!

Далёк Восторг хмельной,
Былое – за спиной,
Где вечера свеченье.
Спеша в последний путь,
Помолимся чуть-чуть.
Спит Время, – мы в движенье.

Из сборника «Собрание стихотворений» т. 1 (1895)

Четыре времени года

Когда в долинах
Весенний звон,
Нарцисс раскрылся
И анемон, —
Пой звёзды, утро,
И небеса,
И незабудки —
Её глаза.

Когда же летом
Густа сирень,
И птичий гомон
В саду весь день, —
Пой мёда сладость
В тени куста,
И розы алость —
Её уста.

Когда кружится

Осенний лист,

И сноп в телеге
Стоит душист, —
Пой праздник жатвы,
Парней и дев;
И в хороводе —
Её напев.

Когда зимою
Свистит пурга,
Приятно греться
У очага, —
Пой грусть и встречу
Друзей в тиши;
И после радость
Её души.

Из сборника «Собрание стихотворений» т. 1 (1895)
Феокрит (вилланель)

Певец полей, овечьих стад,
О, Феокрит![214] Свирелью Пана
Век Золотой ты петь был рад.

Вдыхал ты пашен аромат,
И ульев, и сосны дурманы,
Певец полей, овечьих стад!

Хваля пиры среди услад,
Где чаша винная желанна,
Век Золотой ты петь был рад.

Ты дал влюблённым нежный взгляд,
Свирелям – звуки без изъяна,
Певец полей, овечьих стад!

Смеясь, ты зрел весёлый ряд
Волн сицилийских постоянно…

---

[214] Примечания: 214

Феокрит — древнегреческий поэт (ок. 300 — ок. 260 до н. э.), известный своими идиллиями, в которых воспевается пастушеская жизнь.

Век Золотой ты петь был рад.

Увы! Напевы наши – хлад,
Печальны солнца средь тумана, —
Певец полей, овечьих стад!
Век Золотой ты петь был рад.

Из сборника «Собрание стихотворений» т. 1 (1895)

O, Fons Bandusae[215]

Журчащий ключ, стекла ясней,
Тебе венок и кубок сей,
Тебе козлёнок тот проворный,
С кустистой бровью – знак бесспорный —
Любить и биться у камней.

Дитя надыбилось сильней!
Увы, но кровь его с твоей
Волной сольётся чистой, горной,
Журчащий ключ!

К тебе и Сириус нежней[216].
Ты дал стадам прохладу дней.
Тебя поёт мой стих мажорный,

---

[215] Примечания: 215
Fons Bandusae — источник в сабинском поместье Горация.

[216] Примечания: 216
«К тебе и Сириус нежней…» — В канун летнего солнцестояния Сириус появляется в лучах утренней зари и предвещает летнюю жару.

Родник божественный, задорный;
И людям станешь ты родней,
Журчащий ключ!

Из сборника «Собрание стихотворений» т. 1 (1895)

Ars Victrix[217]

Когда твой путь – мученье
Средь вечной маяты, —
Рождаются творенья
Особой красоты.

Просторны, как сандальи,
Стихи быть не должны,
Поэт, надень, мы ждали,
Котурны, что тесны.

И новым дарованьям
Оставь безвольный слог.
Смотри, твоим писаньям
Нужна отделка строк.

О, скульптор, глину гордо
Не нужно больше мять,

---

[217] Примечания: 217

Ars Victrix- Искусство Победоносное (лат.). Стихотворение написано в 1876 г., как вариация произведения Теофиля Готье.

Паросский мрамор твёрдый
Рукам твоим под стать.

Сатира вид рогатый —
Для бронзы Сиракуз;
На прожилках агата —
Черты прелестных Муз.

Художник, вдохновенно
Смешай-ка новый тон,
Эмали цвет отменный
В огне печи рождён.

Голубки Эрицины[218]
Покрыли изразец,
Блеск сини и кармина —
Сирена и венец.

Всё бренно. Лишь Искусство —
Великий вечный дар;
Бюст пережил Августу[219],

---

[218] Примечания: 218
Эрицина — эпитет богини красоты Венеры.

[219] Примечания: 219
Августа — титул римских императриц.

Тиберия – квинар[220].

Исчезнут даже боги,
Но Рифмы – никогда;
Они придут к нам, строги,
Сквозь долгие года.

Резец, перо и краски —
Прекрасного столпы.
Шедевр подвергнет встряске
Молчание толпы.

---

[220] Примечания: 220
Квинар — половина денария, древнеримской серебряной монеты.

Из сборника «Собрание стихотворений» т. 1 (1895)

Urceus Exit[221]

Я задумывал Оды,
Но вернулся к Сонетам.
Началось это с моды.
Я задумывал Оды,
Только Роза у входа
В новой шляпке с букетом.
Я задумывал Оды,
Но вернулся к Сонетам.

---

[221] Примечания: 221

Urceus Exit- Слова из книги Горация «Искусство поэтики»: currente rota cur urceus exit? Речь идёт о горшечнике, который задумывал амфоры, а лепил горшки.

Из сборника «Собрание стихотворений» т. 1 (1895)

Забытая Могила[222]

Уйдя от пыли городской
Туда, где свежесть и покой,
Где на пригорке, возле ската,
Лежат ведёрко и лопата,
Ты в стороне услышал плач —
Скорбел об умершей богач.
Пройдя боярышник, вокруг
Свой розоватый дождь цветущий
На все могилы грустно льющий, —
Ты на одну наткнулся – вдруг.

Как странно! Трав густые гривы,
Казалось, были несчастливы,
И плющ тянул наискосок
К соседней урне свой росток.
Плита засыпана, ты взгляды

---

[222] Примечания: 222

Стихотворение впервые напечатано в журнале «Littell's Living Age», 128, 1876 г. (№ 1654).

Бросал, нагнувшись у ограды.
Где имя? Цифры «7» и «6»,
«Несчастья», «Небо» – смог прочесть.
И дальше надпись пробегая,
Читал – Ирония какая! —
«Ушла, но вечно дорогая».

Из сборника «Собрание стихотворений» т. 1 (1895)

Рондо к Этель[223]

Той, которая хотела бы жить:
«В те времена чаепития с Чепцами и Кринолинами
(или в то время, когда носили Парики»[224]*)*

«В те времена»! бы платья шик
Лишь подчеркнул твой милый лик;
Ты как БЕЛИНДА[225] *мушке рада;*
Была б Пастушкою-отрадой,
Надев напудренный парик!
А я б в словах своих достиг
Тщеславья СЭРА ПЛУМА вмиг,

---

[223] Примечания: 223

Стихотворение впервые напечатано в «Littell's Living Age», 137, 1878 г. (№ 1769).

[224] Примечания: 224

Эпиграф: Цитата из баллады Альфреда Теннисона «Говорящий дуб».

[225] Примечания: 225

Оскорблённая красавица Белинда и сэр Плум — напыщенный вельможа: персонажи героикомической поэмы Александра Поупа (1688–1744) «Похищение Локона».

Играя тросточкой с бравадой
«В те времена!»

Коль каждый в роль свою проник:
То был бы наш успех велик!
Презренье – ты, а я – досада:
Сам Август выдал бы награду![226]
Но…страсть была б сильна, иль пшик, —
«В те времена!»

[226] Примечания: 226
Намёк на нравы во времена римского императора Августа (63 г. до н. э. — 14 г. н.э).

Из сборника «Собрание стихотворений» т.2 (1895)

В том вечном сне

В том вечном сне, когда одет
Мой камень будет в первоцвет,
Хоть мир венцом желанных благ
Одарит прах мой кое-как,
Я не спрошу, не дам ответ.

И не увижу там рассвет,
И не услышу ветра, нет,
Немой, как сотни бедолаг
В том вечном сне.

Но я живу, мечтой согрет,
Что кто-то скажет: «Вот поэт.
Он заключил с Искусством брак,
Позору и разврату враг».
Смолчат? – О, память, ты – во вред
В том вечном сне.

Из сборника «Собрание стихотворений» т.2 (1895)
Песня Сада

Здесь цветут в укромном месте
Гиацинт и роза вместе,
Здесь, у простеньких стеблей,
Щегольнул огнём алтей.
Здесь для каждого видны
Званья, ранги и чины.

Все сезоны держат путь
В тихом месте отдохнуть;
Персик, смоква, абрикос
Здесь созреют среди лоз,
Где достаток лёг волной,
Что не видел Алкиной[227]*!*

Среди зелени аллей
Дрозд порхает всё смелей;

---

[227] Примечания: 227
Алкиной — царь феаков, богатого народа мореходов. Когда потерпевший на пути с острова Калипсо кораблекрушение Одиссей высадился на Схерии, то Навсикая, дочь Алкиноя, привела его во дворец отца, который окружён был прекрасными и цветущими садами.

По стене ползёт пчела,
Как на праздник, весела;
Ещё тихо – но вдали
Шум подвижников земли.

Здесь длинны и дерзки тени,
Здесь встречаются для пенья.
О, сад-бог, даруй мне свет,
Коль мирского рядом нет,
Коль я снял печалей груз —
Отыскать прекрасных Муз!

Эдмунд Уильям Госс[228] (1849–1928)

[228] Примечания: 228

Сэр Эдмунд Уильям Госс (Gosse, Sir Edmund William), поэт и писатель, был единственным сыном зоолога Филипа Генри Госса. Получив солидное образование, Эдмунд сначала работал в отделе каталогизации британского Музея, затем как переводчик в министерстве торговли, а потом служил библиотекарем в Палате лордов. Его сборники поэзии: «Навиоле и флейте» (1873), «Новые стихотворения» (1879), «Осенний сад» (1909) и др. Он был хорошо знаком с прерафаэлитами и Суинбёрном. Как литературный исследователь, Госс написал несколько критических эссе и биографий. Среди них самые интересные: о поэтах Томасе Грее, Джоне Донне, Суинбёрне и драматургах Генрихе Ибсене и Конгриве. В 1870 г. Госс совершил поездку в Шотландию, где встретился с Робертом Льюисом Стивенсоном, ставшим его другом на всю жизнь.

В августе 1875 г. Эдмунд Госс женился на Эллен Эппс, молодой художнице круга прерафаэлитов. Их брак счастливо продолжался более 50 лет, и у них было трое детей: Эмили, Филипп и Лора. Несмотря на столь долгое супружество, Госс являлся скрытым гомосексуалистом, о чём сообщают его современники. Он много сделал для популяризации в Англии творчества Генриха Ибсена и других скандинавских писателей, а так же современных писателей и художников Франции. В 1884–1885 гг. Эдмунд Госс провёл тур лекций в Соединенных Штатах, а затем читал лекции по английской литературе в Кембридже. Он был знаком со всеми знаменитостями литературного Лондона, и его дом являлся местом встречи для многих его друзей. В 1925 г. Эдмунд Госс получил рыцарский титул.

Из сборника «Мадригалы, песни и сонеты» (1870)
Воспоминания

О, девы зеленеющей долины,
О, странницы средь вереска болот,
Хозяйки дальних склонов и высот,
Куда борей врывается лавиной.
Они в туниках, с песнями Эллады,
Ко мне идут сквозь Южные врата:
Тела лилейны, розовы уста,
Фиалки глаз – души глубокой взгляды.
Одни в венках, где гиацинт и моли[229],
У них улыбка грусти на губах,
А сумерек вуаль на их глазах
Скрывает сласть и негу меланхолий.

---

[229] Примечания: 229

Гиацинт — цветок печали. По греческому мифу, из крови нечаянно убитого упавшим медным диском прекрасного юноши Гиацинта вырос алый, ароматный цветок — гиацинт, на лепестках которого запечатлелся стон скорби бога Аполлона, бросок которого стал причиной смерти его любимого друга. Моли — в греческой мифологии, волшебная трава, которую Гермес дал Одиссею как противоядие от чародейства волшебницы Цирцеи (см.: Гомер. Одиссея); вырывать моли из земли могли только боги.

Другие шли с гирляндой мандрагоры[230] —

Подлунные в полях Цирцеи сборы.

Живая картина

Постукивала туфельками вяло
Она порывам ложным вопреки,
А тёмно-красной розы лепестки
Волна её златых волос объяла.
На пчёлку, что о мёде зажужжала
И жёлтые надела пояски,
Она глаза подъяла от тоски
С коленки, где луч солнца полз устало.

На лестнице шагов раздался звук,
Всё выше, всё настойчивей, шумливей —
К её лицу опять прилила кровь.

---

[230] Примечания: 230

Мандрагора — в Древней Греции мандрагору связывали с богиней Афродитой, которая иногда получала соответствующий эпитет, и с Цирцеей. Именно с помощью мандрагоры, как думали древние греки, Цирцея возбуждала в людях влечение друг к другу и удерживала Одиссея на острове Эя. Мандрагору можно было собирать только при лунном свете.

И соскользнул бутон по прядям вдруг,
Лишь запылали щёки, и в порыве
С любовью страстно встретилась любовь!

Песня кавалера

Дева стой и улыбнись,
К моей лютне повернись!
Твоих вздохов аромат,
Дверец розовых дитя,
Так звучит, как будто ад,
Что влюблённых бьёт, шутя;
Эту музыку он, ах!
Ищет всё ж в твоих глазах, —
И тогда я серенадой,
Восхищу тебя как надо.

Дева, стой! Часы мелькнут;
День придёт, погибнув тут;
В волосах у всех мужчин,
Что прекрасны и храбры,
Вьются тис и розмарин;

Время есть и для игры.
Пусть не числятся в глупцах,
Страсть раздуй ты в их глазах,
Прежде чем сойдут в могилу;
Там ведь нет лобзаний милой.

Из сборника «На виоле и флейте» (1873)
Счастливая любовь
Сонеты
II. Ликование

Как тот ребёнок, что в мечтах, вне мира,
Во мгле надежды смотрит на закат,
Когда все окна Запада, подряд,
Открыты для чистейшего Зефира,
И видит в грёзах своего кумира —
Архангела у грозных, жгучих врат,
И полн желанья бурного, и рад
Узреть его опалы и сапфиры;
Так я, кем дух Эрота оживлённый,
Незваный, бесконтрольно управлял,
Бороться, осчастливленный, не стал,
Открыл все окна, сердцем окрылённый,
И ветерок, с которым дух блуждал,
Принял душой, ни дерзкой, ни склонённой.

IV. Печаль и промедление

Не ждёшь ли от Любви ты час летучий,

О сердце! Иль поля не зелены,

Коль волны их колосьев не видны?

Иль новый не красив цветок пахучий?

Иль солнца луч не тронет нас, могучий,

Когда, устав, он ищет глубины

Морской, там, где Фетида[231] *видит сны*

Беззвёздной ночью, краткой, но тягучей?

Полна терпенья верная Любовь:

Ей мил и зимний сон, и хор весенний,

И ждёт она, что лето оживёт,

И знает – уголки лесные вновь

Зажгутся от зелёного цветенья,

А ласточка дождь тёплый позовёт.

---

[231] Примечания: 231

Фетида — в древнегреческой мифологии, морская нимфа, дочь Нерея и Дориды. От её брака с царём Пелеем родился Ахилл, герой «Илиады».

VII. Замечание

С террасы той, что в озеро глядится,
В углах тенистых сидя, как в саду,
Мы смотрим на вечернюю звезду,
Из лютни звуки пробуют родиться.
Сердца у нас в тоске грозят разбиться,
Я взгляд её, смотрящий вдаль, всё жду.
Но словно ищет дальнюю гряду
Её душа, где солнца круг садится.
С пылающим лицом у балюстрады,
На милую бросаю ждущий взор,
Пока луна не выйдет на простор,
Луна Любви; и долг моей услады —
Надежды не оплатит так, как надо,
И не пойму, что я не люб с тех пор.

X.Сомнение

Павлин кричал и важничал слегка,
В лучах искрились капельки фонтана,

Шумя, во двор спустились люди рано,
Забыли в счастье – жизнь-то коротка.
Мы в башенке смеялись у окна,
Вдруг Аполлон, похожий так на Марса[232],
Плюмаж пурпурный, яркая кираса,
Внизу сдержал галоп у скакуна.
Я видел, горд был рыцарь, без сомненья,
И сердце моё дрогнуло впотьмах:
Она, Любви не ведая смятенья,
Моей руки коснулась благосклонно;
Но выбор я прочёл в её глазах,
Сердясь от ласки, как ребёнок сонный.

XI. Подслушивание

В деревьях май поигрывал с листвой,
Краса моя сидела одиноко,
Где папоротник, выросший высоко,
Скрывал её за густью вековой.

---

[232] Примечания: 232
Аполлон- бог солнечного света, покровитель искусств, изображался с кифарой в руках. Марс, наоборот, являлся богом войны, и изображался в доспехах и с мечом в руках.

Её лицо и пряди над кустом
Виднелись чуть, она читала, млея,
Весь в пятнах тени от листвы над нею
С чудесными стихами толстый том.
Сплетал в нём Чосер[233] *горестную тему,*
Ту, где была Крессида неверна,
А Троил тосковал о ней безмерно;
Но вот, закрыв печальную поэму,
Спит против неба синего она,
Поклявшись, что сама любила б верно.

XIII. Самонадеянная любовь

Весь день блуждали мы рука к руке,
На тропках чудных пир любви вкушали,
И пальцы в изумлении дрожали
Мои в её спокойном кулачке.
Средь нив сидели мы на бугорке,

---

[233] Примечания: 233

Джефри Чосер (ок. 1340/1345-1400) — английский поэт, считается «отцом английской поэзии». Его поэма «Троил и Крессида» рассказывает о трагической истории двух влюблённых, Троила и Крессиды, которая произошла во время осады Трои. Поэма состоит из пяти книг и считается лучшей из завершённых произведений Чосера.

Где шея моя – солнце – ей нагрело
Златые пряди, что вились несмело
Вдоль моего плеча на ветерке.
И так играли мы другими днями,
Пастух, пастушка, с мнимым посошком;
Под вязом – тень ли, свет – был тихий дом,
Где страсти новой в нас пылало пламя,
Затем спустились мы и шли часами
В долине, рядом с искристым ручьём.

XV. Примирение

Средь вереска[234] *гуляя на рассвете,*
Что небо зарумянил полосой,
Увидел я обрызганный росой
Её хитон среди густых соцветий.
Она шептала – «Нет» – в своём ответе,
Лежала, отвернувшись, со слезой;
Затем, привстав, со всей своей красой

[234] Примечания: 234
На языке цветов вереск является символом одиночества и безнадежности.

В мои объятья бросилась, как в сети.
Издалека на нас смотрел Эрот,
Но прилетел, и закричал в полёте:
«Не думайте, что от меня уйдёте;
И там, где вы – всегда я с вами. Вот!»
Всё ж двое мы – не трое, при подсчёте,
Хотя Эрот – звезда, мы – небосвод.

XVI. Страх Смерти

Самонадеян, юн и полон сил,
Я под окном, в тиши ночной прохлады,
Пропеть ей собирался серенады,
И о любви в мечтах своих просил.
Но вдруг, костями белыми звеня,
Выходит Смерть из тени кипариса,
Ко мне подсев с гримасами актрисы,
И лютню отобрала у меня.
Когда с небес холодных золотая
Взглянула в глубь беззвёздных вод луна,
Прекрасный лик блеснул мне из окна;
Я, Смерти не боясь, в улыбке тая,

Стал на головку милую смотреть.
Потом назад, и что! Сбежала Смерть!

XX. Эпиталама

В лилейных прядях, на педаль органа
Любовь своею ножкой белой жмёт,
Как запах плода льётся гамма нот,
И ладаном наполнен воздух пряный.
Там, в алтаре с оградою чеканной,
Священник пальму и потир несёт,
А музыканты с лютнями вперёд
Идут средь дев, что свежи и румяны.
В венцах мы видим солнце на рассвете:
Авроры алой золотой наряд.
Пока поют дискантом чистым дети,
И мальчики кадилами звенят,
Любовь на хорах с радостною силой
Нам жизни увертюру завершила.

Прощание

Твоё лицо не вижу боле!
Плющ на крыльце, листва в садах
Зря шелестят теперь на воле —
Я им не рад, увы и ах!
В бесчувственных морях.

Когда же яркой чередою
Сквозь воздух ударяет свет,
Там, между ветром и водою,
Мне шлёт видение привет:
Восторга слабый след.

Как человек, чьи дни и ночи
В плену любовной маяты,
Когда-то мать свою воочью
Узрит с небесной высоты
Со взором чистоты;

Так я, кто в глубине опасной
Средь бурных волн хотел играть,
Во сне смогу ли ежечасно

Я о лице твоём мечтать,
Где тишь и благодать.

Рай

Её глаза – два голубка,
Её уста как вишни красны,
Как нектарин щека гладка,
В цвет абрикоса – прядь атласна.
Смеются все её черты
Над зрелым плодом, над цветками,
И ароматные мечты
В ней распустились лепестками.

В её изгибе нежных губ
Соединились Рай и Ева,
А я, Адам, кто рыж и груб,
Я недостоин милой девы.
Её люблю я всё сильней,
И чаю в высоте небесной
Познать красу души у ней

Посредством красоты телесной[235].

Гвиневра[236]

В жаркую ночь под сенью роз
(Персик, яблоко и абрикос),
Что вьются осенью в глубине
Сада по высокой стене,
Гвиневра, словно закат, в огне,
Страсть Ланселоту сулит средь грёз.

У окна, наверху, невидим, один
(Орех, яблоко и нектарин),
Гавейн[237] *лениво начал бренчать*
На лютне, и смог, наконец, узнать

---

[235] Примечания: 235

Здесь аллюзия к учению Платона (Пир, 210 a-c) о том, что постижение духовной красоты (через познание) начинается с созерцания красоты телесной.

[236] Примечания: 236

Госс обращается в этом стихотворении к знаменитому английскому сказанию о короле Артуре и рыцарях Круглого стола. Гвиневра — жена короля Артура, которая полюбила рыцаря Ланселота и вступила с ним с преступную связь.

[237] Примечания: 237

Гавейн Оркнейский — рыцарь Круглого стола, один из центральных персонажей Артурианского цикла, в основной легенде был третьим по доблести рыцарем Круглого стола (после Галахада, Персеваля, равный Ланселоту).

Лик страстный и Королевы прядь.
Усмехнулся зло паладин.

Долгий поцелуй слаще вина
(Орехи вишня, смола, сосна),
Как лёгок ножек её нажим
По листьям багряным, сухим,
Простилась с любимым своим,
Заливаясь румянцем она.

Горе душе, чей порыв смирён,
(Мухомор, полынь и паслён),
Горе чарующей той красоте,
Доблести дней, ночей чистоте,
Горе, розе – чернеть на кусте,
Горе, сердцу – терзанья и стон.

Из сборника «Новые стихотворения» (1879)

У реки

Журчит поток прозрачный
У ног, пожухлый лист
Шуршит в траве невзрачной
Под ветра тихий свист.
Природа песней этой —
Прощай, сказала лету.

Вверху, где ветер вьётся,
Создали буки сень,
И в знак любви к нам льётся
От них густая тень.
Колеблются их ризы
Последней лаской бриза.

Внизу река струится,
Пахнув старинным в нас,
Ей вековечно виться,
Вести свой древний сказ;
Тростник дрожит высокий,

Пока в нём жизни соки.

Головки поздних лилий
Раскрыли чаши в ряд
И в воду опустили
Задумчивый свой взгляд,
А свежие соцветья
Качнул осенний ветер.

Сквозь дивный мир, безбурный,
Промчалась егоза:
Блестящий луч лазурный
На крыльях – стрекоза.
Полёта шелест резкий,
Как отзвук света, блеска.

Твою держу я руку,
Любимый, то не сон;
Грозит ли тем разлука,
Любовью кто сплочён?
– «Нет!», – молвит вся природа,
Цветы, деревья, воды.

Река благословляла,
Читал молитву лес,

Нам волосы ласкало
Дыхание небес.
Без слов (они напрасны)
Уста мы слили страстно.

Я сласть вкусить, робея,
Не смог – о, сердца стук!
Ещё один, скорее,
Избавь меня от мук.
Повторное лобзанье —
То сила, жизнь, желанье.

И вот, когда пред нами
Ползёт за годом год,
Пока согрет лучами
Дар жизни, словно плод.
Когда мы стары стали
И словно злак увяли, —

Ты помнишь ли, мой милый,
Часов осенних сласть:
Сентябрь – любви горнило,
Но май принёс нам страсть:
В виденьях сна златого

Мы у ручья лесного.

Когда мгновений нежных
Погаснет яркий след,
Чувств не забудь ты прежних,
Траву и солнца свет.
И помни всё, прошу я,
О первом поцелуе.

Могила менады[238]

Та дева, кто в священной роще
Вкруг сосен у Лидийских[239] гор
Пускалась в пляс безлунной нощью
Под буйства хор,
И чья свирель, листвой увита,

---

[238] Примечания: 238

Менады (по-древнегречески — безумствующие, неистовствующие), или вакханки — спутницы Диониса (Вакха), участницы оргиастических вакханалий.

[239] Примечания: 239

Лидия- государство в центральной части Малой Азии, откуда в сопровождении менад и вакханок Дионис отправился сначала во Фригию, потом во Фракию и далее в Грецию. См.: Еврипид. Вакханки.

Визжала, как свирель Котито[240].

Кто лоб себе плющом венчала,
Пила трёхкратно на заре,
Из ивовой коры фиала,
Что в серебре,
Крича со страстными губами
Подобно буре над холмами,

Теперь лежит, где тополь с грустью
Шуршит листвою день-деньской,
Где у могилы ропот устья
Даёт покой.
Прощай – скорбят все об утрате
Тех громких криков на закате.

Купание

Прикрыв ладонью розовый сосок,
Чтоб дрожь унять, свою боязнь измлада,

---

[240] Примечания: 240
Котис, Котито — фракийская богиня, подобная Кибеле, олицетворяющей матерь-природу. Поклонение Котито было родственно оргиям Диониса и отличалось первобытной дикостью и жестокостью.

Лисидика нырнула, и прохладой
Пылающую грудь объял поток.
Обыскивает жёлтый мотылёк
Ей розы в волосах, летя из сада,
А бриз проник сквозь полога преграду
В её для сна священный уголок.
Она лежит в нём, нежная, как пена
Из лепестков, покрывших вод кристалл.
Что за виденье сон ей ниспослал?
Вчерашнюю она узрела сцену,
Когда под кровожадный крик арены
Сражённый гладиатор умирал.

Аконит

Зловещий дар – цветок сей аконит,
Печальной ночью мартовской рождённый,
Когда с Востока ветер раскалённый
Земли приволье ужасом казнит.
В глухом лесу, где солнце не блестит,
Под лиственницей тёмной и зелёной

Он вырос и, взглянув на свод спалённый
Небес безлунных, принял страшный вид.
Смотри! не любит злостный сей цветок
Весну – смешную, резвую девицу;
Нет, он, скорее, вредная вещица,
Чем дар весны, где бьётся щедрый сок.
Он злость Зимы последняя, и в срок
Как мерзость будет выброшен десницей.

Из сборника «Осенний сад» (1909)
Сон-тиран

Сей мир живой недвижим, как подводный,
Пропитан весь сиянием луны,
Сквозь ветви бука звёзды нам видны,
Как филина златистый взгляд холодный.
По зелени стеклянной и бесплодной
Плывут восторга лживые челны,
Как тени фантастической страны,
Прохладной, тихой, жалкой, безысходной.
Предатель-сон, беги скорее прочь!
Тень пылкая, оставь мой рай священный!
Восторг, не покоришь ты сердце мне!
В прозрачную, мечтательную ночь
Уловкой лжи ты свет вернул мгновенный,
О, сон-тиран, чарующий вдвойне.

У казино

Как персик ночь благоухала,
Темнел холодный парапет,
Быть может, значил слишком мало,
Иль слишком много наш обет!
Рыданья музыки из сада
Неслись в пурпурный небосвод;
Не смели мы в ту ночь услады
О смерти думать, что нас ждёт.

Как лозы пахнет бриз незримый,
У известковых гор скользя.
Не все надежды исполнимы!
Но не надеяться нельзя.
В печали струн, в стенаньях меди
Раздался ликованья глас;
Но лад уплыл, как тучи эти,
И кто же здесь грустнее нас?

Листвою лавр засеребрился,
Тёк лунной ночи аромат;

Наш пульс задорной песней бился,
Невыразимо жизни рад.
Исчезли прежние запреты,
И тайный страх, и тень тревог;
Холодный мрамор парапета,
Как персик – лёгкий ветерок.

Эндрю Лэнг
(1844–1912)

Из сборника «Стихотворения в модном стиле» (1885)
Баллада об ученице Гертона[241]

Посылка

Она Гертона[242] платье надела,
В латынь с греческим углублена,
В лаун-теннисе юбка взлетела
Её так, что ханжа взъярена.
Может, речь её и слабина
(Опечалены дамские лица),
Зато в алгебре – очень сильна,
π – легко вычисляет девица.

---

[241] Примечания: 241

Эндрю Лэнг (Andrew Lang), английский (шотландский) писатель, мифолог, историк, журналист и поэт родился в г. Селкирк в 1844 г. Будучи старшим ребёнком из восьми, Лэнг, несмотря на сложное финансовое положение семьи, получил хорошее образование и стал одним из самых плодовитых шотландских писателей. После окончания академии в Эдинбурге и университета Сент-Эндрюс, Лэнг продолжил изучать классическую литературу, а также средневековую поэзию Франции. В 1872 г. он опубликовал своё первое поэтическое сочинение — сборник «Баллады и тексты старой Франции». В возрасте 31-го года Лэнг сочетался браком с Леонорой Аллейн. Не имея детей, они много путешествовали по всей Европе.

Наибольшую известность принесли Лэнгу его работы по мифологии, а также его цветные сказочные книги (более 400 историй разных народов и стран), которые начались в 1889 г. с «Голубой сказки»

и закончились в 1910 г. сиреневым цветом. Он также работал над переводами классической литературы, в том числе «Одиссеи» и «Илиады» Гомера и других античных поэтов. После 1880-х годов Лэнг издал ещё несколько поэтических сборников. Как журналист Лэнг был известен и востребован разными периодическими изданиями. Он также был редактором нескольких книг. Будучи одним из самых известных авторов того времени, Лэнг ежегодно имел несколько публикаций вплоть до своей смерти в 1912 г.

[242] Примечания: 242

Гертон (Girton) — известный женский колледж Кембриджского университета. Основан в 1869 г.

Рассуждает о «спурте» умело,
(В этом блажь не девичья видна),
Отдаётся и флирту всецело
В плоскодонке, где бухта темна.
Если дно потечёт у челна,
Может плыть, как летать может птица,
И фехтует, и с гольфом дружна.
п— легко вычисляет девица.

Скопас, Мирон[243]*, мозаики: смело*
Обо всём прочитает она;
Вот монеты, вот древняя стела,
Вот безносые бюсты – умна!
Мысли Кобета[244] *знает сполна,*
Пишет κάι или κεν на странице,
Её помощь быстра и нужна,

---

[243] Примечания: 243

Скопас, Мирон- Скопас (ок. 395 до н. э. -350 до н. э.) — древнегреческий скульптор и архитектор эпохи поздней классики, представитель новоаттической школы. Мирон — древнегреческий скульптор середины V в. до н. э. Известна его бронзовая скульптура «Дискобол» (римская копия).

[244] Примечания: 244

Кобет — возможно, профессор С. Г. Кобет, специалист по древнегреческому языку в Лейдене.

π – легко вычисляет девица.

О, Принцесса, она – как весна,
Синь очей, щёчки, словно денница;
И я смело скажу, лишь одна
π – легко вычисляет девица.

Роберт Бриджес[245] (1844–1930)

[245] Примечания: 245

Роберт Сеймур Бриджес (Robert Seymour Bridges) родился 23 октября 1844 г. в семье преуспевающего арендатора. Закончив Итон и Оксфорд, он много путешествовал, а с 1869 по 1882 г. работал врачом в Лондонской больнице Св. Варфоломея и в больнице для детей. В 1884 г. Бриджес женился на Мэри Уотерхауз, дочери английского архитектора Альфреда Уотерхауза, и провел остальную часть своей жизни в ничем не нарушаемом сельском уединении, сначала в Йаттендоне, Беркшир, а затем в Боарз Хилл, посвятив себя исключительно поэзии и изучению просодии.

Хотя Бриджес написал несколько поэм и поэтических драм, репутацию талантливого поэта принесла ему его лирика, собранная в сборниках «Более короткие стихотворения» (1890, 1894) и «Новая поэзия» (1925). В 1913 г. Роберт Бриджес стал поэтом-лауреатом (это звание даётся пожизненно). За год до своей смерти он написал силлабическим стихом красивую, но несколько длинную философскую поэму «Завещание Красоты», посвященную развитию человеческой души, и за которую он получил Орден за Заслуги. Ещё учась в Оксфорде (колледж Тела Господня), он познакомился там и подружился с Джерардом Мэнли Хопкинсом, превосходным поэтом, и чья известность создана благодаря усилиям Бриджеса, подготовившего посмертную публикацию стихотворений Хопкинса в 1916 г. Умер Роберт Бриджес 21 апреля на 86-ом году жизни.

Из сборника «Более короткие стихотворения в 5-ти книгах» (1890)
Книга 1.3

Засохшей розы я
Храню скелет,
То боль и грусть моя,
Любви уж нет:

За прошлую любовь,
Ценней вдвойне,
Ты возвращаешь вновь
Ту радость мне.

Твой алый лепесток,
Твой аромат,
Расскажут, как увлёк
Нас летний сад.

Как взгляды солнца жгли
Над головой,
Лишь руки мы сплели,
Где куст был твой.

Однако всё прошло,
Но не могла
Ты плакать, ты чело
Склонив, спала.

Тех снов рабыня ты,
Хотя мертва,
А я забыл мечты
И те слова.

Ты вся меня свежей,
Мила, нежна:
Соль на щеке моей
От слёз видна.

Книга 1.5

Для друга коноплянка
Запела песнь весной,
Другие на полянке
Играются лесной.
Что им любовь!
Я выражу молчанкой
Лишь ту любовь.

Ведь юным восхищеньем
Полны её слова,
У друга с наслажденьем
Кружится голова
От сладких нот, —
Но я испорчу чтеньем
Звук нежных нот.

Она замолкла, песни
Друг её ждал повтор,
И вот она чудесный
Пропела на весь бор
Свой милый гимн:
А смог бы стих мой пресный
Спеть этот гимн?

Счастливое созданье!
Весной веселой ты
Забыло о страданье,
Тревогах суеты.
В плену любви
Простое щебетанье
Отдай любви.

Книга 1.6

Когда ты презираешь
Меня и хмуришь брови,
Обет мой отрицаешь,
Где скован я любовью.
Гордясь, ты, несомненно,
Отвергла несравненный
Огромный клад бесценный.

Но коль увижу вновь я —
Любовь ты возвращаешь
С улыбкой, без присловья,
И веришь, и прощаешь;
Хоть твой я непреложно,
Моя любовь, возможно,
Покажется ничтожной.

Книга 1.8

Я ныне на прогулке
Нашёл любви цветок,

Хотел его сорвать я,
Но в руку стукнул ток.

Иль то змея свернулась
Вокруг верхушки пня?
А может ежевика
Царапнула меня?

То не змея лежала,
Меня шипы не жгли,
Зажало сердце вздохом, —
Ведь милая вдали.

Книга 1.9

Под осень мак на берегу
Раскрыл две чашечки небрежно,
Седые листья, как в снегу,
А лепестки желты и нежны.

И странно так удивлены
Красноголовые кузены
Его росой из брызг волны,
Из принесённой ветром пены.

Он не любим, как тот цветок,
В полях танцующий с пшеницей;
Роняя в море лепесток,
Он одиночеством томится.

Книга 1.10

Когда сижу я рядом с ней
И от восторга замираю,
Она мне кажется родней
Не близ меня, а среди рая.

Когда вдали моя любовь,
Я как под пыткой неземною:
Глаза сомкну и вижу – вновь
Любимая сидит со мною.

Книга 1.12

Кто не стоял у волн морских,
Не пережил рассвет прекрасный
В тот день, лишь шторм сердитый стих
И смолкнул ветер громогласный?

Гурт юго-западных коней
Пасётся вкруг жилья в тумане,
О страсти смолкнувшей своей
Рыдают волны в океане.

С деревьев, башен, дальних скал
Вернулись пуганые птицы
На берег, где прилив играл,
Чтоб с морем солнечным сдружится.

Поплыли робко корабли,
Смеясь, что враг их ныне – сонный,
Суда он, разметав вдали,
Всех, как овец, ведёт к загону.

Ряд белоснежных облаков
На север гонит он туманный:
Но те, прорвавшись из тисков,
Спешат на юг, их край желанный.

С холмов далёких через луг
Ползут их тени на просторе,
И, промелькнув в долине, вдруг
С утёса падают на море.

Вдаль уплывают паруса,

Но всё ж я вижу ряд овчинный,
Что белит юга небеса,
Пятная Франции равнины.

Книга 1.13

Мне песню петь не лень,
Она, как страсть моя:
Я пел её весь день,
Шёл в разные края.
Свою открыл я тайну,
И это не случайно.

Пел небу всякий раз,
Что скрылось под вуаль:
Лазури милых глаз
Его не лучше даль.
И облака в печали
От век её сбежали.

Деревьям пел я стих,
Цветам среди полей:
Никто не схож из них
Ведь с лилией моей;

Ну, кто здесь будет смелым
С её сравниться телом?

Я морю стал кричать,
Что вздыбилось волной:
Её вольнее прядь
И танец заводной.
Твой гнев, клянусь, терпимей,
Чем хмурый взгляд любимой.

Счастливый, шёл пешком
И пел я вновь и вновь,
У леса вечерком
Узрел свою любовь:
И спел ей песню эту,
Что пел весь день я свету.

Книга 1.15
Рондо

Те с ядом стрелы он макнёт
В нектар не для пчелиных сот,
Возьмёт свой славный лук желанный,
Подвесив к бёдрам медь колчана,

И поохотиться пойдёт.

Он вынет стрелы, и зажмёт
Конец их пальцами, в полёт
Отправив звучно и обманно
Те с ядом стрелы.

Коль девушка, прижав к ней рот,
Из раны кровь вдруг отсосёт
И выпьет этот яд престранный,
То зелье обретёт нежданно,
Что страх прогонит и согнёт
Те с ядом стрелы.

Книга 1.16
Триолет

В дни первой встречи мы не знали,
Что у Любви – жестока власть.
Дружить стремились, и печали
В дни первой встречи мы не знали.
Кто б нам предрёк, как мы страдали,
Как горем обернулась страсть
В дни первой встречи? – Мы не знали,

Что у Любви – жестока власть.

Книга 1.17
Триолет

Порочны женщины с рожденья,
Кто хвастать их любовью мог?
К ничтожеству – нет хуже рвенья:
Порочны женщины с рожденья.
Создав для счастья, за паденье
Жену Адама проклял Бог;
Порочны женщины с рожденья,
Кто хвастать их любовью мог?

Книга 2.3
Весенний вечер

В зелёном я увидел Деву-мать,
Она луга кропила на закате;
Уж мог луны холодный свет сиять
Над городом, где день и ночь – что братья.
И, золота на Западе светлей,

Она туда смотрела всё смелей.

Всех листьев зеленей её наряд,
Что задрожали вечером, сверкая;
Сама она изящнее стократ,
Чем яблонь цвет, что губят ливни мая,
Прелестней и милей румяных щёк
Цветущей розы, чей недолог срок.

Желая превзойти прекрасный вид, —
Звук музыки рождает в нас волненье —
Хор соловьев на дереве сидит,
За дождь богиню славя в восхищенье;
Невидимым движеньем полон мир,
Прощаясь, от ветвей сбежал Зефир.

Над редкими верхушками дерев
Багровых облаков плывут армады
Устало, иль от дрёмы разомлев;
И лишь светило ночи рвёт преграды:
Оставив день, его следит сейчас
За девственной царицей зоркий глаз.

Её увидев, я её почтил:

Весна! Как ты обильна и прекрасна!
Мать лет моих, ты сердцу столько сил
Даёшь тебя любить и петь всечасно;
Цвет плода моего и сердца жар,
И радости моей блаженный дар!

Как хорошеешь ты из года в год,
Хотя юна, но прогоняешь зимы,
Из-за любви к тебе – в душе извод,
Прошёл сезон, и я хожу ранимый!
В любви к тебе корысти места нет,
Познав тебя, мы твой забудем свет.

Книга 2.4
Ухаживание

Не помню как, но рад
Снискать был в этом мире
Я милой дамы взгляд
На рыцарском турнире.

О приз прелестный дня:
Ей – все мужские взоры;

Зачем она меня
Избрала для фавора?

Ах! Прежде разум мой
Жил без надежд, тоскливо:
А у неё впервой
Глаза полны призыва.

Не сомневался я,
Взгляд милой ощущая,
Что благодать моя
Бесспорна и без края.

Потом пришла беда,
И страсть, что слишком хрупка,
Дрожала от стыда
За глупую уступку;

Ведь гордость я узрел
В её улыбке нежной,
И проклял, и презрел
Её обман небрежный.

Я не достиг побед,
Ухаживал и гнулся,
От самых горьких бед

Я поздно увернулся.

И к двери, в тишине,
Она пошла упрямо:
Прощанье в тягость мне,
Ей – сладостней бальзама.

Я понял бы суть слов
Её, будь я бесстрастней:
Ведь подарил любовь
Мне взгляд её несчастный.

Нет, сердце, ты не верь,
Вскричала Мудрость, рея:
Освободись теперь, —
И я простился с нею.

Я твёрд был, как кремень,
Порвал в одно мгновенье,
И потерял в тот день
Всей жизни наслажденье.

Я проследил за ней,
И отошёл без силы:
Ах! Всех она честней,
И сердцем не хитрила.

Книга 2.6
Отдых на воде

Мы к берегу зелёному плывём,
Чтоб отыскать себе затон тенистый,
Где мы, причалив лодку, отдохнём,
Усталость сняв в воде прохладной, чистой.

Сильнее, солнце, грей,
Беги, река, быстрей!

Вот зеркало Нарцисса, посмотри!
Я по нему стучать веслом не смею,
Причаливай к той иве, раз-два-три!
Ступив на пень, мы все стоим под нею.

Разделись: наш наряд
Дриады пусть хранят.

В лесу щебечут птицы. Под водой
Я глянцевые лилии срываю,
Где водорослей ряд стоит густой,
И от жары под солнцем изнываю.

Пока не отдохнём,
О пойте, птицы, днём!

А будет ночью ясно, и луна
Послужит нам, коль полной станет скоро,
Мы здесь повеселимся допоздна
И поплывём домой бесстрашно, споро.

Веди нас через ночь,
О летний светоч, прочь!

Книга 2.11
Уныние

Зачем душа моя тревожно
Возобновила в час ночной
Свой бой тяжёлый, безнадёжный —
Уйти от жизни надрывной?

И этим гибель предрекая,
Весь прошлый ужас повторив? —
Как страсть терзала плутовская,
И дружбы слабым стал мотив?

Иль чтобы вырвать из забвенья

Мне дорогие имена?
Сердца влюблённых взяло тленье,
Их друга кроет седина.

Терпи, душа: придёт возможность
Исправить всё и изменить;
Погасит музыка тревожность,
Ты силы сможешь сохранить.

Пускай грядущая услада
Переполняет твой бокал,
И ты полгрусти будешь рада
Отдать за сладостный фиал.

Блаженство жизни! В этом пенье
Для смертных радость есть втройне!
Я дни хвалю – за наслажденье,
Но недостаточно их мне.

Книга 2.12

Златое Солнце! луч
Твой путь мне озаряет:
По кругу день без туч,

А ночь – пусть умирает.

Не ставишь ты препон
Ни мудрости, ни силе,
Но правишь бег времён,
Что их ведёт к могиле.

А коль ты, главный шар,
Обходишь мир безбрежный,
Что ты вручил нам в дар
Отечески и нежно,

Сияй же с высоты,
Любовью неуклонной
И жизнью красоты
Наполни сад зелёный;

Дабы весну одеть
В веселье и блаженство,
А летом нам согреть
День, полный совершенства.

Богатством золотым
Коснись плодов, что спелы,
На похоронах зим
Сквозь тучи смейся смело.

Наполни блеском струй
Мне утреннее зренье
И кровь мою взволнуй
Для радостных свершений.

Взойди, ведь Бог сказал:
«Да будет Свет!», в начале.
И нам глаза Он дал,
Чтоб Свет сей созерцали.

Свети нам сквозь эфир:
За тучею густою
Не скрой тот сладкий Мир,
Где Правда с Красотою.

Проснись и шли привет,
Дай радости звенящей
Твой похвалить рассвет
И полдень твой палящий;

И вечер дай без туч,
И ночь, что умирает;
Златое Солнце, луч
Твой – путь нам озаряет!

Книга 2.13

Я так любил цветы:
Их чудо увяданья,
Союз их пестроты
С медком благоуханья.
Медовый месяц – сласть:
В глазах – любовь и страсть,
Но все увянут в срок:
И песнь моя – цветок!

Любил я ветерки,
Что гибли, не черкая
Приветствия значки
На жидком небе, тая.
И страсть души огнём
Являли, сгинув в нём
Среди небытия.
Как ветер – песнь моя!

Умри, о песнь, как вздох,
Увянь бутоном лилий:

Пускай цветок засох,
И ветерок – в могиле!
Лети с восторгом в мир
Вкусить любовный пир!
А красота у плит
Льёт слёзы на гранит.

Книга 3.5
Философ к своей возлюбленной

Коль ты не можешь зреть
И ведать тот холодный
Мрак скорби безысходной,
Меня поймавшей в сеть:
Я мысли безнадёжны
Словами смог облечь —
Обидеть ими сложно,
Не ранит воздух меч.

Коль я с тобой готов,
Как некто приглашённый
Вкусить еды исконной
От фей волшебных снов,

Воюющих в стремленье,
Чтоб стали для него
Все думы и движенья
Приятнее всего.

Поэтому была
Столь странной, сладкой тайна
Любви твоей бескрайней,
Что сгинуть не могла,
Что не томит мне сердце,
Целующее мрак,
Не зная, ты ли в дверце,
Кому твой тайный знак.

Как много было нег
И милых мне улыбок,
И лёгких слов, что зыбок
Мой разум стал навек.
О как стремится, рдея,
Мечта всех прежних дней
К мирам счастливым, где я
Всё часть любви твоей.

Книга 3.6

Спеши, восторг! Твой ценный клад —
Стремительный полёт.
Я с наслажденьем видеть рад
Крыла твоих красот.
Глянь! Ароматнейший цветок,
Чьи стебли я сорвал,
Хотя его и краток срок,
Прекраснее предстал.

О юность, сила, божество,
Недолог ваш удел;
Будь он длиннее моего,
От вас бы я не млел.
Нет, жизнь отвергнет ту любовь:
Вернутся ли тогда
Те дни, чтоб наслаждаться вновь?
Вернуться! Никогда.

Книга 3.8

Хвалю цветок я нежный:
Унылым зимним днём
В саду в беседке снежной
Искал я радость в нём.
Дало его цветенье
Мне облегченье.

Хвалю красу-девицу:
Её счастливый смех
Мне в скорби дал частицу
Надежды на успех.
И снова белокрылый
Мой дух унылый.

Я деве из боязни
Не смог «люблю» сказать,
И розе слов приязни
Моих не услыхать.
Но здесь хочу сплести их,
Чтобы найти их.

Книга 3.9

Зимняя ночь, всё снега и снега,
В комнате тихо, снаружи пурга,
Спят старики после тяжкого дня,
Сын одиноко сидит у огня.

Смотрит на пламя, мечтая о ней,
Кто не появится вновь средь людей,
Но никогда не узнает о том,
Что возле кресла был рядом фантом.

Скорбь и рыданья его, и слова:
«Горе мне, горе! Зачем ты мертва!
Давит земля губы, что я лобзал,
Грудь твою, руку, что я пожимал».

Духа не видел он, слышать не мог
Слов утешенья её от тревог,
Сердцем своим он не звал её прах,
Тут она скрылась в далёких мирах.

Книга 3.10

Моя подушка холодна,
Мне сердце гложет страх.
Я вижу сон, где смерть одна,
И я – могильный прах.
Застыла кровь,
Приди, Любовь,
Иль всё ж я – прах?

Но вот тяжёлые шаги
Услышал я в дверях.
Любовь, родная, не беги,
Пока что я не прах.
Свои лучи
Зажги в ночи,
Иль всё ж я – прах?

Книга 3.11

Неверная, ты всё же мне мила
В своей красе, коль вновь ко мне при-

шла

В мечтах будить любовь мою, что ценна

И неизменна.

Ты всё забыла, но опять моя;

Что ненависть; тебя увижу я,

И счастлив, взглядом встретившись с тобою,

С твоей волшбою.

Звезда всех звёзд, средь верных и святых,

Меланхоличных, смутных, непростых,

Ты радость, что лелеял я сердечно:

Ты будешь вечна.

Зачем другим свой отдаёшь ты клад,

Ведь ревновать тебя всегда я рад?

Мне снится, что меня ты приглашаешь

И утешаешь.

Но с каждым днём восторг проходит мой,

Я с болью вижу путь, покрытый

тьмой,
Покинуло свой дом воображенье —
Опустошенье.

Влюблённые, расставшись, так живут:
Ты – прошлое презрела средь причуд,
А я – в мечтах всё так же им владею,
Его лелею.

Книга 3.12

Моим глазам ты рада?
Но кто я? Мой удел —
Не лучше тех, кто смел
Мечтать, что ты – награда.
Не время заставлять
Любовь стихи писать.

Мой слух ты похвалила:
Чуть-чуть! Но голос твой
Сердца других с лихвой
Наполнил бодрой силой;
Я рад лишь миг: но, знай,
О песнь, не забывай!

Кем станешь ты мне вскоре?
Ну как сказать? Луной,
Что льёт свой свет ночной
В губительное море; —
Желанным кораблём
Для тонущего – днём.

Книга 3.16
Песня

Люблю глаза любимой
Я больше всех красот,
В ней жажда быть ценимой,
Ей локон солнце вьёт;
А в зеркале дивит
Её изящный вид.

Хоть все вокруг желают
Те прелести, ценя,
Её глаза пылают,
Лишь взглянут на меня.
Люблю я только их,
Что мне глаза других.

Кому мой стих по нраву?
Я знал Вас по глазам,
Восторг недолго, право,
Переливался там:
Они в пути, как я,
Вдали любовь моя.

Книга 3.17

С тех пор как ты нежной, верной,
Так долго меня любила,
Снова меня одарила
Ты радостью столь безмерной.

С тех пор ты стала милее,
(Сердца у других, как льдины),
Живёшь ты любовью единой,
Всё ближе ко мне, нежнее.

С тобой все мои награды,
С тобой все мои даренья,
Рука ты в моём творенье,
Ты – сердце моей услады.

Тебя не дарил сердечно,
Но жду на Небо попасть я,
За всю любовь твою счастье
Тебе дал Творец твой вечный.

Книга 3.18

День ясный прогоняя,
Ложится вечер мглой,
Бриз, волнами играя,
Предрёк быть ночи злой.
Гром громыхает дальний.

Последних чаек стая
Кружится над скалой.
Как в памяти печальной
Восторгов прежних рой,
Крыл белых тает строй.

Шлюп скрылся за горой,
Смерк солнца луч прощальный,
Решили тучи с края
Скрыть лунный лик овальный.
А ты одна, родная.

Книга 3.19

О юноша, прощай!
Надежду обретая,
Взор вспять не обращай,
За Истиной взлетая.

Летя сквозь бурный край,
Среди огня блуждая,
Не уходи, познай
Мучения, страдая.

Ты Веры не теряй,
Смерть гордо презирая,
Тогда увидит рай
Душа твоя, сгорая.

Коль рядом страсти май,
И красота святая,
В бессмертный хор их, знай,
Твой глас вольётся, тая.

Книга 4.1

Люблю я все красоты
И поклоняюсь им.
Так не хвалил я Бога;
Пусть наша жизнь убога,
Но мы их свято чтим.

И в творчестве я радость
Хочу найти сполна;
Хотя она виденьем
Пройдёт, как с пробужденьем —
Мечта пустого сна.

Книга 4.3

Вверху небес голубизна,
Где жемчуга и снег летучий;
Клочками чёрного руна
Закрыли высь густые тучи.

Их тени пляшут над холмом,
Среди вершин и в буераке,

Белёной мельницы проём
То на свету, то в полумраке.

Книга 4.4

С неба уходят тучи,
Ветер на море стих,
Месяца лик над кручей
В скорбях увял своих.

Он освещает гребни
Бледно-свинцовых волн,
Ревом их быстрой пены
Сумрачный берег полн.

Запада саван алый
Скрыл уходящий день,
Звёзды крадутся вяло
Под небосвода сень.

Пена белей и белее,
Месяц светлей и светлей.
К дому свернул я в аллее
С тенью бегущей своей.

Книга 4.8

Весна приходит в мае
Белее молока;
В кудрявом свете тая,
Блуждают облака.

Капустницы над крышей,
Ромашка расцвела,
И рассыпают вишни
Снежинки у ствола.

Книга 4.9

Мне красота нужна
И Божья благодать,
Надежда у меня одна:
Взор к небесам поднять.

Сияющий поток
Течёт от звёзд волной, —
Так стал для нас Любовью – Бог,
Любовью неземной.

И в ком пылает страсть,
Восторгами маня,
В глазах того искрится часть
Небесного огня.

Книга 4.10

Любовь, ты муза для меня,
Тебе, средь лучших, в рвенье
Несу, колени преклоня,
Я жертву и моленье.

Дары их славили твой храм,
Меня позоря, всё же
Их тяжбы – просто стыд и срам,
Мой иск намного твёрже.

В венках лавровых каждый рад
С победой жить спокойно,
Но их гордыня от наград
Презрения достойна.

Не нужен мне на лбу венок,
А на руках – алмазы;

Мой дар – желанья – мой челнок,
Мольба – твои приказы.

Моя любовь! коль от тебя
Я сумасшедшим буду,
То больше ста сердец, скорбя,
Возьмут меня отсюда.

Книга 4.11

Любовь сошла с небес ко мне:
Нежна, как росы на цветках,
Сладка, что капли по весне
В медовозевных лепестках.

Я не расстанусь больше с ней,
Осанну вечно буду петь,
Её в душе вкусив полней,
Воздам хвалу любую впредь.

Всё пусто без любви благой,
Она откроет все пути.
И нет мне радости другой,
Чем утешенье в ней найти.

Книга 4.12

Холм – сосны стояли, вздыхая,
Был мрачен и холоден день,
Долину цветущего мая
Туман оборачивал в тень.

Спит лето в глубоком ущелье,
Где цвет на деревьях багрян,
Где благоухание хмеля,
И запах шиповника прян.

Крича, возмущалась кукушка,
Железный топор, что есть сил,
У дуба с дрожащей макушкой
Железное сердце пронзил.

И грохот! В мгновения эти
Как будто мертва тишина,
Над гибелью гордых столетий
Вздыхала, темнея, сосна.

Книга 4.14

Забыть обо всём я в июне могу,
Купаясь с любимой в душистой стогу.
А в небе возводит из кружева туч
Дворцы золотистые солнечный луч.

Я песни слагаю – она их поёт,
Читаем стихи мы весь день напролёт,
Скрываясь от взоров в домишке своём.
Какое блаженство быть летом вдвоём!

Книга 4.17

Пустая жизнь прошла,
Как будто сладкий сон,
И рядом пронесла
Мечтаний перезвон.

Прекрасные мечты
Исчезли, словно дым,
Хотя средь суеты

Я радовался им.

Теперь, когда погас
Блаженства идеал,
Я говорю подчас,
Что лучше дней не знал.

Книга 4.20

Деревья мечутся во тьме.
Непроницаемой мантильей
Дождя и ветра на холме
Покрыты мельниц крылья.

Гроза в безумии своём
Ломает хрупкую пшеницу, —
Ей больше золотым венцом
Заре не поклонится.

Бездушен чёрный небосвод,
Он снова губит урожаи
Рабов земли, чей жизни ход
Трудится, умирая.

Вот так душа моя грустна,

Мои поля стоят пустые,
Надежд моих крушит она
Колосья золотые.

Книга 4.22

Когда расстался с любимой,
Три дня – только чёрный цвет;
Терзался я мыслью мнимой,
Может, в живых её нет,

От горя начал мрачнеть я,
И в тех страданьях моих
Казалось мне, что на свете
Нет одиноких таких.

Я плакал; то не позорно
Мучиться сердцем: потом
Мчался я к милой упорно,
Под вечер пришёл к ней в дом.

При виде её все грозы
Прошли; о, моя любовь!
В глазах её были слёзы,

Когда вопросил я вновь:

«Вернёшься?» – её рыданья.
– Я думал в теченье дня:
Не вынесу я страданья,
Коль ты покинешь меня».

Книга 5.3

Любовь мудра, когда
В любви есть лад,
И благости звезда —
Твой резвый взгляд.

Но самый худший грех —
Твой хмурый лик,
Стихает солнца смех,
И ангел сник.

Эрнест Майерс[246] (1844–1921)

[246] Примечания: 246

Эрнест Джеймс Майерс (Ernest James Myers), переводчик и поэт, получил классическое образование в Челтеме и в Оксфорде. В 1868 г. он стал членом совета Уодэм-коллежда, где преподавал в течение трех лет, затем переехал в Лондон и в течение двадцати лет работал там как переводчик и редактор. Наиболее известно сотрудничество Майерса с Эндрю Лэнгом и Уолтером Лифом при переводе «Илиады» Гомера. Майерс также издал пять поэтических сборников, используя в них темы древнегреческих и латинских авторов.

В Лондоне Майерс женился на Норе Маргарет Лодж, от которой у него было пять детей. Он также служил секретарем Лондонского Общества расширения университетского образования и работал добровольцем в Обществе милосердия и в Общество защиты женщин и детей. На протяжении всей своей жизни Майерс постоянно занимался физическими упражнениями, включая плавание, верховую езду, теннис, прогулки и гольф. Он умер 25 ноября в Этингхеме, Сассекс, в возрасте 77-ми лет.

Из сборника «Избранные стихотворения» (1904)

Глаза младенца

В тебе и кровь моя, и кость,
Часть сердца моего,
Ведь ты мой сын, мой странный гость;
Ты всё, ты божество.

Я на твои смотрю черты,
Что с каждым днём милей,
Смесь материнской красоты
В них с дерзостью моей.

Серьёзный, но спокойный взор,
Задумчив, негасим,
Так пролетает звёздный хор
На крыльях херувим.

Два мира сложно увидать,
(Скрывает зрелость их),
В тебе слилась их благодать
Среди теней глухих:

Забытый мир, куда печаль
С фантазией летит,
И новый мир, где как хрусталь
Звезда надежд блестит.

Но время, полное забот,
Погасит быстрый взгляд;
Лишь тайный чудный миг живёт,
Лишь вечный день отрад.

Майкл Филд[247] (Кэтрин Харрис Брэдли и Эдит Эмма Купер)

[247] Примечания: 247

Майкл Филд (Michael Field) — псевдоним двух англичанок, Кэтрин Харрис Брэдли и её племянницы Эдит Эммы Купер, совместно опубликовавших в конце XIX в. 8 поэтических сборников и 27 пьес. Кэтрин Брэдли родилась в богатой семье табачного промышленника 1846 г., получила образование в колледже де Франс и в женском колледже Ньюэм, Кембридж, была хорошо образована в литературе и искусстве и достаточно финансово независима. По этой причине Кэтрин начала заботится о своей больной старшей сестре Эмме, а затем взяла на себя ответственность за дочь Эммы — Эдит, родившейся в 1862 г. Эдит также интересовалась литературой, сочиняла стихи и переводила Вергилия в подростковом возрасте. Несмотря на разницу в возрасте (16 лет), две женщины были связаны друг с другом общими интересами.

В конце 1870-х годов, к тому времени, когда они вместе стали посещать занятия в университетском колледже в Бристоле, отношения Купер и Брэдли превратились в глубокую романтическую связь. После публикации своей первой крупной стихотворной драмы «Каллироя: прекрасная Розамунда» (1884), Филд как автор получил признание в викторианских литературных кругах. Большая часть стихотворений Филда в таких сборниках как «Давным-давно» (1889) и «Взгляд и песня» (1892) довольно откровенно затрагивают женскую сексуальность и эротическую любовь между женщинами. В 1907 г. обе женщины приняли католичество, хотя до этого их творчество находилось под влиянием классической и ренессансной культуры и их языческих аспектов. Эдит умерла от рака в 1913 г., а через девять месяцев в 1914 г. скончалась и Кэтрин Брэдли.

Из сборника «Под ветвями» (1893)

Девушка

Девица,
Её душа таится,
Как жемчуг в глубине: светла, темна.
На сердце – лёгкость, на лице – весна,
Изящна бровь, что как волна
Сквозь редкий лес видна:
Губ её дверца
Дрожит, как лист осины у окна
От бури сердца.
Мы душами слились,
Но не заполнен лист.
Сей труд словесный
Закончу, коль познаю план небесный:
Ведь путь её тернист.

Влюблённый

Смертный, если ты влюблён,

То гони из жизни вон
Всё, что воодушевляло,
Защищало, подавляло.
Ты созрел? Что возраст твой?
На странице роковой
Жизни пурпурные знаки
Ярко светятся во мраке.
Что есть скорбь? Покоя дар,
Для Любви – индийский жар.
Болен! Так молись покорно
О сиделке животворной.
Смерть придёт, последним взглядом
Ты Любовь увидишь рядом.
Смерть уныла? Но смела —
Нам могилу поднесла!
Небеса – то лишь шкатулка:
Клад Любви звенит в ней гулко,
Прежде чем души горенье
Канет в бездну разложенья.
Коль ты любишь, то вослед
От людей не бойся бед.

Элис Мейнелл[248] (1847–1922)

[248] Примечания: 248

Элис Мейнелл (Alice Meynell), английская эссеистка и поэтесса, родилась в семье образованных родителей, Томаса и Кристианы Томпсон (её отец был другом Чарльза Диккенса). Элис и её сестра, художница, провели свое богемное детство частично во Франции и Швейцарии, частично в Италии. В 1875 г. Мейнелл опубликовала свою первую книгу стихов — «Прелюдии» — ещё под своей девичьей фамилией — Томпсон. Сборник был иллюстрирован её сестрой Элизабет.

В 1870-х годах Эллис приняла католичество, что привело её к издателю и редактору католической газеты Уилфриду Мейнелу (1852–1948). В 1877 г. она вышла замуж за Мейнелла, и они поселились в Кенсингтоне, став собственниками и редакторами различных журналов. Эллис продолжала писать стихи, издала новые сборники: «Стихотворения» (1893), «Последние стихи» (1902). «Посмертные стихотворения» вышли в свет в 1923 г. Она родила и воспитала семерых детей, боролась за избирательные права женщин, а также выступала против угнетения в британских колониях. Во многих её стихотворениях отражены феминистские проблемы того времени. После серии болезней, включая мигрень и депрессию, Мейнелл умерла 27 ноября 1922 г. Ее похоронили на католическом кладбище в Лондоне.

Из сборника «Прелюдии» (1875)
Возлюбленный (ая) предлагает лучшее продолжение

Твоя краса не сохранится
В любовной вечности моей.
Твои улыбки всех светлей,
Но исчезает их зарница,
Даря мне несколько лучей.

И слов твоих уходит сладость,
Как будто смерть пришла за ней,
И смех твой стихнет в шуме дней,
Твоих мелодий гаснет радость,
Но те, что мне – звучат сильней.

Ты в сердце спрячь моём в покое
Всё, что не хочешь дать, скорей.
И будь к себе, ко мне добрей.
Мой кубок полн водой речною,
Но не достигнет он морей.

Из сборника «Стихотворения» (1893)

Отречение

Не думать о тебе! с большим трудом
Любви я избегаю наслажденья —
Любви к тебе – среди небес свеченья,
В припеве песни самом дорогом.
Средь сладких мыслей светится тайком
Мысль о тебе, души моей виденье;
Её гоню из сердца целый день я;

Не стать ей ныне явью, ни потом.
Когда же сон мои закроет вежды,
Когда позволит ночь передохнуть,
Все нужные мне узы будут сняты,
И воля скинет все свои одежды,
Я с первой грёзой сна увижу путь
И побегу к душе твоей крылатой.

Мэри Элизабет Кольридж[249] (1861–1907)

[249] Примечания: 249

Мэри Элизабет Кольридж (Mary Elizabeth Coleridge), английская романистка и поэтесса, родилась в семье Артура Дюка Кольриджа, который вместе с певицей Дженни Линд отвечал за формирование лондонского баховского хора в 1875 г. Мэри выросла в литературной и художественной среде, будучи внучатой племянницей поэта-романтика Сэмюэля Тейлора Кольриджа. Среди других друзей семьи были Роберт Браунинг, Альфред Теннисон, Энтони Троллоп и Джон Рёскин. Мэри Кольридж была хорошо известна в свое время как писательница и эссеистка, и едва ли вообще как поэтесса; теперь она более известна своей поэзией.

Мэри рано начала читать, а в тринадцать лет написала свое первое стихотворение. Она каждый год ездила на Континент, и в девятнадцать лет уже знала немецкий, французский, итальянский языки и иврит; позже она изучила древнегреческий и латынь. Мэри Кольридж в течение двенадцати лет с 1895 по 1907 г. преподавала в Лондонском женском колледже. Её первая книга стихотворений — «Причудливый последователь» — была опубликована в частном порядке тиражом в 125 экземпляров в 1896 г. под псевдонимом «Анодос». Мэри Кольридж опубликовала пять романов, издавала рассказы и критические эссе. Самым известным её романом был «Король с двумя лицами», издание которого в 1897 г. принесло ей 900 фунтов стерлингов. Она никогда не была замужем и прожила с родителями всю свою жизнь. Мэри Кольридж умерла в 1907 г., оставив незавершенную рукопись своего следующего романа и сотни неопубликованных стихотворений.

Из сборника «Поклонники фантазии» (1896)

Ведьма

Я очень долго ходила в снегу,
Но я слаба и мала,
Мокрая шубка, сжатые зубки,
Дорога была тяжела.
Бродила я по цветущей земле,
А здесь лишь несколько дней.
Меня на порог поставьте, и в дом пустите скорей.

Леденящий ветер – жестокий враг,
Я долго стоять не могу,
Жёсткие руки, в голосе – муки,
И смерть на каждом шагу.
Я всё же крошка-девица,
Ножкам моим всё больней.
Меня на порог поставьте, и в дом пустите скорей.

Её голос на женский голос похож,

В нём страсти сердечной звук.
Она явилась, и пламя забилось,
И сникнув, погасло вдруг.
С тех пор не горел больше мой очаг,
Ведь я торопился к ней,
Её на порог поставить, и в дом пустить поскорей.

1893

Из сборника «Награда фантазии» (1897)

Мгновение

Короной красной облака
Венчают пики гор.
На бурном небе свысока
Ярится солнца взор.

Зачем ты смотришь на меня,
Вздыхая все года?
Во все века такого дня
Не будет никогда.

Из сборника «Стихотворения» (1908)

Замужество

Одна ты не спишь, не проснёшься одною,
Мечты и молитвы теперь вдвойне;
И сестры сказали порой ночною:
Тебя не увидим мы, дева, в окне.

Мы глаз не увидим твоих сиянье,
Смеющихся, буйных, в веселья час,
Танец твой под омелой[250], лобзанья,
Шалость твою средь нас.

Скоро должна к нам явиться матрона,
С голосом низким, мудра и мила,
Буду ли к ней я теперь благосклонна?
Ведь дева в ней уже умерла!

---

[250] Примечания: 250
Омелой в Англии традиционно украшали дома на Рождество.

«Мой милый взял моё сердце, я – его»[251]

Никто так не любил меня, как горе.
Оно с рожденья бегало за мной.
Крало игрушки с ревностью во взоре,
Осталась я одной.

Поющих птиц в моём саду сначала
Отпугивал его протяжный стон;
Оно моих любимых убивало,
Мне скорбь – его закон.

О горе, я кляла тебя юницей,
А ныне мне твоя приятна власть;
В твоих руках костистых, как в темнице,
Тебя люблю – не страсть.

---

[251] Примечания: 251

Название стихотворения — первая строка песни из романа «Аркадия» Филиппа Сидни (1554–1586), английского поэта эпохи Возрождения.

В этот день

Кто плачет у могилы,
Кто в комнате без силы,
Цветёт лишь ирис милый —
Я помню.

Лишь цикламена кроны
Раскроют все бутоны,
Мне плакать нет резона —
Я помню.

Оскар Уайльд[252] (1854–1900)

[252] Примечания: 252

Оскар Фингал О'Флаэрти Уиллз Уайльд (Oscar Fingall O'Flahertie Wills Wilde), гениально остроумный ирландец и писатель-эстет, родился б октября 1854 г. в семье дублинского врача-офтальмолога с мировым именем. Он играючи учился в колледже Святой Троицы в Дублине, а затем в Оксфорде, отличаясь страстью к знаниям, остроумием, эксцентричностью одежды, вкуса и поведения. На Уайльда повлияло эстетическое направление «искусство ради искусства» английских критиков и искусствоведов Уолтера Патера и Джона Рёскина. В 1881 г. он издал сборник стихотворений, эстетских и импрессионистических, а затем «Стихотворения, не вошедшие в сборники, 1887–1893». В 1884 г. Уайльд женился на Констанции Ллойд, от которой имел двух сыновей: Сирила и Вивьена.

Свою писательскую деятельность он начал как критик и эссеист, позже появились его прекрасные сказки («Счастливый принц» и др.), а в 1890 г. Уайльд написал свой знаменитый роман «Портрет Дориана Грея». Но его творческий гений выражается более всего в его пьесах: «Веер Леди Уиндермир» (1892), «Женщина, не стоящая внимания» (1893), «Идеальный муж» (1895) и в его шедевре «Как важно быть серьёзным» (1895). В 1891 г. Уайльд стал близким другом и любовником лорда Альфреда Дугласа, но маркиз Квинсбёрри, отец Дугласа, обвинил Уайльда в гомосексуальных домогательствах к своему сыну. Писатель был признан виновным и приговорен к двум годам исправительных работ. Освобожденный в 1897 г., он жил во Франции до своей смерти, которую приблизили его плохое здоровье и полное банкротство. «Хотите узнать великую драму моей жизни? — говорит Уайльд. — В мою жизнь я вложил весь свой гений; в мои произведения — только талант». Умер Уайльд в Париже 30 ноября 1900 г.

Из сборника «Стихотворения» (1881)

Requiescat[253][254]

Ступай легко, под снегом
Ей вечно спать,
Шепчи, ведь ей побегам
Цветов внимать.

Ржа прядь златую властно
Взяла в свой плен,
Та, кто юна, прекрасна,
Отныне тлен.

Всех лилий белоснежней,
Лишь поняла,
Что женщина: так нежно
Она цвела.

И вот плитой покрыта,
Глухой доской,

---

[253] Примечания: 253

Requiescat in pace! (лат.) — Да почиет с миром!

[254] Примечания: 254

Это стихотворение написано Уайльдом в память о своей сестре Изоле, умершей в 1867 г. в возрасте восьми лет.

Во мне – душа разбита,
У ней – покой.

Мир ей! она не слышит
Стихи сквозь снег,
Здесь жизнь моя не дышит —
В земле навек.

La Bella Donna della mia Mente[255][256]

В жестоком пламени сгорая,
От странствий тягостных без сил,
Любимой имя называя,
О песнях я теперь забыл.

О, Коноплянка, для любимой
Шиповник трелями покрой,
Пой громче, Жаворонок, мимо
Проходит кроткий Ангел мой.

О, слишком чистая, как Дева,

---

[255] Примечания: 255
Прекрасная Дама моего воображения (ит.).

[256] Примечания: 256
Впервые опубликовано в журнале «Коттабос» (октябрь 1876 г.). В нём можно усмотреть аллюзию к стихотворению Джона Китса «La Belle Dame Sans Merci».

Для страстных вздохов в уголке,
Она прекрасней Королевы
И света лунного в реке.

Мирт в волосах её сплетённых —
(Зелёный лист – златая прядь!)
Не краше среди трав зелёных
Снопов желтеющая рядь.

Для поцелуев – не для боли
Губ её маленький проём[257], —
Трепещет, как ручей на воле,
Иль роза ночью под дождём.

А шея – словно донник белый
За негой солнца восстаёт,
У конопляника зоб умелый
Не бьётся так от сладких нот.

Разрез граната в белых зёрнах —
Уст её тёмно-красный клад,
Румянец щёк – в садах просторных
Краснеет персик, солнцу рад.

---

[257] Примечания: 257

Реминисценция к стихотворению Уильяма Морриса «Хвала моей Даме», в котором есть строка: «Её полные губы созданы для поцелуя».

О гибкость рук! О белоснежный[258]
Стан для услады и тревог.
О Дом любви! О неутешный
Дождём израненный цветок!

Quia multum amavi[259][260]

Мой друг, когда священник, полный страсти,
Из раки тайной первый раз берёт
Плоть Господа, и, совершив причастье,
С дрянным вином хлеб отправляет в рот,

Он не познал, как я, благоговенья,
Когда, вонзая в плоть свой грешный взгляд,

---

[258] Примечания: 258

Последняя строфа несколько напоминает строки из баллады Суинбёрна «Долорес»: «Крупные белые чресла, и жестокие красные уста, подобные ядовитому цветку».

[259] Примечания: 259

Ибо много возлюбил (лат.).

[260] Примечания: 260

Название стихотворения на латыни является реминисценцией из Евангелия: «Прощаются грехи её многие за то, что она возлюбила много» (Лк.7:47).

Тебя всю ночь томил я на коленях,
Свершая поклонения обряд.

Коль не был бы смазлив, любил бы боле
В то лето бурной неги и дождей,
Не стал бы я наследником юдоли,
В дверях Страданья сгорбленный лакей.

Но совесть – сенешаль твой белолицый,
Бежит вослед, готовясь дать мне бой;
Я рад, что так любил – и вновь родится
От всех светил цветок мне голубой!

Silentium amoris[261]

Как солнце слишком яркостное гонит
Луну упрямо-бледную назад
В пещеру тьмы, где та мечту хоронит —
Сиять под серенаду соловья,
Так жжёт мне губы Красота твоя,
И песни благозвучные – не в лад.

---

[261] Примечания: 261
Молчание любви (лат.).

Как ветер через луг примчавшись с пляской

На буйных крыльях, лишь исчезла тьма,

Тростник ломает слишком грубой лаской,

Где песням предавался он своим,

Так слишком бурной страстью я ранним:

Любви избыток – и Любовь нема.

Тебе мой взгляд сказал всё, несомненно,

Зачем я смолк, и гриф на лютне пуст,

Не лучше ль разойтись нам откровенно:

Тебе – к тому, кто так сладкоголос,

А мне – лелеять память этих грёз:

Не спетых песен, не лобзавших уст.

Эндимион[262]

[262] Примечания: 262

Уайльд использует древнегреческий миф об Эндимионе, прекрасном юноше, которого полюбила Селена, богиня Луны. Чтобы сохранить красоту юноши (как смертный он старел бы), Селена упросила Зевса усыпить Эндимиона, сохранив ему вечную молодость.

(для музыки)

Плоды на ветвях золотые,
Аркадских птиц не молкнет хор,
Здесь блеют овцы молодые,
Набеги коз в поля пустые,
Он лишь вчера сказал впервые
Люблю! Я жду его с тех пор.
Луна, хозяйка тёмных далей!
Храни любимого, как страж.
Его ты знаешь – он мой паж,
Обутый пурпуром сандалий,
Его ты знаешь – он мой бог,
С пастушьим посохом, лукавый,
Он нежен, словно голубок,
Темноволосый и кудрявый.

У горлицы устали крылья,
Где друг в малиновых чулках?
К овчарне волки подступили,
И сенешаль прекрасных лилий
Спит в лепестках – легла мантильей
Тьма на сиреневых холмах.

Луна святая! Так мы ждали!
Стань Путеводного звездой![263]
Где мой красавец молодой?
Коль видишь пурпур тех сандалий,
Всё тот же посох, тёмный локон,
В козлиной шкуре силуэт,
Скажи ему, я жду, где окон
Вдали мерцает тусклый свет.

Росой прохладной луг покрылся,
Аркадских птиц не слышен хор,
С пригорка юный фавн спустился,
Златыми дверцами прикрылся
Нарцисс усталый, не явился
Ко мне мой милый до сих пор.
Луна обмана и печали!
Где тот, в кого я так влюблён?
Где губ пунцовых жаркий стон?
Где посох, пурпур тех сандалий?
Зачем так серебрится клён?

---

[263] Примечания: 263

Здесь имеется в виду Полярная звезда, в древности исполняющая роль звезды путеводной, по которой и путники и корабли находили дорогу.

Зачем покров туманный убыл?
Ах! Стал твоим Эндимион,
И ждущие лобзаний губы!

В золотых покоях
Гармония

Слоновая кость этих клавиш и рук —
Фантазий порывистых всплеск роковой,
Как отблеск серебряный тополя вдруг,
Когда шелестит он лениво листвой,
Иль пены дрейфующей узел живой
На волнах оскаленных, ветра испуг.

И в золоте стен – золотистая прядь,
Как в чашечке бархатцев жёлтой каймой
Сплелась паутинок тончайшая рядь,
Иль тянется к солнцу подсолнух немой,
Лишь ночь распрощалась с ревнивою тьмой,
И лилий копьё в ореоле опять.

И губ её алость на алых губах
Моих, как рубиновый свет от лампад,
Дрожащий в гробнице на красных шелках,
Иль как истекающий кровью гранат,
Иль влажные лотоса сердце и взгляд
В вине розоватом – кровавых слезах.

Impression du Matin[264][265]

Ноктюрн лазурно-золотой
Сменила в сером кантилена:
На Темзе баржа с охрой сена
Отплыла. Зябкий и густой

Из-под мостов туман ползёт,
Дома окутав жёлтой тенью,
Висит над Сити без движенья

---

[264] Примечания: 264
Утренние впечатления (фр-).

[265] Примечания: 265
Впервые опубликовано в журнале «Уорлд» (март 1881 г.).

«Святого Павла»[266] *вздутый свод.*

Вдруг шум на улицах возник,
Проснулась жизнь; чуть волочится
Повозок сельских ряд, и птицы
В сиянье кровель слышен крик.

Под фонарями взад-вперёд
Девица бродит одиноко,
Ласкает день ей тусклый локон,
Пылают губы, в сердце – лёд.

Impressions[267]
1. Les Silhouettes

На море серые буруны,
Унылый ветер лёг пластом,
Луна желтеющим листом

---

[266] Примечания: 266

Собор Святого Павла — англиканский собор, посвященный апостолу Павлу. Находится на вершине холма Ладгейт Хилл, самой высокой точке Лондона. Строился по проекту архитектора Кристофера Рена с 1675 по 1708 г.

[267] Примечания: 267

Первая часть стихотворения — Les Silhouettes — была опубликована в литературном журнале «Пан» (апрель 1881 г.); вторая часть — La Fuite de la Lune — в журнале «Айриш Мансли» (февраль 1877 г.)

Через залив несётся бурный.
На бледной отмели прибоя
Баркас чернеет, как офорт:
Весёлый юнга влез на борт,
Сверкнув улыбкой и рукою.

А на холме кричат кроншнепы;
Там, загорелы и юны,
Среди травы жнецы видны,
Как силуэты против неба.

2. La Fuite de la Lune

Весь мир спокойствием одет,
Весь мир в объятьях сновидений,
Молчанье там, где мрачны тени,
Молчанье там, где теней нет.

Лишь эхо резко принесёт
Крик одинокий и печальный,
То коростель подруге дальней
Ответ с холмов туманных шлёт.

И неожиданно луна

С небес уводит серп лучистый
К пещере мрака, в золотистый
Кисейный плащ облачена.

Стихотворения, не вошедшие в сборник

Дом шлюхи[268]

Услышав танца шум вдали,
Мы под луной туда пошли,
Остановясь у дома шлюхи.

Оркестр в нём, оглушая зал,
«Das Treue Liebe Herz»[269] *играл,*
Был слышен грохот заварухи.

Как фантастический гротеск,
Сплетая странный арабеск,

---

[268] Примечания: 268

Стихотворение впервые опубликовано в журнале «Драматикревью» (11 апреля 1885 г.). В этом стихотворении, Уайльд, будучи гомосексуалистом, резко негативно относится к проституции, и хотя в викторианском обществе проституция осуждалась и считалась социальным злом, девицы лёгкого поведения не выглядели такими отвратительными, как их изображает Уайльд.

[269] Примечания: 269

В оригинале стихотворения указано, что оркестр играл «The Treues Liebes Herz of Strauss» — Преданное, любящее сердце Штрауса. В большинстве литературных источниках пишут, что это вальс Иоганна Штрауса-младшего (1825–1899). Однако среди вальсов семьи Штраус такого произведения нет. Это, скорее всего, ошибка самого Уайльда. Зато есть произведение с похожим названием «Wenn du ein treues liebes Herz» малоизвестного немецкого композитора Вильгельма Хандверга.

За тенью тень ползла на шторы.

Как чёрных листьев вьётся круг,
Под гул рожка и скрипки звук
Кружились призраки-танцоры.

И словно жуткий автомат,
Скелет вставал к скелету в ряд —
Для пляски медленной кадрили.

Затем они рука к руке,
Смеясь пронзительно в кружке,
Па сарабанды закрутили.

Фантом-любовник неземной
Прижался к кукле заводной,
А вот они поют устало.

Марионетка – страшный вид —
Курить на лестницу бежит,
Как будто здесь живою стала.

Сказал я милой: «Что за дом!
Танцует мёртвые кругом,
И прах кружит в объятьях праха».

Но слыша скрипки визг, она

Со мной простилась и одна
Вошла в дом похоти без страха.

Стал вдруг фальшив мелодий пыл,
И вальс танцоров утомил,
И тени кончили кружиться.

По тихой улочке рассвет
В огнях сребристых сандалет
Крадётся робкою девицей.

Новое раскаянье[270]

Да, грех был мой, и я не понял это.
Теперь же лира в склеп заключена,
И лишь неугомонная волна
Подтачивает берег без рассвета.
Глубокую могилу роет лето
Себе в долине, вянущей от сна;

---

[270] Примечания: 270

Стихотворение впервые опубликовано в журнале «Корт энд Сосайети Ревью» (13 декабря 1887 г.) под названием Un amant de nos jours. А затем под названием «Новое раскаянье» — в журнале «Спирит Лэмп» (6 декабря 1892 г.). Когда Уайльд находился в Редингской тюрьме по обвинению в содомии, то в отличие от своей исповеди «De Profundis», в которой недоброжелательно относится к Альфреду Дугласу, обвиняя последнего в своих невзгодах, в этом сонете он как бы берёт весь грех на себя, посвящая сонет своему возлюбленному.

И долго ива ждать обречена
Из рук зимы серебряного цвета.
Но кто спешит по берегу опять?
(О, не смотри, любимый, восхищённо!)
Кто это в южной яркости одежд?
Твой новый Бог, целующий смущённо
Бутоны свежих уст в плену надежд,
А мне в удел – молиться и рыдать.

Альфред Дуглас[271] (1870–1945)

[271] Примечания: 271

Лорд Альфред Дуглас (Alfred Douglas), аристократ, поэт, капризный красавец, известный в жизни Уайльда как Бози, родился 22 октября 1870 г. и был третьим сыном Джона Шолто Дугласа, 9-го маркиза Куинсбёрри. После детства Альфред поступил сначала в школу Уинчестера, а после в колледж Св. Магдалены, Оксфорд. Летом 1891 г. он познакомился с Оскаром Уайльдом, а немного позже они стали любовниками. Большинство ранних стихотворений Дугласа были написаны между 1893 и 1896 гг. и появилась в литературных журналах «Спирит Лэмп», который он редактировал, и «Хамелеон». Некоторые из этих стихотворений появились во французском издании поэзии Дугласа в 1896 г. и были переизданы только в сборниках «Сонеты» и «Лирика» (1935).

В 1895 г. отец Дугласа обвинил Оскара Уайльда в гомосексуализме, а Уайльд (по наущению Бози) предъявил ему, в свою очередь, иск за клевету. Однако, как известно, суд признал виновным Уайльда. После смерти Оскара Уайльда о лорде Альфреде Дугласе все говорили с презрением, как о любовнике и музе великого писателя-эстета, журналы не печатали его поэзию. Дуглас отказался от гомосексуализма, женился в 1902 г. на Оливии Кастанс, и у них родился сын Рэймонд. В 1911 г. Альфред обратился в католицизм, а через два года расстался с женой. Последние годы своей жизни Альфред прожил спокойно на средства, предоставленные ему его матерью и женой. Но, несмотря на некрасивые поступки Дугласа по отношению к памяти Уайльда, Бернард Шоу всё же был его другом и считал Альфреда непревзойденным человеком современности и гениальным поэтом. Дуглас умер 20 марта 1945 г. после сердечного приступа.

Две любви[272]

Мечтал – что на холме я в чистом поле,
У ног земля стелилась, как сады
Пустынные, покрытые на воле
Бутонами. Задумчиво пруды
Чернели в тишине; средь белых лилий
Пылал шафран, фиалки в небеса
Пурпурные головки возносили,
И незабудок синие глаза
В сетях зелёных с робостью моргали.
Здесь были неизвестные цветы,
Что лунный свет иль тень в себя во-

---

[272] Примечания: 272

Стихотворение впервые опубликовано в журнале «Хамелеон» (декабрь 1894 г.). Стихотворение вызвало неоднозначную реакцию в обществе, так как Дуглас открыто заявил о существовании двух видов любви. Когда 26 апреля 1895 г. на суде обвинитель Чарльз Гилл попросил Уайльда разъяснить, что бы означала фраза «Любовь, что о себе молчит» в сонете Альфреда Дугласа, Уайльд сказал следующее: «Любовь, которая не осмеливается произнести своё имя» в этом столетии, является огромной привязанностью старшего мужчины к младшему: такая любовь была между Давидом и Ионафаном, Платон положил в основание своей философии, и такую любовь Вы находите в сонетах Микеланджело и Шекспира. Это именно та глубокая духовная привязанность, столь же чистая, как и прекрасная».

брав
Природной нескончаемой печали,
Испили преходящие черты
Закатного мгновенья; листья трав
Здесь каждою весною утончённо
Лелеял негой звёздный хоровод.
Купаясь в росной свежести ночной,
Тычинки лилий видели влюблённо
Лишь славу Божью в солнце, и восход
Не портил свет Небесный. За стеной,
Чей камень мох съедает бархатистый,
Глядел я в изумлении на край,
И сладостный, и странный, и прекрасный.
Глянь! Юноша сквозь сад прошёл душистый,
Прикрыв глаза от солнца невзначай,
И локоны в цветах его так страстно
Смял ветерок, в руке его кармин —
Гроздь лопнувшего разом винограда.
Его глаза – кристалл, был голый он,
Белей, чем снег нехоженых вершин,

Губ алость – вин пролитая услада
На мраморе, чело – как халцедон.
Взяв за руку, меня он без презренья
Поцеловал с печальной лаской в рот
И отдал гроздь, сказав: «О, милый друг,
Тебе я покажу мирские тени
И жизни лица. С Юга, глянь, идёт
К нам карнавал, как бесконечный круг».
Но вот, опять, в саду моих мечтаний
На поле золотистом я узрел
Двоих. Один был в полном ликованье.
Прекрасный и цветущий, сладко пел
О девах он, и о любви счастливой,
Что в юношах и девушках жива;
Был взгляд его в огне, внизу игриво
Цепляла ноги острая трава.
И злато струн, что волосы у девы, —
Слоновой кости лютню он принёс.
Как флейты звук чисты его напевы,
Цвели на шее три гирлянды роз.
Его напарник шёл в сторонке даль-
ней, —

Глаза раскрыты были широко,
Они казались ярче и печальней,
И он смотрел, вздыхая глубоко.
И были щёки бледны и унылы,
Как лилии; как мак – уста красны,
Ладони он сжимал с какой-то силой
И разжимал; власы оплетены
Цветами, словно мёртвым лунным светом.
Он в тунике пурпурной, где змея
Блестела золотистым силуэтом.
Её дыханья огнь увидев, я
Упал в рыданьях: «Юноша прелестный,
Зачем ты бродишь, грустен вновь и вновь
Средь царства неги? О, скажи мне честно,
Как твоё имя?» Он сказал: «Любовь!»
Но первый обернулся, негодуя:
«Тебе он лжёт, его зовут все – Стыд,
Лишь я – Любовь, я был в саду, ликуя,
Один, теперь и он со мной стоит;

Сердца парней и дев я неизменно
Огнём взаимным полнил без обид».
Другой вздохнул: «Желания священны,
Я – та Любовь, что о себе молчит».

Хвала Стыду[273]

Минувшей ночью в мой альков пришла
Хозяйка наших странных сновидений,
В моих глазах пылало возбужденье
От пламени её. И без числа
Явились тени, и одна звала:
«Я Стыд Любви[274], верну я пробужденье
Губам холодным, пусть лишь в подтвержденье
Красе моей и мне идёт хвала».

В лучистых тогах (что за дивный вид),

---

[273] Примечания: 273

Стихотворение впервые опубликовано в журнале «Хамелеон» (декабрь 1894 г.).

[274] Примечания: 274

Здесь Дуглас снова заявляет о своих необычных любовных привязанностях.

Под звуки флейт, с улыбкой на устах,
Всю ночь мелькали страсти предо мною.
Лишь паруса на призрачных судах
Убрали, говорить я стал с одною:
«Из всех страстей прекраснейшая – Стыд».

Нет, не смогли певцы за все столетья…[275]

Нет, не смогли певцы за все столетья
Открыть тюрьму английскую. Хоть ад
Разверзся пред Орфеем, ныне лад
И песнь бессильны, словно слёзы эти,
Что льёт любовь. И вы, на этом свете
В самолюбивой трусости стократ
Ничтожные, за хмурый, колкий взгляд
На глас пощады вы, не он, в ответе.
Кто б с вами то прошенье подписал?

---

[275] Примечания: 275
Сонет обращен к французским писателям (Золя, Копи, Сарду и другим), которые не подписали обращение об освобождении Оскара Уайльда.

Глупцы! В защиту б выступили тени:
Божественный Сократ, и кто велик —
Шекспир, Платон и Флорентиец[276] *– гений*
Скульптурных форм. И с ними рядом встал
Из вас бы каждый, но лишь в этот миг.

[276] Примечания: 276

Флорентиец — Микеланджело Буонаротти. Все упомянутые в сонете великие люди были гомосексуальны, как и сам Уайльд.

Из сборника «Град души» (1899)
Amoris Vincula[277]

Как белый голубь в клетке золотой,
Лишённый воли по веленью сердца,
И, скованный любовью и мечтой,
Не улетает, хоть открыта дверца,
И нет замков; так и моя душа
С твоею цепью связана любовной.
Но голубь, от притворства мельтеша,
Цепь разорвал изменой вероломной
И с пёстрой птицей скрылся от тебя.
Но лишь прошла луна, он снова дома,
О голосе неслышимом скорбя,
О поцелуях, дарящих истому.
Казалось, меч ту цепь разрубит, но
Её скрепило новое звено.

---

[277] Примечания: 277
Amoris Vincula — Оковы любви (лат.).

Harmonie Du Soir[278]

Void venir le temps[279]

Вот час, когда качаясь на ветру,
Цветок теряет сладость, что кадило,
И полнит звуком, запахом жару.
О, томный вальс! О, ног безумных сила!

Цветок теряет сладость, что кадило,
Звук скрипки, словно душ печальный стон.
О, томный вальс! О, ног безумных сила!
Храм Красоты и Смерти – небосклон.

Звук скрипки, словно душ печальный стон,
В них Смерти ночь рождает отвращенье.
Храм Красоты и Смерти – небосклон.
В крови купаясь, Солнце в изнуренье.

---

[278] Примечания: 278
Harmonie Du Soir — Гармония вечера (фр.).

[279] Примечания: 279
Void venir le temps — Вот пришло время (фр.).

В ком Смерти ночь рождает отвращенье —

Душа – свой прошлый свет берёт назад.

В крови купаясь, Солнце в изнуренье.

Во мне твой образ – свет святых лампад.

Скрыться в Саруме[280]

Любовь и страсть несли мне пресыщенье,

Зыбучие пески усталых дней;

Пусть пылкость рук остынет средь камней

И сумрака готических строений:

Но всё ж Амур быстрей в своём паренье,

Чем я на жалких крыльях; он сильней

Связал мне сердце лентою своей,

Опять сыграв на струнах наслажденья.

---

[280] Примечания: 280

Сарум — древнее название города и епископства Солсбери в графстве Уилтшир. Этот сонет Дуглас отправил Оскару Уайльду, который в январе 1893 г. написал ответ своему Бози из местечка Баббакомб в графстве Девон.

Но ты, мой бог, алмаз мой, первоцвет,
Мне помоги, иль я умру без звука,
Нести Любви столь сладкий, милый груз,
Чтоб разделить с тобой; какая мука
Взаимности не знать; ведь наш союз —
В венце Любви двух близких перлов свет.

К Л....[281]

Ты был мне другом, любящим, любимым,
А ныне, хоть тебя я позабыл,
Зачем приехал, и лишаешь сил
Меня воспоминаньем нестерпимым?
Итог тех дней казался нерушимым,
Я воспылал душой среди горнил,
А факел страсти в мрак свой опустил.
Ты рвать пришёл, что я сплетал гони-

[281] Примечания: 281
Стихотворение, скорее всего, обращено к Лайонелу Джонсону (1867–1902), кузену Дугласа и его другу (Джонсон был скрытым гомосексуалистом).

мым?

Среди цветов, дарящих забытьё,

В венке нарциссов жёлтых прошлых снов

Душа моя израненной блуждала.

Увы! теперь дорога для неё

В час мрачных дум и скорби запоздалой —

Сменить цветущий дол на грусть холмов.

Из сборника «Сонеты» (1909)
Мёртвый поэт[282]

Он прошлой ночью снился мне, и свет
Его лица не затеняло горе,
Как прежде, в нарастающем мажоре
Его я слышал голос – самоцвет.
Банальный вид скрывал величья след,
Из пустоты явив нам чудо вскоре,
Пока весь мир был в чарах на просторе,
И жалкий люд был в красоту одет.

Снаружи крепко запертых ворот
Скорбел я: о несозданных страницах,
Забытых текстах, тайне полуфраз,
О диве ясно б сказанных красот,
Безмолвных мыслях, – как о мёртвых птицах.
Проснувшись, я узнал – поэт угас.

---

[282] Примечания: 282
Сонет создан в Париже в 1901 г. и посвящен смерти Оскара Уайльда.

К Оливии[283]

I

II

III

IV

V

VI

Когда в мечтах я вижу сложный ход
Прошедших лет, что дали мне основу,
То скорбный суд воспоминаний снова
С дорог в тумане времени зовёт
Фантомы дней забытых в свой черёд,
Что жалостливо обсудить готовы,
Как без тебя душе моей сурово —
Пуст без хвалы тебе был каждый год.

Ведь ты, конечно, там, где жизнь слад-
ка,

---

[283] Примечания: 283
Сонетный цикл создан в 1907 г. и посвящен супруге Альфреда Дугласа — Оливии.

Там, где в цветах мы раньше утопали:
В тревоге, горе, страхе был наш путь.
В крови все ноги, в синяках рука:
Сражался со зверями я в печали
И на твоей груди сумел заснуть.

О, как я расточал беспечно счастье
И не был перед злобою смирен,
Блаженствуя, попал я в этот плен,
Плен дураков и светского пристрастья.
Я впал в соблазн и заслужил напасти,
Но никогда не преклонял колен
Пред Ханжеством и посреди измен
Не одевал, как платье, гнев всевластья.

Когда умру, родная, напиши:
«Его любовь качалась, как лампада,
Что освещала жизни зал не зря,
Где каждый уголок и щель в тиши
Лучи златые полнили с усладой,
И он купался в волнах янтаря».

Давным-давно в Италии жила ты,
Была принцессой маленькой в стране,

Где всё так чудно, сладостно втройне.
В глазах: надежда, памяти раскаты,
Пророчество – что сбудется когда-то;
Судьбе ты «нет» сказала в тишине,
Скончавшись незапятнанной вполне:
Сердца разбиты, а стихи измяты.

Любовь, сплетая годы на станке
Веков, тебя нашла рождённой снова
И, вырастив, вернула прежний вид;
Лишь жизни день тьма скрыла вдалеке,
Я выглядел так жалко и сурово,
Что руки мне дала ты без обид.

И мысли мои пчёлами незлыми
Льют в соты для тебя хвалений мёд,
Где пахнет роза, где жасмин цветёт,
Где ноготки с головками златыми:
Они чуть стонут – синий воздух с ними;
Души июльский синий небосвод
Твой свет сквозь путь фиалковый несёт.
В биенье крыл твоё мы слышим имя.

Тебе красоты радуги под стать,
Где новый дождь и новые восходы.
Для новых слёз и новый смех пустой.
Так юность возвращается опять:
Бежит, отбросив тягостные годы,
К златому дому мальчик золотой.

Ведь были мы любимцами услад,
Осмеивали бедствия и горе,
Пасли восторги с нежностью во взоре,
Когда и слабый вздох мрачней стократ
Апрельских туч – небесных пятен ряд.
Я вглубь нырял, в придуманное море,
Любил, (как сон – дитя, уставший вскоре),
Смеялся, жил: а знал зачем? – навряд.

Теперь познал любовь я без предела,
Она ведь длится дольше долгих дней;
Тебя я так люблю, что недосуг
Презреть зверей. Их пушки для расстрела
Ворот всех наших буря ставит в круг:
Мир так силён, и всё ж любовь сильней.

А коль умру, ты не должна страшиться,

Иль по ночам спускаться в тёмный зал.

Узрит мой кабинет луны овал,

В саду цветы свои покажут лица.

Пока в окно ты смотришь, прослезится

Ребёнок твой. На мой могильный вал,

Где цвет багряных роз расцвёл, увял,

Суровых вечных звёзд глядят зеницы.

И я в прихожей Смерти, там, где тьма,

Тебя дождусь, протягивая руки,

Слух напрягу – твой слышать робкий шаг;

И руки мои станут как тесьма,

Когда дышать ты тяжко будешь в муке;

Как саван твой – я немощен и наг.

Забвение

Увы! воюет Время против Бед,
Смиряет болью вспомненных утрат,
Даёт за злато скорби гниль и смрад
Раскаянья с забвением вослед.
Носить я должен траур много лет,
Душою вечно должен быть распят,
И мысли, словно волны, бросить в ад
Пустыни моря должен дать обет.

Но жизнь своей игрушкой расписной
Манит меня, как деток, непрестанно,
Простите, что неверен был и зол.
Умру душой, коль в радости хмельной,
Погруженной в забвенье иль обманы
Рассудка, не тебя я предпочёл.

Эрнест Даусон[284] (1867–1900)

[284] Примечания: 284

Эрнест Кристофер Даусон (Ernest Christopher Dowson), один из самых одаренных поэтов декадентов, а также автор разнообразной прозы, родился 2 августа 1867 г. в юго-восточном лондонском районе Ли в довольно комфортных условиях. Его родители владели сухим доком в Лаймхаусе. В 1886 г. Даусон поступил в Королевский колледж в Оксфорде, но в 1888 г. покинул его без получения степени, чтобы шесть лет проработать в доке своего отца. Даусон стал активным членом «Клуба Рифмачей», группы авторов, в которую вошли также Уильям Батлер Йейтс и Артур Саймоне. Позже издал три поэтических сборника.

Даусон сотрудничал с Артуром Муром над двумя неудачными романами, сочинил свой роман — «Мадам де Виоле», писал рецензии для журнала «Критик». В 1891 г. он познакомился девушкой, которая вдохновила его лучшую поэзию — Аделаидой Фолтинович, чьи родители содержали скромный ресторан в лондонском районе Сохо. Аделаиде была тогда всего 12 лет, и Даусону было отказано. Последние два года, после смерти отца и матери, Даусон жил во Франции, поддерживая себя переводами французских авторов и постепенно спиваясь. В Париже, убогого, больного и без гроша кармане Даусона нашёл его друг Р. Х. Шерард, который перевёз его обратно в Лондон в свой дом, где 23 февраля 1900 г. Даусон и умер.

Что есть любовь?

Что Любовь?
Ведь глупость это,
Радость иль тоски примета?
Счастье вновь,
Иль без счёта, иль ни йоты?
Что Любовь?

Хочешь, млей:
Та глупость – сладость,
И тоска в любви, и радость!
Всё есть в ней.
Ей ненастье лучше счастья.
Хочешь, млей!

Спросишь, где
Любовь укрылась?
Иль её познаешь милость
Ты везде?
Коль поймаешь – то взнуздаешь;
Только где?

А весной
Любви почины:
С гор прокладывать в долины
Путь блажной.
После встанет и обманет
Вас весной.

Из сборника «Стихотворения» (1896)
Non sum qualis eram bonae sub regno Cynarae[285]

Ах, прошлой ночью тень меж нашими губами

Легла, Динара[286]! Вздох смешался тихий твой

С лобзаньем и вином, в душе моей – с мольбами;

Я безутешен был и болен страстью старой,

Безрадостен, склонившись головой:

Тебе я верен был, как только мог, Ди-

---

[285] Примечания: 285

Стихотворение впервые опубликовано в журнале «The Century's Guild Hobby Horse» в 1891 г.

[286] Примечания: 286

Имя «Динара» Даусон позаимствовал у Горация:

> *Ты, Венера, через долгий срок*
> *Вновь войну начала? Сжалься, прошу, прошу!*

Я не тот, что под игом был

У Цинары моей кроткой! *(Гораций. Оды, IV,1* /Перевод Н. С. Гинцбурга). «Cynara» происходит от древнегреческого слова — артишок. Миф гласит, что Динара была красивой девушкой, в которую влюбился Зевс. Но громовержец не смог убедить её оставить свою мать и земной дом и стать богиней, поэтому в ярости превратил её в артишок, навсегда

поместив её сердце в центре венца из колючих листьев.

нара!

Я сердцем ощущал, как её сердце билось,

В объятиях любви всю ночь она спала,

В лобзаньях с уст её благоуханье лилось;

Я безутешен был и болен страстью старой,

С унылою зарёй смешалась мгла:

Тебе я верен был, как только мог, Динара!

Динара, я забыл: роз брошенных букеты,

Вдаль унесённых ветром; танцев буйных пыл,

Твоих увядших бледных лилий пустоцветы;

Я безутешен был и болен страстью старой,

Всё время, ибо танец долгим был:

Тебе я верен был, как только мог, Динара!

Просил вино я крепче, музыку – безум-

ней,

Но пир кончается, погас огонь лампад,

Динара, тень твоя в ночи ползёт бесшумней;

Как безутешен я и болен страстью старой,

Да, жажду я уста моих услад:

Тебе я верен был, как только мог, Динара!

Ad Domnulam Suam[287]

Девочка моей души!

Будь моей подольше:

Мы расстанемся в тиши —

Страсть не станет больше.

Я любил тебя, дитя!

Но оставлю вскоре:

И тебе, хоть и грустя,

Не доставлю горе.

Девочку моей души

---

[287] Примечания: 287
К моей госпоже (лат.).

Полюблю подольше:
Мы расстанемся в тиши —
Страсть не станет больше.

Потемнеет локон твой,
Ты уйдёшь из сказки.
Не сойтись руке с рукой,
И не будет ласки!

Девочка моей души!
Будь дитём подольше:
Мы расстанемся в тиши —
Страсть не станет больше.

Amantium Irae[288]

Когда поблекнет роза,
И минут наши дни,
В стране, где жар и грозы
Не тронут нас в тени,
Ах, будем ли мы вместе
Прошедшее прощать,

---

[288] Примечания: 288
Милые бранятся… (лете.).

И в беспогодном месте
Душою обладать?

Иль в тех местах тенистых
Коснёмся мы рукой
Лугов зелёных, чистых,
Что вспомнили с тоской?
Иль загрустим при встрече
О том, что солнца нет?
Цветы любви далече?
Нет лавров и побед?

Дитя! Ведь мрак небесный
Отправит в Никогда:
Ждёт берег неизвестный
И в трауре суда,
Обет мы завтра дали,
Сегодня – гордость в нас:
Что если им печали
Ссудил вчерашний час?

Ах, гордость мы теряем,
Иль нам она – лакей?
Коль мы наш гнев лобзаем —

Он скорбь прошедших дней.
Пока есть розы сада,
На небе солнце вновь,
Простить нам гордость надо,
Или пройдёт любовь.

Из сборника «Праздничные украшения» (1900)

К потерянной любви

Преодолеть я бездну не стремлюсь
Меж нашими путями;
Молюсь я тщетно днями,
Мертва надежда; грусть
В твоих глазах усталых, я сдаюсь.

На ясность звёзд я даже не смотрел;
Мечтал беспечно,
Что в жизнь страсть – навечно;
Но, милая, – теперь созрел,
Быть близкими, увы, не наш удел.

Я знал, конец был близок пред концом:
Так звёзды были ясны;
И я вздыхал напрасно,
Наверное, о том,
Что, как к другим – к нам не придёт потом.

Томас Гарди[289] (1840–1928)

[289] Примечания: 289

Томас Гарди или Харди (Thomas Hardy) родился 2 июня в семье каменщика и строительного подрядчика в местечке Стинсфорд графства Дорсет. После формального образования, которое закончилось в 16 лет, юношу отдали в обучение к местному архитектору. Став профессиональным зодчим, Гарди в течение долгого времени колебался в выборе профессии. Десять лет он занимался реставрацией древних церквей, получая призы от Королевского Общества архитекторов. В 1862 г. Гарди уехал в Лондон, где начал писать стихи, в которых идеализировал сельскую жизнь. В 1874 г., после женитьбы на Эмме Лавинии Гиффорд, он начал сочинять романы. Его «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» (1891) и «Джуд Незаметный» (1895) — самые известные и читаемые произведения во всём мире. Но вскоре Гарди перестал писать прозу, и почти в 60-летнем возрасте полностью отдал себя поэзии, издав несколько стихотворных сборников. Его главный труд — поэма «Династы» (1903–1908), написанная белым стихом, охватывает период наполеоновских войн.

Первый брак Гарди на Эмме Гиффорд доставил ему одни огорчения, хотя все его лучшие романы написаны во время их совмест ной жизни, а лучший цикл его стихов, созданный в 1912–1913 гг. после смерти жены, посвящен этой трудной любви. Но через два года он женился во второй раз на своей секретарше Эмилии Дугдал. Под конец жизни Томас Гарди заболел плевритом; он умер в Дорчестере, графство Дорсет, 11 января 1928 г. Его пепел торжественно захоронили в Уголке Поэтов в Вестминстерском аббатстве. А сердце его похоронили на родине, в Стинсфорде, вместе с его первой женой Эммой.

Из сборника «Стихотворения прошлые и настоящие» (1903)
In Tenebris[290]

«Percussus sum sicut foenum,
et aruit cor meum»[291]

Стуж близок час;
Моя боль утраты
Мне будет расплатой:
Гибнем лишь раз.

Листья летят;
Мне этой разлуки
Прошедшие муки
Не навредят.

Птиц губит страх;
Мне прежнюю силу
Морозом схватило,

---

[290] Примечания: 290
In Tenebris — Во мраке (лат.).

[291] Примечания: 291
В издании 1903 г. стихотворение называлось «De Profundis». Эпиграф: «Сердце мое поражено, и иссохло, как трава» (Пс.101:5).

Словно во льдах.

Мёрзлый листок;
Но друзья сердечны,
С ними я, конечно,
Не одинок.

От бури – вред;
Но любовь застанет —
Сердце вновь не ранит,
Коль сердца нет.

Тёмная ночь;
Но смерть не ужасна:
Кто ждёт, пусть напрасно, —
Сомненья прочь.

Из сборника «Зримые мгновения» (1917)

После её первого взгляда

Об угасавшем этом дне
Я даже не мечтал.
Для сердца станет ли он мне
Началом всех начал?
Иль этот вечер в тишине
Ослабит чувств накал.

Бреду домой; луна узор
Соткала из теней.
Прохожий молвил, подняв взор:
«О, скоро четверть в ней».
Ему, скажу я не в укор,
День был обычен сей.

Из сборника «Поздняя лирика и более ранняя» (1922)
Ночь в ноябре

Когда поменялась погода,
И стёкла звенели в окне,
И ветры кружились у входа,
Я ночью лежал в полусне.

По комнате листья сухие
Летели к кровати моей, —
Печаль то деревья нагие
Во тьму осыпали с ветвей.

С листком на руке моей вялой
Я думал, мы снова вдвоём:
Ты вновь, где обычно, стояла,
Сказав, наконец, обо всём.

Роберт Льюис Стивенсон[292] (1850–1894)

[292] Примечания: 292

Роберт Льюис Бальфур Стивенсон (Robert Louis Balfour Stevenson), поэт, эссеист и романист, известен своими путевыми заметками и приключенческими романами. Стивенсон родился 13 ноября в Эдинбурге, Шотландия, в семье потомственного инженера Томаса Стивенсона. С детства здоровье Роберта было очень слабым (возможно, туберкулез). В 1867 г. поступил в Эдинбургский университет, но, не имея ни интереса, ни физической выносливости, необходимой для инженерной карьеры, он в 1871 г. перешел на факультет права.

Став адвокатом, Стивенсон никогда не практиковал, возможно, из-за плохого здоровья, хотя это никогда не мешало ему путешествовать. В 1880 г. он женился в Сан-Франциско на разведённой леди Фанни Осборн и начал публиковаться. В 1883 г. Стивенсон издал свой самый знаменитый роман «Остров сокровищ», который он изначально предназначался для развлечения сына Фанни, Ллойда. Затем последовали историко-приключенческие романы «Чёрная стрела», «Похищенный» (1886) др. Стивенсон писал также и стихи, но не относился к ним серьёзно. В 1887 г. из-за продолжающихся проблем со здоровьем Стивенсон покинул Англию навсегда, поселившись с женой в Самоа в 1890 г. В этом же году вышел его сборник «Баллады». Оставшиеся пять лет своей жизни супруги провели в своем имении в Вайлиме. Умер Стивенсон 3 декабря 1894 г. от кровоизлияния в мозг.

Из сборника «Детский сад стихотворений» (1885)

Качели

Любишь взлетать на качелях, где свет,
И где воздух синей?
Скажу я в ответ, приятнее нет
Дела для всех детей!

Вверх я поднялся, лечу над стеной,
Как вокруг широко:
Речка, деревья, бычки за спиной,
Сёла вижу легко.

Пока я смотрю на зелёный сад,
Вниз смотрю на карниз —
Взлетаю снова, о, как же я рад
Взлетать и падать вниз.

Из сборника «Песни путешественника» (1896)

Спой мне о парне, который пропал

Спой мне о парне, который пропал,
Может он – это я?
Весёлый душою, уплыл он днём
К Скаю[293] *через моря.*

Малл за кормой, Рам – левый борт,
С правого бака – Эг;
Парень был жаждой славы полн,
Ныне где её брег?

Спой мне о парне, который пропал,
Может он – это я?
Весёлый душою, уплыл он днём
К Скаю через моря.

Дай мне вновь – всё, что было там,
Дай мне солнца накал!

---

[293] Примечания: 293

Скай, Малл, Рам, Эг — острова в архипелаге Внутренние Гебриды на западе Шотландии.

Дай мне глаза и душу дай,
Парня дай, что пропал.

Спой мне о парне, который пропал,
Может он – это я?
Весёлый душою, уплыл он днём
К Скаю через моря.

Остров, море, ветер, волну,
Солнца и ливней шквал,
Всё, что прекрасно и благодать,
Больше я не видал.

Краса, проснись

Краса, утром проснись от прекрасных снов,
Увидеть тебя я рад!
Проснись же ты
Ради красоты,
Когда птицы проснулись, трепещут кусты.
На западе звёзды горят.

Краса, в вечер проснись от спящего дня,

Проснись в багряный час!
День поникнул вдруг,
И тени вокруг,
Проснись, поцелуй тебе дарит друг,
Получишь ты их ещё раз!

Редьярд Киплинг[294] (1865–1936)

[294] Примечания: 294

Джозеф Редьярд Киплинг (Joseph Rudyard Kipling), английский поэт, прозаик и новеллист, родился 30 декабря 1865 г в Бомбее в семье Джона Киплинга, ректора и профессора Бомбейской школы искусств, и Алисы Киплинг. В возрасте б-ти лет Редьярд был отправлен учиться в Англию. Окончив Девонское училище, где сыновья офицеров готовились к поступлению в престижные военные академии, Киплинг далее учиться не стал, но, проявив литературные способности, начал работать в редакции газеты. В октябре 1882 г., прожив в Англии 11 лет, Киплинг возвращается в Индию. С этого времени он регулярно пишет рассказы и стихотворения.

Вскоре Киплинг женится на Каролине Бейлстир. Молодые люди переехали в США в штат Вермонт, где у них родились две дочери, а затем вернулись в Англию, где Киплингу вскоре удалось восстановить прежние позиции в литературном мире. В 1899 г., когда вся семья заболела воспалением легких, Джозефин, старшая дочь Киплинга, умерла от этой болезни. В 1902 г. Киплинг поселяется в собственном доме в графстве Суссекс, проживая там до самой смерти. В 1907 г. он получает Нобелевскую премию по литературе «за наблюдательность, яркую фантазию, зрелость идей и выдающийся талант повествователя». К этому времени Киплинг написал тринадцать томов рассказов, четыре романа, три книги рассказов для детей, несколько сборников путевых заметок, очерков, газетных статей и сотни стихотворений. Во время первой мировой войны у Киплинга погиб сын. Творческие возможности Киплинга снизились, и в 1936 г. писатель скончался в Лондоне от кишечного кровотечения. Киплинг был похоронен в Уголке поэтов в Вестминстерском аббатстве.

Из сборника «Ведомственные песенки и другие стихотворения»[295] (1886) Нравоучительный код[296] (или моральный кодекс)

Чтоб не поверили в рассказ
Вы сей, скажу я Вам,
Что я его придумал сам,
В нём правды ни на грош.

Жену оставил дома Джонс, едва успев жениться,
В горах Хуррумских ждёт его афганская граница.
Там гелиограф на скале; до своего ухода
Он научил жену читать загадочные

---

[295] Примечания: 295

Сборник Редьярда Киплинга «Ведомственные песенки и другие стихотворения» впервые напечатан в июне 1886 г. в газете «Civil & Military Gazette Press» в Лахоре. Впоследствии он был перепечатан в Калькутте в «Thacker, Spink & Co.» (Декабрь 1886) и в нескольких последующих изданиях. С каждым новым изданием Редьярд Киплинг имел тенденцию добавлять новые стихи, как среди «песенок», так и среди «других стихотворений».

[296] Примечания: 296

У Киплинга в названии стихотворения игра слов: Code (англ.) — это кодекс и код (в данном случае азбука Морзе для гелиографа).

коды.

В любви он мудрость приобрёл, она была прекрасна,

Амур и Феб им дали вновь общаться не напрасно.

В горах Хуррумских он мораль читает ей с рассвета, —

И на закате к ней летят полезные советы.

«Держись подальше от юнцов в своих мундирах алых,

Беги отеческих забот от стариков бывалых;

Но есть Лотарио[297] *седой, (о нём моя баллада),*

Их генерал, распутный Бэнгс, страшись его как ада».

Однажды Бэнгс и штаб его скакали по дороге,

Вдруг гелиограф засверкал активно на

---

[297] Примечания: 297

Лотарио — персонаж романа Сервантеса «Дон Кихот», настойчивый ухажёр и распутник, и с тем же именем и характером — персонаж комедии Николаса Роу (1674–1718) «Прекрасная Пенитента».

отроге,

Бунт на границе, мысль у них, или постов сожженье —

Остановились все прочесть такое сообщенье.

«Тире, две точки, два тире». Божится Бэнгс: «Химера!»

«Не обращались никогда «милашка» к офицеру!»

«Малышка! Уточка моя!» Чёрт подери! «Красотка!»

О дух Уолсли![298] это кто сигналит с той высотки?»

Молчал дубина-адъютант, молчали все штабисты,

Они записывали текст, скрывая смех искристый;

Уроки мужа все прочли, и не без интереса:

«Ты только с Бенгсом не танцуй – распутнейший повеса».

---

[298] Примечания: 298

Лорд Уолсли — английский маршал, позже был командующим всеми вооружёнными силами Англии во время англо-бурской войны.

(Советы вспышками давать была его задача;

Любовь, как видимо, слепа, но люди в мире – зрячи).

Он, осуждая, посылал своей жене сигналы:

Детали всех пикантных сцен из жизни генерала.

Молчал дубина-адъютант, молчали все штабисты,

Как никогда побагровел у Бэнгса зоб мясистый,

Сказал он с чувством, наконец: «То частная беседа.

Вперёд! Галопом! По три – в ряд! Не обгонять соседа!»

И к чести Бэнгса, никогда, ни словом, ни приказом,

Джонс не узнал, что тот следил за гелиорассказом.

Но от Мултана до Михни Границе всей известно,

Что наш достойный генерал «распут-

нейший повеса».

Из сборника «Стихотворения» (1939)

Мольба[299]

Коль Ты с восторгом что-нибудь
Из дел моих постиг,
Позволь спокойно мне уснуть
В той тьме, что Ты воздвиг.

И вот он, краткий, краткий миг —
Хладеет разум мой.
Так не суди же, кроме книг,
Оставленных здесь мной.

---

[299] Примечания: 299

Впервые стихотворение опубликовано в авторском издании в 1939 г., через три года после смерти Киплинга.

Артур Конан Доил[300] (1859–1930)

---

[300] Примечания: 300

Сэр Артур Игнатиус Конан Дойл (Sir Arthur Ignatius Conan Doyle) родился в Эдинбурге, Шотландия, будучи старшим сыном в семье ирландских католиков. Его отец, художник и государственный служащий, с трудом поддерживал семью на плаву. Дойл получил образование у иезуитов, затем в школе и колледже. Несмотря на гуманитарные склонности семьи, Конан Дойл решил стать врачом и поступил в медицинскую школу при Эдинбургском университете. В 1881 г. Дойл основал медицинскую практику, однако не смог привлечь достаточное количество пациентов. В 1885 г. он женился на молодой женщине Луизе Хокинс, сестре одного из своих пациентов. Её состояние обеспечило Дойлу финансовую безопасность, позволив ему отдавать больше времени литературному творчеству.

Имя Артура Конан Дойла стало синонимом классического детектива и фантастики. Дойл является создателем двух из самых любимых и широко признанных вымышленных персонажей современной литературы: блестящего детектива Шерлока Холмса и его верного друга и помощника доктора Джона Ватсона. Будучи плодовитым писателем, он также публиковал многочисленные романы в самых разных жанрах, а также ряд пьес, поэтических сборников, духовных трактатов, политических брошюр, историй и других произведений научной литературы.

В 1902 г. писатель был посвящен в рыцари за исторический рассказ «Великая бурская война» (1900), а также за брошюру, в которой он защищал действия Британии в Бурской войне. У Дойла было двое детей от первой жены, которая умерла от туберкулеза в 1906 г. В следующем году он женился на своей давней подруге Джин Лекки, от которой у него родилось трое детей. В последние годы Конан Дойл активно занимался спиритизмом, много путешествовал по странам Азии и Африки. Он умер от сердечного приступа дома в Сассексе, Англия, 7 июля 1930 г., в окружении своей семьи. Его последние слова были адресованы его жене. Он прошептал: «Ты прекрасна».

Из сборника «Собрание стихотворений» (1922)

Взгляд в прошлое

О сердце, лучше вещи есть,
Чем нега дев и пыл юнца.
Есть вера, что не подведёт,
И безмятежность храбреца.
И долг, исполненный во всём,
И сердце, что томит нужда,
И леди твёрдая душой:
Ей низость и корысть чужда.
Все наши грёзы, о, жена, —
Теперь обычны и пусты;
Жизнь грусти сладостной полна,
Что юности златой мечты!

Фрэнсис Уильям Бурдийон[301] (1852–1921)

[301] Примечания: 301

Фрэнсис Уильям Бурдийон (Francis William Bourdillon), старший сын преподобного Фрэнсиса Бурдийона, родился 22 марта в Ранкорне, графство Чешир. Закончил Вустерский колледж, затем получил образование в Оксфорде, получив степень магистра в 1882 г. Стал затем наставником принца и принцессы Шлезвиг-Гольштейн в Камберленд Лодж. С 1878 по 1921 г. Бурдийон опубликовал 13 поэтических сборников, такие как «Среди цветов и другие стихотворения» (1878), «Minuscula: лирика о природе, искусстве и любви» (1897), «Прелюдии и романсы» (1908) и др.

Бурдийон был женат на Агнес Смит, они жили в Баддингтоне, недалеко от Мидхерста, имея троих детей. В 1896 г. Бурдийон опубликовал роман «Нефеле». Он также занимался научным редактированием старофранцузской поэзии и хроник. Перевёл и издал в 1887 г. французский рыцарский роман первой половины XIII в. «Окассен и Николетта». В 1906 г. Библиографическое общество опубликовало его исследование «Ранние издания "Романа Розы"».

Из сборника «Ailes d'alouette»[302] (1890)

У ночи есть тысяча глаз,
У дня – лишь один;
Вот солнце погасло – погас
И свет средь равнин.

У разума – тысяча глаз,
У сердца – один;
Вот свет целой жизни погас:
Любовь – тьма руин.

Сферы любви

Кто знает глубины, где спит вода,
Где только густая тень?
Кто знает высоты, где дождь огней,
Где вечный на Небе день?

Находит, теряет солнце Земля,

---

[302] Примечания: 302
Стихотворение впервые опубликовано в журнале «Спектейтор» (октябрь 1873).

Радостен ход перемен;
Нам дарит Любовь бесконечный день,
Иль вечную ночь – наш плен.

Альфред Эдвард Хаусмен[303] (1859–1936)

[303] Примечания: 303

Альфред Эдвард Хаусмен (Alfred Edward Housman) родился 26 марта 1859 г. в Фокбэри, графство Уорсетшир, и был старшим из семи детей в семье адвоката. После окончания школы короля Эдуарда Хаусмен в 1877 г. выиграл стипендию в колледж Сен-Джонс в Кембридже, где получил прекрасное классическое образование. В университете Хаусмен подружился со спортсменом Мозесом Джексоном, своим соседом по комнате. Будучи гомосексуальным, Хаусмен влюбился в Мозеса, но тот отверг его, так как имел обычную сексуальную ориентацию. После получения классического образования, Хаусмен в течение десяти лет работал старшим клерком в Патентном Бюро. Через некоторое время Хаусмен стал преподавателем, а затем с 1892 г. профессором латыни. Авторитет его как латиниста растёт, и он в 1911 г. получает должность профессора латыни в Тринити-Колледже, Кембридж. Последние годы занимался римским автором Манилием, переводя и комментируя его «Астрономию».

Жизнь Хаусмен вёл скромную, но часто выезжал во Францию и Италию. В 1896 г. он издал первую книгу своих оригинальных стихотворений, но это издание — «Шропширский парень» — известно всем, кто читает современную английскую поэзию. Однако Хаусмен считал свою поэтическую деятельность второстепенной, издав только в 1922 г. второй сборник — «Последние стихотворения». Умер он в 1936 г. в Кембридже. После смерти Хаусмена его брат Лоренс издал ещё два сборника его поэзии.

Из сборника «Шропширский парень» (1896)

XVIII

XL

LIV

Когда я был в тебя влюблён,
Я был и чист, и мил.
В округе каждый изумлён:
Он верно поступил!

Прошёл иллюзий аромат,
Всё попрано судьбой.
И все в округе говорят:
Он стал самим собой!

Пронзил мне сердце ветерок
Из той страны далёкой:
Где шпили, фермы, хуторок,
И синий холм высокий.

Я вспомнил край забытых нег,
На солнце дол сосновый,

Дорог счастливых вечный бег,
Где не ходить мне снова.

Терзают сердце слёзы
О золотых друзьях:
О девах, губки – розы,
Стремительных парнях.

Где реки быстротечны,
Могилы тех ребят;
В полях девчонки вечно
Средь роз увядших спят.

Из сборника «Последние стихотворения» (1922)

Слова излишни, чародейки…

Слова излишни, чародейки
Мелодий хоровод
Там, где сентябрьские отавы,
Иль белый май цветёт,
Её я знаю, мы знакомы
Уже не первый год.

На бурый мох роняет шишки
У вялых вод сосна;
В лощинах днём кричит кукушка
Впустую, и одна;
Осенний хмель пьянит мне душу,
Что горечью полна.

В полях, мерцая, травы зреют,
Колышется их ряд;
Иль строем под луной в дни жатвы
Снопы всю ночь стоят;
Иль шквал, к зиме раздевший буки,

Листвой играться рад.

Владей, как я владел все годы,
Прекрасною страной,
Где на холмы шоссе взлетает
Светящейся волной,
И лес тенистой колоннадой
Рокочет надо мной.

Зачем природе неразумной
И бессердечной знать,
Что это ноги незнакомца
Лугов сминают гладь,
Она не спросит росным утром,
Кто там бродил опять.

Из сборника «Последние стихотворения» (1922)

VIII

Вот солдат с войны явился:
Брал он, грабя, города;
Здесь не спросят, как ты бился,
Заходи к нам без труда.

Мир настал, войны нет боле,
Просим в гости, люд гласит,
Конь пощиплет клевер в поле,
А уздечка повисит.

Ныне зимних нет лишений,
Грязи мерзостных траншей,
Пота летнего, сражений
За Царей и Королей.

Ржи мой конь, ржавей уздечка;
Где награда, Короли;
Сядь, солдат, спокой сердечко
И ночлег свой здесь продли!

Уильям Батлер Йейтс[304] (1865–1939)

[304] Примечания: 304

Уильям Батлер Йейтс (William Butler Yeats) родился в предместье Дублина 13 июня 1865 г. Его отец, Джон Батлер Йейтс, был известным художником, членом Королевской Ирландской академии. Мать — дочь купца из портового города Слайго, что на западном побережье Ирландии. В 1868 г. Йейтсы переехали в Лондон, где юный Уильям посещал школу «Годолфи». Вернувшись в Ирландию в 1880 г., он продолжил обучение сначала в художественной школе, а затем в художественном училище. В 1887 г. Йейтс начинает печататься в ирландских журналах, а переехав в Лондон, приступает к работе над составлением сборника ирландских народных сказок, опубликованного в следующем году, и над первым стихотворным сборником (1889). В том году Йейтс встретился с Мод Гонн, молодой девушкой, которая восхищалась его поэзией и участвовала в ирландском национально-освободительном движении. Четыре раза он делал предложения Мод, но всё время получал отказ.

Йейтс был знаком со многими английскими литераторами, а в 1890 г. вместе с Эрнестом Рисом он создал «Клуб Рифмачей», члены которого писали стихи и издавали поэтические сборники. В 1917 г. Йейтс сделал предложение дочери Мод Гонн, Изельте, то получив отказ, женился на англичанке Джорджии Хайд-Лис, разделявшей его интерес к оккультизму и подарившей ему двух детей, девочку и мальчика. В 1922 г. Йейтс стал сенатором Ирландии, а в следующем году он получил Нобелевскую премию по литературе. Несмотря на возраст и нездоровье, в 1935 г. редактировал знаменитую Оксфордскую антологию современной поэзии. За всю свою жизнь Йейтс выпустил в свет несколько поэтических сборников, писал прозу, эссе, пьесы, издал книгу «Видения», связанную с оккультизмом. Умер Уильям Батлер Йейтс во Французской Ривьере 28 января 1939 г.

Из сборника «Винтовая лестница и другие стихотворения» (1933)
Посвящается Энн Грегори

«Нет, никогда парнишка,
Страдающий, несчастный,
От Ваших волн медовых,
Что к ушку вьются страстно,
Саму Вас не полюбит,
Лишь волосы атласны».

«Но я могу покрасить
Их в рыжий цвет прекрасный,
Коричневый, иль чёрный.
Тогда юнец несчастный,
Меня саму полюбит,
Не волосы атласны».

«Слыхал, вчера священник,
Лишь вечер пал ненастный,
Стих отыскал, гласящий,
Что лишь Господь всевластный
Любить саму Вас может,

Не волосы атласны».

Из сборника «Графиня Кэтлин и различные легенды и лирика» (1892)
Когда, состарясь, медленно прочтёшь

Когда, состарясь, медленно прочтёшь
Ты эту книгу, сидя у огня,
Припомни, как бездонностью маня,
Твой нежный взгляд был прежде так хорош.

Тебя любили многие за миг
Изящества, по правде, или нет,
Но лишь один любил в тебе рассвет
Блуждающей души и грустный лик.

К пылающим поленьям наклонись,
Шепчи, жалей, Любовь ушла с тех пор,
Ступая по вершинам дальних гор,
И, скрыв лицо средь звёзд, взлетела ввысь.

Ричард Миддлтон[305] (1882–1911)

---

[305] Примечания: 305

Ричард Бэрэм Миддлтон (Richard Barham Middleton), поэт, эссеист и автор рассказов, родился в Стейнсе, Миддлсекс, будучи единственным сыном инженера Томаса Миддлтона и Изабеллы Анны Китинг. Академическая карьера Ричарда включала в себя год обучения в Лондонском университете и сдачу экзаменов по математике, физике и английскому языку в Оксфорде и Кембридже. Несмотря на его пожизненный интерес к литературе, Миддлтон не стремился получить университетскую стипендию и в 1901 г. начал работать клерком в крупной страховой компании Royal Exchange Assurance Corporation. В эти годы он публиковал рассказы и очерки в различных периодических изданиях.

В 1907 г. Миддлтон оставил свою должность, намереваясь зарабатывать себе на жизнь писательством. Последние девять месяцев своей жизни он провел в Брюсселе. Там, в декабре 1911 г., он покончил жизнь самоубийством, отравив себя хлороформом, который прописали ему как средство от депрессии. При жизни Миддлтон не издал ни одной книги, только несколько статей в периодических изданиях. Но после его смерти Генри Сэвидж собрал вместе как все рукописи Ричарда, так и ранее опубликованные его рассказы (в том числе знаменитый «Корабль-призрак»), стихи и песни.

Из сборника «Стихотворения и песни» (1912)

Некая возлюбленная, некая девушка

Зачем её глаза блестят,
Лобзанья всё сильней,
Когда я летней ночью рад
Любить лишь душу в ней?

Бог дал глазам тем удальство,
Раскрасил их огнём;
Летит прах сердца моего
К углям желанья в нём.

Её уста нежны, чисты,
Божественный овал —
Так я слугой своей мечты
Увы, навеки стал.

Ах, тело у неё – цветок,
Вкруг шеи вьётся прядь,
Везде ищу её исток,
Триумф и благодать.

Когда я к нежным пальцам рук
Её готов припасть,
Мужчины все умрут от мук
За меньшее, чем страсть.

Её живой и милый вид —
Мне как молитвы свет;
Но лучшее во мне кричит:
«Всей красоты в ней нет!»

Восторг мой должен умереть,
В спокойствии я сник,
Чтоб без желанья лицезреть
Её желанный лик.

Но не глаза, что так блестят,
Ни губы страстных дней —
Всю жизнь во снах я буду рад
Любить лишь душу в ней.

Альфред Нойес[306] (1880–1958)

[306] Примечания: 306

Альфред Нойес (Alfred Noyes) родился в городке Вулверхэмптон, и, видимо, горы Уэльса вдохновили его на поэтическое творчество. Сын преподавателя латыни и греческого, он учился сначала в школе, а затем в Эксетер-колледже (Оксфорд), но не закончил его. Первое собрание стихотворений Нойеса — «Ткацкий станок годов» — вышло в свет в 1902 г. Затем появились другие его поэтические сборники и романтические поэмы: «Разбойник», «Шарманка», «Селезень». В 1907 г. Нойес женился на Гарнетт Дэниэлс, от которой у него было трое детей. В 1914 г. Нойес начал преподавать английскую литературу в Принстоне.

После смерти первой жены в 1926 г. он принял католичество и вновь женился на Мэри Анджеле Вельд-Бланделл. В 1920-х годах Нойес сочинил стихотворную трилогию «Несущие факел», в которой показаны научные достижения человека в их связи с христианством. В 1929 г. семья переехала на остров Уайт, где Нойес продолжал писать эссе и стихотворения, которые составили сборник «Сад в заливе» (1939). Во время Второй Мировой войны он жил в США и Канаде, а в 1949 г. возвратился в Англию. Нойес — литературный консерватор, придерживающийся традиционных поэтических стилей. Его поэмы и стихи романтичны, цветисты и немного сентиментальны. В 1949 г. Нойез начал слепнуть и диктовал все свои последующие работы. 25 июня 1958 г. Альфред Нойес умер на острове Уайт, и был похоронен на католическом кладбище во Фрешуотере.

Из сборника «Ткацкий станок годов» (1902)

Триолет

О, любовь! Открой глаза,
Отгони тяжёлый сон!
Розовеют небеса.
О, любовь! Открой глаза!
Чуть блестит звезда-краса,
Луч зари к тебе склонён.
О, любовь! Открой глаза,
Отгони тяжёлый сон.

Из сборника «Четыре поющих матроса и другие стихотворения» (1907)

Разбойник («The Highwayman»)[307]

Часть I

Ветер потоками мрака хлестал по верхушкам крон,

Луна в облаках мелькала, как призрачный галеон.

Дорога змеёй серебрилась на лоне кровавых болот,

И скачет разбойник снова,

Он скачет и скачет, снова,

И вот прискакал он снова к таверне, и встал у ворот.

На лоб надвинута шляпа, у горла из кружев пучок.

Камзол – темно-красный бархат. Замша обтянутых ног.

Коричневый плащ ниспадает. Ботфор-

[307] Примечания: 307

Баллада «Разбойник» была впервые опубликована в августе 1906 г. в журнале «Блэквудз Мэгэзин», Эдинбург, Шотландия.

ты до бёдер. Мороз.

Он словно в бриллиантах – мерцает,

Его пистолет – мерцает,

И шпага его – мерцает под сводом бриллиантовых звёзд.

Подковы зацокали звонко, когда он въезжал во двор.

Кнутом постучал по ставням – закрыто всё на запор.

Он тихо присвистнул в окошко. Громче её позови!

Ждала там хозяина дочка,

Бесс, черноглазая дочка,

Кто в чёрные косы вплетала алеющий бант любви.

Но тайно в таинственном мраке скрипнула дверь на крыльце,

Подслушивал конюх со злобой на белом, как снег, лице.

Пустые глаза безумны, и запах гнилой изо рта;

Он любит хозяина дочку,

С алыми губками дочку,

Молча, как пёс, он слушал, что нежно разбойник шептал.

«Один поцелуй, моя радость, а цену назначь сама,

К тебе я вернусь на рассвете, и золота будет сума;

Но если погоня с дороги меня повернёт назад,

Тогда лишь при лунном свете,

Меня жди при лунном свете,

Вернусь я при лунном свете, хотя бы разверзся ад».

На стременах он поднялся, но руки их не сплелись.

Она, покраснев, распустила и сбросила волосы вниз, —

Чёрный каскад аромата упал ему прямо на грудь;

И он целовал в лунном свете

Волны его, в лунном свете,

А после, коня в лунном свете пришпорив, пустился в путь.

Часть II

* * *

Но нет его на рассвете. И в полдень его всё нет.

Луна из рыжинок заката готова родиться на свет.

Дорога, как вожжи, скрутилась на ложе кровавых болот.

В мундирах своих маршируя,

В красных своих маршируя[308],

Отряд подошёл, маршируя, к таверне, и встал у ворот.

Солдаты Георга[309] *молчали и пили хозяина эль,*

Затем его дочь связали и бросили на постель.

Заткнули ей рот и встали с мушкета-

---

[308] Примечания: 308

Красные мундиры — форма английских солдат.

[309] Примечания: 309

Здесь: английский король Георг III (1738–1820), король Великобритании и Ирландии, курфюрст Ганноверский.

ми у окна.

Там смерть была в каждом окошке,

И ад в самом тёмном окошке,

Ведь Бесси «дорога смерти» была хорошо видна.

Солдаты над ней смеялись, решили затем припугнуть:

Мушкет закрепив, они дуло направили прямо ей в грудь.

«Постой на часах!» – пошутили. Мертвец ей сказал тогда —

Ты только при лунном свете,

Меня жди при лунном свете,

Вернусь я при лунном свете, хотя бы разверзся ад.

И трёт за спиною руки; верёвки, увы, крепки!

И крутит до боли руки – все пальцы уже в крови!

Ещё, ну ещё! Во мраке часы замедляют бег…

Ударом – пробило полночь,

И холодом – била полночь,

И в палец ударил холод! Курок теперь мой навек!

Вот в палец ударил холод! Но дальше – не протянуть!

Она поднялась, хотя дуло направлено прямо ей в грудь.

И пусть её слышат, бороться она не желает вновь.

Дорога пуста в лунном свете,

Чиста и пуста в лунном свете,

Как кровь её, в лунном свете, рефреном стучит любовь.

Цок-цок и цок-цок! Она слышит! Подковы так громко стучат.

Цок-цок и цок-цок! Но не близко! Оглохли они, или спят!?

По ленте из лунного света, по бровке крутого холма,

Сюда прискакал он снова,

Скакал и скакал он снова!

Мундиры глядят в прицелы! А Бесси печально пряма.

Цок-цок в тишине морозной! И в эхе

ночном цок-цок!

Всё ближе и ближе он. Светом взорвалось его лицо.

Глаза она распахнула, вздохнула она глубоко…

Вот палец скользнул в лунном свете,

Мушкет громыхнул в лунном свете,

Ей грудь разорвал в лунном свете. Ей смерть – но сигнал для него.

Коня развернул он и шпорил, не зная о том, кто стоял

Согнувшись, и голову Бесси в кровавых ладонях держал!

И только под утро узнал он, – осунувшись, онемев,

Как Бесси, хозяина дочка,

Его черноглазая дочка,

Любовью жила в лунном свете, но смерть обрела во тьме.

Назад, обезумев, он скачет, и небу проклятия шлёт,

Дорога клубами пылится, направлена шпага вперёд.

Кровавые шпоры сверкают, камзол – как вишнёвый сок.

От пули он пал на дороге,

Упал словно пёс на дороге,

Лежит он в крови на дороге, у горла из кружев пучок.

Они тихой ночью шепчут: «Вот ветер шумит среди крон,

Луна в облаках мелькает, как призрачный галеон,

Дорога змеёй серебрится на лоне кровавых болот,

Разбойник прискачет снова,

Вот скачет он, скачет снова,

И вот подъезжает снова к таверне, он здесь, у ворот.

И цокают звонко подковы, – он снова въезжает во двор.

Кнутом он стучит по ставням – закрыто всё на запор.

Он тихо свистит в окошко. Громче её позови!

Его ждёт хозяина дочка,

Бесс, черноглазая дочка,

Кто в чёрные косы вплетает алеющий бант любви.

Из «Собрания стихотворений», т. 2 (1913)

Туман в низине

I

II

III

IV

V

VI

VII

VIII

IX

X

Туман в низине, дымкой слёз
Путь преградил мне он.
Рубина блеском или роз
Был день не освящён;
Туман покрыл лесистый склон
Ужасной пеленой,

Среди покрытых снегом крон
Смешался с белизной.

Меня он хочет обернуть,
Приблизившись ко мне,
Среди деревьев скрытый путь
Я вижу в тишине.
И словно в тихой глубине,
Таясь, они плывут
В мирах подводных как во сне,
Раскинув ветви тут.

Туман в низине, где с трудом,
На ощупь я бреду!
Проплыла изгородь, кругом
Всё серо, как в чаду.
Дорогу в ярде не найду,
Становится темней,
Я наклонился на ходу,
Где ветви, блеск камней?

Исчез знакомый мне плетень,
Любой не слышен звук.
На мили растянулась тень:

Казалось, мир вокруг
Пропал в безбрежном море вдруг,
И всё живое в нём.
Я жизнь и смерть, мгновенье мук
Познал туманным днём.

Огромный купол неживой
Мне голову сдавил,
А ниже с прелою листвой
Смешался липкий ил.
Здесь тихо, как среди могил.
Кровавых слёз поток
Из сердца тишину пронзил,
Или заплакал дрок.

Туман в низине. В каждый крик
Души без божества
Он серой массою проник,
Где вера чуть жива.
Моя надежда здесь мертва,
Не нужен ей полёт:
Ведь небо, видное едва,
Молитву осмеёт.

Когда я ощупью шагал,
Тьма затряслась у ног.
Взлетели крылья, словно встал,
Свой склеп разрушив, Бог.
Я их послушать только мог…
И птица-мысль моя
Летит вот также в свой чертог,
В прекрасные края.

Мечтой безумца у меня
Вдруг осветился взор,
Ворвалась улица огня,
Мук и восторга спор.
И моря пенистый узор
Под дымчатой луной,
И бесконечный звёздный хор,
И солнц далёких зной,

И дальше… Этих солнц туман
Твой окружает свет,
А запредельный океан
С высот ли даст ответ?
В ночи смертельной – крыльев след,

Но где, я не пойму;
Ты слишком быстр, и бел твой цвет,
Чтоб следовать во тьму!

Туман в низине, но всегда
Храню в душе своей
Мой светлый Город, хоть сюда
Иду я много дней;
Туманный путь мой средь полей,
Иду, чтоб не скорбеть,
Средь росных тропок, среди пней,
Где тьма, и жизнь, и смерть.

Японская серенада

1

2

3

4

5

Месяц молод и бел,
Ивы – цвет голубой,

Губы алы твои
Средь ночной тишины,
И пускай что-то шепчет
Далёкий прибой,
Тебя брызги любви моей
Тронуть должны.

Эти капли горят
Как рубин и алмаз,
А угрюмые волны
В пучину уйдут.
О, красавица, где бы
Ни скрыла ты глаз,
Все страданья с собою
Они унесут.

Пусть темны небеса,
Твои ножки, как снег,
Голубеют глаза,
Губы маком горят.
В поцелуях ночных
Столько сладостных нег,
Что ничтожнее их жемчуга и агат.

Облака ли пройдут,
И увянет твой рот,
И года пролетят
Быстрой птицей веков;
Или персик любви
Губы нам не пожжёт,
И улыбка твоя
Станет призраком снов?

Нет! Любовь – это нить,
Что блаженства полна,
Мелодичность её
Ты услышишь кругом:
Поцелуй прозвучит,
Забурлит ли волна,
Иль прижмутся друг к другу
Цветы лепестком.

Уильям Блейк (1757–1827)

Уильям Блейк (William Blake), английский поэт, гравер и художник, родился в Лондоне 28 ноября 1757 г., будучи вторым сыном торговца мужской одеждой. За исключением нескольких лет проживания в Сассексе, вся жизнь поэта прошла в Лондоне. В четырнадцать лет Блейк стал подмастерьем у гравёра Д. Бейзира, работая у него до 1778 г. В 1782 г., став самостоятельным мастером, он женился на Кэтрин Боучер, которая стала постоянной помощницей в его работе. Всю свою жизнь Блейк прожил в Лондоне, здесь он писал стихи, иллюстрировал различные книжные издания, в том числе Чосера и Данте. После того как в 1784 г. умер его отец, Блейк основал типографию по соседству с семейным магазином. При жизни Блейка были изданы только два сборника стихов, к которым Блейк подготовил иллюстрации, освоив метод компоновки текста и гравюры на одной пластине: это «Песни невиновности» (1789), а затем «Песни опыта» (1794).

Он сочинил эпическую поэму «Четыре Зои» как мистическую историю, предсказывающую будущее, показывающую, что зло коренится в основных способностях человека: разуме, страсти,

инстинкте и воображении. Последнее десятилетие Блейк создал живописные проекты по мильтоновским поэмам *L'Allegro* и *Il Penseroso* (1816), сочинил поэму «Вечное Евангелие» (1818). В 1824 г. его здоровье начало ослабевать, и 12 августа 1827 г. Блейк умер в бедности и был похоронен в общей могиле.

Уильям Вордсворт (1770–1850)

Уильям Вордсворт (William Wordsworth), крупнейший английский поэт и лидер романтического движения в Англии, родился в графстве Кэмберленд. Он был вторым из пяти детей поверенного агента Джеймса Лоутера, 1-го графа Лонсдейла. В 1779 г. мальчика определили в классическую школу в Хоуксхеде (Северный Ланкашир). В 1791 г. Вордсворт закончил Кембридж, где занимался английской литературой и итальянским языком, а затем много путешествовал за границей, пройдя пешком почти всю Францию и Швейцарию. Во Франции он влюбился в Аннет Валлон, которая родила ему дочь Керолайн. Получив небольшое наследство, он обосновался с сестрой Дороти, постоянной своей помощницей и единомышленницей, в Дорсетшире.

В июле 1797 г. Вордсворты переехали в графство

Сомерсетшир, где Уильям стал близким другом Сэмюэля Тейлора Кольриджа, жившего там. Эти два поэта вместе издали сборник «Лирические Баллады» (1798), в стихотворениях которого они стремились сблизить разговорный и поэтический язык. В 1799 г. Вордсворт со своей сестрой поселились в Грасмире (графство Уэстморленд) — «Озерном крае» Англии, где они прожили остальные годы своей жизни. В 1802 г. Уильям женился на Мэри Хатчинсон, подруге своего детства. С 1803 по 1810 годы Мэри родила Вордсворту пятерых детей, а Дороти продолжала жить в семье брата, ухаживая за своими племянниками.

После прихода к власти Наполеона, Вордсворт превратился из либерала в консерватора, стал ближе к англиканской церкви. В 1830-х годах он много путешествовал по Европе, сочинял стихи или исполнял должность государственного уполномоченного по гербовым сборам в своём графстве. В 1839 г. Оксфордский университет сделал Вордсворта почетным доктором гражданского права; в 1842 г. он получил пенсию, а в 1843 г., после смерти Роберта Саути, ему было присвоено звание поэта-лауреата. Вордсворт умер в Райдел-Маунт 23 апреля 1850 г.

Сэмюэль Тейлор Кольридж (1772–1834)

Сэмюэль Тейлор Кольридж (Samuel Taylor Coleridge), поэт, критик и философ, родился 21 октября 1772 г. в небольшом городке графства Девоншир в семье священнослужителя. В 1781 г., после смерти отца, мальчик был отправлен в школу-интернат в Лондоне. Поступив в Кембридж (колледж Иисуса) в 1791 г., Кольридж закончил его без получения степени бакалавра и сразу после окончания встретился с Робертом Саути. Молодых поэтов объединили общие политические и революционные взгляды, они создали общину свободных людей «Пантосократию», и даже женились через год на сестрах Саре (Кольридж) и Эдит (Саути) Фрикер. Но Кольридж не был счастлив с женой. С 1796 г. он пристрастился к опиуму, снимая им различные боли. В 1798 г. Кольридж в содружестве с Вордсвортом издал сборник «Лирические баллады», куда вошла его самая известная романтические поэма «Сказание о Старом Мореходе». В это же время были написаны, но изданы немного позже и другие его поэмы: «КублаХан» и «Кристабель».

Через два года Кольридж и Вордсворт посетили Германию, где Кольридж увлёкся немецкой

классической философией. По возвращении в Англию он обосновался с женой и друзьями в Кесуике, в «озёрном крае» Англии. С 1804 по 1806 год Кольридж жил в Сицилии, где старался поправить своё пошатнувшееся здоровье. Через некоторое время он развёлся с женой, постепенно становясь наркоманом из-за большого потребления опиума для снятия сильных болей. С 1816 г. до самой смерти он жил в Лондоне в доме доктора Джеймса Гилмана, который взял под контроль его пристрастие к наркотику. Кольридж занимался также мемуарной прозой и литературной критикой. Умер он от остановки сердца в Хайгейте 25 июля 1834 г.

Роберт Саути (1774–1843)

Роберт Саути (Robert Southey) родился в 1774 г. в семье торговца мануфактурой в Бристоле. После смерти отца дядя послал его учиться в Вестминстерскую школу. В 20-летнем возрасте Роберт встретился с Сэмюэлем Тейлором Кольриджем, и они стали близкими друзьями, развивали свои политические и религиозные взгляды, планировали устроить коммуну в Америке. Молодой Саути придерживался радикальных идей, приветствовал Великую Французскую Революцию и

написал пьесу о герое крестьянского восстания 1381 г. «Уот Тайлер». В 1795 г. Саути женился на Эдит Фрикер, сестре Сары Фрикер, которая вышла замуж за Кольриджа. В этом же году Саути опубликовал свои первые исторические баллады в книге «Стихотворения» и поэму «Жанна д'Арк». Широко известны его мистические поэмы «Талаба-разрушитель» (1801), «Медок» (1805) и другие.

Но постепенно Саути отошёл от своих радикальных взглядов, за что получил от правительства тори ежегодную пенсию. В 1813 г. он стал поэтом-лауреатом и был резко раскритикован Байроном, который обвинил его в предательстве своих политических принципов ради денег. Позднее творчество Саути малоинтересно, хотя он оставил после себя много прозы, различных эссе и поэтических произведений, вошедших в 109-томное собраний его сочинений. Он умер в 1843 г. в Грэтс-холле.

Перси Биши Шелли (1792–1822)

Перси Биши Шелли (Percy Bysshe Shelley), великий поэт-романтик, родился в 1792 г. в графстве Сассекс в многодетной семье преуспевающего сквайра. Детство Шелли прошло на лоне природы, затем он проучился в школах Сайон-Хаус

и Итон (1802–1810), в октябре 1810 г. поступил в Оксфорд, в Юнивёсити-колледж. За атеизм Шелли был изгнан из университета, и затем тайно сбежал с одноклассницей своих сестёр 16-летней Хэрриэт Вестбрук, которая родила ему двух детей. Он скитался по Шотландии, Англии, Ирландии и Уэльсу, нигде не задерживаясь подолгу, много читал и печатал брошюры о близящемся освобождении человечества.

Первым значительным произведением Шелли стала изданная в 1813 г. (правда анонимно) поэма «Королева Мэб», философский трактат в стихах, в котором изложены взгляды Шелли на причины социальных бед и пути их устранения. В следующем году Шелли уехал во Францию вместе Мэри Уолстонкрафт, дочерью любимого им философа Уильяма Годвина. В течение первого года жизни они жили в нищете и подверглись социальному остракизму. Однако в 1815 г., после смерти деда, Шелли получил в наследство ежегодную ренту. Через год у Мэри родился сын Уильям, и в том же году покончила самоубийством жена Шелли, Хэрриэт. Сразу после этого трагического события Шелли и Мэри официально поженились. Он помогал новой жене писать её знаменитый роман «Франкенштейн» (1818), взялся опекать её сестру

Клэр Клермонт. Вскоре чета Шелли оставила Англию и обосновалась в Италии, где продолжали вести кочевой образ жизни. В Венеции у них умерла маленькая дочь Клара, в Риме умер сын Уильям, а во Флоренции Мэри родила выжившего четвертого ребенка, Перси.

8 июля 1822 г. Шелли утонул во время плавания недалеко от Леричи. Его шлюпку «Дон Жуан» потопила какая-то фелюга, шедшая из Ливорно. Все находящиеся на борту шлюпки погибли. В начале 1823 г. Шелли был погребён на протестантском кладбище в Риме, рядом с могилой похороненного незадолго до того Джона Китса. В Италии Шелли написал все свои лучшие лирические стихотворения и поэмы: «Ченчи», «Освобождённый Прометей» (1820), «Адонаис» (1821).

Джордж Гордон лорд Байрон (1788–1824)

Джордж Гордон Ноэль лорд Байрон (George Gordon Noel, 6th Baron *Byron)* был сыном капитана Джона Байрона и его второй жены Кэтрин Гордон Гайт. Отец его умер в 1791 г., и Байрон воспитывался матерью. Учился Джордж в аристократической школе в Гарроу, потом поступил в Тринити-колледж, Кембридж, где у него возникло нежное чувство к молодому певчему церковного

хора Эдлстону. В 1798 г., после нескольких лет бедности, Байрон получил титул лорда и перебрался на жительство в семейное владение — Ньюстедское аббатство. Его первые стихотворные сборники принесли ему некоторую известность, но также и критику журнала «Edinburgh Review». В 1807 г. Байрон покинул Англию и отправился в долгое путешествие по Испании, Португалии, Италии и Балканам. Дорогой он вёл стихотворный дневник, который по возвращении в Англию в 1812 г., издал под заглавием «Паломничество Чайльд-Гарольда», I и II части. Эта поэма сделала его светским львом Лондона. Далее, как из рога изобилия, посыпались романтические поэмы: «Гяур» (1813), «Абидосская невеста» (1813), «Корсар» (1814), «Лара»(1814), «Осада Коринфа» (1816) и «Паризина» (1816).

В январе 1815 г. поэт женился на Анне Изабелле Милбэнк, но после рождения дочери Августы Ады супруги развелись в 1816 г. Хотя его романы с женщинами всем печально известны, Байрон фактически был бисексуален. В апреле 1816 г., отлучённый от «света», Байрон оставил Англию, чтобы никогда больше не возвратиться. Какое-то время он пожил у Шелли в Швейцарии. В результате его связи с Клэр Клермонт, невесткой Шелли,

появилась на свет его дочь Аллегра. Переехав в Венецию, Байрон вёл довольно бурную жизнь, написав при этом IV песню «Чайльд Гарольда» (1818), поэмы: «Беппо» (1818), «Мазепа» (1819) и начал свою знаменитую поэму «Дон Жуан». В 1819 г. он вступил в связь с графиней Терезой Гвиччиоли, которая оставалась с ним до конца его жизни. В 1820 г. Байрон в Равенне примкнул к революционному движению карбонариев. Здесь, в Италии, были написаны его мистерия «Каин», сатира против Саути — «Видение суда». В 1823 г. Байрон присоединился к греческим борцам за независимость от турецкого ига, однако, подхватив лихорадку, неожиданно скончался 19 апреля 1824 г. Как Шелли и Китс, Байрон считался и остаётся великим поэтом-романтиком.

Джон Китс (1795–1823)

Джон Китс (John Keats), один из величайших английских поэтов-романтиков, родился в семье владельца конюшен. Он был четвёртым ребёнком в семье, и когда в 1804 г. умер отец, то мать его, хотя и была больна чахоткой, вторично вышла замуж, отдав детей на воспитание бабушке. Китс окончил школу в Инфилде, и в 1811 г. был отдан в обучение к хирургу. Через два года он сдал экза-

мены на врача, и тогда же начал писать стихи. В 1818 г. Китс сочинил свою первую и прекрасную поэму «Эндимион» — о любви аркадского пастушка к девственной Артемиде, которая выступает в образе богини луны (Селены). В том же году Китс начал новую поэму «Гиперион». Это замечательное произведение осталось неоконченным — Китс написал лишь две первые книги. После выхода в свет «Эндимиона» Китс был подвергнут критике за следование поэтической традиции Ли Ханта, или как её назвали — «школа кокни». Именно это событие легло в основу версии, что поэта убили критики.

Познакомившись с обаятельной Фанни Брон, Китс страстно влюбился в неё. Эта влюбленность породила его прекрасную романтическую поэму «Канун Святой Агнессы» (1819) и чудные стихотворения. Китс обручился с Фанни Брон, но надежды на брак были довольно туманны. 3 февраля 1820 г. у него пошла горлом кровь. Со своим другом, художником Джозефом Северном, он уехал на лечение в Италию. Там Китс написал и издал многие свои поэмы и стихотворения, но было уже поздно — в возрасте 25 лет он скончался, как и все его братья, от туберкулёза 23 февраля 1820 г. Благородный, щедрый и сочувствующий,

Китс был способен не только на страстную любовь, но также и на теплую, верную дружбу.

Сэр Вальтер Скотт (1771–1832)

Сэр Вальтер (Уолтер) Скотт (Sir Walter Scott), великий английский поэт и писатель, «отец» исторического романа, родился в семье состоятельного адвоката. Скотты принадлежали к старинному шотландскому роду. Закончив эдинбургскую школу, Уолтер работал в конторе отца, стал адвокатом. В декабре 1797 г. Скотт женился на Шарлоте Карпентер, а в 1799 г. был назначен шерифом в округе Селькишир. В следующем году он написал своё первое оригинальное произведение — балладу «Иванов вечер» (русский перевод В. А. Жуковского под названием «Замок Смальгольм»). С 1800 г. поэт занялся собиранием шотландских народных баллад (в 1802–1803 гг. вышел его сборник «Песни шотландской границы» в 3-х томах), затем последовали его романтические поэмы.

Вальтер Скотт работал также как журналист, критик и издатель. В 1806 г. вложил деньги в типографию (позже издательство) своего друга Джеймса Баллантайна. К 1813 г. фирма оказалась на грани банкротства, от которого её спас Вальтер

Скотт, начав писать исторические романы на шотландские сюжеты. Почти за 20 лет Вальтер Скотт написал большое количество всемирно известных исторических романов, которые нет нужды перечислять. Здоровье его расстроилось из-за изнурительного литературного труда. Для восстановления сил сэр Вальтер Скотт отплыл в Италию, как это делали многие больные англичане, но вернувшись на родину, скончался в своём «готическом» доме Эбботсфорд.

Томас Мур (1779–1852)

Томас Мур (Thomas Moore), английский (ирландский) поэт-романтик, сатирик, композитор и политический пропагандист. Был близким другом лорда Байрона и Перси Биши Шелли. Сын католического торговца вином, Мур в 1799 г. окончил Тринити-колледж в Дублине, а затем изучал право в Лондоне. Его основная поэтическая работа, «Ирландские мелодии» (1807–1834), в течение четверти века приносила ему ежегодно доход в 500 фунтов стерлингов. В 1811 г. Мур женился на актрисе Елизавете («Бесси») Дайк.

В 1824 г. Мур стал участником одного из самых знаменитых эпизодов романтического периода. Он получил от Байрона ужасно искренние мему-

ары последнего, но вместе с издателем Джоном Мёрреем сжёг их по просьбе семьи великого поэта. Но позже Мур издал «Письма и дневники лорда Байрона» (1830), в которые включил и жизнь поэта. В эти годы Мур отошёл от поэзии и начал писать прозу. Он поселился в Бромэме, графство Уилтшир, стал романистом и биографом и по-прежнему считался успешным поэтом. Однажды баллотировался в Парламент, но неудачно. Мур получил государственную пенсию, но его личная жизнь сопровождалась трагедиями, в том числе смертью всех его пяти детей (Анна Барбара, 5 лет, 1817 г., Анастасия Мария, 17 лет, 1829 г., Оливия в возрасте нескольких месяцев, Джон Рассел, 19 лет, 1842 г., и Томас Лансдаун, 27 лет, 1849 г.). А сам он умер после инсульта на руках у жены в Слопертоне 26 февраля 1852 г.

Уолтер Сэвидж Лэндор (1775–1864)

Уолтер Сэвидж Лэндор (Walter Savage Landor) родился в январе 1775 г. в графстве Уорик, в семье врача Уолтера Лэндора. Будущий поэт поступил в школу в 4 года, а в 9 лет его отправили в школу г. Регби, где он преуспел в латинском переводе и композиции. В Тринити-колледже, в Оксфорде, куда Лэндор поступил после школы, его считали

«безумным якобинцем» за его распущенные волосы. Проведя лето в Тенби, Уэльс, Лэндор влюбился в некую Нэнси Джонс, «хлопнув дверью» в доме своего отца, чтобы жить с ней в Суонси, пока не родится их ребенок.

Не окончив Оксфорд, Лэндор с большим удовольствием стал заниматься литературным творчеством. В 1807 г. он встретил поэта Роберта Саути, с которым подружился на всю свою жизнь. По рекомендации Саути Лэндор женился на Джулии Туйлье и отправился с ней в Италию. С 1821 г. супруги жили во Флоренции на вилле Кастильоне, но в 1829 г. Лэндор оставил свою жену и детей в Италии и вернулся в Англию. Поселившись в Бате, он прожил там 20 лет.

Между 1824 и 1853 гг. появились «Мнимые беседы» Лэндора, утвердившие его как одного из великих английских литераторов. Лэндор одинаково прекрасно писал на английском и на латыни, создав много различных произведений на двух языках. Умер Лэндор 17 сентября 1864 г. и был похоронен на английском кладбище во Флоренции.

Ли Хант (1784–1859)

Ли Хант (James Henry Leigh Hunt), английский поэт, критик и журналист, родился 19 октября 1784 г. в Саутгейте под Лондоном в семье священника, получил начальное образование в лондонской школе «Приют Христа» (1791–1799), но в университет не попал из-за проблем с дикцией. Он был другом выдающихся литераторов своего времени, и его дом являлся местом дружеских бесед таких известных авторов, как Уильям Хэзлитт, Чарльз Лэм, Китс и Шелли, Байрон. В 1801 г. Ли Хант опубликовал первый сборник стихотворений «Juvenilia». В 1808 г. Ли со своим братом Джоном Хантом учредил либеральный еженедельник «Наблюдатель», в котором печатал политические статьи и эссе. 3 июля 1809 г., после нескольких лет ухаживания, Хант женился на Марианне Кент, дочери придворного портного, от которой у него было десять детей.

В разные периоды времени Хант создал несколько литературных журналов, одни были удачны, другие терпели крах. В середине 1830-х годов Хант написал большую часть своих лучших стихотворений. Хант также был автором романа и нескольких пьес, две из кото-

рых- «Флорентийские легенды» и «Изумлённые любовники» — были изданы (в 1840 и 1858 годах соответственно). Спектакль по первой пьесе дважды посетила королева Виктория. Ли Хант умер 28 августа 1859 г. в Уондсуэрте (Лондон) и был похоронен на кладбище КенсалТрин.

Томас Лав Пикок (1785–1866)

Томас Лав Пикок (Thomas Love Peacock) родился в Уэймуте, графство Дорсетшир, в семье Сэмуэля Пикока, торговца стеклянными изделиями. В 6 лет Томас пошёл в школу ИнглфилдТрин, и остальные шесть лет, проведенные в ней, составили его первое и единственное официальное образование. В 1800 г. Пикок начал работать клерком в Торговом доме Ладлоу, Фрейзер и Ко в Лондоне, но скоро оставил это место. В это время он начал писать стихи и очерки, а в 1804 и 1806 годах в свет выходят два первых поэтических сборника Пикока: «Монахи Святого Марка» и «Пальмира». К этому же году можно отнести начало дружбы Пикока с Шелли. Известность Пикок приобрёл как автор сатирических романов-пародий. Будучи близким другом Шелли и лорда Байрона, Пикок, тем не менее, в своих романах беззаботно насмехается над слабостями

своего века.

В 1820 г. Пикок женился на Джейн Гриффид, с которой он познакомился в своем путешествии по Уэльсу восемь лет назад. У них родилось двое детей, Мэри и Маргарет, но вторая девочка умерла в возрасте трёх лет. Это сильно повлияло на жену Пикока, которая до самой смерти в 1851 г. оставались психически больным человеком. Помимо литературной деятельности, Пикок многие годы служил чиновником в Британской Ост-индской компании. Умер он в 1866 г. и был похоронен на новом кладбище в городе Шеппертоне, графство Суррей.

Фелиция Доротея Хеманс (1793–1835)

Фелиция Доротея Хеманс (Felicia Dorothea Hemans), в девичестве Браун, поэтесса-романтик, родилась в Ливерпуле 25 сентября 1793 г. в семье купца и была пятой из семи детей. Её мать, имевшая итальянские и немецкие корни, была дочерью имперского и тосканского консула в Ливерпуле. После периода финансовых трудностей, в 1800 г. семья переехала в Уэльс. Фелиция жадно читала книги из обширной домашней библиотеки, от своей матери получила знания нескольких языков и с самых ранних лет прояви-

ла свой талант.

Свой первый сборник «Стихотворения» (1808) Хеманс опубликовала в возрасте 14 лет. Издав сборник «Домашние чувства: и другие стихотворения» (1812), она вышла замуж за капитана Альфреда Хеманса в 1812 г., родив за короткий срок пятерых детей. Этот брак не был счастливым. В 1818 г. её муж не вернулся из поездки в Италию, куда отправился для лечения, и с тех пор Хеманс должна была поддерживать всю семью доходами от изданий своей поэзии. Это сборники: «Осада Валенсии» (1823), «Записки о женщине: и другие стихотворения» (1828), «Песни любви» (1830) и «Сцены и гимны жизни» (1834). Сформировавшаяся под влиянием Вордсворта и лорда Байрона, поэзия Хеманс была опубликована в 19 томах. Умерла Хеманс 16 мая 1835 г. в Дублине, куда она приехала, чтобы находиться рядом со своим братом.

Джон Клэр (1793–1864)

Джон Клэр (John Clare), английский поэт-романтик, родился в крестьянской семье в маленькой английской деревне Хэлпстон. Хотя его родители были фактически неграмотны, но Клэр каждый год посещал дневную школу в течение несколь-

ких месяцев. В 12 лет он поступил в вечернюю школу, обучаясь в неформальной обстановке с другими мальчиками, в свободное время читая книги, особенно своего любимого «Робинзона Крузо» Дэниеля Дефо. В 1820 г. Джоном Тейлором (издателем Китса) бы опубликован первый сборник поэзии Клэра «Стихотворения, изображающие сельскую жизнь и пейзажи». Сборник имел большой успех (продано около 3 тыс. экземпляров), принёс молодому поэту признание и помощь нескольких благотворителей. Он приехал в Лондон в том же году, посещал званые обеды и подружился с литературными знаменитостями. Клэр женился на Пэтти Тейлор, уже несколько месяцев беременной их первым ребенком.

В следующем году поэт-крестьянин издал второй сборник «Деревенский менестрель и другие стихотворения» (1821). За этим сборником последовал «Пастуший календарь» (1827). Несмотря на литературные успехи, семья Клэра жила в нищете. В 1835 г. он издал свой последний сборник «Сельская муза», но во второй половине 1830-х годов его умственное и физическое здоровье всё более слабело. Он пристрастился к выпивке, и с 1837 г. Клэр, за исключением короткого промежутка в 1841 г., уже не покидал дома для

умалишенных в Нортгемптоншире, где продолжал писать стихи.

Хартли Кольридж (1796–1849)

Хартли Кольридж (Hartley Coleridge) родился 19 сентября 1796 г. и был самым старшим сыном поэта-романтика Сэмюэля Тейлора Кольриджа. В юности Хартли Кольридж проживал раздельно от родителей и был подвигнут Робертом Саути к сочинению стихов. Кольридж учился в Оксфорде, в Ориэл-колледже. Умный студент, который, как ожидали, мог стать отличником обучения, боролся с алкоголизмом и был, в конечном счете, отчислен из Ориэла, лишившись его товарищества. Впоследствии Кольридж переехал в Лондон, где работал частный наставником и издал свои стихи в «Лондонском Журнале».

В 1833 г. был издан сборник его стихотворений, который вызвал многообещающие отклики. Хартли издал также серию биографий знаменитых жителей Севера и графств Йоркшир и Ланкашир, написал поэму «Прометей». С 1836 г. Кольридж спокойно проживал в Грасмире и в 1840–1849 гг. в Рэйдале, проводя всё своё время в чтении и прогулках по сельской местности. Он был близким другом Вордсворта (они были

похожи по своим привычкам) и имел много знакомых среди местных жителей. Заключительное десятилетие жизни Кольридж провёл в творческой слабости, которую сам называл «горестным бессилием интеллектуального истощения». Найденные после его смерти рукописи были изданы в сборниках «Эссе» и «Marginalia» в 1851 г.

Джозайя Кондер (1789–1855)

Джозайя Кондер (Josiah Conder) был книгопродавцем, поэтом, автором религиозных гимнов. Родился он в Лондоне, а в шесть лет у него обнаружилась сыпь, лишившая его одного глаза. Получив образование под руководством пастора Палмера, он продолжал самообразовываться, когда стал помощником своего отца в делах продажи книг. В возрасте двадцати лет Кондер издал книгу под названием «Напарник менестреля». В следующем году Джозайя занял место отца в его делах, а несколькими годами позже женился на Джоан Элизабет Томас, от которой имел четверых детей. После его брака с Джоан Кондер оставил свой бизнес, чтобы стать руководителем периодического издания «Смешанное обозрение», и оставался в этой должности в течение 20 лет.

Кондер вёл обширную переписку с Робертом

Саути и другими литераторами, редактировал тридцать выпусков «Современного Путешественника», хотя никогда не покидал Англию. Трудясь как автор и редактор, он был активным проповедником и писал на многие религиозные и литературные темы. Умер он от желтухи 27 декабря 1855 г. в Хэмпстеде.

Томас Гуд (1799–1845)

Томас Гуд (Thomas Hood), талантливый английский поэт, родился в 1799 г. в семье книгопродавца. После смерти мужа мать Томаса переехала в Айслингтон, где один из учителей Гуда открыл в мальчике разнообразные таланты. Гуд сначала помогал в редактировании книг, а затем работал в финансовом отделе компании друга своей семьи. Пошатнувшееся здоровье заставило его уехать в Шотландию, где проявился его дар поэта. В 1821 г. Гуд впервые стал техническим редактором «Лондонского Журнала», войдя тем самым в литературное общество столицы. Сердечный и приветливый, он был партнёром Чарльза Лэма, Уильяма Хэззлита и Хартли Кольриджа.

В 1825 г. Гуд женился, и вскоре вышла его первая книга «Оды и Послания», созданная в содружестве с Джоном Рейнолдсом, другом Джона

Китса. Затем последовала книга «Признания Фей в разгар лета» (1827) и драматическая поэма «Ламия». Но здоровье Гуда ухудшалось. Несмотря на это, он создал собственный журнал, которому многие литераторы оказывали помощь своей репутацией и имеющимися в их распоряжении возможностями. Однако болезнь заставила Гуда слечь в постель, с которой он уже никогда не поднялся. Но именно тогда он написал свои бессмертные гражданские стихотворения: «Песнь о рубашке», «Мост вздохов», «Песня чернорабочего». Благодаря ходатайству друзей, Гуду была назначена правительственная пенсия, которую после его смерти получали его жена и дети.

Сестры Бронтё

Семья Бронтё переехала в Хауорт из Торнтона в 1820 г., куда преподобный Патрик Бронтё был назначен викарием. Его жена Мария родила шестерых детей. Родители сестёр Бронтё имели литературные склонности: их мать издала одно эссе, а их отец написал четыре книги и баловался поэзией. Г-жа Бронтё умерла от рака в 1821 г., оставив свою сестру, Элизабет Бранвелл, заботиться о детях. В 1824 г. четыре старшие девочки были посланы в школу для дочерей обедневших

священнослужителей. Из-за плохихусловий жизни вскоре вспыхнула эпидемия, унёсшая жизни Марии и Элизабет, так же тяжело заболела и Шарлотта. В течение следующих шести лет Шарлотта, Эмили, Энн и их брат Бранвелл оставались жить в доме священника в Хауорте, где сестры посвятили себя литературному творчеству. Оно проявилось в создании фантастических миров, таких как Гондал и Ангрия.

В 1831 г. Шарлотта преподавала в школе в Мирфилде, Бранвелл с небольшим успехом начал работать художником-портретистом, Эмили немного поработала в школе в Галифаксе, Энн была репетитором у семьи Робинсон. В 1845 г. семья Бронтё снова соединилась в Хауорте, где сестры использовали наследство, полученное ими после смерти их тётушки Бранвелл в 1842 г., чтобы финансировать издание сборника своих стихотворений под псевдонимами Каррер, Эллис и Эктон Беллы (Currer, Ellis и Acton Bell). Однако было продано всего 2 экз. этой книги. Тогда сестры решили заняться прозой, издав свои знаменитые романы: «Джейн Эйр» (1847) — Шарлотты Бронтё, «Грозовой перевал» — Эмили Бронтё (1847) и «Агнесс Грей» — Энн Бронтё (1848).

В 1848 г. в возрасте 31 года умер их любимый

брат Бранвелл, истощивший себя наркотиками и алкоголем. Эмили простудилась на его похоронах и умерла от туберкулеза 19 декабря 1848 г. в возрасте 30 лет. Энн также заболела туберкулезом и умерла 28 мая 1849 г. в возрасте 29 лет. Шарлотта продолжала писать и опубликовала еще два романа: «Шерли» (1849) и «Уиллетт» (в русском переводе «Городок») (1853). В 1854 г. она вышла замуж за викария Артура Белла Николса. Начала, но не закончила новый роман — «Эмма». Будучи беременной, Шарлотта умерла 31 марта 1855 г. в возрасте 38 лет.

Эдвард Бульвер-Литтон (1803–1873)

Эдвард Бульвер-Литтон (Edward Bulwer-Lytton), автор знаменитой фразы «Перо сильней меча», родился в знатной семье в 1803 г. Отец Эдварда был генералом, графом Хейдон Холл и Вуд Даллинг, несколько мужиковатым на вид, но знатным. Отец Бульвера умер, когда мальчику было четыре года, и он с матерью переехал в Лондон. Получив образование в частных школах и Тринити-колледже Кембриджского университета, Бульвер погрузился в светскую жизнь и литературные занятия. В 1827 г. он женился вопреки желанию матери на Розине Уилер, был

лишён материального пособия и потому серьёзно занялся литературной деятельностью.

В 1836 г. Бульвер развёлся с женой, которая препятствовала его литературной и политической работе. Бульвер-Литтон известен как автор множества романов, самые известные из которых: «Пэлэм, или джентльмен», «Последний день Помпеи». Успехом пользовались так же и его пьесы. В 1838 г., находясь на высоте своей популярности, Бульвер получил титул баронета, а унаследовав имение матери, прибавил «Литтон» к своей фамилии. В 1845 г. он оставил парламентскую деятельность, много путешествовал, затем снова вернулся к политике. В 1859 г. он — министр колоний; в 1866 г. — член палаты лордов. Эдвард Джордж Бульвер-Литтон, лорд Литтон, баронет Литтон Небуортский умер 18 января 1873 г.

Эдвард Фитцджеральд (1809–1883)

Эдвард Мальборо Фицджеральд (Edward Marlborough FitzGerald) родился 31 марта 1809 г. в Суффолке. Его отец, Джон Пёрселл, взял фамилию и герб семьи его жены, ФитцДжеральд. С 1816 г. Эдвард жил в Париже, затем окончил школу Св. Эдмунда и в 1826 г. стал студентом Тринити-Колледжа в Кембридже. Фитцджеральд

жил постоянно в Англии, то в своём графстве Суффолк, то близ Вудбриджа, а затем вплоть до своей кончины в своём доме неподалеку от так называемой Малой Гранж. В течение всего этого времени Фицджеральд занимался цветами, музыкой и литературой. Уже в средних летах своей жизни он женился на Люси Бартон. Фитцджеральд изучал испанский язык и издал драмы Кальдерона в вольном переводе, затем стал интересоваться востоком.

В марте 1857 г. Коуэлл обнаружил собрание *Рубаи* Омара Хайяма на персидском языке в библиотеке Калькутты и послал их Фицджеральду. В 1859 г. несколько четверостиший были опубликованы как «Рубаййят Омара Хайяма». Эти переводы сначала не привлекли никакого внимания публики, но под влиянием восторженных откликов поэтов Данте Габриэля Россетти и Суинбёрна, переводы Фитцджеральда становились популярными, и в 1868 г. был издан новый, дополненный сборник. Фитцджеральд сочинял и свои собственные стихотворения. Вот так среди своих книг и своих цветов Фицджеральд постепенно старел. Он умер безболезненно во сне 14 июня 1883 г.

Роберт Браунинг (1812–1889)

Роберт Браунинг (Robert Browning) родился 7 мая 1812 г. в Кэмбервилле, в семье банковского клерка, который также рисовал, занимался науками, собирал книги, картины и антиквариат. Мать Браунинга хорошо музицировала на фортепьяно. В детстве Роберт не получил систематического образования, обучаясь в частных школах и дома, но любил читать книги из пространной библиотеки своего отца, состоящей из 6000 книг: греческих, латинских, французских, итальянских и испанских классиков. В 16 лет Браунинг пробовал посещать лондонский университет, но, найдя его атмосферу душной и скучной, бросил учёбу после первого курса. Немного замкнутый, Роберт жил с родителями до тридцатичетырёхлетнего возраста. Начал он свою поэтическую карьеру как автор двух исторических поэм «Паулина» и «Парацельс», изданных в 1833 и 1835 годах на средства отца. Затем он выпустил сборник «Драматическая лирика» (1842) и историческую поэму «Сорделло».

В 1845 г. Браунинг встретил Элизабет Барретт, поэтессу, с которой тайно повенчался в следующем году, и, чтобы избежать преследования

её властного отца, увёз её в Италию. В течение нескольких лет Роберт и Элизабет жили то в Пизе, то во Флоренции, писали стихи, поэмы и критические работы. В 1849 г. у них родился сын Роберт, а в 1855 г. вышел сборник стихотворений Браунинга «Мужчина и Женщина», посвященный жене. Считающийся ныне одним из лучших сборников поэта, он в то время вышел с аннотацией, что автор является мужем поэтессы Элизабет Баррет. В 1861 г. тяжелобольная Элизабет умерла, и Роберт вернулся в Лондон вместе с их сыном. В 1864 г. Браунинг издал новый сборник — «Драматические персоны», а через 5 лет — свою самую знаменитую поэму «Кольцо и Книга». Более поздние его произведения не так известны, и не так хороши. В начале 1880-х годов став почётным членом Оксфордского, а затем Эдинбургского университетов, Роберт Браунинг умер в Венеции 12 декабря 1889 г.

Элизабет Баррет Браунинг (1806–1861)

Элизабет Барретт Браунинг (Elizabeth Barrett Browning) родилась 6 марта в Коксхоу-Холле, Дарем. Она была самой старшей из 12-ти детей семьи, которая заработала своё состояние на ямайских сахарных плантациях. Элизабет по-

лучила домашнее образование, рано начала читать и писать, увлекалась Шекспиром. В 14 лет Элизабет заболела, что потребовало от неё приема морфина на всю оставшуюся жизнь, а в следующем году перенесла травму позвоночника. Несмотря на все эти проблемы со здоровьем, в 1826 г. вышел первый сборник юной поэтессы «Опыт о разуме и другие стихотворения».

Вскоре дела отца Элизабет ухудшились, и семья переехала в Лондон. В 1830-1840-х годах Элизабет Баррет издала ещё два сборника стихов. Её поэзия привлекла внимание к тому времени известного и авторитетного поэта Роберта Браунинга. Браунинг написал письмо Элизабет, и в течение последующих 20 месяцев они обменялись почти шестьюстами письмами. 12 сентября 1846 г. Элизабет и Роберт тайно обвенчались (отец Барретт был против их брака) и вскоре уехали в Италию. В 1849 г. во Флоренции у супругов родился сын Роберт. Год спустя Элизабет выпустила в свет свой знаменитый сборник «Сонеты, с португальского», состоящий из 44 сонетов, которые писались тайно во время любовной переписки будущих супругов. Элизабет Баррет Браунинг умерла во Флоренции 29 июня 1861 г. в возрасте 55 лет, будучи одним из самых любимых поэтов романтического дви-

жения в викторианской Англии.

Альфред Теннисон (1809–1892)

Альфред Теннисон (Alfred Tennyson) — самый известный поэт «викторианской» Англии и самый глубокий представитель идей и ценностей этой эпохи. Он был одним из 12-ти детей довольно образованного линкоширского священника. Ещё учась в грамматической школе, Теннисон начал писать стихи, а в университете издал первый сборник своих несколько сентиментальных стихотворений. В 1831 г. умер отец Альфреда, и молодой Теннисон, не успев закончить учёбу, стал главой своей многочисленной семьи и ответственным за её благосостояние. В 1833 г. он выпустил в свет второй сборник стихотворений, среди которых была знаменитая баллада «Леди из Шалота».

В течение некоторого времени семья Теннисонов жила в приходском доме отца, но потом переехала в Эссекс, и её материальное положение ухудшилось. Наконец в 1842 г. Теннисон издал новый стихотворный сборник и стал приобретать популярность как поэт. Именно тогда появились его исторические и философские поэмы, такие как «Замок Локсли», «Одиссей», «Смерть

Артура» и другие. Он получил правительственную пенсию в 200 фунтов, а в 1850 г. был избран поэтом-лауреатом после смерти Вордсворта. В то же году Теннисон издал свою знаменитую поэму «In Memoriam A.H.H.» (1850). Укрепив своё финансовое положение, он смог жениться на Эмилии Селлвуд, за которой ухаживал с 1836 г. У них родились два сына: Хэллем и Лайонел.

Как поэт-лауреат Теннисон сочинял хвалебные оды правящей династии. С 1859 г. он начал сочинять цикл эпических поэм о славе и крушении короля Артура — «Королевские идиллии» (1859–1885). Королева Виктория благоволила к поэту, и в 1884 г. Теннисон получил титул барона, впервые среди литераторов заняв место в Палате лордов, как поэт, признанный всеми за мастерство, глубину мысли и превосходное использование языка чувств. В конце жизни Теннисон обратился от христианской веры к «агностицизму и пантеизму». Продолжая писать и в восемьдесят лет, Теннисон умер.

Мэтью Арнольд (1822–1888)

Мэтью Арнольд (Matthew Arnold), поэт и критик, родился в Лэлеме на Темзе, будучи старшим сыном Томаса Арнольда, историка и директора

школы г. Регби, и его жены Мэри Арнольд. Мэтью получил образование сначала в школе Винчестера, а затем в 1841 г. поступил в Баллиол-колледж, Оксфорд. В 1844 г. после получения магистерской степени в Оксфорде, Мэтью возвратился в Регби как учитель классической филологии. В 1847 г. он стал частным секретарем у лорда Лэндсдауна, который в 1851 г. предоставил Арнольду должность инспектора школ, должность инспектора школ, поглощавшую почти до конца его жизни большую часть времени и энергии Мэтью. Этот стабильный доход позволил ему жениться на Фрэнсис Люси Уайтмэн, дочери судьи Королевской скамьи.

Первый сборник поэзии Арнольда «Бродячий кутила и другие стихотворения» (1849) не принёс ему известность, но сборники «Эмпедокл на Этне» (1852), «Стихотворения» (1853) и последующие — создали ему репутацию отменного поэта. В 1857 г. Арнольду предложили должность профессора поэзии в Оксфорде, и он стал первым профессором, который читал лекции на английском, а не на латыни. В 1860-х годах Арнольд почти полностью поворачивается от литературы к социальным и теологическим проблемам. Он написал тогда большую часть своих самых известных крити-

ческих работ. В работе «Исследование Поэзии» (1880) Арнольд призвал к созданию новой эпической поэзии: поэзии, которая обратилась бы к моральным потребностям его читателей, чтобы «оживить и облагородить их». Аргументы Арнольда о возобновленной религиозной вере и принятия классической эстетики и нравов получили широкий отклик среди викторианской интеллигенции. Мэтью Арнольд умер в Ливерпуле 15 апреля 1888 г.

Аделаида Энн Проктер (1825–1864)

Аделаида Энн Проктер (Adelaide Anne Procter) была любимой поэтессой королевы Виктории и активным борцом за права женщин. Старшая дочь поэта Брайана Проктера (известного как Барри Корнуолл) и его жены Энн, Аделаида родилась 30 октября в лондонском доме на Бедфорд-сквер. Она выросла в семействе, где все литературные идеи входили и выходили из литературного салона её матери, который посещали: романистка Элизабет Гаскелл, поэт и критик Ли Хант, эссеист Чарльз Лэм и знаменитый Чарльз Диккенс. Её отец также был знаком с Уильямом Вордсвортом и критиком Уильямом Хэзлиттом. В 1850 г. Проктер считалась одной из первых уче-

ниц в Королевском колледже на Харли-стрит. А современник описал её как «красивую девушку, тонкую, нежную и задумчивую». По окончании колледжа Аделаида Проктер приняла участие в кружке «Лэнгем Плейс», деятельность которого была посвящена улучшению условий для женщин. В 1851 г. она приняла католичество. Её деятельность и её переход в католицизм, вероятно, сильно повлияли на её поэзию, которая в основном посвящена бездомности, бедности и падшим женщинам. В конце 1850-х годов она участвовала в создании «Журнала для женщин» (1858 г.) и «Общества содействия занятости женщин» (1859 г.). В 1858 г. году вышла первая книга Проктер «Легенды и лирика», а в 1861 г. последовала вторая книга с тем же названием. Аделаида Проктер не отличалась хорошим здоровьем, которое к тому же было надорвано усиленной благотворительной работой. В 1862 г. у неё развился туберкулез, а через два года, в 38 лет, Аделаида Проктер умерла и была похоронена на кладбище Кенсаль-Грин.

Артур Хью Клаф (1819–1861)

Артур Хью Клаф (Arthur Hugh Clough, читается как «cluff») родился в Ливерпуле в семье валлий-

ского купца хлопком. Окончил школу в Честере, а в 1837 г. получил стипендию в колледже Баллиол в Оксфорде. Там Клаф подружился с Мэтью Арнольдом, английским поэтом и критиком. Выиграв стипендию с преподаванием в колледже Ориэль, он не принял её, так как не желал преподавать доктрины Англиканской церкви. В Париже Клаф, где проживал в то время, стал свидетелем революции 1848 г. В следующем году принял участие в республике итальянского революционера Джузеппе Мадзини. В 1849 г. Клаф совместно со своим другом Томасом Бёрбиджем опубликовал поэтический сборник «Амбарвалия», содержащий короткие стихотворения разных лет примерно с 1840 г. В том же году Клаф издал роман в стихах «Любовь к путешествиям».

Клаф вернулся в Лондон, чтобы стать руководителем унитарного университетского зала и профессором английского языка в университетском колледже. Но вскоре ушел в отставку в 1852 г. и в следующем году женился на Бланш Смит. В течение 1850-х годов он работал над переводом «Жизнеописаний Плутарха» (1859) и большой поэмой «Мария Магно». В I860 г. его здоровье пошатнулось, но он много путешествовал по Греции, Турции и Франции, где встретился с

семьей Теннисона. Однако в Италии Клаф заразился малярией и умер во Флоренции 13 ноября 1861 г.

Чарльз Кингсли (1819–1875)

Чарльз Кингсли (Charles Kingsley), англиканский священнослужитель и писатель, автор социальных и исторических романов, поэзии и детской литературы. Сын священнослужителя, Кингсли вырос в Девоне, где проявил интерес к изучению природы и геологии. После окончания Магдаленского колледжа в Кембридже, он был рукоположен в 1842 г. в качестве куратора Эверсли, а через два года стал священником прихода. В декабре 1849 г. Кингсли объявил себя «христианским социалистом» (новый для той поры термин), стремясь исправить пороки индустриализма посредством христианской этики. Энергичный стиль его великодержавного протестантизма часто называли «мускулистым христианством».

Его исторический роман «Гипатия» (1853) представляет собой откровенно эротическую историю о периоде раннего христианства в римском Египте. Другие романы Кингсли (эпоха Елизаветы I, период англо-саксонского завоевания Англии) носили ярко выраженную антикатолическую

направленность. Популярность пользовалась его дидактическая фантазия «Дети воды, волшебная сказка для земных детей» (1863). В 1859 г. Кингсли стал капелланом при принце-консорте Альберте, а затем и самой королевы Виктории. С I860 по 1869 г. он являлся профессором новой истории Кембриджского университета. В 1870–1875 гг. Кингсли был сначала каноником Честерского собора, а затем — Вестминстерского аббатства.

Данте Габриэль Россетти (1828–1882)

Данте Габриэль Россетти (Dante Gabriel Rossetti), поэт, переводчик, живописец, иллюстратор, родился от брака итальянского эмигранта Габриеля Россетти и Франциски Полидори 12 мая 1828 г. Габриэль получил образование в Королевском колледже, затем в Академии искусств и в Королевской академии. В 1848 г. он вместе с несколькими художниками создал «Братство прерафаэлитов». Для распространения своих идей небольшая группа начала издавать журнал «Герм» (Микроб), редактором которого стал брат Данте Габриэля — Уильям Майкл Россетти (1829–1919). Основу художественного мировоззрения Россетти составляло средневековое искусство Италии, в его живописи также чувствовалось

обращение к манере и художественному идеалу живописцев треченто и кватроченто.

В 1850 г. Россетти встретил Лиззи Сиддал, которая стала его ученицей, моделью, возлюбленной и главным источником его вдохновения. В I860 г. они сочетались браком. Меланхоличная и больная туберкулёзом Лиззи умерла через два года от передозировки опия после рождения мёртвого ребёнка. После смерти жены у Россетти возникла любовная связь с Джейн Моррис, женой поэта-прерафаэлита и дизайнера Уильямом Морриса.

Первое издание собрания стихотворений Данте Габриэля появилось в 1870 г. Главным поэтическим памятником Россетти явился цикл сонетов «Дом жизни», в котором прослеживается сложное духовное и телесное развитие его любовных отношений. Последние годы жизни Россетти были отмечены все более и более болезненным настроением: он стал увлекаться алкоголем и хлоралом и какое-то время выглядел совсем безумным. Умер Россетти 10 апреля 1882 г. в небольшом городке графства Кент.

Уильям Моррис (1834–1896)

Уильям Моррис (William Morris), выдающийся викторианский художник, один из самых попу-

лярных поэтов своего времени и политический мыслитель, родился в Уолтемстоу в семье биржевого маклера. Он обучался в колледже Марлборо, затем в Оксфорде. В Оксфорде он встретил своего пожизненного друга Эдварда Бёрн-Джонса и в 1856 г. двое молодых людей стали членами кружка Данте Габриэля Россетти. В 1857 г. Россетти и Эдвард Бёрн-Джонс встретили в театре Друри-Лейн Джейн Бёрден, которая через два года стала женой Уильяма Морриса. Первый стихотворный сборник Морриса вышел в 1858 г. под названием «Защита Гвиневры».

В 1861 г. Моррис организовал фирму художественных работ по живописи, резьбе и металлу «Моррис, Маршалл, Фолкнер и Ко», которая стала производить уникальную мебель, декоративные ткани, керамику, вышивки, ручную полиграфию. Он издал шесть поэтических сборников: «Защита Гвиневры» (1858); «Жизньи СмертьЯсона» (1867); «Земной Рай» (1868-70); «Любви Достаточно» (1873); «Sigurd Volsung» (1876) и «Стихотворения» (1891). «Земной Рай» принес Моррису известность и популярность. После смерти Теннисона в 1892 г. Моррису предложили стать очередным поэтом-лауреатом, но последний отказался. Моррис придерживался атеистических взглядов и

был последователем идей социализма. Когда он умирал, один из его врачей диагностировал его болезнь как — «просто быть Уильямом Моррисом и делать работу за десятерых». Похоронен Моррис на кладбище Св. Георгия в Келмскотте.

Джордж Мередит (1828–1909)

Джордж Мередит (George Meredith), один из крупнейших английских романистов, был также известен и как поэт. Он родился 12 февраля в семье портного. В детстве жил в школе-интернате, а в 15 лет Джорджа послали на учёбу в Моравскую школу в Германии. Через два года Джордж был отдан в обучение лондонскому адвокату Ричарду Чарноку, но карьеру свою начал как журналист. Первый стихотворный сборник поэта вышел в 1851 г., не получив особого одобрения публики, как и следующие за ним поэтические книги. В 1849 г. Мередит женился на Мэри Эллен Николл, остроумной и славившейся своим интеллектом женщине, которая была старше его на 7 лет. Через 4 года у них родился сын Артур. В 1861 г. Мэри Эллен умерла, а в сборнике «Современная любовь» (1862) Мередит выразил свои переживания о трагической развязке первого брака. Через три года Мередит взял в жёны Мэри Вьюллиэми

и обосновался в графстве Суррей, чья природа вдохновила его поздние стихотворения. Новая жена была не так умна, как первая, но зато хорошей домохозяйкой, родившей Мередиту двоих детей, и верной помощницей в его делах. Хотя Мередит начал и закончил свою литературную жизнь как поэт, его больше помнят по психологическим романам, таким как «Суровые испытания Ричарда Феверела» (1859), «Эгоист» (1879), «Диана Кроссвей» (1885) и др. Нов 1886 г. умерла его вторая жена, да и сам Мередит заболел. Смерть сына Артура дополнила его горе, усилив плохое самочувствие. Однако он продолжал писать, и в 1892 г. сменил Теннисона на посту президента «Авторского общества». Вскоре Мередит забросил прозу и целиком отдался поэзии. 18 мая 1909 г. Мередит скончался на 82-м году жизни.

Алджернон Чарльз Суинбёрн (1837–1909)

Алджернон Чарльз Суинбёрн (Algernon Charles Swinburne), один из корифеев викторианской поэзии, родился в 1837 г. в Лондоне, но потом провёл большую часть своей жизни на острове Уайт, в графстве Нортумберленд. Один из немногих английских поэтов, как Сидни, Байрон, он был аристократического происхождения. Его отец

был адмиралом, а дед со стороны матери — графом Ашбёрнхэмом. После окончания Итона и Оксфорда Алджернон жил в Лондоне на пособие своего отца. Суинбёрн был знаком с некоторыми участниками движения прерафаэлитов: среди его лучших друзей были Данте Габриэль Россетти, Уильям Моррис, а также художник Эдвард Бёрн-Джонс.

В 1866 г. Суинбёрн издал сборник «Стихотворения и баллады», который был подвергнут критике за чувственность и антихристианские настроения, хотя следующие издания, наоборот, были чрезмерно захвалены. Суинбёрн имел склонность к мазохизму, к которому пристрастился ещё с Итона, увлекался романами маркиза де Сада. Психическое расстройство, вкупе с его хронической эпилепсией и алкоголизмом, серьезно подорвало здоровье поэта. В 1878 г. он находился при смерти, но сумел восстановить здоровье под наблюдением Теодора Уоттс-Дантона. С ним Суинбёрн прожил последние 30 лет жизни, ведя очень упорядоченное существование, можно сказать, даже респектабельное. Удивительное чувство слова, поэтичность и разнообразие метра поставили Суинбёрна в один ряд с талантливейшими англоязычными поэтами. Суинбёрн

одинаково известен и как поэт, и как критик, которой он занимался в последние годы. Ведь именно он извлёк из небытия поэзию Уильяма Блейка и Роберта Геррика.

Кристина Россетти (1830–1894)

Кристина Джорджина Россетти (Christina Georgina Rossetti) была сестрой поэта и художника Данте Габриэля Россетти. Она родилась в Лондоне 5 декабря 1830 г. и начальное обучение получила под руководством своей матери Франчески Полидори, знакомой самого Байрона. В 1840-е годы семья Россетти испытывала серьезные финансовые затруднения из-за ухудшения физического и психического здоровья главы семейства. Есть мнение, что её отец якобы сексуально надругался над Кристиной, когда ей было 14 лет. С девушкой случилось нервное потрясение, после чего у неё появились приступы депрессии и связанные с этим заболевания. Религиозность сыграла важную роль в личной жизни Кристины: ещё подростком она была помолвлена с художником Джеймсом Коллинсоном, но помолвка была разорвана. Затем она вступила в связь с лингвистом Чарльзом Кайли, но не вышла за него замуж по религиозным соображениям. Кристина

Россетти начала писать в раннем возрасте, но её первый сборник «Рынок Гоблинов и другие стихотворения» (Goblin Market and Other Poems) был опубликован только в 1862 г. Книга получила много хвалебных и критических отзывов. Россетти продолжала писать и публиковаться в течение всей своей жизни, хотя в основном это были религиозные и детские стихи. У неё был обширный круг друзей, и десять лет она добровольно работала в приюте для проституток. Россетти боролась за предоставление женщинам права голоса, и, кроме того, она выступала против войны и рабства (в Южной Америке), против жестокого обращения с животными и эксплуатации несовершеннолетних девочек в проституции. В 1893 г. Кристина Россетти заболела и через год, 29 декабря, умерла от рака.

Ричард Уотсон Диксон (1833–1900)

Ричард Уотсон Диксон (Richard Watson Dixon) родился 5 мая в лондонском районе Ислингтон в семье проповедника Джеймса Диксона. Обучался Диксон сначала в школе короля Эдуарда, затем в Оксфорде, в колледжах Пемброк и Эксетер. Здесь Диксон, а также будущие художники прерафаэлиты Эдвард Берн-Джонс и Уильям Моррис,

создали тесное братство с рядом других учеников, которые разделяли любовь к божественности, искусству и литературе. В 1857 г. Диксон окончил университет, получив степень бакалавра. В 1861 г. он выпустил свой первый сборник поэзии — «В содружестве с Христом». Второй стихотворный сборник — «Исторические оды» — вышел в 1863 г.

Диксон был женат дважды: сначала на вдове Мэри Томсон, а после её смерти в 1876 г. на Матильде, старшей дочери Джорджа Рутледжа. Однако детей у Диксона не было. После учёбы Диксон развивал свою священническую карьеру: был куратором в двух лондонских церквях, работал в Высшей школе и заведовал библиотечным офисом в соборе, работал деревенским викарием, затем служил священником в графстве Нортумберленд, где оставался до конца своих дней. Его положение в литературном мире помогло Диксону принять участие в конкурсе на получение звания поэта-лауреата после смерти Альфреда Теннисона в 1892 г., но он проиграл Роберту Бриджесу. Ричард Диксон умер в возрасте 66-ти лет после тяжелого приступа гриппа.

Ковентри Патмор (1823–1896)

Ковентри Патмор (Coventry Kersey Dighton Patmore), поэт и критик, родился 23 июля 1823 г. в Эссексе. Он получил частное образование, был очень близок с отцом, унаследовав от него литературные способности и страсть к творчеству. Поначалу Патмор хотел стать художником, затем начал писать стихи, после увлёкся наукой. Однако вскоре Патмор возвратился к своим литературным занятиям, вдохновлённый успехом Альфреда Теннисона, и в 1844 г. издал небольшой сборник стихотворений. В 1846 г. Патмор получил должность помощника библиотекаря в Британском Музее, пост, который он занимал в течение девятнадцати лет, посвящая всё свободное время поэзии. В 1847 г. он женился на Эмилии Кэмбэруелл, а в 1854 г. появилась первая часть его лучшей поэмы *«Ангел в Доме»,* посвященной своей жене, любовная тема которой был продолжена в поэмах «Обручение» (1856), «Навеки предан» (I860) и «Победа Любви» (1862).

В 1862 г. Патмор потерял жену, которая скончалась после длительной и вялотекущей болезни, и вскоре после этого принял католичество. В 1865 г. он женился на Мэрианн Билес, а в 1877 г. появи-

лась его сборник «Неизвестный Эрос». Его вторая жена умерла в 1880 г., и Патмор женился в третий раз на Гарриет Робсон. Каждый раз он женился по любви, и его семейная жизнь проходила в счастье. Последние годы жизни Патмор провёл в Лимингтоне, где умер 26 ноября 1896 г.

Джеральд Мэнли Хопкинс (1844–1889)

Джеральд Мэнли Хопкинс (Gerard Manley Hopkins) родился в Стратфорде, Эссекс. Он был самым старшим из 9-ти детей Кэтрин и Мэнли Хопкинса, страхового агента и генерального консула Гавайев, находившегося в Лондоне. Хопкинс получил образование в школе Хайгейт, а затем в Оксфорде, где изучал классику. Именно в Оксфорде он приобрёл дружбу Роберта Бриджеса, столь важную для его дальнейшего развития как поэта. В 1866 г. Хопкинс стал католиком. Под влиянием своего отца, который также писал стихи, Хопкинс занимался поэзией с юных лет, но став иезуитом, он сжёг свои юношеские опыты, поскольку чувствовал несовместимость их со своим призванием. Хопкинс выбрал строгую и аскетическую жизнь иезуита.

Хопкинс служил в различных округах в Англии и Шотландии и преподавал в различных колле-

джах. В 1884 г. он стал профессором греческой литературы в Университетском колледже Дублина. После страданий из-за плохого здоровья в течение нескольких лет, Хопкинс умер от брюшного тифа в 1889 г. и был похоронен в Дублине.

После смерти Хопкинса его стихи стали известны широкой аудитории и в 1918 г. были изданы отдельным сборником Робертом Бриджесом, ставшим к тому времени поэтом-лауреатом.

Остин Добсон (1840–1921)

Генри Остин Добсон (Henry Austin Dobson), английский поэт и писатель, родился в Плимуте в 1840 г. в семье Джорджа Добсона, гражданского инженера. Поступив в восемь, а окончив школу в шестнадцать лет, Добсон решил профессионально пойти по стопам своего отца. В декабре 1856 г. Добсон стал работать в министерстве торговли, постепенно достигнув должности начальника порта, с которой он ушёл в 1901 г. В 1868 г. Добсон женился на Франциске Мэри, от которой у него было 10 детей. На работе он был трудолюбив, однако всё свободное время отдавал поэзии и литературе. Вскоре Добсон начинает печататься в журнале, редактируемом писателем Энтони Троллопом, но под псевдонимом.

Осенью 1873 г. Добсон издал первый сборник стихотворений — «Виньетки в рифмах», а через четыре года второй сборник — «Пословицы в фарфоре» (1877). В последующих сборниках: «Идиллии Старого мира» (1883) и «Знак Лиры» (1885) — проявилось увлечение Добсоном XVIII столетием. В последующие годы Добсон преимущественно занимался биографиями деятелей любимого им XVIII в.: Филдинга (1883), Голдсмита (1888), Уолпола (1890) и Хогарта (1879–1898). Он прожил в Лондонском пригороде Илинг до самой смерти, последовавшей в 1921 г.

Эдмунд Уильям Госс (1849–1928)

Сэр Эдмунд Уильям Госс (Gosse, Sir Edmund William), поэт и писатель, был единственным сыном зоолога Филипа Генри Госса. Получив солидное образование, Эдмунд сначала работал в отделе каталогизации британского Музея, затем как переводчик в министерстве торговли, а потом служил библиотекарем в Палате лордов. Его сборники поэзии: «Навиоле и флейте» (1873), «Новые стихотворения» (1879), «Осенний сад» (1909) и др. Он был хорошо знаком с прерафаэлитами и Суинбёрном. Как литературный исследователь, Госс написал несколько критических эссе и био-

графий. Среди них самые интересные: о поэтах Томасе Грее, Джоне Донне, Суинбёрне и драматургах Генрихе Ибсене и Конгриве. В 1870 г. Госс совершил поездку в Шотландию, где встретился с Робертом Льюисом Стивенсоном, ставшим его другом на всю жизнь.

В августе 1875 г. Эдмунд Госс женился на Эллен Эппс, молодой художнице круга прерафаэлитов. Их брак счастливо продолжался более 50 лет, и у них было трое детей: Эмили, Филипп и Лора. Несмотря на столь долгое супружество, Госс являлся скрытым гомосексуалистом, о чём сообщают его современники. Он много сделал для популяризации в Англии творчества Генриха Ибсена и других скандинавских писателей, а так же современных писателей и художников Франции. В 1884–1885 гг. Эдмунд Госс провёл тур лекций в Соединенных Штатах, а затем читал лекции по английской литературе в Кембридже. Он был знаком со всеми знаменитостями литературного Лондона, и его дом являлся местом встречи для многих его друзей. В 1925 г. Эдмунд Госс получил рыцарский титул.

Эндрю Лэнг (1844–1912)

Эндрю Лэнг (Andrew Lang), английский (шотландский) писатель, мифолог, историк, журналист и поэт родился в г. Селкирк в 1844 г. Будучи старшим ребёнком из восьми, Лэнг, несмотря на сложное финансовое положение семьи, получил хорошее образование и стал одним из самых плодовитых шотландских писателей. После окончания академии в Эдинбурге и университета Сент-Эндрюс, Лэнг продолжил изучать классическую литературу, а также средневековую поэзию Франции. В 1872 г. он опубликовал своё первое поэтическое сочинение — сборник «Баллады и тексты старой Франции». В возрасте 31-го года Лэнг сочетался браком с Леонорой Аллейн. Не имея детей, они много путешествовали по всей Европе.

Наибольшую известность принесли Лэнгу его работы по мифологии, а также его цветные сказочные книги (более 400 историй разных народов и стран), которые начались в 1889 г. с «Голубой сказки» и закончились в 1910 г. сиреневым цветом. Он также работал над переводами классической литературы, в том числе «Одиссеи» и «Илиады» Гомера и других античных поэтов.

После 1880-х годов Лэнг издал ещё несколько поэтических сборников. Как журналист Лэнг был известен и востребован разными периодическими изданиями. Он также был редактором нескольких книг. Будучи одним из самых известных авторов того времени, Лэнг ежегодно имел несколько публикаций вплоть до своей смерти в 1912 г.

Роберт Бриджес (1844–1930)

Роберт Сеймур Бриджес (Robert Seymour Bridges) родился 23 октября 1844 г. в семье преуспевающего арендатора. Закончив Итон и Оксфорд, он много путешествовал, а с 1869 по 1882 г. работал врачом в Лондонской больнице Св. Варфоломея и в больнице для детей. В 1884 г. Бриджес женился на Мэри Уотерхауз, дочери английского архитектора Альфреда Уотерхауза, и провел остальную часть своей жизни в ничем не нарушаемом сельском уединении, сначала в Йаттендоне, Беркшир, а затем в Боарз Хилл, посвятив себя исключительно поэзии и изучению просодии.

Хотя Бриджес написал несколько поэм и поэтических драм, репутацию талантливого поэта принесла ему его лирика, собранная в сборниках «Более короткие стихотворения» (1890, 1894) и

«Новая поэзия» (1925). В 1913 г. Роберт Бриджес стал поэтом-лауреатом (это звание даётся пожизненно). За год до своей смерти он написал силлабическим стихом красивую, но несколько длинную философскую поэму «Завещание Красоты», посвященную развитию человеческой души, и за которую он получил Орден за Заслуги. Ещё учась в Оксфорде (колледж Тела Господня), он познакомился там и подружился с Джерардом Мэнли Хопкинсом, превосходным поэтом, и чья известность создана благодаря усилиям Бриджеса, подготовившего посмертную публикацию стихотворений Хопкинса в 1916 г. Умер Роберт Бриджес 21 апреля на 86-ом году жизни.

Эрнест Майерс (1844–1921)

Эрнест Джеймс Майерс (Ernest James Myers), переводчик и поэт, получил классическое образование в Челтеме и в Оксфорде. В 1868 г. он стал членом совета Уодэм-коллежда, где преподавал в течение трех лет, затем переехал в Лондон и в течение двадцати лет работал там как переводчик и редактор. Наиболее известно сотрудничество Майерса с Эндрю Лэнгом и Уолтером Лифом при переводе «Илиады» Гомера. Майерс также издал пять поэтических сборников, используя в них

темы древнегреческих и латинских авторов.

В Лондоне Майерс женился на Норе Маргарет Лодж, от которой у него было пять детей. Он также служил секретарем Лондонского Общества расширения университетского образования и работал добровольцем в Обществе милосердия и в Общество защиты женщин и детей. На протяжении всей своей жизни Майерс постоянно занимался физическими упражнениями, включая плавание, верховую езду, теннис, прогулки и гольф. Он умер 25 ноября в Этингхеме, Сассекс, в возрасте 77-ми лет.

Майкл Филд

Майкл Филд (Michael Field) — псевдоним двух англичанок, Кэтрин Харрис Брэдли и её племянницы Эдит Эммы Купер, совместно опубликовавших в конце XIX в. 8 поэтических сборников и 27 пьес. Кэтрин Брэдли родилась в богатой семье табачного промышленника 1846 г., получила образование в колледже де Франс и в женском колледже Ньюэм, Кембридж, была хорошо образована в литературе и искусстве и достаточно финансово независима. По этой причине Кэтрин начала заботится о своей больной старшей сестре Эмме, а затем взяла на себя ответственность за

дочь Эммы — Эдит, родившейся в 1862 г. Эдит также интересовалась литературой, сочиняла стихи и переводила Вергилия в подростковом возрасте. Несмотря на разницу в возрасте (16 лет), две женщины были связаны друг с другом общими интересами.

В конце 1870-х годов, к тому времени, когда они вместе стали посещать занятия в университетском колледже в Бристоле, отношения Купер и Брэдли превратились в глубокую романтическую связь. После публикации своей первой крупной стихотворной драмы «Каллироя: прекрасная Розамунда» (1884), Филд как автор получил признание в викторианских литературных кругах. Большая часть стихотворений Филда в таких сборниках как «Давным-давно» (1889) и «Взгляд и песня» (1892) довольно откровенно затрагивают женскую сексуальность и эротическую любовь между женщинами. В 1907 г. обе женщины приняли католичество, хотя до этого их творчество находилось под влиянием классической и ренессансной культуры и их языческих аспектов. Эдит умерла от рака в 1913 г., а через девять месяцев в 1914 г. скончалась и Кэтрин Брэдли.

Элис Мейнелл (1847–1922)

Элис Мейнелл (Alice Meynell), английская эссеистка и поэтесса, родилась в семье образованных родителей, Томаса и Кристианы Томпсон (её отец был другом Чарльза Диккенса). Элис и её сестра, художница, провели свое богемное детство частично во Франции и Швейцарии, частично в Италии. В 1875 г. Мейнелл опубликовала свою первую книгу стихов — «Прелюдии» — ещё под своей девичьей фамилией — Томпсон. Сборник был иллюстрирован её сестрой Элизабет.

В 1870-х годах Эллис приняла католичество, что привело её к издателю и редактору католической газеты Уилфриду Мейнелу (1852–1948). В 1877 г. она вышла замуж за Мейнелла, и они поселились в Кенсингтоне, став собственниками и редакторами различных журналов. Эллис продолжала писать стихи, издала новые сборники: «Стихотворения» (1893), «Последние стихи» (1902). «Посмертные стихотворения» вышли в свет в 1923 г. Она родила и воспитала семерых детей, боролась за избирательные права женщин, а также выступала против угнетения в британских колониях. Во многих её стихотворениях отражены феминистские проблемы того времени. После

серии болезней, включая мигрень и депрессию, Мейнелл умерла 27 ноября 1922 г. Ее похоронили на католическом кладбище в Лондоне.

Мэри Элизабет Кольридж (1861–1907)

Мэри Элизабет Кольридж (Mary Elizabeth Coleridge), английская романистка и поэтесса, родилась в семье Артура Дюка Кольриджа, который вместе с певицей Дженни Линд отвечал за формирование лондонского баховского хора в 1875 г. Мэри выросла в литературной и художественной среде, будучи внучатой племянницей поэта-романтика Сэмюэля Тейлора Кольриджа. Среди других друзей семьи были Роберт Браунинг, Альфред Теннисон, Энтони Троллоп и Джон Рёскин. Мэри Кольридж была хорошо известна в свое время как писательница и эссеистка, и едва ли вообще как поэтесса; теперь она более известна своей поэзией.

Мэри рано начала читать, а в тринадцать лет написала свое первое стихотворение. Она каждый год ездила на Континент, и в девятнадцать лет уже знала немецкий, французский, итальянский языки и иврит; позже она изучила древнегреческий и латынь. Мэри Кольридж в течение двенадцати лет с 1895 по 1907 г. пре-

подавала в Лондонском женском колледже. Её первая книга стихотворений — «Причудливый последователь» — была опубликована в частном порядке тиражом в 125 экземпляров в 1896 г. под псевдонимом «Анодос». Мэри Кольридж опубликовала пять романов, издавала рассказы и критические эссе. Самым известным её романом был «Король с двумя лицами», издание которого в 1897 г. принесло ей 900 фунтов стерлингов. Она никогда не была замужем и прожила с родителями всю свою жизнь. Мэри Кольридж умерла в 1907 г., оставив незавершенную рукопись своего следующего романа и сотни неопубликованных стихотворений.

Оскар Уайльд (1854–1900)

Оскар Фингал О'Флаэрти Уиллз Уайльд (Oscar Fingall O'Flahertie Wills Wilde), гениально остроумный ирландец и писатель-эстет, родился б октября 1854 г. в семье дублинского врача-офтальмолога с мировым именем. Он играючи учился в колледже Святой Троицы в Дублине, а затем в Оксфорде, отличаясь страстью к знаниям, остроумием, эксцентричностью одежды, вкуса и поведения. На Уайльда повлияло эстетическое направление «искусство ради искусства» англий-

ских критиков и искусствоведов Уолтера Патера и Джона Рёскина. В 1881 г. он издал сборник стихотворений, эстетских и импрессионистических, а затем «Стихотворения, не вошедшие в сборники, 1887–1893». В 1884 г. Уайльд женился на Констанции Ллойд, от которой имел двух сыновей: Сирила и Вивьена.

Свою писательскую деятельность он начал как критик и эссеист, позже появились его прекрасные сказки («Счастливый принц» и др.), а в 1890 г. Уайльд написал свой знаменитый роман «Портрет Дориана Грея». Но его творческий гений выражается более всего в его пьесах: «Веер Леди Уиндермир» (1892), «Женщина, не стоящая внимания» (1893), «Идеальный муж» (1895) и в его шедевре «Как важно быть серьёзным» (1895). В 1891 г. Уайльд стал близким другом и любовником лорда Альфреда Дугласа, но маркиз Квинсбёрри, отец Дугласа, обвинил Уайльда в гомосексуальных домогательствах к своему сыну. Писатель был признан виновным и приговорен к двум годам исправительных работ. Освобожденный в 1897 г., он жил во Франции до своей смерти, которую приблизили его плохое здоровье и полное банкротство. «Хотите узнать великую драму моей жизни? — говорит Уайльд. — В мою

жизнь я вложил весь свой гений; в мои произведения — только талант». Умер Уайльд в Париже 30 ноября 1900 г.

Альфред Дуглас (1870–1945)

Лорд Альфред Дуглас (Alfred Douglas), аристократ, поэт, капризный красавец, известный в жизни Уайльда как Бози, родился 22 октября 1870 г. и был третьим сыном Джона Шолто Дугласа, 9-го маркиза Куинсбёрри. После детства Альфред поступил сначала в школу Уинчестера, а после в колледж Св. Магдалены, Оксфорд. Летом 1891 г. он познакомился с Оскаром Уайльдом, а немного позже они стали любовниками. Большинство ранних стихотворений Дугласа были написаны между 1893 и 1896 гг. и появилась в литературных журналах «Спирит Лэмп», который он редактировал, и «Хамелеон». Некоторые из этих стихотворений появились во французском издании поэзии Дугласа в 1896 г. и были переизданы только в сборниках «Сонеты» и «Лирика» (1935).

В 1895 г. отец Дугласа обвинил Оскара Уайльда в гомосексуализме, а Уайльд (по наущению Бози) предъявил ему, в свою очередь, иск за клевету. Однако, как известно, суд признал виновным

Уайльда. После смерти Оскара Уайльда о лорде Альфреде Дугласе все говорили с презрением, как о любовнике и музе великого писателя-эстета, журналы не печатали его поэзию. Дуглас отказался от гомосексуализма, женился в 1902 г. на Оливии Кастанс, и у них родился сын Рэймонд. В 1911 г. Альфред обратился в католицизм, а через два года расстался с женой. Последние годы своей жизни Альфред прожил спокойно на средства, предоставленные ему его матерью и женой. Но, несмотря на некрасивые поступки Дугласа по отношению к памяти Уайльда, Бернард Шоу всё же был его другом и считал Альфреда непревзойденным человеком современности и гениальным поэтом. Дуглас умер 20 марта 1945 г. после сердечного приступа.

Эрнест Даусон (1867–1900)

Эрнест Кристофер Даусон (Ernest Christopher Dowson), один из самых одаренных поэтов декадентов, а также автор разнообразной прозы, родился 2 августа 1867 г. в юго-восточном лондонском районе Ли в довольно комфортных условиях. Его родители владели сухим доком в Лаймхаусе. В 1886 г. Даусон поступил в Королевский колледж в Оксфорде, но в 1888 г. покинул его

без получения степени, чтобы шесть лет проработать в доке своего отца. Даусон стал активным членом «Клуба Рифмачей», группы авторов, в которую вошли также Уильям Батлер Йейтс и Артур Саймоне. Позже издал три поэтических сборника.

Даусон сотрудничал с Артуром Муром над двумя неудачными романами, сочинил свой роман — «Мадам де Виоле», писал рецензии для журнала «Критик». В 1891 г. он познакомился девушкой, которая вдохновила его лучшую поэзию — Аделаидой Фолтинович, чьи родители содержали скромный ресторан в лондонском районе Сохо. Аделаиде была тогда всего 12 лет, и Даусону было отказано. Последние два года, после смерти отца и матери, Даусон жил во Франции, поддерживая себя переводами французских авторов и постепенно спиваясь. В Париже, убогого, больного и без гроша кармане Даусона нашёл его друг Р. Х. Шерард, который перевёз его обратно в Лондон в свой дом, где 23 февраля 1900 г. Даусон и умер.

Томас Гарди (1840–1928)

Томас Гарди или Харди (Thomas Hardy) родился 2 июня в семье каменщика и строительного подрядчика в местечке Стинсфорд графства Дор-

сет. После формального образования, которое закончилось в 16 лет, юношу отдали в обучение к местному архитектору. Став профессиональным зодчим, Гарди в течение долгого времени колебался в выборе профессии. Десять лет он занимался реставрацией древних церквей, получая призы от *Королевского Общества архитекторов.* В 1862 г. Гарди уехал в Лондон, где начал писать стихи, в которых идеализировал сельскую жизнь. В 1874 г., после женитьбы на Эмме Лавинии Гиффорд, он начал сочинять романы. Его «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» (1891) и «Джуд Незаметный» (1895) — самые известные и читаемые произведения во всём мире. Но вскоре Гарди перестал писать прозу, и почти в 60-летнем возрасте полностью отдал себя поэзии, издав несколько стихотворных сборников. Его главный труд — поэма «Династы» (1903–1908), написанная белым стихом, охватывает период наполеоновских войн.

Первый брак Гарди на Эмме Гиффорд доставил ему одни огорчения, хотя все его лучшие романы написаны во время их совместной жизни, а лучший цикл его стихов, созданный в 1912–1913 гг. после смерти жены, посвящен этой трудной любви. Но через два года он женился во второй раз

на своей секретарше Эмилии Дугдал. Под конец жизни Томас Гарди заболел плевритом; он умер в Дорчестере, графство Дорсет, 11 января 1928 г. Его пепел торжественно захоронили в Уголке Поэтов в Вестминстерском аббатстве. А сердце его похоронили на родине, в Стинсфорде, вместе с его первой женой Эммой.

Редьярд Киплинг (1865–1936)

Джозеф Редьярд Киплинг (Joseph Rudyard Kipling), английский поэт, прозаик и новеллист, родился 30 декабря 1865 г в Бомбее в семье Джона Киплинга, ректора и профессора Бомбейской школы искусств, и Алисы Киплинг. В возрасте б-ти лет Редьярд был отправлен учиться в Англию. Окончив Девонское училище, где сыновья офицеров готовились к поступлению в престижные военные академии, Киплинг далее учиться не стал, но, проявив литературные способности, начал работать в редакции газеты. В октябре 1882 г., прожив в Англии 11 лет, Киплинг возвращается в Индию. С этого времени он регулярно пишет рассказы и стихотворения.

Вскоре Киплинг женится на Каролине Бейлстир. Молодые люди переехали в США в штат Вермонт, где у них родились две дочери, а за-

тем вернулись в Англию, где Киплингу вскоре удалось восстановить прежние позиции в литературном мире. В 1899 г., когда вся семья заболела воспалением легких, Джозефин, старшая дочь Киплинга, умерла от этой болезни. В 1902 г. Киплинг поселяется в собственном доме в графстве Суссекс, проживая там до самой смерти. В 1907 г. он получает Нобелевскую премию по литературе «за наблюдательность, яркую фантазию, зрелость идей и выдающийся талант повествователя». К этому времени Киплинг написал тринадцать томов рассказов, четыре романа, три книги рассказов для детей, несколько сборников путевых заметок, очерков, газетных статей и сотни стихотворений. Во время первой мировой войны у Киплинга погиб сын. Творческие возможности Киплинга снизились, и в 1936 г. писатель скончался в Лондоне от кишечного кровотечения. Киплинг был похоронен в Уголке поэтов в Вестминстерском аббатстве.

Сэр Артур Конан Дойл (1859–1930)

Сэр Артур Игнатиус Конан Дойл *(Sir Arthur Ignatius Conan Doyle)* родился в Эдинбурге, Шотландия, будучи старшим сыном в семье ирландских католиков. Его отец, художник и

государственный служащий, с трудом поддерживал семью на плаву. Дойл получил образование у иезуитов, затем в школе и колледже. Несмотря на гуманитарные склонности семьи, Конан Дойл решил стать врачом и поступил в медицинскую школу при Эдинбургском университете. В 1881 г. Дойл основал медицинскую практику, однако не смог привлечь достаточное количество пациентов. В 1885 г. он женился на молодой женщине Луизе Хокинс, сестре одного из своих пациентов. Её состояние обеспечило Дойлу финансовую безопасность, позволив ему отдавать больше времени литературному творчеству.

Имя Артура Конан Дойла стало синонимом классического детектива и фантастики. Дойл является создателем двух из самых любимых и широко признанных вымышленных персонажей современной литературы: блестящего детектива Шерлока Холмса и его верного друга и помощника доктора Джона Ватсона. Будучи плодовитым писателем, он также публиковал многочисленные романы в самых разных жанрах, а также ряд пьес, поэтических сборников, духовных трактатов, политических брошюр, историй и других произведений научной литературы.

В 1902 г. писатель был посвящен в рыцари за

исторический рассказ «Великая бурская война» (1900), а также за брошюру, в которой он защищал действия Британии в Бурской войне. У Дойла было двое детей от первой жены, которая умерла от туберкулеза в 1906 г. В следующем году он женился на своей давней подруге Джин Лекки, от которой у него родилось трое детей. В последние годы Конан Дойл активно занимался спиритизмом, много путешествовал по странам Азии и Африки. Он умер от сердечного приступа дома в Сассексе, Англия, 7 июля 1930 г., в окружении своей семьи. Его последние слова были адресованы его жене. Он прошептал: «Ты прекрасна».

Фрэнсис Уильям Бурдийон (1852–1921)

Фрэнсис Уильям Бурдийон (Francis William Bourdillon), старший сын преподобного Фрэнсиса Бурдийона, родился 22 марта в Ранкорне, графство Чешир. Закончил Вустерский колледж, затем получил образование в Оксфорде, получив степень магистра в 1882 г. Стал затем наставником принца и принцессы Шлезвиг-Гольштейн в Камберленд Лодж. С 1878 по 1921 г. Бурдийон опубликовал 13 поэтических сборников, такие как «Среди цветов и другие стихотворения» (1878), «Minuscula: лирика о природе, искусстве

и любви» (1897), «Прелюдии и романсы» (1908) и др.

Бурдийон был женат на Агнес Смит, они жили в Баддингтоне, недалеко от Мидхерста, имея троих детей. В 1896 г. Бурдийон опубликовал роман «Нефеле». Он также занимался научным редактированием старо-французской поэзии и хроник. Перевёл и издал в 1887 г. французский рыцарский роман первой половины XIII в. «Окассен и Николетта». В 1906 г. Библиографическое общество опубликовало его исследование «Ранние издания "Романа Розы"».

Альфред Хаусмен (1859–1936)

Альфред Эдвард Хаусмен (Alfred Edward Housman) родился 26 марта 1859 г. в Фокбэри, графство Уорсетшир, и был старшим из семи детей в семье адвоката. После окончания школы короля Эдуарда Хаусмен в 1877 г. выиграл стипендию в колледж Сен-Джонс в Кембридже, где получил прекрасное классическое образование. В университете Хаусмен подружился со спортсменом Мозесом Джексоном, своим соседом по комнате. Будучи гомосексуальным, Хаусмен влюбился в Мозеса, но тот отверг его, так как имел обычную сексуальную ориентацию. После

получения классического образования, Хаусмен в течение десяти лет работал старшим клерком в Патентном Бюро. Через некоторое время Хаусмен стал преподавателем, а затем с 1892 г. профессором латыни. Авторитет его как латиниста растёт, и он в 1911 г. получает должность профессора латыни в Тринити-Колледже, Кембридж. Последние годы занимался римским автором Манилием, переводя и комментируя его «Астрономию».

Жизнь Хаусмен вёл скромную, но часто выезжал во Францию и Италию. В 1896 г. он издал первую книгу своих оригинальных стихотворений, но это издание — «Шропширский парень» — известно всем, кто читает современную английскую поэзию. Однако Хаусмен считал свою поэтическую деятельность второстепенной, издав только в 1922 г. второй сборник — «Последние стихотворения». Умер он в 1936 г. в Кембридже. После смерти Хаусмена его брат Лоренс издал ещё два сборника его поэзии.

Уильям Батлер Йейтс (1865–1939)

Уильям Батлер Йейтс (William Butler Yeats) родился в предместье Дублина 13 июня 1865 г. Его отец, Джон Батлер Йейтс, был известным художником, членом Королевской Ирландской

академии. Мать — дочь купца из портового города Слайго, что на западном побережье Ирландии. В 1868 г. Йейтсы переехали в Лондон, где юный Уильям посещал школу «Годолфи». Вернувшись в Ирландию в 1880 г., он продолжил обучение сначала в художественной школе, а затем в художественном училище. В 1887 г. Йейтс начинает печататься в ирландских журналах, а переехав в Лондон, приступает к работе над составлением сборника ирландских народных сказок, опубликованного в следующем году, и над первым стихотворным сборником (1889). В том году Йейтс встретился с Мод Гонн, молодой девушкой, которая восхищалась его поэзией и участвовала в ирландском национально-освободительном движении. Четыре раза он делал предложения Мод, но всё время получал отказ.

Йейтс был знаком со многими английскими литераторами, а в 1890 г. вместе с Эрнестом Рисом он создал «Клуб Рифмачей», члены которого писали стихи и издавали поэтические сборники. В 1917 г. Йейтс сделал предложение дочери Мод Гонн, Изельте, то получив отказ, женился на англичанке Джорджии Хайд-Лис, разделявшей его интерес к оккультизму и подарившей ему двух детей, девочку и мальчика. В 1922 г. Йейтс

стал сенатором Ирландии, а в следующем году он получил Нобелевскую премию по литературе. Несмотря на возраст и нездоровье, в 1935 г. редактировал знаменитую Оксфордскую антологию современной поэзии. За всю свою жизнь Йейтс выпустил в свет несколько поэтических сборников, писал прозу, эссе, пьесы, издал книгу «Видения», связанную с оккультизмом. Умер Уильям Батлер Йейтс во Французской Ривьере 28 января 1939 г.

Ричард Миддлтон (1882–1911)

Ричард Бэрэм Миддлтон (Richard Barham Middleton), поэт, эссеист и автор рассказов, родился в Стейнсе, Миддлсекс, будучи единственным сыном инженера Томаса Миддлтона и Изабеллы Анны Китинг. Академическая карьера Ричарда включала в себя год обучения в Лондонском университете и сдачу экзаменов по математике, физике и английскому языку в Оксфорде и Кембридже. Несмотря на его пожизненный интерес к литературе, Миддлтон не стремился получить университетскую стипендию и в 1901 г. начал работать клерком в крупной страховой компании *Royal Exchange Assurance Corporation.* В эти годы он публиковал рассказы и очерки в различных

периодических изданиях.

В 1907 г. Миддлтон оставил свою должность, намереваясь зарабатывать себе на жизнь писательством. Последние девять месяцев своей жизни он провел в Брюсселе. Там, в декабре 1911 г., он покончил жизнь самоубийством, отравив себя хлороформом, который прописали ему как средство от депрессии. При жизни Миддлтон не издал ни одной книги, только несколько статей в периодических изданиях. Но после его смерти Генри Сэвидж собрал вместе как все рукописи Ричарда, так и ранее опубликованные его рассказы (в том числе знаменитый «Корабль-призрак»), стихи и песни.

Альфред Нойес (1880–1958)

Альфред Нойес (Alfred Noyes) родился в городке Вулверхэмптон, и, видимо, горы Уэльса вдохновили его на поэтическое творчество. Сын преподавателя латыни и греческого, он учился сначала в школе, а затем в Эксетер-колледже (Оксфорд), но не закончил его. Первое собрание стихотворений Нойеса — «Ткацкий станок годов» — вышло в свет в 1902 г. Затем появились другие его поэтические сборники и романтические поэмы: «Разбойник», «Шарманка», «Селезень». В 1907 г. Нойес женился

на Гарнетт Дэниэлс, от которой у него было трое детей. В 1914 г. Нойес начал преподавать английскую литературу в Принстоне.

После смерти первой жены в 1926 г. он принял католичество и вновь женился на Мэри Анджеле Вельд-Бланделл. В 1920-х годах Нойес сочинил стихотворную трилогию «Несущие факел», в которой показаны научные достижения человека в их связи с христианством. В 1929 г. семья переехала на остров Уайт, где Нойес продолжал писать эссе и стихотворения, которые составили сборник «Сад в заливе» (1939). Во время Второй Мировой войны он жил в США и Канаде, а в 1949 г. возвратился в Англию. Нойес — литературный консерватор, придерживающийся традиционных поэтических стилей. Его поэмы и стихи романтичны, цветисты и немного сентиментальны. В 1949 г. Нойез начал слепнуть и диктовал все свои последующие работы. 25 июня 1958 г. Альфред Нойес умер на острове Уайт, и был похоронен на католическом кладбище во Фрешуотере.

Александр Лукьянов

Александр Лукьянов, писатель, поэт-переводчик. Автор психологических биографий о Пушкине и Есенине. Работает над переводами

английских поэтов, в основном, ранее не звучавших на русском языке. Многое из переведённого опубликовано в различных изданиях:

— Оскар Уайльд. Стихи. М.: Радуга, 2004 г.;

— Спенсер, Эдмунд. Сонеты, песни, гимны о Любви и Красоте. М.: СПСЛ, Русская панорама, 2011;

— Оскар Уайльд. Стихи. СПб.: ТИД Амфора; М.: ИД Комсомольская правда, 2012;

— Геррик, Роберт. Гесперид. М.: SPSL-Русская панорама, 2013;

— Рочестер, Джон Уилмот, граф. Стихотворения. Письма. М.: СПСЛ, Русская панорама, 2014;

— Нойес, Альфред. Разбойник (романтическая баллада). М.: Машины творения, 2015. ил. Чарльза Кипинга;

— Госс Э., Уайльд О., Дуглас А. Град души: Избранные стихотворения. М.: Водолей, 2016;

— Вордсворт, Уильям. Прелюдия, или Становление сознания поэта (1805). Серия «Литературные памятники». М.: НИЦ «Ладомир», 2017;

— Противоречивая любовь. Английская поэзия эпохи Тюдоров и Стюартов. М.: Водолей, 2017;

— Теннисон, Альфред. Леди из Шалота (баллада). М.: Машины творения, 2018. Ил. Чарльза Кипинга;

— Эдмунд Спенсер. Малые поэмы. М.: Водолей, 2018;

— Джулия Дональдсон. Волшебная кисточка. Серия «Машинки творения». М.: Машины творения, 2018.